

Николай Тимченко

**Загадочное
давным-давно**

доисторический роман

Красноярск 2024

ББК 84 (2Рос=Рус)

Т 41

Редактор: Ольга Гуляева
Художник: Виталий Забара
Вёрстка: Виталий Овчаренко

Рисунки на обложках:
«Охота на степного зубра», «Зоуро в его шестнадцать зим»

Тимченко Николай

Т 41 Загадочное давным-давно (доисторический роман) : в двух томах / Н. Н. Тимченко. – Красноярск : «Литера-принт», 2024. – 456 с.

За сорок три тысячелетия до нашей эры на Алтае сошлись три ветви человечества: кроманьонцы, денисовцы, неандертальцы. Этот факт и служит основанием для мысленного проникновения в ту далёкую эпоху. Первый том, «Зоуро – человек денисовский», посвящён жизни одного поколения денисовцев на Алтае. Повествование начинается в пору детства главного героя и его друзей. Заканчивается намерением племени покинуть обжитые места и отправиться в странствие по неизведанным просторам вслед за кочующими стадами животных.

Второй том, «Берингийский поход», знакомит читателей с трудностями перехода от Алтая до Южной Америки. Здесь отражена жизнь потомков денисовцев-алтайцев на различных стоянках. Среди длительных пристанищ мигрирующего племени есть Афонтова гора (на территории современного Красноярска), Усть-Кова (на Ангаре, ныне затоплена водами рукотворного моря – водохранилища Богучанской ГЭС), Эжанцы (на Алдане).

12+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ

ISBN

© Тимченко Н. Н., 2024

Том I

ЗОУРО – НОМО

DENISOVENSIS

ПРЕДИСЛОВИЕ

О, как давно это было! Листва и даже деревья отживали свой век, падали и, перегнивая, превращались в почву. Даже пыль, попадающая в пещеры, успела превратиться в толстый слой почвы. Но, на наше счастье, не всё успело стать прахом. И археологи, скрупулёзно вскрывая землю слой за слоем, по крупницам собирают дошедшие до наших дней отголоски далёких эпох. Где-то сохранились останки скелетов, иногда учёные находят отдельные кости черепа, а порой раскопки можно считать удачными, если обнаружили единственный зуб или фалангу пальца древнего человека.

Благодаря кропотливым трудам целых коллективов, шаг за шагом, год за годом коллекции находок пополняются, систематизируются, изучаются учёными различных направлений. Одни устанавливают возраст находок, а другие, как дотошные криминалисты, из костных тканей, чудом сохранившихся, выделяют ДНК. Кто-то воссоздаёт облик обладателя заветной косточки или пытается подвести научную основу под гипотезу, пока ещё спорную, но становящуюся неоспоримой.

Перенесёмся же из быстротечных и насыщенных событиями дней нашего техногенного мира в то далёкое прошлое, когда ручной обработке поддавались только глина, дерево и камень. От изделий из дерева и глины следов почти не осталось, но они служили жителям каменного века верой и правдой. Да и век ли он? В привычном нам понимании век – это всего лишь столетие. А каменный век затянулся на... миллионы лет!

Следы деятельности самых отдалённых от нас эректусов найдены на рубеже двух миллионов лет. Эректус – это человек прямоходящий. Заметьте, что именно человек, а не обезьяна. Приро-

да не спешила преобразовывать древних предков человечества. И всё-таки они медленно, но неоспоримо эволюционировали и внешне, и интеллектуально. За миллионы лет эволюции человек очень преобразился.

Нет единого мнения о том, когда возникла речь. Но не оспаривается тот факт, что в описываемый в повествовании период люди могли общаться словесно, дополняя речь жестами и мимикой. Пусть читателя не смущает богатство слов в языке людей каменного века. Все диалоги можно рассматривать авторским переводом с языка слов, жестов и мимики жителей той далёкой поры.

Период, отдалённый от нас на четыре с половиной десятка тысячелетий, примечателен ещё и тем, что в горах Алтая – практически в одном месте и в одно время – сошлись три ветви человечества. Кроманьонцы, прямыми потомками которых все мы являемся, не только выжили, но и заселили всю планету. Неандертальцев и денисовцев постигла участь вымирания. Но они не ушли бесследно – небольшая доля их ДНК есть в каждом из нас.

Люди рождались, взрослели, набирались знаний и опыта. Во многом наши далёкие предки походили на нас. Чему-то, независимо от возраста, те люди бурно радовались или просто улыбались. Если род настигала беда, они горевали. Находились у них поводы и для мимолётной грусти. Но жизнь была бы невыносима без радости. И поводы для проявления приятных чувств находились в их повседневной жизни.

Как и у наших современников, у людей древнего мира не обошлось без человеческих пороков. Так же могли быть трусы, предатели, карьеристы... Людей, наделённых этими качествами, соплеменники ненавидели даже тогда, когда опасались попасть под их увесистый кулак. Ценились люди не просто за силу, а за силу, соединённую с отвагой, умением своевременно найти правильное решение, за способность предвидеть ход событий.

Всякий мыслящий человек пытается заглянуть в будущее. Что-то планируется, о чём-то мечтается, а чего-то пытается избежать. И те архаичные люди не были исключением. Они, как и мы, тоже не могли жить без мечты, хотя воображение не уводило их так далеко, как современных мечтателей.

Сегодня, когда есть государства с их границами, большинство людей живёт по законам, но кто-то – по понятиям. Древние же люди, независимо от принадлежности к ветви человечества, жили и взаимодействовали согласно традициям, сформировавшимся десятками или даже сотнями предшествовавших поколений, устоявшимся нравам.

Нет ни письменных источников, ни устных преданий о нравах и интересах жителей тех времён. Но, как знать, быть может, всё было именно так, как отражено в этом повествовании!

I. ОТЧИЙ ДОМ

Да, она была домом для многих поколений. Родившимся в ней малышам сразу имён не давали. До поры всех мальчиков называли словом «мон», а девочек – «мин». Позже, когда ребёнок в чём-то проявлял себя, ему давали имя. У некоторых это происходило по достижении четырёх, а кто-то без имени доживал до семи и даже до восьми зим.

Зоуло и его друзья обзавелись именами рано. Зоуло – то есть «любопытный» или «почемучка», как теперь называют большинство малышей. Он оправдывал своё имя и взрослея, оставаясь при этом заводилой мальчишеских дел, предводителем сверстников. И они не просто прислушивались к своему знающему вожаку, а доверяли ему практически во всех начинаниях, шли с ним даже тогда, когда становилось страшно.

Туно – имя, означающее «бесшабашность», «склонность к неоправданным рискам», стало повседневным обозначением одного из ближайших друзей вожака мальчишек. Будто в подтверждение имени, Туно продолжал вести себя так, что за ним постоянно требовался «глаз да глаз», чтобы и подростком он не совершил что-нибудь непоправимое. Главное, что он привык к одёргиваниям и не обижался за это на осторожных друзей.

И Саво был не таким, как все. Ко всем его характеристикам, он не выглядел простоватым мальчиком. Его хитрости, изворотливости и умения предугадать ситуацию хватало бы на троих. Нет, мальчишка не блистал искромётным умом, не был семи пядей во

лбу, не обладал феноменальной памятью – но он был очень хитёр. Потому-то и звался Саво, то есть «лис». Как и Туно, он был старше Зоуло на одну зиму.

Тавк – представитель неразлучной троицы, ни на шаг не отстающий от этих дружков. Не только ходил, но и делал он всё необыкновенно быстро. Уже через три зимы от рождения он получил имя за свою неугомонность. Окружающие удивлялись, откуда мальчишка черпает энергию, которой с лихвой хватило бы на двоих или более. Он единственный в компании был старше вожака на две зимы.

Единственная девочка, которую приняли мальчишки в свою компанию, получила имя Сонх благодаря общению с дружным мальчишеским квартетом. Тихая и неразговорчивая, она попросила не прогонять её, разрешить быть рядом. Девочка пообещала не мешать в мальчишеских играх. Своё желание быть с ними она объяснила страхом уходить в одиночку далеко от жилища. Несколько раз прогнав Сонх, мальчишки смирились с присутствием тихой и незаметной девчонки-попутчицы. Она сопровождала неразлучных друзей везде, как бы далеко ни уводила их тяга к познанию мира. Попутчица же везде находила время для сбора цветов и трав. Этому бесполезному занятию долго никто из детей и взрослых не придавал значения, но через семь зим от рождения она стала Сонх – «травницей».

Несмотря на то, что он был единственным ребёнком, который получил имя при рождении, этот мальчишка рос незаметным. Родился он богатырём и на несколько дней раньше Зоуло, но немного позже, чем Сонх. Если бы у пещерников того времени были весы, он весил бы около семи килограммов. Большеголовый, как все дети племени, малыш-богатырь рождался в муках. Либо при прохождении материнского таза, или «благодаря» усилиям повитухи, принимающей роды, он родился уродцем. Его череп оказался деформирован так, что на правой стороне ухо, глаз и часть рта оказались выше, чем на левой. Носик младенца повернут вправо. Оба глаза оказались выпученными, не моргающими. Самым ужасающим оказался звериный оскал, который не могли прикрыть детские губки.

Женщины хотели умертвить похожего на зверёныша младенца, но Бахро, вождь племени в тот период, сказал:

– Такой крепыш должен жить. Он страшный, но вырастет сильным охотником и воином, защитником жилья и соплеменников, нас с вами.

Немного подумав, добавил:

– Если не озлобится на весь мир и на нас в первую очередь.

Эти слова вождя соплеменники приняли за указание не нервировать мальчишку. Непроизвольно вождь дал имя малышу. Соплеменники оставили без внимания слово «крепыш», но ухватились за слово «страшный» – Пнихо. Дети сторонились его. Они боялись Пнихо, который казался им ужасным.

Имя «крепыш» – Булут – шестью зимами позже рождения Пнихо получил другой мальчик. В свои пять зим он рос крепким, несмотря на то что босиком, как и его сверстники, бродил по лужам, причём не по летним тёплым лужам, а по тем, которые появляются весной, когда тает снег. Булут был очень крепкого телосложения. К компании Зоуло он примкнул в шесть зим, когда предводителю было уже семь.

Поначалу в детских забавах, придуманных обычно Зоуло, принимала участие вся мелюзга – мон и мин. Игры тогда не выходили за пределы пещеры – древнего жилища племени, живущего одной большой семьёй. Удаляясь не дальше второго поворота своей пещеры, уходящей куда-то в глубь горы, дети играли в прятки, догонялки, устраивали кучу-малу... Их не восхищали и не удивляли какие-либо особенности жилища. Они воспринимали существующее как само собой разумеющееся, не требующее объяснений. Но уже тогда нашлись и те, кто значительно отличались от своих доброжелательных сверстников.

Молх в переводе на современный русский означало «вредный». Он на одну зиму моложе, чем Тавк. Если дети играли, то ему обязательно хотелось привнести в игру разлад, навязать свои правила игры, иногда даже не безопасные. Но это не означает, что недовольный игрой мальчишка был инициативным. Как только игроки теряли интерес к игре, он не мог предложить альтернативное развлечение. Неудивительно, что когда подрос

Кукто, который младше его на две зимы, Молх попал под его влияние.

В природе Кукто звался тигр. Мальчик рос непомерно жестоким, как тигр, не щадящий свою жертву. Уступая в силе более старшим, он набрасывался на обидчика с тем, что попадало под руку. Бил этот мальчишка без намёка на опасение, что может покалечить своего противника. Даже тогда, когда нарывался на более сильного мальчишку, он не выходил из драки. В таких случаях ему приходилось уползать с поля сражения.

Сулух, то есть «злой», носил волчье имя. Люди заметили, что волк, даже тяжело раненный, огрызается, скалит зубы, в злобе может наброситься на охотника. Это бывает и тогда, когда сам истекает кровью, доживает последние мгновения. Он был слабее Зоуло, хоть был ему ровесником. Необщительный, он злился на других даже за то, что им весело, когда ему грустно, что они вместе, а он одинок. Кукто не обошёл нелюдимого своим вниманием, решил подчинить себе. Видя, что младший мальчишка пытается им верховодить, Сулух долго противился этому.

– Снова волчонок с тигрёнком выясняют, кто сильнее, – говорили взрослые и принимались растаскивать дерущихся в разные концы жилого грота пещеры.

Тигр стал вожаком троицы. И все они всячески пытались навредить компании Зоуло. Получая по заслугам, не оставляли мысли поквитаться с кем-нибудь, когда те окажутся порознь. И так повторялось раз за разом. Подходы к Пнихо искали недолго. Мальчишка знал о скверности характеров всех троих, но был рад, что хоть кто-то хочет дружить с ним. И всё-таки, несмотря на сближение с Кукто, страшный мальчик больше симпатизировал компании Зоуло.

В первой же стычке группировок Пнихо не оправдал надежд на то, что он будет жестоким. Вместо того чтобы драться на стороне Кукто, он пытался растаскивать дерущихся. Его дружки, которым досталось от соперников, хотели побить миротворца. Мальчишки уже приступили к расправе, когда подоспевшие взрослые защитили убогого, разогнав драчунов. Они-то хорошо помнили наставление вождя относительно особенного мальчишки. Зоуло подошёл к оставленному дружками мальчику и сказал:

– Ты поступил здорово. Когда они вместе, все становятся жестокими злыднями и врединами. Ты, Пнихо, не такой, как они. Хороший! Жаль, что мы не можем взять тебя в свою компанию – Сонх боится тебя. Сегодня ты показал нам свою доброту, но одного раза для избавления от страха Сонх недостаточно. Уверен, что скоро её страхи пройдут, и тогда ты станешь нашим другом.

Кукто, увидев Зоуло около Пнихо, сообразил, что этого нового дружка надо не бить, а задабривать. Только так он постепенно примет правила «игры», которыми руководствуются они сами. О своём выводе предводитель поведал компаньонам, потребовав от них не настраивать новичка против себя.

Старшие же дети играли в свои игры. Стены жилища стесняли их действия, заставляли выходить за его пределы даже зимой.

II. ПЕЩЕРНЫЙ УЧИТЕЛЬ

Летом все жители зимнего пристанища покидали пещеру. Они кочевали за стадами шерстистых носорогов, маралов и других травоядных, которых неустанно сопровождали стаи волков и гиен и даже тигры. Все хищники стремились урвать из мигрирующего стада свой лакомый кусок – травоядную жертву неопытности или беспечности.

Для защиты от зноя и дождя, для кочующих, не участвующих в охоте, устанавливались несколько подобий переносных чумов. В них люди проживали не более недели. Когда стадо отдалялось, временные жилища переносились и обживались до следующего переселения. Чтобы защитить людей от хищников или завоевателей, вождь оставлял на стоянке нескольких воинов-охотников. Нападение родственных племён можно было исключить. Кроме людей снипс, как называли себя те, кого мы именуем денисовцами, в преследовании мигрирующего стада участвовали и люди пливс, по-современному – неандертальцы.

Но Сибирь – не тропики. Лето на Алтае – пора короткая. Большую часть года людям приходилось жить в пещере. В морозы, ради сохранения тепла, люди жертвовали частью дневного света, завешивая шкурами выход из жилища почти полностью. Но вме-

сте с дымом улетучивалась и часть тепла. Неудивительно, что в те времена люди отсчитывали годы, в отличие от нас, на зимы. Показывая на пальцах, человек говорил:

– Вот сколько мне зим!

Объясняли это они очень просто:

– Пережить лето, даже если оно сухое и жаркое, не трудно. А вот пережить зиму почти всегда проблематично. Летом, в случае неудачной охоты, можно забить живот травами, ягодами, съедобными кореньями или хвоей. Зимой мягкой съедобной лиственничной хвоей нет. Как нет ничего, что можно было собирать растущее летом. От холода и нерегулярного питания зимой чаще болеют и умирают. Что такое зимы, знают даже мин и мон, неоднократно испытывавшие их тяготы «на собственной шкуре».

Жилище и племенной очаг в нем – это спасение и от морозов, и от стай голодных хищников. Потому-то его защищали, если находились бездомные претенденты на родовую дом. За пару сотен тысячелетий пещера, приютившая теперь людей снипс, бывала домом и для людей пливс, но возвращалась хозяевами, предками нынешних владельцев. Зоуло и его друзья узнали об истории пещеры от Колса.

Ещё в детстве жители пещеры заметили, что мальчишка хорошо видит то, что другие на расстоянии не различают. Вот и получил он имя Колс, означающее «зоркий». И в преклонном возрасте, когда осталась дальность зоркость, но силы и изворотливость покинули пещерника, когда в нём отпала надобность на охоте, он словно впал в детство – играя, ненавязчиво учил мальчишек премудростям взрослой жизни. Дед, проживший тридцать семь зим, удивлял всех тем, что ему удаётся видеть где-то далеко-далеко. Ребятыня, не веря словам старика, бегала вдаль, чтобы убедиться в правдивости сказанного. Точнее, они бежали с желанием уличить старца в неточности увиденного им, но каждый раз убеждались, что в очередной раз это невозможно.

Ещё раньше, Зоуло не помнит, сколько зим ему тогда было, его компания впервые оказалась за пределами пещеры. Вероятно, это произошло в его три зимы. Всех тогда поразило невиданное – прижавшись к скале, возле неё сидел медведь. Детям было страш-

но, но они осторожно приблизились к огромному зверю. Сидя без движения, гигант не рычал, не отпугивал любопытную публику. Осмелев, ребянтя с опаской потрогала шерсть и огромные острые когти. До баловства дело не дошло. Уже тогда мальчишки знали, что медведь – зверь, уважаемый взрослыми.

Вернувшись в пещеру, они поделились впечатлениями со взрослыми. Колс рассказал тогда о рыре – медведе на языке людей снипс:

– Этот рыр сидит здесь ровно столько, сколько зим сейчас Туно и Саво. Люди нашей пещеры знают его давно. Я был мальчишкой чуть старше вас, когда рыра впервые увидели невдалеке от пещеры. Наверное, тогда он был совсем молодым, но вёл себя степенно. И до того дня наши люди преклонялись перед силой и покладистым характером этих лесных богатырей. Не делая лишних движений, вынесли из пещеры остатки от ужина, положили для рыра около скалы, там, где он сидит теперь. Кости какого животного, не помню. Да это и не главное. Рыр учуял съедобное и подошёл к подношению. Вскоре он привык к щедрости людей. Навещал нас, хоть и не был голодным.

– А что было потом? – поинтересовался Туно, когда старик прервал рассказ, чтобы собраться с мыслями.

– Потом он стал объектом нашего поклонения и покровителем племени. Приметили, что после «свиданий» с нашим рыром охотникам сопутствовала удача, а ему самому – богатый ужин. Ему стали подносить в качестве жертвоприношения охотников племени, когда кого-то из них приносили бездыханным. Храбреца усаживали спиной к скале с подогнутыми к подбородку коленями. Это стало традицией, которой удостоиваются только охотники и воины, лишившиеся жизни в бою с неприятелями или ушедшие в мир тьмы от боевых ран. Никто не смотрел, когда и как рыр поедает жертву. Но при этом зверь ни разу не напал на живого человека. И так было до последнего дня жизни нашего покровителя.

– Разве рыр сидит неживой? – поинтересовался кто-то из малышей.

– В тот вечер наш любимец не пришёл, а приполз к пещере. Наверное, он надеялся, что люди помогут ему. Но никто не отважился

приблизиться к великану даже на несколько шагов. Да и чем мы могли помочь ему, истекающему кровью. Когда рыр ушёл в мир тьмы, люди увидели следы драки до победного конца. Наверное, наш рыр победил ещё не старого и сильного тигра, но и сам пережил врага ненадолго. Все сожалели, что схватка произошла на склоне лет рыра. Иначе он вышел бы победителем и выжил. С мёртвого покровителя сняли шкуру, зашили её и набили сухим песком. Не менее тяжёлый, чем живой, рыр остаётся на месте при любом ветре. Ему так же приносят остатки еды и оставляют жертвоприношения. И так же, как при живом, никто не смотрит на поедание оставленного.

– А тех, кто уходит в мир тьмы от болезней, тоже приносят в жертву рыру? – спросил Тавк.

– Ему приносят только достойных – воинов и охотников. Остальных отдают птицам, поднимая на лабаз недалеко от пещеры. Бирк – главная из птиц, – был ответ старика Колса.

Бирк на языке современников – это беркут. Так Зоуло и его друзья узнали о традициях поклонения покровителю. Узнали и о расставании с теми, кто уходит в мир тьмы. Учитывая возраст рассказчика, получалось, что рыр жил около людей почти столько зим, сколько пальцев на руках и ногах рассказчика и на обеих руках одного из слушателей. После рассказа о рыре ещё три зимы люди поклонялись чучелу, приносящему удачу так же, как когда-то он живой покровительствовал им самим и убежищу.

Об этом событии помнили не только взрослые, но и дети. Под конец зимы стая голодных волков ночью напала на чучело рыра. Утром люди обнаружили волчьи следы и утопанный стаей снег, клочья растерзанной шкуры и песок, рассыпанный вокруг места «обитания» чучела. Попытаться собрать и сшить клочки шкуры оказалось невыполнимой задачей. Обнаружив невосполнимую утрату, люди будто осиротели. Племя лишилось покровителя. Плакали даже мужчины.

Наступила седьмая зима Зоуло, когда произошло открытие невероятного. Совершенно случайно люди узнали... Впрочем, обо всём по порядку.

Вечером, не предполагая, что ночью будет заморозок, каменную чашу с остатками воды не занесли в пещеру. Утром на дне чаши

обнаружили льдину. Подержав каменный сосуд около племенного пещерного костра, льдину небрежно вытряхнули. Но мальчишки не выбросили её за пределы пещеры, а принялись играть с ней. Зоуло вдруг заметил, что удерживающие льдину пальцы на той стороне, за льдиной, кажутся больше, чем есть на самом деле. Любознательный мальчишка стал смотреть сквозь прозрачный предмет на стены, лес около жилища и на других мальчишек. Что-то расплывалось, но кое-что удалось увидеть. Удивлению не было предела. Увиденное представало взору увеличенным.

Переходя с места на место, мальчишки оказались на уступе скалы при входе в пещеру. Приветливо светило предполуденное солнце. В лучах его можно было рассмотреть даже те подробности, которые в пещере были не видны. Тавк, в руках которого оказалась льдина, рассматривал волоски на своей ноге выше колена. Ситуация улучшалась ещё и тем, что за льдинкой на ноге оказалось светлое пятно. То приближая, то удаляя льдинку от ноги и от глаз, мальчишка вдруг взревел:

– Бон! Бон!

Мальчишки пытались понять, где Тавк видит огонь. Лишь вспомнив, что слово «бон» означает не только «огонь», а ещё и горячо, стали проверять эмоционально пережитое их другом Тавком. Выяснилось, что когда светлое пятнышко за льдинкой становилось меньше и ярче, начинало прижигать именно то место тела, где было это пятнышко. Может быть, игра с льдинкой очень быстро надоела бы и осталась без продолжения, если бы среди мальчишек не было любознательного Зоуло. Предводитель мальчишек продолжил испытания. Он направил яркую точку на кусочек лишайника, оказавшийся в пещере в начале зимы. К удивлению всех, полусухая пластинка сначала задымила, а потом вспыхнула.

Колс, наблюдающий за вознёй детворы издали, был поражён увиденным ещё больше, чем мальчишки. И они удивлялись, что холодный ситих – лёд – может породить бон. Весь жизненный опыт старца утверждал, что бон и пун – это противоположности. Там, куда приходит бон, бесследно исчезает пун – холод.

«Открытие мальчишек тем более ценно, что может иметь практическое применение», – размышлял старик. – «Ребянтня наигра-

лась и рассталась с игрушкой. Надо приберечь эту необычную льдинку. С другими-то кусками льда ничего подобного никогда не было. Приберечь и показать другим взрослым. Полагаю, что Бахро оценит открытие».

Охотники вернулись после захода солнца. Заинтриговав всех необычным явлением, Колс предложил задержаться утром, чтобы увидеть лично, как холодная льдинка рождает огонь. Утром Бахро был поражён увиденным не менее остальных. Ему и пришла в голову мысль, что, если бон умрёт, льдинкой можно возродить его даже зимой.

– Но лёд скоро растает, – возразила Куно, пожилая женщина, возраст которой приближался к тридцати зимам.

– Была бы чаша, делающая лёд необыкновенным, а найти воду и заморозить её – не проблема, – возразил вождь. – Даже согреть чашу теплом рук и дыхания, чтобы добыть и не повредить льдинку, мы сообща сможем. А это чудо из чудес заверните и закопайте в снег. Вдруг добыть бон придётся уже этой зимой.

Да, чаша, которая дном придавала льдинке выпуклость и делала её поверхность совершенно ровной – с другой стороны, становилась равноценной сокровищу. Другим способом то, что мы называем линзой, пещерники того времени изготовить не могли.

III. ПРИКЛЮЧЕНИЯ НАЧИНАЮТСЯ

Лишившись покровителя, с немалыми трудностями племя пережило остаток зимы и весенний период. И тем летом жители пещеры кочевали вслед за мигрирующими стадами. Как всегда, вслед за летом, изобилующим теплом и разнообразием еды, наступила плаксивая осенняя пора. Гулять на улице становилось всё менее комфортно. Вот в такую-то непогоду Зоуло организовывал сверстников на рискованные походы внутри пещеры. Со своими неразлучными друзьями он исследовал пещеру в крошечной темноте. Тогда предводитель перешёл рубеж в восемь зим.

К исследованиям своего жилища мальчишек подтолкнуло желание узнать, куда уходит дым, который при западном ветре почти не выходит в оставленное для него отверстие при входе. Просле-

довав путём, о длине которого мальчишки не имели представления, они дошли до разветвления. Один, более узкий, проход уходил куда-то дальше, прямо по пути следования. Другой – сразу же приводил в просторную галерею. Сначала исследователи пошли в ответвление, в котором чувствовалось слабое, едва ощутимое, дуновение, направленное куда-то вглубь подземелья.

Ориентируясь лишь по запахам каменных стен и свода да полусухого грунта под ногами, любознательная толпа продвигалась всё дальше и дальше. Исследователи пытались найти отверстие, через которое выходит дым. Они старались изучить повороты и запомнить места ещё двух ответвлений, чтобы, возвращаясь, не потеряться в этих лабиринтах. Запомнили, что, попадая в тупиковые ответвления, не имеющие выхода, они ощущали запахи сырости, застоявшегося воздуха и даже плесени.

Никакой видимости, но на обратном пути интуитивная ориентация в пространстве и обоняние давали надежду на безошибочное возвращение следопытов в обжитый грот. День исследований подходил к концу. Уже пора было подумать о возвращении и... вдруг на пути возникло препятствие. До того неширокий и низкий проход пошёл почти вертикально. Зоуло, опираясь о стенки руками и ногами, пролез расстояние в три собственных роста и очутился в просторном гроте. Глаза, давно привыкшие к темноте, ощутили едва заметный свет. Он достигал дальней стены грота, многократно отразившись от стен на поворотах ещё неизведанного участка прохода.

Дождались, когда Сонх, последняя из путешествующих по подземелью, преодолет подъём и окажется рядом. Зоуло обратил внимание друзей на еле заметный свет. Все устремились к нему – надежде на долгожданный выход. Поворот за поворотом приближали пещерных путешественников к концу пути, туда, где дым выходил из пещеры.

Каково же было разочарование, когда выяснилось, что выход из пещеры завален камнями. Промежутки между огромными валунами оказались забиты более мелкими осколками скалы. Отверстия в завале на выходе были достаточны для прохода дыма или какого-нибудь мелкого зверушки, но слишком малы, чтобы

в них можно было пролезть мальчишкам. Все понимали, что по улице, даже под дождём, идти было бы проще и быстрее. Пришлось возвращаться тем же путём, которым пришли.

Пока шли до крутого узкого спуска, глаза постепенно освоились с полной темнотой. Аккуратно спустившись, прошли все препятствия и оказались в жилище так поздно, что другие дети уже спали. Но и тогда ребятня не могла удержаться, чтобы не рассказать взрослым о результатах исследований. Выслушав детвору, Куно сказала тогда:

– Наверное, вы не первые, кто прошёл по этому дымоходу. Кто-то наверняка бывал у того заваленного выхода. Но этим путём невозможно пользоваться, поэтому про проход к нему все давно забыли.

И всё-таки детей распирала гордость за то, что благодаря именно им люди стоянки узнали о своей пещере чуточку больше. Это обстоятельство подталкивало, звало исследовать и другое продолжение пещеры. Оно временно было оставлено, когда повернули в задымлённый проход. Но почему-то было страшновато идти туда даже не в одиночку.

Зоуло пришла в голову мысль о том, чтобы, отправиться в неизведанное, освещая свой путь. Единственно возможным способом казался поход со светлячками. Их-то за пределами жилища, на траве, было предостаточно. Никто из готовящихся к походу вглубь пещеры не знал, будут ли они светить в пути, а если да, то как долго. То, что много позднее индейцы использовали светлячков для освещения помещения, как свечи, эти путешественники знать не могли.

Насобирав более десятка насекомых, дети разместили их на крупных листьях. Чаще плавные, а где-то и резкие повороты, подъёмы и спуски, обширные галереи и узкие, порой низкие проходы чередовали друг друга. По ним исследователи уходили всё дальше от обжитого грота. Казалось, что пещера бесконечна. Части пространства, являющиеся взорам в мягком свете, нередко заставляли съёживаться от страха. Казалось, что глыбы, свисающие со свода, в любой момент могут сорваться. Если даже они упадут мимо, то могут привести к обвалу и обрезать обратный путь.

Старались идти молча, громко не шлёпать босыми ногами по полу, местами каменному, но чаще – земляному. Казалось, что не только прикосновение к чему-нибудь, но и громкий звук тоже способен привести к обвалу. Но шло время, продвигалась людская цепочка, а огромные глыбы, наводившие страх, сменялись другими опасными участками.

Мальчишки и Сонх, ещё не знавшие участия в охоте, могли безошибочно определять зверя по запаху. Лёгкий, щекочущий ноздри, с привкусом пота и жира, запахок стал ощутим ещё до появления отблесков света. Зоуло припал носом к полу. Нет, здесь зверь никогда не был, не оставил следов. Запах распространялся откуда-то оттуда, куда шла любознательная детвора. Становилось всё неопровержимее, что впереди рыр.

«Если рыр не был здесь, то почему? Ему хватает места там и нет надобности идти сюда? Как рыр попал туда, если здесь он не проходил? Неужели дальше есть ещё один выход?» – терялся в догадках Зоуло.

Вопросы роились в головах, но дети продолжали продвижение к неизведанному.

– Наверное, дальше есть выход из пещеры, в него и входит рыр, – высказал Зоуло догадку вслух.

Ему предлагали прекратить продвижение, но мальчишка-предводитель оказался непоколебим в решении продвигаться именно вперёд. Он даже сказал, что желающие могут возвращаться хоть все, но его и это не остановит. Бесстрашный до бесшабашности Туно поддержал идею идти дальше. Остальные последовали примеру друзей. А вот и свет замаячил. Сомнения рассеялись. С каждым шагом медвежий запах ощущался всё сильнее, а идти становилось опаснее. Запах совсем близко. В невысоком, но широком проёме за узкой щелью перед юными путниками предстали звёзды. Осеннее утро ещё не наступило.

Ведомые любознательностью, они друг за другом проникли сквозь щель. Этого не случилось бы, если бы чувствовался запах живого зверя рядом. Но рыр отлучился из пещеры по своим делам. При свете светлячков осмотрели грот. Невысокий вход в пещеру препятствовал задуванию снега дальше нескольких шагов

от начала грота. В дальнем углу от щели и входа, чистая площадка земляного пола оказалась самой сухой и наиболее сильно сохраняющей запах хозяина жилища. Несомненно, это было местом лежбища временно отсутствующего зверя.

Обрывки шкур устлали пол просторного грота пещеры. Удалось различить бывшее одеяние гиен, лисиц, росомахи, ещё каких-то животных, которых взрослые никогда не приносили с охоты. В углу поодиночке валялись рога оленя. Их взяли в доказательство посещения логова рыра. Некоторые участники путешествия уже прошли щель, отделяющую грот медведя от прохода между выходами, когда Зоуло ощутил свежий запах приближающегося медведя. Остальным пришлось поторопиться, чтобы не стать добычей хозяина помещения. Одно успокаивало – в щель медведь не втиснется, даже если бы его разозлили. Злить медведя не стали. К этим сильным животным взрослые относились уважительно, а дети во всём подражали взрослым.

Вернувшись с оленьими рогами взрослые поверили в существование медведя в глубине пещеры и выхода за горой. Известию о рыре радовались все. Племя вновь обрело покровителя. Свуно взял тогда двух соплеменников, и они унесли не только объединенные кости, но и часть оставшейся с вечера трапезы. При удачной охоте еды всем хватало с избытком. За много лет и этот медведь привык не только к подношениям, но и к жертвоприношениям, которыми становились погибшие в схватках с недругами воины и лишившиеся жизни охотники на крупного зверя.

Не только взрослые, но и Зоуло с друзьями тоже приходили с подношениями для рыра. Вскоре он стал подходить к подаркам детей с негромкими короткими рыками. Они отличались от грозного и гневного рёва этого сильного зверя. Дети не были уверены в правильности предположения, но стали воспринимать сдержанные рыки жителя этого грота за своеобразную благодарность.

IV. ЖИЗНЬ ЗА ЖИЗНЬ

Пережить зиму считалось главным достижением за весь год. Но и лето, бывало, приносило свои неприятности и беды. Вот и

в то лето, предшествующее девятой зиме Зоуло, произошли события, повлекшие за собой немалые перемены для жителей пещеры.

Нет, началось всё в то лето, как обычно. Засушливое, оно погнало стада животных в более северные и влажные местности. Охотники, удаляющиеся на два дня пути, сообщили тогда, что стада маралов и кабарги под охраной шерстистых носорогов приближаются к стоянке наших пещерников. Как всегда, вслед за травоядными шли хищники: тигры, а также стаи волков и гиен. Начались приготовления к летней, кочевой, жизни племени. Надо было взять менее громоздкую посуду, шкуры для чумов, охотничье снаряжение.

В жилище царило всеобщее возбуждение. Со стороны зимнее пристанище могло показаться пчелиным ульем, работягам которого непогода мешает заниматься нужным привычным делом. Ждать, когда пища придёт к пещере, не стали. Все семнадцать охотников, в их числе шесть женщин, отправились навстречу приближающемуся стаду.

Солнце подходило к зениту, когда вождь всех остановил. Впереди слышался пока только еле различимый, глухой равномерный шум. Его порождали сотни, а может даже тысячи копыт, касающихся земли. Казалось, что шум доносится отовсюду, даже сзади. Но более тонкий слух Бахро определил, что правее идущих земля гудит дальше. Вождь решил обойти стадо левее. Напомнил соплеменникам, что нельзя преграждать путь гигантам.

– Не надо уподобляться и гиенам или волкам, пытающимся вырвать кого-то на обед, нападая сбоку, – предупредил Бахро.

Высказал он и напоминание о том, что численность этих хищников, держащих больших и малых оленей в постоянном напряжении, надо по возможности сокращать. Даже более того, необходимо в любой момент быть готовыми к их нападению на людей.

Молодых охотников напутствовали бывалые:

– Если станет ясно, что от огромной стаи не отбиться, надо уходить под защиту носорогов. Люди обычно не трогают этих гигантов, а волки и гиены докучают им днём и ночью. Эти наглецы надоели настолько, что при их приближении носорог идёт в наступление, отпугивает стаю, какой большой бы она ни оказалась. И всё мелкое, в сравнении с носорогом, зверьё отступает.

– Тактика понятна. Лучше заходить сзади и выбивать какого-нибудь замешкавшегося олешка, – согласился совсем юный обладатель охотничьего копья.

Около половины дня ушло на обход стада. Сколько в нём гигантов, посчитать было невозможно. Каждый раз в крупный просвет между группами деревьев попадало до десятка шерстистых гигантов. Но это лишь малая часть от общего числа совершающих переход мохнатых реликтовых травоядных. Маралов, и других разновидностей оленей, кучками держащихся внутри групп носорогов, и вовсе было несчётное количество. Ещё больше рыскало вокруг зубастых тварей. Они стаями до тридцати особей неожиданно появлялись то тут, то там и так же непредсказуемо терялись из виду.

У денисовцев никогда не было ни нужды, ни желания интересоваться численностью проходящего стада. У них просто не хватило бы пальцев на ногах и руках всех жителей пещеры, чтобы вести счёт такого порядка. Взять олешка и не обратить на это внимание хищников пока не удавалось. Лёгкими копьями, летящими дальше и быстрее, пригвоздили трёх гиен, обеспечив долгожданный обед другим членам стаи, разрывающим несчастных собратьев в драках между собой.

Выбрав подходящий момент, дружно завалили марала. Охотники вывернули желудок, вырвали печень и насладились парными внутренностями. Лишь потом они выпустили внутренности, стали выносить тушу подальше от любителей отбить добычу. Столкнулись с группой из семи волков. Ранив двоих, оставили на растерзание остальным. Уйдя от стада километра на три, отправились к чумам. Ужин и завтрак, почти барские, на всю стоянку были обеспечены.

Только через четверо суток стадо прошло оставленную на лето пещеру по менее гористой местности, минуя её в часе быстрого хода охотника налегке. В обеденный зной, насытившись к тому времени, почти все животные ложились отдыхать. Лишь несколько носорогов, сменяя друг друга, оставались на страже покоя. За сутки вся ватага продвигалась чуть больше, чем охотник за время от заката до темноты.

Дважды перенеся чумы на новые места, чтобы подносить добычу было недалеко, племя встретилось с другими людьми снипс. Но и до соединения с ними в поле зрения наших охотников оказывались добытки мяса из племени пливс. Люди разных ветвей не конфликтовали на охоте. Добычи было достаточно для всех. И те, и другие просто соблюдали негласные границы, на которых им не мешали, и они сами не препятствовали другим добывать пропитание.

Денисовцы и алтайские неандертальцы, живя рядом, нередко встречались на охоте. Жители этой пещеры знали и о людях снипс, живущих в далёких пещерах. Возможно, что и в той, которая ныне зовётся Денисовой. Реки, холмистая лесостепь, предгорья, поросшие почти сплошными лесами, и всё, что там водилось, не принадлежало никому. Охотиться, собирать съестное с деревьев, кустарника, из земли и воды тоже никому не воспрещалось.

Неписаным правилом для всех был делёж добычи при совместной охоте. Если случалось, что одна группа охотников загоняла зверей, а другая оказывалась добытчиком, то трофеи делились поровну, независимо от численности охотников в группах. Если неудачливые охотники встречались с группой, у которой был богатый трофей, то расходились с миром без дележа и захвата. Так повелось со времён встреч прадедов тех и других и даже раньше на много тысячелетий.

Всё это время люди разных ветвей человечества контактировали, общались. Было бы удивительно, если бы представитель рода снипс не понимал человека пливс или наоборот. В большинстве случаев именно непонимание приводит к стычкам. Враждуя, народы могли бы истребить друг друга. Мирное сосуществование позволяло и тем, и другим безбоязненно удаляться от стоянки на пару дней пути.

Вскоре сообщество охотников пополнилось третьим племенем людей снипс. Увеличилось и число охотников людей пливс. Но добычи хватало всем, включая и хищников. Люди снипс, охотясь своими коллективами, устанавливали чумы рядом, образуя большие кочевые селения. Охотясь на маралов и кабаргу, добытки мечтали совместными усилиями одолеть носорога.

Бахро не признавал каменный наконечник копья. Уже несколько миграционных походов он пользовался копьём с костяным наконечником. Когда-то он сколол часть большой берцовой кости сохатого с одной стороны, и камнем обровнял с другой. Камнем, но уже другим, обработал полость кости. После обжига конца древка копья Бахро насадил на него костяной наконечник. Кость, острая в местах сколов, при ударе копья неоднократно легко прорезала шкуру даже дикой лошади и сохатого.

И в эту миграцию животных Бахро охотился со своим проверенным оружием. По общему решению всех трёх вождей, именно ему предстояло ослепить носорога. Другой, уже рядовой, охотник должен был копьём с каменным наконечником пустить кровь из ноздрей сильного животного, чтобы лишить его обоняния. Остальным предстояло копьями и каменными топорами нанести носорогу как можно больше ран. Только истекая кровью, гигант перестал бы сопротивляться.

Прежний, состарившийся, вождь остался охранять чумы. К сожалению, только там он мог дать дельный совет нынешнему, Бахро, если что-то пошло бы не так, как надо. Огромная толпа охотников без проблем окружила спокойно лежащее животное. Огуп – большой шерстистый носорог – не обращал внимания на людей. Главный напарник встал чуть левее Бахро, и они вместе приступили к выполнению своих обязанностей. Огромное животное, только что казавшееся воплощением наивысшей степени спокойствия, лишённое зрения и обоняния, с диким рёвом вскочило с лёжки и напролом понеслось невесть куда.

Несколько охотников с каменными топорами, напоминающими современные колуны, успели вскочить на спину и, держась за шерсть животного, стали наносить удар за ударом. Взбешённый гигант, не ощущая препятствий, понёсся куда-то вперёд, напролом. Потом огуп, несмотря на кажущуюся неповоротливость, повернул так резко, что «наездники» едва удержались на мохнатой спине. Они продолжали наносить удар за ударом, едва прорубая толстую и прочную, как щит, шкуру своей жертвы. Один обладатель топора успел отрубить носорогу одно ухо и с усердием пытался лишить животное второго. Уши – одни из наиболее уязвимых

мест этого «бронированного» реликтового гиганта. К тому же, там можно перерубить крупные артерии, ускорив кровопотерю.

Сам Бахро успел нанести удар по второму глазу, но не увернулся от вздыбившегося разъярённого животного. В агонии гигант и не почувствовал, что всем своим трёхтонным весом наступил на живое существо. Кровь хлынула не только изо рта и носа вождя, но и из ушей. Едва успевая сглатывать наполняющую рот вязкую сладковатую жидкость, первооснову жизни высших существ, он успел выдать из себя единственное слово:

– Свуро.

Да, Бахро сказал не Свуно, как звался один из лучших охотников, а Свуро. Звук «р» мог присутствовать только в именах вождей племени. Так он дал знать о передаче своих полномочий и в корне пресёк возможную тяжбу соплеменников за титул вождя.

И раньше Бахро часто назначал Свуно предводителем группы охотников, когда обстоятельства заставляли промышленлять на не-

скольких участках обширных охотничьих территорий одновременно. Не всегда можно было рассчитывать на то, что пропитание найдётся наверняка и где-то в одном месте.

Этот находчивый добытчик умело организовывал соплеменников, когда охотились на крупное травоядное: лошадь, сохатого, марала, – или если приходилось выбивать нескольких хищников из многочисленной волчьей стаи. Был Свуно не менее удачливым в несчастных сражениях с людьми пливс. Не прячась за чьи-то спины, он умудрялся не получить ни одного, даже лёгкого, ранения. Но шрамы, оставленные когтями и клыками животных на охоте, украшали и его тело.

Общими слаженными усилиями с носорогом справились. Отбиваясь от полчищ волков и гиен, почувствовавших предстоящий дармовой пир, охотники унесли к стоянке столько мяса, сколько было им по силам. Сладкие внутренности: печень, не имеющую желчного пузыря, сердце и прочее, не оставили хищникам, взяли в первую очередь. Но более полутонны, шкуры, костей и оставшегося мягкого парного мяса осталось хищникам, которые будут делить это в драке.

Обезображенное тяжеловесом тело Бахро несли по очереди. Несмотря на людское горе, яркое летнее солнце продолжало лить свой тёплый свет на всё живое: травы, кустарники и деревья. Тепло ласкало птиц, парящих высоко в небе. Правее похоронной процессии, чуть в отдалении друг от друга, парили несколько ястребов. Левее людей и выше, чем ястребы, выписывая невероятные фигуры, выслеживали добычу два беркута. Мелкая живность обширных полян с опаской расступилась перед бесчисленным количеством копыт стада травоядных, скопилась здесь, поодаль от мест миграции. Этих-то полёвок, сусликов, зайцев, куропаток и прочую мелкую живность выискивали теперь пернатые хищники.

У реки тело бывшего вождя усадили с подогнутыми к груди коленями спиной к дереву. К туловищу приставили обломок копыя. Попытка снять с древка костяной наконечник оказалась безрезультатной. Кость словно приросла к дереву. Чтобы тело охотника досталось рыру, а не гиенам, его заложили наиболее крупными камнями. Запах разлагающегося трупа почувствуют и гиены,

и рыр, но разобрать примитивный склеп было по силам только рыру. Тигров и волков мертвечина не привлекала. Особенно в сезон изобилия мясной пищи.

И вот, в двадцать пять зим от роду, когда огуп забрал жизнь Бахро, Свуро стал вождём племени. На него легла ответственность за сытость, благодущие и уверенность соплеменников в завтрашнем дне. Никто не пытался предположить, что будет с ним или с племенем после рождения новой луны, но очередное завтра интересовало всех взрослых.

Свой вывод после превращения Свуно в Свуро сделала Сонх. Не без хвастовства она сообщила Кукто:

– Теперь только попробуй тронуть Зоуло. Он стал сыном вождя.

– Ну и подумаешь. Нашла причину. Если Свуно не бегал за нами раньше, то и теперь Свуро не побежит наказывать нас. Вождь ведь, а не просто отец. По статусу не полагается, – с издёвкой в голосе сообщил девочке нагловатый мальчишка.

К своему сожалению, Сонх признала, что Кукто прав.

V. ПОДОПЫТНЫЕ

Всё началось неожиданно и совершенно случайно. Бродя по осеннему лесу, Зоуло и компания оказались в кедровом бору. Под одним из деревьев-великанов валялись свежие кем-то разбросанные ветки. Бурундук, опираясь на задние лапки, как маленький человечек, держа шишку в передних, куда-то относил её и возвращался за следующей. Маленьких шишкаррей оказалось двое. Детям было интересно наблюдать за суетой зверьков.

Вдруг у вершины огромного кедра что-то затрещало. Через мгновение стали слышны звуки чего-то падающего и цепляющегося за ветки. Оказалось, что это макушка сибирского богатыря, кедра. А впереди неё, как крупные градины по каменистому берегу, глухо ударяясь о ветви, с шумом падали шишки. С приземлением одной из них в траве послышался писк. Не свист бурундучка, уже привычный наблюдательной детворе, а именно писк.

– Наверное, это шишкой зашибло спешащего вернуться зверька, – предположил Туно.

Любопытство подстегнуло мальчишек выяснить, так ли это. В редкой таёжной траве лежал бурундучок. Осторожно, чтобы зверёк не укусил, сердобольная Сонх взяла лесного обитателя на руки. Аккуратно прощупав животное, девочка выяснила, что удар пришёлся по области таза.

– Наверное, задние ноги на время отказали, потому-то зверёк и не смог убежать, – сочувственно сказала девочка.

Пока выясняли что случилось с бурундучком, услышали, что кто-то спускается с дерева. Этим кем-то оказался медведь-второгодок. Он уже перезимовал в берлоге с матерью, отжировал летом на ягодах, а теперь пополнял запас жира, трамбуя желудок кедровыми орехами – готовился к самостоятельной зимовке. Медведь увидел посторонних и, находясь ещё на дереве, рывкнул для остратки.

– Пойдёмте отсюда, не надо беспокоить рыра, – позвала друзей Сонх.

Держа копыя наготове на случай, если молодой медведь вздумает напасть, все в спешке отошли на безопасное расстояние от небезопасного соседа. А он стал спокойно разыскивать разлетевшиеся шишки и выедавать вкусные и питательные орехи. Мальчишки успели прихватить для себя по несколько шишек и тоже наслаждались, разгрызая орехи. Девочка взяла несколько орешков и на ладони поднесла зверьку. Взяв орехи, как руками, передними лапками, бурундук быстро отправил их себе в рот. Это понравилось детям, и они продолжили кормить найдёныша.

Незаметно для себя дошли до родной пещеры. Сонх призналась, что хочет заботиться о больном, но не знает, куда его поместить. Саво предложил вырыть в земле ямку и выпустить зверька в неё. Туно уже принялся вырубать топориком дёрн, но девочка остановила друга словами:

– Его же здесь съест кто-нибудь. Может полакомиться лиса или соболь, а могут и волки подойти к пещере. Как тогда, когда они в клочья порвали шкуру чучела рыра, сидящего недалеко от входа.

– То было ранней весной, когда волки были голодные, – возразил Зоуло. – Но и теперь беспомощного бедолагу может съесть кто угодно. Даже хищная птица. Не будем же мы сторожить его.

Сошлись на том, что жить больному лучше с людьми. В дальнем углу грота, чтобы никто не наступил на нового пещерного жителя, вырыли ямку. Зверёк беспомощно лежал на постеленной для него траве. Всем мин и мон запретили трогать больного, предупредив, что он может укусить. Но как удержаться от соблазна, когда нельзя, но очень хочется. Один несмышлёныш не выполнил запрет и, в назидание другим, был укушен. Кому-то пришла мысль, что нового жильца надо не только кормить, но и поить. У Сонх был запас трав, она распарила одну из разновидностей и поставила перед новым жителем в глиняном подобии блюдца. Зверёк дотянулся и полакал.

Сначала бурундук волочил тело, скребясь передними лапами, но через несколько дней ему удалось встать на все ноги. Тогда Сонх, беспокоясь, что её пациент может покинуть пещеру до выздоровления, углубила ямку. Кому-то из малышей пришла мысль, что одному полосатику скучно, ему нужны друзья.

– Что мы на всех шишек должны запастись, – съязвил Тавк.

Сонх посмотрела на друга укоризненно, но пояснила:

– Можно не только шишек. Смотри, этот выбирает траву из своей подстилки. Особенно ту, где есть семена. Наверное, он будет есть грибы и ягоды. Ест он и остатки нашей еды. И другие будут есть.

Весь остаток дня дружная компания отлавливала друзей для своего питомца. Примостившись на сваленное ветром дерево, рядом клали кедровую шишку, а над ней подвешивали на колышки душегрейку. Когда осмелевший бурундучок подбегал к лакомству, его резко накрывали душегрейкой. Так вместо одного в новой более вместительной и глубокой ямке оказалось пять зверьков.

Сонх поила всех отварами, но каждого своим. Со стороны это не было заметно. Ни дети, ни взрослые не догадывались о намерениях ухаживающей за бурундучками. Все предполагали, что ей надоело возиться с цветами и травами, и она переключилась на зверушек. Через два дня одного подопечного обнаружили мёртвым.

– Суслики давно бы вырыли нору и сбежали от твоей заботы о них, – злоратно подметил тогда Кукто.

– Меня радует, что сбежали бы не к тебе. У тебя бы они не выжили даже дня, – колкостью на колкость ответила Сонх.

В действительности же девочка на зверушках испытывала свои снадобья. Не зная о полезности отваров, она выявляла те, которые опасны для употребления. О том, что на зверьках испытывает травы, Сонх не рассказывала даже друзьям. С промежутками в несколько дней пришлось выбросить тушки ещё двух испытуемых. Часть взрослых расценила падёж питомцев неумением ухаживать, а другая часть сделала обобщение – дикие звери неспособны выжить в неволе. Никто не знал и того, что одного подопытного девочка напоила крутым отваром из мухомора.

Сонх настояла на отлове ещё хотя бы двух друзей для выздоравливающего питомца. Не без труда, но её просьбу удовлетворили. Экспериментаторша и раньше замечала, что зверьки едят не все грибы. Из этого она сделала вывод о несъедобности и съедобности конкретных видов грибов. И снова не обошлось без жертв среди бурундучков. Было ясно, что виной тому не грибы, а снадобье. По счастливой случайности именно главный питомец девочки остался жив и был бодр.

Наступили холода. Бурундуки, живущие на воле, забились в свои дупла. Стали менее активными и пещерные зверьки. Сонх поила их тёплыми отварами и тогда зверьки ненадолго становились более шустрými. Но настало время, когда, подобно собратьям в дикой природе, пещерные зверушки впали в спячку. К той поре девочка точно знала, какие именно травы ядовиты и выбросила их.

Зимой обострились простудные заболевания. Болели не только мин и мон, но и взрослые. Девочка запаривала и настаивала разные травы и предлагала выпить, не называя это средством для поправки здоровья. Таковым снадобье могло бы стать, пройдя испытание, ранее вылечив кого-то. Она всегда наблюдала, кому напиток пойдёт на пользу. Не зная письменности, люди той поры старались всё удерживать в памяти. Так же приходилось набираться знаний и опыта Сонх.

Весной обострились расстройства живота. Однообразное и нерегулярное питание давало знать о себе болезнями. И снова

эксперимент за экспериментом. Какие-то настои и отвары давали непосредственный эффект, а другие оказались просто витаминными добавками, которых так не хватало весной. Пригодились ягоды шиповника, жимолости, черёмухи и малины! Но главное то, что усилия девочки венчались успехом. Быстрее от болезней избавлялись мин и мон, но помогали снадобья и тем взрослым, которые не отказывались их пить.

Уже тогда жители пещеры обратили внимание на полезность снадобий девочки. С пониманием их лечебных свойств к понятию «травница» добавился синоним «лекарша». Взрослея, Сонх становилась всё более значима для соплеменников, поскольку была необходима им в трудные периоды. Её не хотели отпускать в мальчишеские продолжительные летние походы, но более обширные знания об окружающем мире стали смыслом жизни путешественницы. Её открытия становились достоянием собратьев-пещерников, обогащали их жизненный опыт.

Время шло, и с его медленным ходом древние люди пополняли копилку знаний, передаваемых из поколения в поколение, из тысячелетия в тысячелетие.

VI. ВАЖНЫЕ ОТКРЫТИЯ

В повседневных хлопотах пролетели лето и осень, подходила к концу кажущаяся нескончаемой зима, все ждали наступления весны. Зима не хотела сдавать свои позиции и разразилась трёхдневной вьюгой. Гулять за пределами пещеры не хотелось не только безымянным малышам мон и мин. Перенеся несколько горящих палок в грот у разветвления, в которое уходил дым, Зоуло с друзьями развели там небольшой костёр. Сидеть или играть в кромешной темноте не хотелось.

При слабых отблесках пламени костра Туно заметил нечто, наполовину вросшее в земляной пол. Постаравшись, он раскопал и извлёк из земли глиняное подобие вместительной чаши. Было видно, что это предмет посуды, побывавший в огне много-много раз. Наверное, в нём кипятили воду или таяли её из снега, когда ближайший ручей покрывался панцирем замёрзшей наледи.

Находка заинтересовала исследователей, но не сама по себе. Детям захотелось выяснить, нет ли в гроте ещё чего-нибудь, что может пригодиться у племенного костра. Рыхля землю осколочными камнями, которых нападало со стен предостаточно, каждый надеялся найти что-то необычное. Хитрый Саво копал в том углу грота, который был наиболее удалён от обоих выходов. Ему представлялось, что это самое укромное место, что именно там спрятано или завалилось как раз то, что все ищут. А все искали неведомо что – просто что-нибудь полезное.

При раскопках удача посетила именно его, Саво. Приподняв оскольчатый камень величиной немного больший, чем подошва его зимней обуви, мальчишка заметил ещё два небольших камня. Они были разными и по размерам, и по форме, и по составу. Одна из поверхностей камня, того, что побольше, оказалась плоской, но бугристой. Камень удобно ложился даже в ладонь подростка в девять зим от роду. Наш современник сравнил бы бугристость камня с поверхностью рашпиля или крупного напильника. Другой камень оказался со всех сторон угловатым.

Когда налипшая на камни грязь подсохла и осыпалась, стало видно, что почти все края угловатых выступов закруглены. Зоуло беззвучно отметил, что остриё каждого скола стало таким, будто его пытались загупить и тщательно тёрли о другой камень. Он провёл угловатым камнем по бугристому. Никакого видимого эффекта не последовало. И всё-таки Саво потребовал отдать его находку. Камни казались Зоуло интересными, но загадка их не была разгадана. Он решил оба камня пока оставить у себя.

Хозяин находки попытался отнять сокровища. Зоуло пришлось увернуться, руки с камнями оказались в тени от пламени костра. Чтобы друг не вырвал заинтриговавшую всех находку, камни пришлось держать крепко, прижимая друг к другу. И всё-таки Саво удалось резко дёрнуть друга за локоть. Зоуло не ожидал такой дерзости. Камни с ощутимым трением прошлись по поверхностям друг друга, породив слабый пучок искр.

Мальчишки поняли, что потёртости острия граней не случайны – камнями когда-то многократно целенаправленно пользовались. Зачем, для чего? Это стало загадкой. Исследователи стали

по очереди с усилием проводить камнем по камню, пока случился удар Тавка. Он хотел, чтобы все отказались от идеи разгадать предназначение камней. От разочарования тем, что к нему не прислушиваются, мальчишка ударил камнем по камню. Из мест касания вылетел сноп искр, метнув отблеск на стену грота.

– Я понял! – разнеслось по пещере эхо возгласа Саво. – Они камнями освещали себе путь в темноте.

– Сомневаюсь, что оно так и было, – неуверенно произнесла Сонх. – Искры светят так недолго, что невозможно успеть рассмотреть что-то даже у себя под ногами.

«Думай, Зоуло, лучше думай», – мысленно произнёс предводитель группы друзей-исследователей. – «А вдруг камни служили для получения огня? Но тогда должно быть что-то такое, что может загореться от пучка искр. Сохранилась растопка или её не оставили? Если оставили, то где? Наверное, в самом сухом месте? Где оно такое место?»

Ещё не поведав друзьям о догадке, он стал всматриваться в стены грота.

– Это мог быть какой-то мох. Но пучок мха можно втиснуть в щель чуть шире моего пальца, а их в растрескавшихся каменных стенах немало. И был ли такой пучок? – размышлял Зоуло.

Внимательно взглядываясь в стены, заметил кое-где подтёки.

«Наверное, иногда вода выдавливалась из земли над скалой и по трещинам просачивалась? Где же искать?» – мысленно гадал мальчишка. – «Растопка должна быть там, где нет подтёков воды, есть движение воздуха».

Чтобы привлечь к поискам друзей, сообщил им о своих предположениях. Идея захватила всех. Булут и Сонх принесли дров. Разгоревшись, дрова дали больше света. Саво, осмотревшись, стал исследовать трещины около выхода из грота, ведущего к обвалу второго входа. Там место наиболее продуваемое. При отсветах костра, еле достающих до этого места, не доверяя глазам, мальчик-лис прощупывал каждую щель пальцами. Надо представить его разочарование – все щели оказались пустыми. Он был уверен, что схрон с растопкой находится в этой части грота и именно на этой стене.

Согласившись со всеми доводами Саво, Зоуло сообразил, что другу просто не хватило роста. Взрослые выше мальчишек и могли спрятать растопку на достигаемой только для них высоте. Он предложил Сонх продолжить поиск выше. Свой выбор он объяснил тем, что её, самую щуплую, держать на плечах будет легче, чем любого из мальчишек.

– Нашла! Здесь что-то есть! – радостно сообщила подруга.

Зоуло не ошибся. Это был мох, который оказался хрупким, распадающимся на мелкие частички. Сонх взяла всего-то щепоть мха, положив остальное обратно в щель. Высыпала раскрошившийся материал на поверхность оскольчатого камня Саво, до поры укрывающего клад. Оставшийся от щепоти мох оставила в кулачке. Булут нерешительно ударил камнем о камень. Маленький сноп редких искр брызнул рядом с тонким слоем мха.

Следующую попытку получить огонь предоставили Тавку. От его удара, сделанного с немалым усердием, искры осветили ближайшее пространство. Почти все они достигли крошева из частичек мха, а по двум обломкам стебельков побежали искорки. Но они мгновенно погасли, не сумев перебраться дальше.

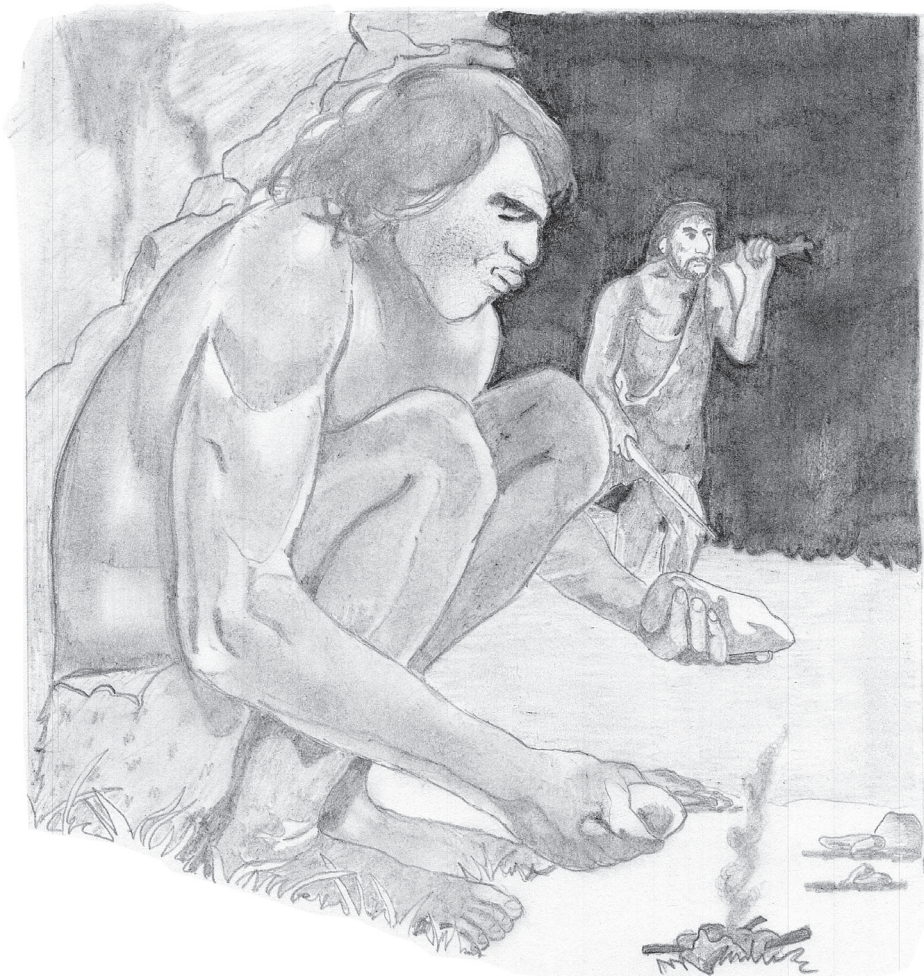
Саво решил проблему немного иначе, ударив камень о камень трижды. Несколько мельчайших желтоватых искорок поползли по стебелькам. Они то отдалялись, то приближались друг к другу. Две из них, сойдясь, вспыхнули, воспламенив остальной мох. Зоуло задумчиво произнёс:

– Я был прав, полагая, что камни предназначались для получения огня. Но кто и когда ими пользовался? Где те люди теперь и почему они оставили камни с растопкой?

С этими вопросами дети, показав новый навык, обратились к своему учителю Колсу. Старик долго вертел камни, рассматривая их, усердно почесывал лысину. Его старые шрамы, оставленные на охоте когтями хищников, вздулись и побагровели. Но он не мог придумать ничего вразумительного для ответа на совсем не детскую загадку. Пришлось ждать прихода охотников и собирателей съедобных почек. Женщины не были уверены, что охотники придут с добычей, а накормить изрядно проголодавшихся

соплеменников было надо. Растительная пища хоть и ненадолго, но давала ощущение относительной сытости.

Сообща, предполагая самые невероятные ситуации, пришли к общему мнению. Возможно, племя ушло за мигрирующим стадом, а пустое жилище было занято кочующим племенем. Выбить захватчиков жилья не удалось, вот и остались камни с растопкой лежать до их обнаружения детьми. Могло быть и как-то иначе. На жителей пещеры, например, могло напасть другое племя. Но, спасшись от истребления захватчиками, люди не смогли забрать

сокровище, которое зимой и летом хранилось в укромном местечке. В обоих случаях это мог быть запасной комплект огнива, а с другим люди кочевали.

Невероятным и не поддающимся пониманию было то, кто мог пользоваться приспособлением для получения огня, как давно это было. Тогда люди не могли знать, что имеют дело с огнивом. Усовершенствованными огнивами люди пользовались до конца XVIII века нашей эры, до распространения в обиходе спичек. Туристы и охотники пользуются современными огнивами и в наши дни.

Даже современная наука не может дать точного ответа на вопрос о времени появления огнива. Тем более, нет ответа на то, кто именно впервые воспользовался примитивным огнивом – неандертальцы, денисовцы или кроманьонцы. Нельзя исключать, что первыми хозяевами огнива были... эректусы. Находки археологов не могут дать однозначного ответа. Любым огнивом могли пользоваться несколько поколений пещерников. Если так, то культурные слои, в которых найдены огнива, оказываются более поздними в сравнении с годом начала получения огня посредством того огнива.

Поиск ответа на многие вопросы, которые интересуют не только современного обывателя, но и учёных – это уже наши проблемы. А тогда Свуро забрал оба камня и распорядился, чтобы Колс и Куно отнесли сокровище в укромное место, для хранения. Группы Зоуло и Кукто хотели подсмотреть место тайника, но взрослые преградили им путь. Своё дело дети сделали, а теперь, играя, могли потерять драгоценные камни, стоящие для пещерников не менее, чем сегодня стоили бы аметист и сапфир таких же размеров.

Вскоре везде, где сходил снег и обнажались камни, ребятя группами искала комбинацию камней, которые при соударении порождают пучок искр. Если Зоуло с друзьями видели камни, то остальные не имели представления о том, как они выглядят, что именно следует искать. Очень скоро Кукто и его друзьям надоели бесполезные поиски. Они стали шпионить за поисками, которые вела группа противников.

А поисковики проверяли любые из оказавшихся доступными комбинации камней: куски скалы собственной пещеры, осколки

речных валунов, речные окатыши, каменные отщепы от скал далеко за пределами их жилища. Многие пары камней давали искры, но такие слабые, что получить огонь с их помощью не удавалось даже при максимуме усилий и стараний.

VII. ТАМ, ЗА ГОРОЙ

Той весной, в девять своих зим Зоуло и его друзья не стали дожидаться поры миграции стад. Хоть и выросли дети каменного века раньше, чем современные, на охоту их ещё не брали, а приключения жизни в чумах им были известны по предыдущим кочевым сезонам. Хотелось ощутить что-то новое, необычное. Надеялись они и на отыскание удачной комбинации камней для получения огня.

Взяв чего-то по мелочи для перекуса и личное оружие, уловив момент, когда куктовцы не шпионили, Зоуло с друзьями углубились в туннель пещеры, проходящей под всей горой. Преодолев препятствия хорошо знакомого им прохода, подошли к логову зверя, хорошо знающего их, но всё равно вызывающего опасения. Хозяина грота, рыра, на месте не оказалось. Друзья спокойно покинули жилище покровителя племени.

– На нашей стороне горы солнцу ещё светить и светить, а здесь оно совсем скоро спрячется за вершинами. А там недолго останется до темноты, – подметила Сонх.

На её сожаление отозвался Тавк:

– Нашла из чего делать проблему. Раньше стемнеет – раньше уснём. Зато и утро наступит раньше. Там-то у нас пока солнце поднимется, чтобы выглянуть из-за макушки горы. А здесь с рани ранней оно будет радовать глаз, как спелое яблоко на ладошке.

Перед путешественниками открыла свои красоты широкая пологая долина. Редкие деревья и кустарники на склонах переходили в заросли, протянувшиеся неширокой извивающейся полосой на самом дне. В небольших просветах, где заросли расступались, виднелись лужицы. Их поверхность не казалась блестящей. Наверное, наблюдалась рябь перекатов небольшого горного ручья. Высоко в небе, покрытом лёгкой дымкой редких полупрозрачных

облаков, кувыркаясь, залиvisto насвистывали несколько пичужек, радующихся предзакатному солнцу.

Левее и ниже ребята спокойно паслась семейка маралов. Даже на расстоянии просматривались рога самцов. Заметили, что у взрослого и более крупного самца отростков на рогах больше, чем у молодого. От трёх самочек не отставали телята. Ребята с копьями могли бы подкрасться и смертельно поразить одного из телят. Но им не нужно было столько мяса. К тому же, существовала опасность, что, ощутив запах свежей крови, самцы озвереют, могут жестоко расправиться с юными охотниками. Пришлось отказаться от заманчивой идеи охоты на маралёнка.

Пока дошли до ручья с полоской леса, солнце скрылось за горой. В лесном массиве сумерки не замедлили дать о себе знать. Сонх призналась, что ей страшно. Туно успокаивал спутницу:

– Сейчас выйдем из чащи, станет светлее и обзор увеличится. Не бойся, мы рядом. Защитим тебя, если потребуется.

– Я ночевать боюсь. Вдруг кто-нибудь нападёт на нас во время сна.

– Кто на нас может напасть?! – не унимался Туно.

– Волки, например. Они хоть и не такие голодные, как зимой, но всё равно есть хотят.

Туно хотел ещё что-то возразить, но Зоуло выразил согласие с опасениями Сонх:

– Надо обезопасить себя на время ночлега. Можно было бы развести большой костёр и по одному дежурить, но с нашими камнями о костре речи быть не может. Надо придумывать что-то другое.

– Есть идея. Помните, как оставляют покоиться тех, кто не воин и не охотник? Их кладут на площадку среди деревьев. Туда могут попасть только птицы или рысь, но не волки. Сделаем что-то подобное здесь, на ветках деревьев. На открытом месте деревья стоят поодиночке, там не получится, – предложил Саво.

На воплощение этой идеи много времени не потребовалось. Попробовали лечь. Места хватило всем, но Сонх отказалась ложиться на край, побоялась упасть во время сна. Без опасений свалиться, места на краях решили занять Туно и Тавк. В оставшееся до темноты время все разбрелись по ручью в поисках подходящих камней.

Когда Булут окликнул всех, чтобы вместе перекусить тем, что взяли в дорогу, Сонх отозвалась со словами:

– Я, кажется, нашла то, что мы ищем! Этот камень даёт искры при ударах по любому из камней!

Подбежавший Зоуло ударил по одному из своих камней тем, который второпях выхватил у девочки. Искр оказалось не больше, чем при соударениях других пар. В сгущающихся сумерках они были просто ярче, чем днём. Не успев разочароваться неудачей, мальчишка опробовал другое сочетание камней. Сноп ярких искр осветил лица столпившихся подростков, а они, как по команде, запрыгали с криками и визгами, не сдерживая бурной радости.

Взбурдаженные так долгожданной и столь неожиданной удачей, дети не смогли бы сдержать желание развести костёр, но вспомнили, что не запаслись сухим мхом для растопки. Уже в глубоких сумерках отыскивали на деревьях мох. Надеялись, что за ночь и завтрашний день он подсохнет и будет пригоден для разведения вечернего костра. Удовлетворённые успехами дня, поужинали уже в темноте. Сквозь изредка набегающие полупрозрачные облака посылала свет полная луна. Ночь прошла без приключений. Никто не упал с настила-лабаза, волки не окружили неприступную крепость, а рыси в эту ночь промышляли где-то далеко.

Проснулись, когда первые солнечные лучи пробились между ветвями полоски деревьев. После недолгих сборов путешественники шли, преодолевая пологий подъём. Весеннее разнотравье дарило миру множество ароматов. Дикие пчёлы и шмели добросовестно трудились, перелетая с цветка на цветок. Поднимающееся утреннее солнце приступило к выжиманию пота из каждого юного путешественника, совершающего восхождение на перевал.

– Пиу, – полушёпотом сообщил Тавк, идущий первым.

Обсудив тактику и пригнувшись, на полусогнутых ногах дети двинулись к кусту, под которым скрылся зайчишка. Как потом выяснилось, это была зайчиха, укрывшаяся под куст для кормления малыша. Булут обошёл и остановился выше куста. Сонх и Зоуло обошли куст с одной стороны, а Туно и Тавк – с другой. Саво остановился напротив Булута. Девочка пронзительно взвизгнула, а перепуганная зайчиха метнулась из-под куста, в надежде спа-

стись. Не спаслась. Два детских копыя пронзили трусливое существо, успевшее издать единственный писк, «пиу».

Позавтракали парным мясом и тем съестным, что осталось с вечера. Не откладывая, продолжили восхождение. Перевал казался близким, но путь к его седловине занял половину дня. На спуске Сонх остановилась, чтобы сорвать красивый цветок. Булут оглянулся с желанием поторопить спутницу. Именно в этот момент раздался его приглушённый крик:

– Кукто! За нами бежит кукто. Не наш, а лесной.

О том, что Кукто с друзьями следят за каждым их шагом, все знали и не обратили бы на это внимание. Только при последних словах все оглянулись, желая убедиться, что друг не пошутил, чтобы напугать задержавшуюся спутницу. Обернувшись, увидели, что матёрый тигр степенной рысцой бежит по их следам. Зоуло мгновенно оценил ситуацию:

– Кукто – это не пиу и не птицы, на которых они охотились раньше. Даже если бросить в эту громаду все пять копий, а они пробьют шкуру хищника, то для зверя это будет почти равносильно комариным укусам. И топорики, что у каждого на поясе, не помогут – не подставит кукто висок под один из них. Ножи, тем более, пригодились бы только при разделывании туши.

Ненадолго хищник скрылся в ложбине, а когда оказался на взгорке, увидел своих потенциальных жертв убегающими. Лёгкая рысца зверя мгновенно сменилась на бег во весь опор.

– Все к деревьям! Бегом! Влезаем так высоко, чтобы кукто не достал, – скомандовал Зоуло.

VIII. СХВАТКА «ТИТАНОВ»

Сонх чутьочку замешкалась, продолжая держать в руках внушительных размеров букет из трав и цветов.

– Бросай цветы! Кукто их не ест. Полезай скорее, – крикнул Тавк.

Оставив копыя на земле, дети успели взобраться на три собственных роста, когда хищник с разбега прыгнул на дерево, где сидел Саво. Его поднятая лапа ударила по стволу там, где только

что была ступня спасающегося мальчишки. Острые когти прочертили на коре ствола глубокие борозды. Все следующие попытки хищника допрыгнуть до кого-нибудь оказались напрасными. Счастье, что тигр выбрал дерево с Саво. Если бы он пробежал ещё несколько шагов, то когти вонзились бы не в ствол, а в ногу девочки.

Злобно урча, зверь прошёлся под деревьями со спасающимися. Обнюхав копьё Саво, тигр фыркнул, будто ему не понравилась смесь запахов человека и дерева. Потом, никуда не торопясь, хищник улёгся на краю поляны так, что все его «лакомые кусочки» оставались в поле зрения.

– Выбирайте сук покрепче, усаживайтесь на него поудобнее и постарайтесь не задремать. Сидеть придётся долго или очень долго. Может быть, здесь же и заночевать придётся, – поделился своими соображениями Зоуло.

– Неужели зверюга будет караулить нас, даже сильно проголодавшись? – неуверенно выдавила из себя испуганная Сонх.

– А ты спроси у него самого, – съязвил Тавк.

– Да, влипли так влипли, – посетовал Саво.

Тигр прикрыл глаза. Казалось, что он заснул в ожидании обеда. Можно было пошутить на этот счёт, но никому не шутилось. Успокоившись, что все живы и недосыгаемы для хищника, дети надеялись, что голод заставит тигра уйти на охоту. О том, что и потом, убегающим, им пришлось бы опасаться нападения этого зверя, думать не хотелось. Они могли бы обсуждать эпизоды побега ещё долго.

– Рыр! Сюда бежит рыр, – с нескрываемой досадой сообщил новость Саво.

– Только рыра нам не хватало. Этот-то сумеет долезть до каждого. От него и деревья не спасут, – едва сдерживая слёзы сетовала Сонх.

– Кукто без боя не отдаст свою добычу. Может он победит рыра? Тогда, может быть, досидим, дождёмся, когда он, сильно проголодавшийся, оставит нас, – высказал надежду Туно.

– Размечтался. Если он одержит победу над рыром, то мы свалимся от голода раньше, чем кукто проголодается. Такой туши ему хватит надолго, – с досадой подметил Саво.

Тигр почувствовал приближение медведя. Не спеша, будто нехотя, кукто встал. Потом зевнул, потягиваясь. Вдруг зверь напрягся, как сжатая пружина. Шерсть на всей спине встала дыбом. Картину воинственности дополнял оскал, обнаживший внушительные жёлтые клыки, величиной с указательный палец Зоуло. Урчание, более злобное, чем на спасающуюся детвору, превратилось в басовитый прерывистый рык, напоминающий богатырский храп. По всему было видно, что в одном Туно прав – без боя

он свою добычу не отдаст. Но и медведь не спасовал, увидев грозного и сильного врага. Он знал, что идёт по следам тигра. Готовый к нападению в любой миг, медведь медленно наступал.

Когда косолапый остановился, расстояние между ним и тигром сократилось до длины туловища его соперника. И в тот же миг полосатый красавец совершил прыжок в направлении пришельца. Вставший на дыбы медведь взмахнул обеими лапами. Тигр в полёте развернулся и удар лап пришёлся по воздуху. Несмотря на кажущуюся неповоротливость, медведь раз за разом успевал отражать удары.

Если бы кто-то догадался загибать пальцы в моменты нападений, то не только на руках, но и на ногах их могло не хватить. И оба зверя рычали и урчали так громко и озлобленно, что даже высоко на деревьях слышать неумолкающие, накладывающиеся друг на друга рёв и храп было жутковато. Противники сумели нанести друг другу по несколько ран. Оставленные вскользь, они только обозлили соперников и заставили действовать осмотрительнее.

А вот тигр поменял тактику и совершил прыжок мимо медведя. Едва успев приземлиться на передние лапы, он резко развернулся и был готов напасть сзади. Наверное, ловкий зверь надеялся, что противник не успеет развернуться. Просчитался. Увалень не только развернулся, но и одной лапой встретил нападавшего. Увернуться от этого неожиданного удара гибкое животное не успело. Огромные острые медвежьи когти вскользь прошли по черепу, завернув шкуру от затылка до пасти.

Ослеплённое животное крутнулось, будто ища выход из возникшей темноты. И тут же вторая медвежья лапа с нешуточной силой опустилась на полосатую спину. Хребет не выдержал удара, переломился, а выпущенные когти захватили его. Сквозь прорвавшуюся шкуру лапа косолапого богатыря вынесла наружу несколько позвонков поверженного врага. Здоровое сердце тигра продолжало биться, с силой выбрасывая пульсирующий поток крови. С таким существенным повреждением позвоночника и со снятым скальпом тигр был уже не жилец.

Разъярённый победитель зубами и когтями прорывал шкуру то в одном, то в другом месте. Богатырь вымещал злобу за на-

глось противостоять ему, хозяину тайги. Он разорвал шкуру и выломал рёбра, а потом, почти до ушей, его морда скрылась в чреве побеждённого. Слышалось неторопливое чавканье.

Перепуганные дети едва осмысливали увиденный ужас поединка. Действия победителя воспринималась ими как единственно возможные у диких зверей, казались неизбежными и правильными.

– Было бы здорово, если бы рыр наелся и ушёл, – вполголоса произнёс Булут.

Словно услышав мальчишку, зверь прекратил «насыщение», приступил к зализыванию ран. Потом он прошёлся под каждым деревом, где примостились юные путешественники. А те сидели, боясь дышать полной грудью. Прошествовав около каждого ствола по несколько раз, он не попытался влезать на деревья. Наконец медведь стал останавливаться с негромкими рыками. Услышав их, Туно неуверенно произнёс:

– Это наш рыр, прикормленный и всеми нами тоже. Да, это он – покровитель нашего племени. Наверное, возвращаясь в пещеру, зверь ощутил следы, а потом по ним пошёл искать нас. Когда вместе с нашими оказались следы кукто, он пришёл спасать нас. А сейчас ждёт, чтобы быть рядом с нами.

– Ты выдумщик, Туно. Никому из нас даже часть такой нелепости не пришла в голову, – возразил Саво.

– Даже если Туно и прав, то спустаться очень опасно, – поделилась девочка своим недоверием к предполагаемым намерениям медведя.

– Ну и сидите здесь, ждите, когда вы, обессиленные от голода, свалитесь.

После этих слов безбашенный, по мнению друзей, мальчик стал спускаться. Медведь подошёл к дереву со спускающимся. Несмотря на бесшабашность Туно и на безрассудство решения слезть с дерева, он не стал спрыгивать, а осторожно спустился до земли. Оказавшись в шаге от морды зверя, медленно протянул руку и, преодолевая страх, погладил животное по краешку уха.

Медведь издал приглушённый рык. Краткий, он прозвучал так же, как и там, в пещере, когда дети приносили своему покро-

вителю съедобные подарочки. Оценив ситуацию, первым начал спускаться Зоуло. Его примеру последовали остальные. Каждый мальчишка осторожно подошёл и погладил зверя, а Туно, осмелев, потрепал медведя по загривку.

Только Сонх страшилась подойти ближе трёх шагов. Медведь сам пошёл к девочке. Она хотела бежать прочь, хоть куда-нибудь, но ноги будто приросли к земле. Девочка не могла ни отступить, ни закричать. К огромному изумлению мальчишек, зверь лизнул тыльную сторону ладони девочки-трусихи. Постепенно страхи рассеялись. Булут просяще произнёс:

– Ох, поесть бы сейчас.

Солнце светило с наивысшей точки, когда дети оказались перед спуском с перевала. Позади длительная осада с нервным и физическим напряжением: при всём этом организму требовалось пополнение энергии.

Медведь, конечно же, не мог понять смысл сказанного Булутом, но по абсолютнейшей случайности пошёл к бездыханной, но ещё тёплой полосатой туше. Запустив морду внутрь, вырвал кусок и положил перед приближающимися детьми. Он успел повторить подношения несколько раз, прежде чем Зоуло успел опомниться.

– Не будем ждать до вечера. Попробуем сейчас развести костёр и обжарить угощение рыра. Собирайте сухие сучья. Я опробую камни и растопку в деле.

Вскоре подрумяненное пламенем мясо пережёвывали и дети, и медведь. Топориками вырубили рёбрышки и, подержав над огнём, смаковали вкус мяса с них.

Когда отправились в путь, обратили внимание на то, что медведь сопровождает их, то теряясь из виду, то появляясь, давая знать о себе. Даже на ночёвке он был невдалеке от детей. А во время ужина спасителя и телохранителя снова угостили обжаренным в костре тигриным мясом, предусмотрительно взятым после обеда.

IX. И НОВАЯ ОСАДА

К середине следующего дня путешествия за очередным перевалом показалась река. О лёгком перекусе «подножным кормом»

уже можно было забыть. Великолепие извивающегося змейкой стремительного горного потока на голодный желудок не радовало. Не восторгались путешественники и изменившимся пейзажем. А было чем. Противоположный склон, начинающийся сразу от реки, оказался сплошь поросшим лесом. Никто не говорил об этом, но чувствовалось, что шагать по непрерывным таёжным бу-реломам не хотелось.

Рыр оказался у воды первым. Наверное, он проголодался не меньше, чем дети. Иначе зачем ему было забродить в стремительный поток. Недоумевающие подростки приближались к воде, когда, описав в воздухе дугу, на пологий каменистый берег плюхнулась рыбина.

– Саот! – с удивлением воскликнул Саво. – Огромная саот!

Наш современник сказал бы, что это крупный хариус, но для путешественников это была просто саот, рыба. Крупная рыба. Мелких рыбёшек жители пещеры часто видели и в ручье около своего жилища. На них не обращали внимания и не представляли едой. Без ощущения близости еды все с любопытством наблюдали, как медведь выбрасывал на берег рыбину за рыбиной. Иногда он опускал в воду морду. При этом ловля становилась более успешной.

На берегу было уже более десятка рыбин, все они трепыхались, подпрыгивали и медленно приближались к воде. Какие-то казались упругими, другие уже совершали вялые движения, но одна успела вернуться в свою стихию. Только тогда наблюдатели сообразили преградить путь остальным. Было интересно, для чего рыр набросал сюда этих водоплавающих.

Долго гадать не пришлось. Разгадка оказалась необыкновенно простой, когда медведь неторопливо вышел из воды, отряхнулся и приступил к насыщению.

– Саот – это еда! – воскликнула Сонх.

Мальчишки мгновенно оказались в воде. Погрузив руки в стремительный непрозрачный поток, они пытались ухватить проплывающих мимо рыбин. Лишь коснувшись добычи, ощущали безнадежность затеи – рыба мгновенно выскользывала. Задержав дыхание, Зоуло опустил лицо в холодную воду. Видимость

улучшилась. Изловчившись, схватил и выбросил одну рыбину. Сонх тут же преградила добыче путь к воде. Остальные рыболовы, последовали примеру Зоуло. Изрядно замёрзнув, стоя в холодной воде, сообща выбросили по одной рыбине для каждого путешественника. Чешуя мешала пережёвыванию.

Раньше всех идея есть рыбу без чешуи пришла к Саво. К тому времени он успел расправиться с частью рыбьей тушки около головы. Выворачивая шкуру, он стал освобождать вкусные мышечные ткани. На тушке без шкуры остались плавники и чешуя, прилипшая с рук. Проточная вода смыла её, а плавники и кости только внесли разнообразие во вкус. Заметив, с каким наслаждением поглощает свою порцию Саво, все последовали его примеру. Вдруг изобретатель способа поедания рыбы начал плевать и побежал к воде. Лишь прополоскав рот произнёс:

– Фу-у. Кунз.

Это слово имело два значения – «горечь» и «жёлчь». Все стали есть аккуратно, чтобы не повторить ошибку друга. Самыми вкусными в рыбе оказались икра и молоки. Всем хотелось попробовать и то, и другое, дети делились вкусом.

Медведь тем временем вылавливал для себя новую порцию рыбы. «Аппетит приходит во время еды», – гласит пословица. И детям, для полного насыщения, захотелось рыбы ещё. Зоуло и Сонх остались на берегу чтобы развести костёр, а остальные приступили к рыбалке. Никому не пришло в голову, что рыбачить можно не только по-медвежьи. Потому-то на всё время задержки дыхания мальчишки опускали лицо в воду. Не часто кто-нибудь, выныривая, выбрасывал на берег рыбу. Наконец сочли, что наловленной рыбы на один раз хватит.

Мальчишки принялись сдирать шкуру, а Саво решил схитрить. Он вставил в рот рыбы палочку так, что её конец появился между жабрами. Не чистя, подержал рыбу над костром. Шкура на горячей тушке оказалась менее прочной, часто обрывалась, но снималась быстро. Чищенная рыба после костра оказалась суховатой, а запечённая в шкуре – сочной. Все угли эти тонкости при готовке следующих рыбин. Побывавший над огнём деликатес достался и медведю.

Дальнейшее продвижение отряду преградила река. Бурелом за рекой не манил. Да и сама река не шла в сравнение с потоком, который удалось перебрести. Получалось, что продвигаться дальше предстоит по этому берегу. Вопрос был лишь в том, куда идти – против течения или по нему. Пошли вверх. Рыр, наверное, увлечённый рыбалкой на обеденном привале, прекратил сопровождение. Вечером остановились на ночлег, но, проголодавшись, снова занялись ловлей рыбы.

Для ночлега пришлось соорудить уже привычный лабаз. Костёр решили поддерживать до утра. С ним ночёвка казалось более безопасной. В этот раз поднялись со всем арсеналом. Предосторожности оказались не лишними. Тавк успел подложить дров в костёр, когда где-то почти рядом послышался волчий вой. К нему присоединились «песнопения» его клыкастых сородичей. Их многоголосие заполнило темноту. Сомневаться не приходилось. На их след вышли чёрные волки.

Вскоре насторожённые путники заметили в отблесках пламени беспорядочное движение тёмных волчьих теней.

– Смотрите, какие они злющие! Даже глаза от злобы светятся, как угольки, – отметила девочка.

В отблесках костра глаза волков действительно отражали красноватый свет. Пустив испуганную Сонх в серёдку, мальчишки прижались друг к другу. На краях лабаза, где лежало оружие, поместились бы ещё трое-четверо. Обойдя костёр, хищники окружили деревья с лабазом, расселись. Мальчишки лёжа ощущали все перемещения недругов. Чувствуя свою недосыгаемость, злорадовались, словесно дразнили хищных охотников на двуногих.

– Что, сорвался ужин? Придётся вам сидеть с пустыми животами, а мы, сытые, поспим.

Будто в ответ на бодрые реплики близкой, но недоступной еды, ночную тишину пронзило новое заунывное «песнопение» раздосадованных клыкастых. Казалось, что звуки воя заполнили округу далеко-далеко, на целый день пути. Вой не прекращался. Каждый «певец», набрав воздуха, вновь и вновь подхватывал нестройный хор сородичей. Наверное, звуки, отражаясь от стволов, усиливались.

Чтобы уменьшить страх Сонх, мальчишки продолжали отпустить хищникам разные колкие словечки, показывая, что их здесь не боятся. Это дало небольшой эффект. Сонх легла, чтобы уснуть, но высказала беспокойство:

– Они ведь и завтра не уйдут, будут стеречь нас. Сегодня мы сытые, а завтра придётся сидеть голодными. Пришёл бы рыр, да разогнал этих, успевших надоесть, зверюг.

Зоуло, не задумываясь, ответил, что завтра наступит завтра. Придёт наш спаситель или нет, завтра и узнаем. А сейчас, как ни в чём ни бывало, надо спать. Сон не шёл. Наконец, или смирившись с участью ожидания, или давая глоткам передышку, хищники умолкли. В тишине на ум Зоуло пришла мысль:

«Едва ли рыр придёт спасти нас. Наверное, он вернулся на свою территорию охоты. Сопровождать нас в чужих владениях было бы небезопасно даже для такого силача. Придётся полагаться на самих себя. Но это будет завтра, когда станет светло и можно будет оценить обстановку. Пока мы не знаем ни того, сколько их здесь, ни как управиться с ними».

С большим трудом все уснули, но несколько раз просыпались из-за многоголосого волчьего хора. Казалось даже, что на вой сбегались и те клыкастые кровожадные, которые до того были далеко-далеко, на пределе слышимости.

Скоротав время до утра, осторожно осмотрелись. Над землёй, немного выше роста Тавка, от соседних деревьев отходили толстые сучья, встав на которые, можно было оставаться в недосягаемости для черногривых хищников. Посоветовались, и левша Туно занял сук, держа копьё в левой руке. Тавк, на правах старшего, со своим копьём занял место на суку другого дерева. Так бесшабашный и быстрый выдвинулись для обороны и освобождения первыми.

Заметив движения предполагаемой еды, стая оживилась. Волки тоже, хоть и по-своему, оценивали ситуацию. Ноги мальчишек казались так близко, что стоило попытаться ухватить, а потом стаскивать одного за другим и расправляться на земле. Навострив уши, члены стаи, не снимая окружения, стояли в боевой готовности. Их насчитали на два меньше, чем пальцев на обеих руках любого из путешественников.

В какое-то мгновение сначала один волк, а вслед за ним и второй ринулись на своих жертв. С короткого разбега они почти одновременно оторвались от земли в попытке вонзить клыки в ноги стоящих на ветвях юных путешественников. И так же, почти одновременно каменные наконечники мальчишеских копий проломили черепа нападающих. Они приземлились и, как очумевшие, провернувшись на месте по несколько раз, попытались совершить вторую попытку.

Запах свежей крови взбудоражил и без того напряжённых собратьев. Мгновенно сообразив, откуда исходит манящий аромат крови, хищники вцепились в загривки не успевших взлететь подранков. Образовались две кучи-малы, круговерти из нападавших и обороняющихся хищников – жителей дикой природы. Со стороны было невозможно заметить, чьи клыки вырывают чью шерсть. Но подранков свалили наземь, и принялись разрывать, пытаясь не только прекратить сопротивление, но и урвать свой кусок парного мяса.

Казалось, что шестеро оставшихся хищников совершенно забыли о цели пребывания здесь. Но это продолжалось недолго. Оставив недоеденные тушки, волки, слизывая с пастей кровь, снова расселись вокруг осаждаемых. Стоять на ветвях неудобно, а стоять долго – было бы утомительно. Зоуло предложил сменить Туно, а Булут – Тавка. Нехотя, те согласились.

Сначала удаление одних ребят, а потом и приближение других, активизировали стаю. Мальчишки едва успели встать поустойчивее, как на них набросилась другая пара волков. В этот раз оба правши встали лицами в противоположные стороны. По воле случая и волки нападали с противоположных сторон, каждый на свою жертву сзади. Зоуло приложился наконечником своего копья к нападавшему на Булута, а тот постарался обезопасить друга. Он попал в висок клыкастого, а зверь, с хлещущей из раны кровью упал, корчась в предсмертных судорогах.

И снова от двух клубков, катающихся между деревьями, летели клочья шерсти. Злоба хищников выразилась не только в грозном рычании. Каждый из них готов был отстаивать добычу, не желая делиться с другими. Они огрызались так, будто были голодны. Но

воровато вырвав по несколько кусков, они улеглись, продолжая осаду. Тавк и Туно сменили сделавших своё дело друзей. Но эти перемещения не возбудили интереса хищников. Стоять в ожидании нападения казалось бессмысленным занятием. Не шевельнулись клыкастые и тогда, когда Булут и Зоуло снова спустились на ветки.

Распределив волков, каждый метнул копьё в своего лесного врага. В этот раз, пока копыя летели, звери успели увернуться. Ни один из наконечников не пробил шкуру. Копья, пройдя вскользь, оказались на земле. А мальчишки, спрыгнув, с топориками понеслись вслед за своими копьями. Волки не ожидали столь стремительного нападения. Даже не успев огрызнуться, они, пугливо поджав хвосты, ринулись наутёк в разные стороны.

Зоуло опасался, что кто-то из зверей сменит тактику и от бегства перейдёт к нападению. Он окликнул друзей, призвав возвращаться. Озираясь, чтобы хищник не напал сзади, мальчишки вернулись к еле тлеющему костру. Набранные вечером ветки предназначались для подбрасывания в пылающее пламя. Пришлось набрать веток помельче. Раздув костёр, позвали Сонх. О, как гордилась девочка своими бесстрашными спасителями! Она взахлёб рассказывала о событиях, которые, совершённые второпях, не запали в память самих юных охотников.

Сытые хищники, напуганные действиями двуногих нападающих, не возвращались. Разделав почти нетронутую волками тушу зверя, которого сразил Булут, принялись к обжариванию кусков мяса и насыщению. Собранные Сонх копыя ждали хозяев представленными к стволу дерева. В дорогу взяли недоеденное обжаренное мясо, оставив остатки туш.

Х. ПЕРВЫЕ ЛЮДИ

Весь день шли по береговым окатышам, аккуратно уложенным течением большой воды. Часто прибрежный кустарник подступал к самой воде. Тогда приходилось обходить препятствие вброд или продираться сквозь заросли по берегу. Путники устали, но не столько физически, сколько морально. Они не имели представле-

ния о сказке, крылатые слова которой превратились в поговорку: «пойди туда – не знаю куда, найди то – неизвестно что». Но ситуация была очень схожей. Страстно желая найти жилище собратьев, дети не имели представления о том, куда идти.

Усталые, они не решились пренебречь собственной безопасностью. Ночевали на очередном лабазе, предусмотрительно подняв на него всё оружие. Это была четвёртая ночёвка. Зоуло долго не мог уснуть. Ему мешали путающиеся мысли.

«Идём, идём, а вокруг нет никого, кроме нас самих. Как мало на земле людей и как много всякого зверья! Без труда и забот можно встретить кого угодно – от мелких зверушек до опасных хищников. Мы уже дважды побывали в осаде. Но как здорово, что человеческий разум способен выходить победителем над тупой звериной силой. Даже мы, имеющие такой малый опыт охоты, смогли противостоять стае сулук. С кукто было сложнее. Но ведь и там рыр не пришёл бы на помощь, если бы не был другом. А сделать его нашим заступником тоже помог разум. Плохо, когда к разуму примешаны злость, жестокость, коварство и ещё что-то, что делает человека неприятным, мешающим жить нормальным людям».

Все уже посапывали, а Сонх бормотала что-то несвязное, похожее на мурканье тигрицы, обольщающей тигра. Зоуло приходило в голову ещё и ещё что-то, заставляющее раз за разом укладываться поудобнее. Не давали покоя и мысли о завтрашнем дне. Каким он будет? Но сон всё-таки сморил и его, неутомонного и ответственного за благополучие друзей.

За полночь разразился ливень. И без того прохладная ночь казалась бесконечно долгой. Удалось поспать едва ли до полуночи. Промёрзшие, дети едва дождались утра и прекращения ливня в предрассветный час. Зоуло пришлось заботиться не о себе, а о растопке за пазухой. Для разведения костра её следовало сохранить сухой. Ночью он на всякий случай разделил мох на два пучка и поделился с Сонх. С трудом разыскали несколько стеблей прошлогодней травы, пока ещё непригодной для воспламенения от мха. Слабый ветерок и поднимающееся солнце быстро просушили приготовленную пищу огня, но дети увлеклись ловлей рыбы.

В тот день она шла чуть реже. Наверное, пик поры следования к местам икромёта заканчивался.

Костёр ещё полыхал, когда проголодавшиеся дети приступила к запеканию рыбы, не дожидаясь образования пышущих жаром углей. Позавтракав, продолжили путешествие в неведомое. Солнце ещё не дошло до наивысшей точки, когда, выйдя из-за поворота, Булут заметил за валунами какие-то шевеления. Огромные камни мешали рассмотреть, что или кто это. Валуны, будто разбросанные гневным великаном, торчали из воды по всей её ширине длинной полосой.

Видеть речной порог детворе доводилось впервые. Приближаясь, к гряде огромных глыб, заметили, что вода в реке словно кипит, как в посуде над костром. Шлейфы пены отрывались от валунов и неслись по течению с огромной скоростью. Шум этого беснующегося водного потока, появившийся ещё за поворотом, при приближении нарастал, действовал подавляюще. Чувствовалась незащитность любого, даже взрослого. Если бы кому довелось попасть в эту могучую стихию, выбраться было бы невозможно. Из стремнины течение выбросило бы любого с переломанными костями.

На фоне завораживающей воображение картины могущества огромного водного потока не хотелось замечать те неторопливые движения, на которые обратил внимание Булут. Но реальность движений всё-таки заинтриговала. Захотелось поскорее узнать, кто же там, выше порога. Только пройдя половину беснующейся водной стихии, когда мешающих обзору валунов стало меньше, ребята отчётливо увидели две фигуры, медленно бредущие около противоположного берега.

– Если это два рыра, то нам не поздоровится. Они, наверное, могут переплыть реку и оказаться перед нами, – выразила беспокойство Сонх. – Надо обойти их по лесу.

– Не спеши обходить. Кажется, что это люди, – возразил Зоуло.

Вскоре не осталось никаких сомнений – впереди люди. Стали заметны какие-то палки в их руках. Когда люди их поднимали, из воды появлялось что-то, а люди брали из него непонятно что и бросали обратно в воду у своих ног. Подошли ближе. Мужчины,

увлечённые процессом, не замечали приближение путешественников. Нет, бросали что-то они не просто в воду. Рядом с мужчинами стало заметно сплетённое из прутьев подобие корзины. С похожими плетениями женщины и дети их пещеры ходят по грибы и по ягоды.

Чтобы погреть замёрзшие в холодной воде ноги мужчины вышли на нагретые солнцем камни. Чуть раньше дети увидели, что в корзины падала рыба, которую люди доставали из приспособлений, вытаскиваемых из воды. Даже таких первобытных сачков у жителей их пещеры не было – это они видели впервые. Только теперь путешественники заметили необычно короткие ноги людей на том берегу.

Их самих увидели и те двое взрослых. Поравнялись. Ширина реки позволяла рассмотреть необычно светлые волосы и лица мужчин. Из рассказов Колса дети знали о людях пливс и о том, как те выглядят. Сомнений быть не могло – это люди пливс. Колс рассказывал, что между снипс и пливс иногда происходили стычки с человеческими жертвами, но чаще люди расходились мирно. Учитывая, что пливс на другом берегу, Зоуло без опасений крикнул:

– Скажите, люди пливс, далеко ли стоянка похожих на нас людей снипс?

Шум близкого порога заглушил мальчишеский крик. Пливс не поняли, о чём их спрашивают. Но более сильный мужской голос прорезал шум стихии, и дети услышали:

– Здесь шумно. Давайте пройдем выше, там будет слышно и вас.

Удалившись от порога, когда пливс продолжили рыбалку, путники выяснили, что скоро, немного выше, будет слияние двух рек, образующих эту. Стоянка племени пливс на том берегу их притока. От их стоянки видно место слияния. А люди снипс живут на берегу другого притока в двух неполных днях пути от места слияния. Неудобство будет в том, что путь к той стоянке преграждает приток, по которому предстоит пойти путешественникам.

– Какая досада. Мы-то не саот, плавать не умеем, – выразил досаду Саво.

– Захочешь к людям, так научишься. И я научусь. Все научимся плавать. Только так, как рыбы, не выныривая, мы не сможем, – подал надежду Туно.

– Бесшабашный прав. Придётся учиться плавать, – сообщил Зоуло неоспоримый факт.

Фигурки людей плывс исчезли за поворотом, но слияния рек впереди ещё не было. Когда солнце на своей невидимой небесной дороге начало спуск, с трудом наловили рыбы на обед. Костёр развели на камнях у воды. Пообедав, решили попробовать учиться плавать. Дети знали, что всему новому надо учиться. Ничто не даётся человеку без длительных тренировок. Но как именно плавать, никто пока не знал, даже не имел представления об этом.

– Всем ясно, что попробовать плыть надо не удаляясь от берега? С глубины сами не выплывем, и никто не спасёт. Спасли бы, да никто не умеет плавать. Пробуем плыть по течению, – предложил Зоуло.

С этими словами он скрылся под водой. Что и как там делал, никто не видел. Его голова появилась на поверхности быстрее, чем во время рыбалки. Холодная вода поглотила всё тело. От холода не спасала и меховая душегрейка, которую пловец не догадался снять перед купанием.

– Проплыл! На два собственных роста стал дальше, чем был! – прыгая от радости, кричала восторженная публика.

– На два моих роста я не проплыл, а меня унесло течением. Если ничего не делать, то к другому берегу мы не приблизимся. Рыбы виляют хвостом, но у нас нет рыбьего хвоста, – с досадой признался пловец.

– А руки? Зачем-то же есть у нас руки? Надо как-то действовать ими. Сейчас я попробую, – сообщил возбуждённый Туно.

– Сними душегрейку, чтобы потом не было холодно. Я не догадался, пока не вынырнул, – посоветовал Зоуло.

Туно набрал полные лёгкие воздуха и нырнул. Он проплыл три своих роста или даже больше, но не был уверен, что руки как-то помогли движению. Быть может, его просто снесло течением. А дальше он оказался потому, что дольше не выныривал. Сомнения передались остальным путешественникам, а вместе с сомнениями в души проникло разочарование.

У Зоуло родилась идея. Он предложил Туно грести руками и пробовать плыть против течения, а сам он, нырнув одновременно с другом, будет просто сплывать. Результат превзошёл все его ожидания. Неумело барахтаясь в воде, Туно оказался выше друга на собственный рост. И это при том, что вынырнули они почти одновременно. В воде Зоуло было видно, что его сносит быстрее, чем загибающего воду Туно.

Появилась надежда на то, что до жителей стоянки снипс они смогут добраться. Все приступили к тренировкам. Заметили, что руки должны не просто работать, а не тормозить движение перед очередным загребанием воды. Общими усилиями, методом проб и ошибок, наметилась техника работы рук. Радостные, дети выбежали погреться на горячих камушках берега. Уже отогреваясь, Сонх неуверенно произнесла:

– А как же мы будем вставать, чтобы набрать новую порцию воздуха? Там же, вдали от берега, будет глубина.

Снова все оказались в реке. Попытки набрать воздуха не вставая, долго никому не удавались. Удержаться над поверхностью воды, чтобы успеть выдохнуть и вдохнуть никак не получалось. Разочарованные неудачей оделись и побрели дальше. В пути каждый думал, что же он делал не так, если набрать воздуха без опоры на дно не получалось.

Люди плывс сказали правду. Да и могли ли они лукавить? Хитрость, но не лукавство они проявляли во время охоты. Могли использовать хитрость для овладения огнём другого племени. Да, огонь можно было завоевать или взять хитростью, украсть, у потерявших бдительность людей другого племени. Бывало, для этого рискованного поступка выбирали подходящий момент несколько дней и ночей.

Ещё задолго до рождения юных путешественников и их прародителей существовали суеверия. Можно было поделиться едой даже в отсутствие её изобилия. Но не огнём. Считалось, отдав чужакам часть огня, жители вскоре лишатся племенного очага. Бон не прощает предавших его. Он может умереть от недосмотра, от нашествия врагов, от причин, которые и в голову не приходят.

Люди плывс были точны, сказав, что впереди место слияния двух рек. Не сказали неправду они и о нахождении своей стоянки. От места слияния, даже стоя на этом берегу, можно было увидеть возвышающуюся над водой пещеру. В проёме входа суетились люди. Наверное, это были мин и мон – издали разглядеть и понять не получалось. Подумали о малышах потому, что взрослые вели бы себя более степенно. Да и откуда быть дома взрослым в разгар дня. И больных летом почти не бывает. Разве что младенцы болеют, несмотря на тепло. Но и они где-то внутри. Дома могли быть только старцы и непоседливые малыши.

XI. БУРНАЯ ВСТРЕЧА

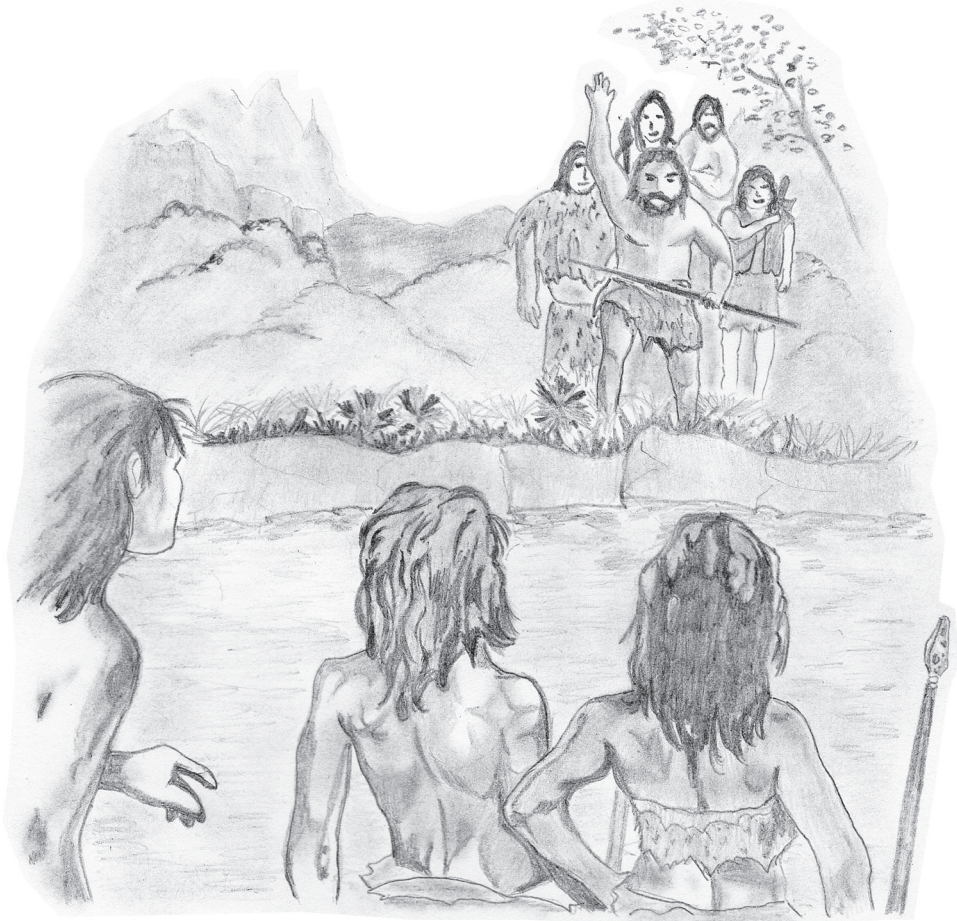
И снова продолжительный нелёгкий переход по каменистому берегу притока. Нередко на пути вставали валуны. Макушки таких же огромных глыб торчали из воды, а она, набрасываясь на препятствия, с шумом и пеной стекала с боков каменных великанов. Для путников не имело значения, порог это или шивера. Они даже не предполагали о существовании этих понятий применительно к реке. Хотелось единственного – чтобы этот неудобный для ходьбы участок закончился поскорее. Было бы намного удобнее не протискиваться между глыбами, не перелезать через них, встающих на пути вплотную друг к другу. Порог сменялся участком с устилающими дно и берега окатышами. Но в этом случае к самой воде подступал кустарник. И всё чередовалось на пути.

Перед заходом солнца и ужином подошли к такому участку, где к воде подступила скала. Никаких тропинок вблизи не оказалось. Жилой пещеры не могло быть ещё и потому, что, по словам плывс, ближайшее жильё они смогут увидеть завтра или ещё на день позже. Пройти скалу у воды не получалось из-за глубины под отвесной каменной громадой. Решили ночевать здесь, а время использовать для того, чтобы тренироваться в плавании.

Сонх сохранила свой мох сухим. В этот раз все купались раздетыми. Решение проблемы плавания пришло к Булуту. Он, чтобы не погрузиться в воду раньше набора воздуха, обеими руками с силой опёрся на слой воды. Потом мальчишка нырнул, а когда

вынырнул, с радостью сообщил об удачно набранном воздухе, о том, что набран он был не вставая. Все так увлеклись тренировками, что соорудили лабаз и рыбачили в стущающихся сумерках, а ужинали – при свете костра, полной луны и в мерцающем сиянии звёзд. Зато были очень довольны полученными умениями, дающими надежду на воссоединение с себе подобными из другого племени.

Чередуя продвижение с тренировками, добычей пищи, едой и ночёвками, группа подошла к стоянке людей снипс. Увидеть пещеру удалось только поравнявшись с ней. Когда путники были

чуть ниже по течению, вход прикрывал выступ скалы. Как потом выяснилось, вход не был замечен и на другом берегу, если путник стоял под скалой у самой воды. Там неширокий скальный выступ, служащий площадкой у выхода, нависая, прикрывал часть скалы с жилищем. Место необычайно неудобное для обнаружения завоевателями и бездомным племенем, ищущим для себя жильё.

Пока путешественники оценивали преимущества этого жилища, их заметили женщины, идущие по противоположному берегу. Неширокая река позволяла рассмотреть даже незначительные подробности. Взрослые поняли, что на противоположном берегу стоят дети другого, но родственного им племени. Они уже собрались помочь переправиться, когда пришельцы поступили безрасчётно. Так показалось взрослым. Ребяшня, один за другим, бросились в воду.

Местные сбегали за приставленными к стволам сколам деревьев, образовавшимся во время гроз. Женщины торопились спасти детей, потерявших здравый смысл. Но каково же было удивление, когда, вернувшись с плавсредствами, «спасатели» обнаружили детей на середине реки. Не сразу к хозяевам пещеры пришла уверенность, что помощь, тем более спасение, не потребуется.

Несколькими мгновениями раньше жители пещеры не могли вообразить подобного. Глубокая вода для них всегда была смертельно опасна. Потому-то и хранили люди древесные сколы, чтобы, распластавшись на одном из них, можно было преодолевать водное препятствие. А путешественники, не поняв назначения плоских деревянных предметов, терялись в догадках о причине суеты взрослых и прибежавшей из жилища малышни.

Быстрое течение сносило плывущих, а толпа волнующихся встречающих шла и шла по берегу, будто стремилась притягивать пловцов своей близостью. Трудность преодоления реки заключалась в том, что одна рука была занята копьём, а на поясе тянул ко дну топорик – тренировались в плавании без оружия. Уставшие, но счастливые дети выходили из воды, где глубина им по пояс. Все встречающие, не дожидаясь выхода гостей на берег, бросились обнимать подростков, переплывших реку. Они не могли знать, что их собратья в ту пору, люди снипс, где-то далеко-далеко, умели

преодолевать огромные проливы и заселяли острова, затерянные в океанских просторах.

Эти пещерники пользовались древесными сколами, чтобы переплыть на другой берег их реки, не зная плотов, способных держаться на плаву и держать курс среди океанских волн и течений. Мальчишки и девочка, оказавшиеся здесь, и вовсе не имели представления даже о таких плавсредствах, какие увидели только что. В окрестностях их пещеры были только ручьи с разливами в долинах. Ручьи можно было перебрести, а разливы – обойти.

Когда эйфория от встречи прошла, дети осмотрели приспособления для ловли рыбы, с которыми пришли женщины. На согнутый в форме яйца прут, стянутый ивовой корой, привязана хитроумная, слегка провисающая, сетка из конского волоса. Похожую конструкцию, при встрече, опускали в воду люди пливс. Гости узнали от местных мальчишек, что это суот. Женщины тоже несли корзины с трепещущейся рыбой. Не задерживаясь, они отнесли улов в вырытую в гравийном берегу яму, отделённую от течения высокой стенкой из речных окатышей, извлечённых при копке искусственного водоёма.

Там уже теснилось множество рыбин. Гостям стоянки стало ясно, что, несмотря на тесноту, рыба в отделённой от струи лужице может долго оставаться живой. Можно было спросить, почему её не съедают сразу, но не хотелось показаться несмышлёнышами. Сонх предположила, что ответ будет очень простым. Решили приглядеться к быту этих людей снипс без лишних вопросов.

Рядом с тропинкой, ведущей к входу в жилище, ждали своего применения ещё три замысловатых плетения из конского волоса. Сначала показалось, что просто волос из гривы и хвоста одной лошади не хватило. Но тут же Зоуло отметил закономерность: края плетения были тёмными, а середина – светлая. Он размышлял:

– У ласх, что на нашем языке означает «лошадь», хвосты и гривы в плетениях были разных мастей – от гнедых, каурых и чалых до соловых, серых и горностаевых.

Каждый из этих предметов почти точно повторял два других. Плетения высотой в рост средней женщины начинались и оканчивались палками. Нижний и верхний края плетений, длиной

в три-четыре роста мужчины, крепились, каждый к своему, волосяному шпагату. На нижний шпагат прикреплены небольшие камни-грузила. Наш современник без труда назвал бы такое приспособление бреднем. Но и не зная названия, путешественники поняли, что все хитроумные конструкции предназначены для ловли рыбы. Оказалось, что и эти снасти называются суот.

В сопровождении говорливых сверстников гости вошли в пещеру. Она оказалась менее просторная, чем их собственное жилище. Не оказалось и продолжения, которое вело бы куда-то. В племенном костре тлели полусырые валежины – до готовки пищи было ещё далеко, а жечь дрова без дела люди не привыкли. Всё так, как и у них на постоянной стоянке. Но в отличие от старика Колса, здесь оказался древний дедушка Кайк.

– Почему дедушка зовётся птицей? – спросила Сонх.

Местная детвора привыкла к этому имени и не интересовалась его происхождением. Кто-то предложил узнать об этом у бабушки Бул. Имя бабушки тоже показалось необычным, но выяснять его происхождение не стали. Луна так луна, было общее мнение гостей о необычном имени.

Приученные к тому, чтобы уважать старших, гости, толпясь, подошли к деду. Он почувствовал их нерешительность и заговорил первым:

– Вы из другого племени, не наши. Но и не пливс. Нюха я ещё не лишился. А вот вижу я не вас, а ваши силуэты на свету. И слышу едва-едва, когда кричат мне в ухо. Эх, старость моя, – с горечью прошамкал дед беззубым ртом.

Бабушка Бул оказалась словоохотливой. От неё узнали, что Кайк получил своё имя зим в семь или даже в шесть. Он забирался по почти отвесным скалам туда, куда не могли залезть ни взрослые, ни другие мальчишки.

– Даже козлам и баранам были недоступны места, где птицы откладывают яйца для высиживания. Однажды, собирая яйца, он сорвался с высоты, которая больше любого дерева. Всем на удивление, он отделался ссадинами и ушибами. Ни одного перелома! Тогда и получил имя «летающий» или «птица». Сейчас дедушке столько зим, сколько пальцев на его и моих руках и ногах с двумя

кого-то из вас. Из-за боли в суставах он еле передвигается. И на рыбалке от него нет пользы. Но и лысый, беззубый, еле слышащий и чуть видящий, дед и сейчас дорог всем потому, что даёт дельные советы. В летних переходах за кочующими стадами он уже не участвует. Со мной и ещё парой старух живёт здесь и зимой, и летом. Рыбы, съедобных корней и почек, а позже ещё и ягод, которые мы собираем без него, нам хватает. Лето он переживёт, но зимой займёт своё место в мире тьмы, – сообщила Бул.

Выяснить происхождение имени рассказчицы не стали – было ясно, лишь взглянув на эту пожилую женщину. Несмотря на старость, её морщинистое лицо оставалось светлым. Оказалось, что она моложе Кайка на семь зим.

– У бабушки лицо, как у людей пливс, которые встретились недавно, – подметила Сонх.

– Бул – это и «луна», и «светлоликая». Имя мне дал вождь в первый же день моей жизни. О людях пливс ты верно подметила. Моя бабушка была одной из женщин тех племён. Люди снипс и пливс нередко встречались, охотясь во время миграции стад. Там моей бабушке приглянулся высокий стройный парень из этого племени, а она ему. Осенью, когда возвращались по домам, бабуля оказалась в этой пещере. Дети у неё рождались тёмненькие и стройные, как истинные снипс. Такой была и мама, а вот я уродилась цветом кожи в бабулю, – поделилась родословной Бул.

Зоуло знал, что его бабушка тоже была из пливс, но её дети и внуки не отличаются от снипс. Интересными показались глаза бабушки Бул. Похожие на чёрную смородину, они горели жизнью, выделяясь на фоне светлого лица. Сверстники путешественников не отставали от гостей ни на шаг, а женщины сразу после рыбалки принялись за просушку шкур, чтобы в предстоящей кочевой жизни их было легче переносить. Но всё это было позже. А сразу после знакомства с жилищем братьев и старейшими представителями племени Зоуло сказал:

– До ужина ещё далеко. Но не будем ждать его здесь. Можно было взять суот и наловить саот, но и наш трофей запустят в яму. Надо идти добывать мясо. Тогда-то точно мы не останемся голодными и не станем обузой для хозяев пещеры.

Только перед заходом солнца с добычей вышли на берег. Чтобы сориентироваться, куда идти, Булут, Тавк и Зоуло забрели в воду. Обзор оказался не столь широким, как с противоположного берега, но, оглянувшись, все трое признали местность, которую видели на подходе к пещере. Оставалось пройти самую малость – два поворота извивающегося водного потока. Взрослые для того, чтобы сократить время, помогли подросткам разделать козла, которого юным добытчикам с лихвой хватило бы и на ужин, и на завтрак. Но их трофей ушёл на ужин для всех жителей пещеры вместе с бараном, добытым охотниками племени. Взрослые добыли ещё барана и ярочку, которых оставили на завтрак.

Никто не удивился охотничьей удаче гостей. Чему восхищаться, если ребятня умела прокормить себя во время многодневного перехода. Удивлялись сами юные охотники. В горах они впервые увидели стадо животных, напоминающих небольших лошадей. Во все времена года в их местности такие животные не водились. Невиданные травоядные кроме роста отличались от лошадей большими ушами. На стоянке узнали от взрослых, что для этих копытных ещё не придумано название. Люди называли их просто – «иах», означающее, кричащие «иа». Они появились здесь несколько лет назад. Но все отмечали, что мясо этого низкорослого подобия лошади не менее вкусное, чем и его большого собрата.

То, что в те далёкие времена в горах Алтая водились ослы, подсказывает, что климат той древней Сибири был мягче современного. При том климате на Алтае вызревали дикие яблоки, отсюда и сравнение Тавком солнца со спелым яблоком на ладони. Однако более удивительно то, что около речных заливов тогда водились питоны, самых северных сородичей которых нынешний климат не пускает севернее границ Индии.

Что делают с рыбой из вырытого водоёма стало понятно на следующий день после появления путешественников на стоянке. Тогда они вернулись с охоты с глухарём и зайцем. И у старожилов пещеры охота не заладилась – пришли с единственным козлом.

Отужинали все мясом козла и выловленной про запас рыбой. Утром к мясу мальчишеских трофеев пришлось кстати добавка из рыбы. Никто из гостей пещеры не припоминал, чтобы их сопле-

менники делали припасы на случай неудачной охоты. Не надеясь на трофеи охотников, их женщины уходили собирать съедобную растительную пищу. Но всё это делалось для насыщения в день сегодняшний, а не грядущий.

Друзья удивились, когда Зоуло попросил бабушку Бул научить его изготовлению суот.

– Зачем тебе это? – спросил Туно.

– Пора и нам учиться думать о будущем. Жизнь кончится не сегодня и не завтра. Умения могут пригодиться. Вот только где взять конский волос? У длинноухих карликов, которых мы видели в горах, и гривы короткие, и на хвостах пучки коротких волос, – задумчиво сокрушался Зоуло.

– Чтобы научиться вязать, не обязательно искать длинные волосы. Принесите длинную таёжную траву, слуф. Когда она завянет, станет не такой ломкой, можно и из неё связать суот для рыбалки. Только пришлось бы хранить его в воде. После высыхания трава стала бы ломкой, – предложила выход из положения бабушка Бул.

Работать приходилось вдвоём – один придерживал и вязал продольные стебли, а второй – поперечные. Ячейка за ячейкой, не спеша, в свободное от охоты время дети связали сетку на кольце с палкой – получился сачок. Мальчишки даже попробовали рыбачить и выловили несколько рыбин. Выяснили, что вязать бредень так же непросто, как и сачок. Но и там технология оказалась очень похожей – кропотливой и утомительной. Долго не получался узел, хотя Бул с усмешкой говорила, что это самое лёгкое в плетении суот. Радовало то, что они получили умение, которое когда-нибудь непременно пригодится.

Сами они не пробовали, но внимательно наблюдали за тем, как два мастера высверливали отверстие в заготовке каменного топора. Отщепом прочного камня сверлили более мягкий камень. Иногда они подсыпали песок, освободив заготовку от прежнего, превратившегося в мелкий порошок. Только тогда, увидев мастеров за работой, заметили, что у вождя племени топорище вставлено в отверстие утолщения в камне. У остальных охотников топоры почти не отличались от тех, которыми орудовали жители их родной пещеры – каменное лезвие крепко зажималось в щель

деревянной палки. Такой топор мог углубиться до топорщица, а изготавливаемым можно было бы нанести зверю более глубокую рану. Хватило бы только силушки.

– За все дни наблюдений, а их на два больше, чем пальцев на руке, углубление от сверления если и увеличилось, то совсем незаметно, – сочувственно произнёс Тавк, когда дети покинули стоянку.

– И скалывать края затупившегося камня-сверла им придётся ещё много раз, пока отверстие будет готово, – с заботой о трудягах произнёс Туно.

Дети побыли у собратьев недолго. Луна из полной превратилась в половинку круга. Все эти дни, когда позволяла погода, женщины просушивали шкуры. За всё время пребывания жилище дважды посетил необычный житель – представитель племени пливс. Говорили, что он прибил к снипс и прожил с ними зиму и продолжает жить этим летом. Сказал тогда, что не хочет жить с трусливыми соплеменниками пливс, которые ушли от всех людей и живут одни далеко за горами и реками. Пояснили, что Кочей неразговорчив, к нему не пристают с расспросами. Зимой этот пливс охотится со всеми, а летом до и после кочевий, добывает мясо в одиночку. Но всегда приносит трофеи и делится ими со всем племенем.

Необычность Кочая удивляла не только жителей пещеры, но и путешественников. Его-то они и обсуждали, удаляясь в неизведанное. Не проронил ни слова только Вынх. Этому никто не удивлялся, ведь его имя в переводе на наш язык означает «молчун». Над ним друзья подшучивали: «Нашёл – молчит и потерял – молчит». Но и тогда мальчишка лишь потирал кулаком нос, не проронив ни слова. Он увязался в поход с новыми друзьями, а не с уходившим кочевать племенем. Ему нравилась эта компания сверстников, и он безропотно выполнял неписанные правила коллектива.

Прощание с соплеменниками, уходящими на летние кочевые стоянки, прошло без трогательных сцен. Взрослые успели убедиться, что с этими друзьями, не по возрасту предусмотрительными, их Вынх не пропадёт, а только станет более самостоятельным. Лишь некоторые мин и мон напоследок прижались к мальчишке, более старшему, чем они сами.

Племя уходило туда, откуда пришли путешественники. И в самом начале пути им предстояло переплыть реку. Древесных сколов для всех взрослых не хватало. На них легли самые сильные. Течение било слева, а правее, держась за спасительную древесину и подгребая свободной рукой, плыли подростки или дети, имеющие имена. Мин и мон по одному восседали на взрослых, распластавшихся на сколах и усиленно загребавших воду. Переправив соплеменников, гребцы, как только что малышей, перевезли на себе утварь и шкуры, плотно скрученные в тюки.

Лишь у Молчуна и Травницы не было топориков. Но копьё, под стать тем, с какими шли остальные, имел и новый участник компании путешественников. Отчасти Вынху в изготовлении копья помог взрослый молчун. Так повелось и в этой пещере, и в родной мальчишкам, что при совпадении имён взрослый опекал ребёнка, словно это его родное дитя.

К тому же, не все дети пещерников знали своих отцов. Только в тех молодых парах, которые оставались вместе достаточно долго, мать знала отца своего ребёнка. Не было редкостью, что мужчина вскоре прельщался другой женщиной или девушкой, а оставленная им особа находила другого мужчину для жизни. Попробуй выясни отцовство, когда люди не могли вести счет дням вынашивания будущего ребёнка, не предполагали даже о начале развития будущего плода любви. Люди не исключали, что в каждом подрастающем малыше возрождались характер и привычки отца – молчун мог родиться от молчуна.

XII. МЕЧТА, ЗОВУЩАЯ ВСЁ ДАЛЬШЕ

Ещё на стоянке юные путешественники выяснили у местных, что в двух днях пути к восходу солнца есть река, которая даже чуть шире, чем протекающая под их пещерой. За ней – другая, до которой идти ещё столько дней, сколько пальцев на одной руке. Об этом люди снис знали из рассказа Кочея. Там, на другом берегу стремительного потока второй реки начинались владения людей плывс. Необщительные, они никогда не появляются на этом берегу даже зимой, когда реку можно пересечь по льду. Где сто-

янка тех пливс никто из местных не знал. Всех – и снипс, и пливс устраивало, что охотничьи владения разделены рекой, недоступны для соседей.

К реке вышли на третий день. Дойдя до неё, сообразили, что Вынх не умеет плавать. Соорудив лабаз, чтобы обезопасить себя во время сна, приступили к обучению друга. Только на третий день ученику удалось набирать воздух, не вставая на дно. Ещё три дня ушло на тренировки для продолжительного заплыва, достаточного для преодоления широкого препятствия.

Преодолев водную преграду, пошли к следующей реке. Поняли, что Кочей шагал быстрее них. За время этого перехода луна из узкого серпика превратилась почти в круглую. Получалось, что им пришлось идти на два дня дольше, чем шагал коротконогий пливс. Кочей – это сохатый, отсюда и скорость перехода, и сравнение:

– Не зря он носит это имя, если шёл, уподобившись лесному кочею, – рассуждали путники.

За время этого перехода каких-то особенных событий не произошло. Горные перевалы со скалистыми вершинами и покрывающими склоны лугами сменялись глубокими лесистыми долинами. С чистого неба на мир смотрело беззаботное солнце, безразличное ко всему, что ютится и движется под ним. Хищные птицы зорко высматривали добычу на корм для прожорливых и быстро подрастающих птенцов. Суслики, полёвки и прочая живность, промышляющая корм для себя и своего потомства, невидимая для прохожих, копошилась среди буйных трав, скрываясь от зорких и молниеносных пернатых охотников.

Но один эпизод оказался запоминающимся. Тогда дети, идущие от небольшой речки к перевалу, поднялись на верх выпуклого склона, разделяющего две широкие долины. Окинули взглядом представшие взорам окрестности.

– Смотрите, смотрите, там внизу лощины, почти у кромки леса, пасутся иах! – приглушённым голосом восхитилась Сонх. – Вместе с большими ходят и совсем маленькие. Наверное, малыши ростом чуть выше взрослого козла, – тут же сообщила она.

Можно было подойти и полюбоваться осятами, но для этого надо было спуститься, а потом снова совершать подъём. Никуда

не торопясь, присели отдохнуть и понаблюдать за повадками животных, почти экзотических в этих местах. Вдруг стадо встрепенулось и понеслось вдоль кромки леса к холму с отдыхающими. Один ослёнок отстал от стада. Недоумевать о причине внезапного побега долго не пришлось. Рядом с малышом, как из-под земли, появилась пара волков. Раньше их не заметили потому, что всё внимание было приковано к пасущимся рядышком ослятам. Ребятня ватагой пустилась вниз по склону, забыв о нежелании вновь идти на подъём.

Тогда же один из клыкастых хищников сбил с ног отставшего ослика и прекратил погоню. Малыш даже не успел издать крик испуга – хищник разрывал ещё не окрепшую шкуру, чтобы поскорее добраться до нежного мяса. Второй волк погнался за стадом. Последней бежала ослица. Несмотря на отставание от стада, она сохраняла тот темп бега, который мог выдержать её малыш, бегущий перед её передними ногами. Со стороны казалось, что она даже чуточку подталкивает малыша своей грудью.

Волк настиг ослицу, но не стал нападать, наверное, пытаясь выхватить ослёнка или вцепиться в горло ослицы. Он уже поравнялся с крупом взрослого животного, когда, подбросив зад, убегающая мать чуть повернула тело и так лягнула хищника, что тот отлетел на несколько шагов в сторону. Стало видно, что он катается в траве, не продолжает погоню. Мать детёныша издала призывное «иа» и стадо замедлило бег.

Всем бегущим путешественникам хотелось, если это возможно, успеть помочь тому ослёнку, с которым остался первый хищник. Подбежав, встретили сопротивление. Волк показал подбежавшим злобный оскал. Ослик с разорванным горлом, лежащий перед грозным животным, уже не дышал. Когда Булут поднял копыё, чтобы поразить им агрессивного зверя, тот совершил прыжок к угрожающему.

Мальчишки, стоящие по обе стороны от Булута, успели только выставить свои копыя, преградив путь нападающему. Замах оказался не бесполезным – копыё Булута вонзилось в грудь животного. Зверь метнулся в сторону, но там оказался Туно. Взмах. Топорик бесшабашного рассёк череп, разрубив ухо. По инерции

оружие отвело в сторону разверзнутую пасть, несущуюся к мальчишеской груди. Подоспевшие копыта Зоуло и Вынха прижали зверя к земле.

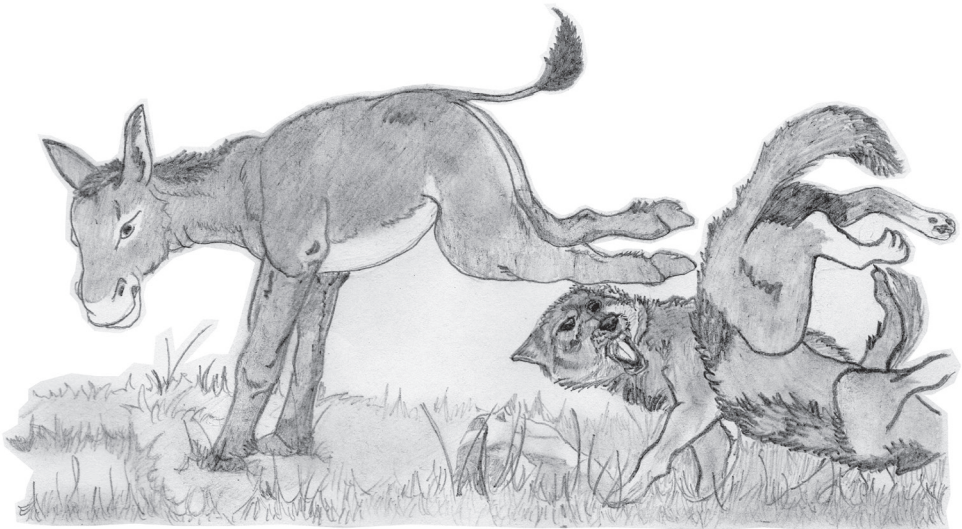
Оказалось, что это волчица. Сонх отметила, что она недавно прекратила кормление волчат своим молоком. Отметила, что волк сможет один прокормить своё потомство. Перешли к месту, где ослица лягнула нападавшего на неё клыкастого. Хищник был мёртв. Из разбитого копытом переносыя стекала кровь. Вторым копытом травоядное животное сломало хищнику три ребра. Наверное, катающийся и корчащийся от боли, волк осколком ребра проколол себе сердце. Это подтвердилось, когда, из любопытства, труп вскрыли. Волков брать не стали – для насыщения, и не на один раз, было достаточно ослёнка.

Сонх поведала о причине появившейся грусти:

– Волчата остались без кормильцев. Там мать, а здесь отец. Сдохнут они от голода.

– Нашла о чём грустить. Часть выживут. Голод заставит научиться промышлять. Кто-то сам станет пищей хищных зверей или птиц, а некоторым светит выжить и стать взрослыми, – уверенно сказал Саво.

Его поддержал Туно:

– Чем меньше хищников, тем больше травоядных. Не стоит жалеть волчат, даже если они все сдохнут.

Продвигаясь к седловине перевала, Сонх выразила своё восхищение ослицей:

– Вот это мать так мать. Себя не дала в обиду и детёныша спасла! Не то что та, которая бросила малыша, спасая собственную шкуру.

– Можно долго гадать о причинах поведения тех матерей. Скорее всего, мать, бросившая детёныша, сама ещё молода, а спасшая – более опытная, – вслух предположил Зоуло. – А вот волки ещё не приучены держаться подальше от копыт этих маленьких лошадок. Эта привычка вырабатывается многими поколениями, а иах появились здесь недавно. Зато сами иах знают если не волков, то шакалов или гиен, умеют постоять за себя, даже убегая от клыкастых.

Преодолев подъём и пройдя седловину, поняли, что в широкой долине должна быть река. И верно. Наконец-то река в виде отдельных водоёмов стала видна на дне поросшей лесом долины. Охотой и рыбалкой занимались в перерывах между тренировками по плаванию. Эта река оказалась самой широкой из всех встречавшихся ранее. Тренировались на выносливость все. Определились, что продолжают поход завтра утром. Пламя костра ласкало куски глухариного мяса, а вялый ветерок разносил аромат будущего кушанья вдоль реки. Наверное, этот аромат уловили охотники, оказавшиеся ниже по течению. Ещё не догадываясь о причине появления огня, охотники были уверены, что выше по течению реки есть люди, а у них имеется костёр, там готовят мясо. Было понятно, что погода не располагала к возникновению стихийного пожара.

Пливс приблизились, соблюдая предосторожности, чтобы оставаться незамеченными. Увидев людей на другом берегу, успокоились, пошли не скрываясь. Полная уверенность, что неизвестные не представляют опасности, пришла тогда, когда в прищельцах увидели детей из племени снисп. До сей поры и взрослые снисп не были опасны. Они и зимой не переходили через реку, условную границу охотничьих угодий.

Увидели охотников и дети. Они замахали руками, запрыгали, закричали приветствия, выражая неподдельную радость от встречи с людьми. Хоть путешественники не дошли до жилища пливс, не познакомились со всеми его обитателями, но встреча дала надежду на скорое воплощение мечты об изучении быта людей пливс. Шум речного переката заглушал голоса детей, кричащих одновременно каждый своё.

При той же ширине реки, но при спокойном течении проблем с общением могло не возникнуть. В голосе Тавка уже прорезались басовитые нотки и неандертальцам удалось разобрать только его слова:

– Люди пливс, мы рады видеть вас!

Взрослые не прыгали, но было видно, что встреча приятна и им. Они пообещали, что завтра снова придут сюда. После этих слов они гурьбой направились туда, откуда пришли.

– Уже вечер. Наверное, их жильё где-то недалеко, – предположила Сонх.

Никто не поддержал её догадку. Зоуло молча отметил, что число уходящих охотников равно пальцам одной руки с двумя пальцами на другой. Не ускользнуло от его внимания и то, что последний из них уходил прихрамывая.

– Не стали ждать нас, а то можно было уйти с ними уже сегодня, до наступления нового дня, – посетовал Саво.

– Чего теперь жалеть? Тем более что переправу мы сами наметили на завтра, – произнёс Туно тоже с нотками сожаления.

Сооружать лабаз не стали, надеясь провести ночь у огня. Набирая валежника, чтобы его хватило до утра, решили наловить рыбы на завтрак. Все помнили, какими косяками шла рыба во время предыдущей рыбалки. Но, к всеобщему удивлению, ни стаяк, ни одиночных крупных рыб в поле зрения не попадало. Мелочь, чуть больше и толще мальчишеского указательного пальца, безбоязненно щекотала ноги. Именно такая мелюзга водилась в ручье около их пещеры. Заметили и сереньких рыбок покрупнее, с раствором указательного и большого пальцев.

Наш современник узнал бы в рыбёшках гольянов и пескарей, а для всех снипс и пливс это были просто саот. Рыбёшки подплывали

и к опущенным в воду рукам, но мгновенно ускользали в разные стороны, когда кто-нибудь пытался схватить хоть одну из малявок.

– Таковую мелюзгу и в суот не поймаешь, – произнёс Зоуло с нотками сожаления в голосе. – Надо придумать что-то другое.

Вынх подозвал Туно. Снятую молчуном душегрейку они опустили на каменистое дно. Вскоре, осмелев, рыбёшки заплавали над орудием лова, находя там что-то съедобное для себя. Изловчившись, мальчишки подняли душегрейку с тремя гольянами. Это подстегнуло на рыбную ловлю новым способом не только Зоуло и Саво, но и Тавка с Сонх. Булут, оставшийся без напарника, бродил невдалеке, подгоняя стайки рыбёшек к месту ловли. Вскоре кроме гольянов стали попадаться и пескари, более крупные, но не менее доверчивые рыбёшки.

Ночью разразился дождь. Мокрые душегрейки не грели. Сухими они остались у Туно, Зоуло, Булута и Сонх. Девочка, как и мальчишки, укрыла напарника по рыбалке, прижалась к нему. Она ощутила прилив неведомых ранее и пока необъяснимых чувств. Сонх не сомневалась, что непонятные ощущения вызваны близостью друга, но не поделилась догадкой даже с Тавком, который, согрившись, преспокойно спал.

Утром подкрепились. Семи растущим организмам улова едва хватило, чтобы избавиться от острого ощущения голода. Желудки требовали чего-нибудь ещё. Дождь прекратился во время перекуса. Противоположный берег, где вчера были люди плывс, притягивал надеждой на скорую встречу с ними в их жилище.

Вчера всем показалось, что Вынх переплывёт реку без проблем. На деле оказалось иначе. Мешало плыть копьё. Работая одной рукой, он стал отставать. Течение бескомпромиссно несло всех вдоль переката. Тавк и Зоуло поплыли рядом с отстающим, сменяя друг друга в оказании помощи новичку на воде. Так они доплыли до прибрежной мели, где можно было встать.

Последовав примеру тех, кто доплыл до берега раньше, мальчишки разделись и развешали одежду для просушки. Солнце припекало, словно умытое хорошим ранним утренним дождём. Зоуло переживал о том, что промокший при переправе мох будет долго сохнуть.

– И в лесу после продолжительного дождя сухого мха не найти, – с досадой подумал он.

Разложив растопку тонким слоем на галечнике, Зоуло предложил погреться, а потом подкрепиться лепестками цветущей черёмухи. Не идти же на охоту голодными и голыми или в мокрой одежде. На добычу рыбы надежд ни у кого не возникло. Туно, Саво и Сонх стояли на галечнике, подставив солнцу спины, нежились в ласковых лучах. Булут лежал на прогревом солнцем галечнике.

Тавк непроизвольно задержал взгляд на единственной среди них девчонке. На её груди выделялись выпуклости. Это были не просто бугорки, как у него самого, а более заметные, девичьи. И бёдра подружки становились другими, округлыми, подчёркивающими девичью талию. Другие места, отличающие девочку от мальчишек, Тавк видел и раньше, не удостоил их внимания.

Девочка, купающаяся в ласковых лучах, увидев остановившийся на ней взгляд, засмушалась. В следующее мгновение она отвернулась, встала к солнцу лицом. Не давали покоя мысли:

– Наверное, он спал не очень крепко и чувствовал, как я прижималась к нему. А вдруг он считает, что я возомнила себя взрослой? Исправить бы нелепую ситуацию. Но как? Что ещё он теперь может подумать обо мне?

Тавк, как и другие мальчишки, подставил солнечным лучам спину. Он размышлял об увиденном:

«Взрослеет девочка. И она приятна мне уже сейчас. Скоро её привлекательность заметят другие, более взрослые. Я старше её на две зимы. Но успею ли стать взрослым ко времени её повзросления? Не получится ли так, что она понравится другому, а он понравится ей? Будет жаль, но изменить что-то станет уже невозможно. Хотя, чего гадать? Время покажет. Да и не безнадежно всё. К моменту моей взрослости «поспеют» те девочки, на которых сейчас никто не смотрит всерьёз – потому что пока у них не на что обращать внимание. Нет, будет очень жаль, если Сонх достанется другому. Такая знающая и уважаемая соплеменниками, она будет желанна для многих».

Все, забыв о желании подкрепиться, наслаждались теплом. После холодной дождливой ночи и переправы в студёной воде горной реки, тепло было особенно приятно.

Случайно ли это, но около черёмухового куста Тавк и Сонх оказались рядом. Сонх и сама могла залезть по стволу и нагнуть для себя ветку, но друг пригибал для неё самые цветущие. Догадываясь, что это ухаживания, девочка молча принимала их. Другие мальчишки ещё не доросли до симпатий к девочкам, не замечали меняющихся отношений между давними и неразлучными друзьями.

Охота долго оставалась безрезультатной, а желудки требовали более существенной пищи, чем лепестки. Очередной заяц заметил их и стремглав помчался прочь раньше, чем юные охотники обнаружили его. В поисках добычи незаметно забрели в дремучий лес. И не зря. Глухарь, перелетая с деревца на деревце, питался хвоей молоденьких низкорослых лиственниц. Подобравшись, чтобы не спугнуть, застали птицу врасплох. От брошенных почти одновременно копий было ни улететь, ни увернуться. Вернувшись на берег, развели костёр и отобедали.

Решили не ждать вчерашних знакомых, а попытаться разыскать их. Надежд воспользоваться обонянием не было – дождь смыл все запахи с кустов, камней и почвы. Единственным, подающим надежды на успех, было направление, куда ушли люди. Вскоре пришли к небольшой речке, впадающей в ту, по которой шли.

Продолжили поиски, идя против течения притока. Скалы, подступающие к берегам сразу от устья, могли иметь пещеру, обжитую людьми пливс. Не ошиблись. Она показалась на другом берегу речки невдалеке от устья. Перебрести её можно было там же, по перекату. Чтобы не оказаться в роли объедателей, надо было добыть себе кого-нибудь хотя бы на ужин. Пройдя немного вверх по течению, углубились в междуречье. Глухаря и зайца могло хватить на ужин и на завтрак. На обратном пути к трофеям охоты добавилась капалуха – самка глухаря.

ХIII. ПОБЕГ

Пещерные жители встретили путешественников радостно. Вчера охотники рассказали о детях снипс на другом берегу большой реки. Бабушка Хлут, присматривающая за детьми, оказалась единственной из взрослых. Мужчины и молодые сильные женщи-

ны ещё не возвратились с охоты, а другие жители пещеры были заняты сбором съедобных кореньев где-то вдоль побережий обеих рек.

Сверстники наших путешественников помогали матерям в сборе сырья для готовки пищи и приправ к ней. Малыши, как и в их родном жилище, играли в подвижные игры, иногда переходящие в стычки между играющими. Бабушка разнимала публику, возбуждённую какой-то очередной несправедливостью. Гости осмотрелись.

Пещера была достаточно просторной, но не имела продолжений, как в их родном доме. На закопчённых стенах виднелись рисунки, изображающие промысловых животных. Здесь нашлось изображение и маленького ушастого подобию лошади, и полосатого красавца, родственного тигру, загнавшему их самих на деревья, напавшему на их защитника и ставшего потом жертвой своей самонадеянности. Был здесь рисунок и самого уважаемого людьми снипс зверя – матёрого рыра. Везде из тел зверей торчали копыта для метания, а нападали охотники с копьями для ближнего боя или с топорами.

Охотники пришли первыми. Как и вчера, их было семеро. Вождя называли Куро. Мальчишкой, он звался Куво – организатор. Хромого, в соответствии с недугом, звали Чуф. Леко, и в детстве был толстячком, и теперь оставался упитаннее других, продолжал оправдывать своё имя. Лишь Хлут, в детстве и молодости игривая, теперь не оправдывала своё имя. А было время, когда она подшучивала то над одним, то над другим соплеменником. Из-за её шуточек приходилось то искать припрятанное ею, то оправдываться за что-нибудь, так как люди были уверены, что нелепость допущена именно тем, над кем подшутила игривая Хлут.

Вечерами бабушка рассказывала о проблемах поселения племени здесь, в этой глухомани, отдалённой от жилищ других людей не только чужих, но и родственных племён:

– Всё началось осенью. Как и другие племена, в начале лета мы уходили кочевать за мигрирующими стадами. Осенью, возвратившись, обнаружили, что наша пещера занята людьми черс. Пытаться отвоевать жилище не представлялось возможным –

в племени черс воинов было вдвое больше. Эти люди надолго не задерживались на одном месте. Они уже тогда постоянно продвигались дальше и дальше к восходу солнца. Что им там было надо, наверное, они сами не представляли. Просто они, в отличие от нас и вас, снипс, какие-то непоседливые.

– Значит, вы жили где-то там, где и мы. Между нами и этой пещерой стада не мигрируют и вряд ли мигрировали? – поинтересовался Булут.

– Да. Если смотреть отсюда, мы жили даже дальше, чем вы. Потому и пострадали за восемь зим до этой поры. До того люди, бежавшие от грязных злодеев, оповестили нас, что те не просто опасны. Они охотятся на непохожих на них людей, как мы на зверей. Мы съедаем побеждённого противника, а они охотятся для съедения, предпочитая мясо людей звериному мясу.

– Какая жуть! – вырвалось у Сонх.

– Увидев нас, черс устроили погоню. Наша беда была в том, что их маленькие подобия копий, тоже с каменными наконечниками, летели в три или более раз дальше, чем наши копья для метания. Они не бросали свои убийственные орудия, а отправляли их с помощью какого-то приспособления. Расстреливали нас, не приближаясь на расстояние броска копья.

Другие люди пливс уже познали на себе действие этих снарядов. Однако, как выглядело орудие стрельбы, они могли бы узнать, лишь пленив воина из племени черс. О пленении же не могло быть речи – черс были более успешны в поединках с другими людьми.

«Не исключено, что именно лук и стрелы, более прогрессивное оружие, позволили кроманьонцам завоевать «место под солнцем» на всей планете», – считают некоторые из наших современников.

– Убегать от преследователей с мин и мон на руках и со шкурами за плечами было тяжело. Черс, не обременённые ношами, истребили бы нас всех или оставили бы в живых только детей и женщин. А, может быть, и не оставили бы. На наше счастье, мы добежали до леса. Пожилые соплеменники решили задержать черс, спрятавшись за деревьями. Они прихватили у отступающих несколько копий для метания. Убегая, мы видели, что черс стали осторожно перебегать от дерева к дереву. Подпустив на расстоя-

ние броска, наши сумели поразить или ранить нескольких охотников на людей.

– Как здорово придумали ваши старики! – восторженно воскликнул Булут.

– Ещё как здорово. Черс, полагая, что копья брошены, вышли из укрытий. Бросив по второму копыю, наши лишили жизни ещё нескольких преследователей. А мы, зная, что остановка охотников на людей будет недолгой, избавились от нош. Бежать стало легче. Только очень сильный Кочей, как настоящий сохатый, продолжал нести тюк со шкурами. Как лесной кочей, он ломился напролом сквозь любую чащу. Через какое-то время нас снова стали догонять.

– Нет, эти черс не люди, а звери, – задумчиво произнёс Тавк.

– Три воина и воительница остались, чтобы защитить остальных. Их, как и стариков, больше никто не видел. Но они дали нам оторваться. Только вот незадача. Наш путь преградила река. Долго не думая, мужчины насадили на себя всю ребятню и подхватили на руки по женщине. Утяжелённые, они перебрали стремительный поток. Уставшие, мы едва успели скрыться в кустах на другом берегу. Черс побрели налегке, их сбивало с ног. Барахтаясь, они едва выбирались на противоположный от нас берег. Преследование захлебнулось. Враги разбились на две группы, вынюхивая, где мы вышли из воды. То, что мы на другом берегу, до них не доходило.

Сонх молча захлопала в ладоши, радуясь благополучному исходу побега.

– Не всё так хорошо, как хотелось бы. Мы остались без наших стариков и пожилых женщин. Не стало с нами части опытных охотников. Что особенно непростительно, где-то в лесу от нас отстали три мин и один мон. Всем им было зим меньше, чем пальцев на руке. Младших несли, а этим приходилось бежать самостоятельно. Искать потерянных малышей было бесполезно. Наверное, их нашли наши враги. Из детей там, среди черс, вырастут тоже изверги.

– Как страшно даже сейчас. А тогда я бы, наверное, умерла от страха, – призналась Сонх.

– На этом страдания не кончились. Оставшимся надо было выживать. Чтобы снова не столкнуться с людоедами, решили уйти подальше от них туда, где их нет, или появятся они нескоро. Тогда солнце уже висело над макушками деревьев за рекой. Мы, женщины, отыскиали небольшую поляну, невидимую с другого берега и принялись готовить место для ночлега. Ночами земля и воздух остывали, самые маленькие дети могли простудиться. Наломали и разложили для них лапника, а поверх него – травы, успевшей высохнуть на корню.

– Предполагаю, как непросто ночевать под открытым небом, да ещё и с малышами, – посочувствовала девочка.

– Мужчины охотились до темноты, но принесли самую малость, которой хватило только на перекус перед сном. Шкурами, которые принёс Кочей, едва удалось укрыть малышей. Остальные спали сидя. Утром поход к восходу продолжился. Через пару дней упёрлись в реку. Поиски брода оказались безрезультатными. Зато на другом берегу увидели охотников из снипс. Чтобы избежать проблем, зашли на день пути вверх по реке. Но и там брода не нашлось.

– Снипс не доставили бы вам проблем, – уверенно заявил Зоуло.

Хлут не обратила внимание на реплику, продолжала рассказ о наболевшем давно и ставшем памятным:

– Не нашли мы там и пещеру, в которой можно было бы скоротать время. Для перехода через реку по льду надо было ждать до зимы. Жить под открытым небом дождливой осенью, а зимой тем более, означало бы потерять в болезнях почти всех детей и ещё какую-то часть взрослых. Мужчины, а с ними более молодые и выносливые женщины полностью ушли в охоту. Надо было добывать мясо и шкуры. Остальные жители, включая малышей, стали палками копать вместительную нору в крутом песчаном берегу. Чтобы не произошло обвала, подставляли гибкие дуги из веток, связывая их. От входной норы, уходящей в берег на три роста мужчины, сделали два ответвления по два роста в длину и на рост в ширину. Такой была ширина и входной норы.

– Это же такой тяжёлый и долгий труд, – отметил Саво.

– Да, но другого выхода у нас не было. Нужно было любое жилище. Под подобием чумов из веток зимой мы бы точно замёрзли. Не только дети, но и взрослые. А в норах, береговой слой земли над нами мог удерживать тепло, не промерзнуть, задерживать где-то выше осеннюю влагу. Она действительно не просочилась в жилище. Но и в норе нужны были шкуры. Много шкур! Из них шили зимнюю одежду и обувь для всех оставшихся соплеменников. Ведь что-то весной, уходя кочевать, оставили в пещере, которую захватили черс, а что-то побросали при побеге, чтобы облегчить побег.

– Но даже для оставшихся в живых, надо было всё равно много одежды и обуви, значит, и шкур тоже много. Это, если для всех, – выразил сомнение Тавк.

– Много. Но шили не всем сразу. Первыми одели и обули охотников, потом детей и только после них тех женщин, которые работали дома, в норе. С наступлением холодов нетерпеливо смотрели, как подрастают забереги, сужая полосу открытой воды. Потом, когда ещё кое-где оставались полыньи, вождь и трое мужчин ушли на поиски пещеры. Без тех охотников стало ещё труднее обеспечить едой всех оставшихся. На охоту стали ходить и женщины, которые давно отошли от этого непростого дела, а недавно занимались шитьём. Охота зимой – очень непростое дело. Чтобы не увязнуть в снегу, приходилось ходить в стиф – снегоступах. В них и идти медленнее, и неудобно отскакивать от нападающего раненого зверя. В разные, но одинаково неудачные дни, трёх женщин принесли с охоты еле живыми. Двое из них не выжили. Не уберегли от болезней и четырёх малышей. Всех упокоили в конце одного из ответвлений норы.

– И без того малочисленное племя теряло не просто людей, а надежду на возрождение, которое возможно только при нормальном взрослении детей, – подметил Зоуло.

– И это всё случилось без вождя. Он ушёл, когда появилась новая луна, а вернулся к полному исчезновению следующей. Хорошо, что пришли все из ушедших. Поиск оказался удачным. Нашли свободное жилище вдали от обжитых мест, куда люди черс не появились до сих пор и вряд ли появятся при моей жизни. Нашли вот эту пещеру.

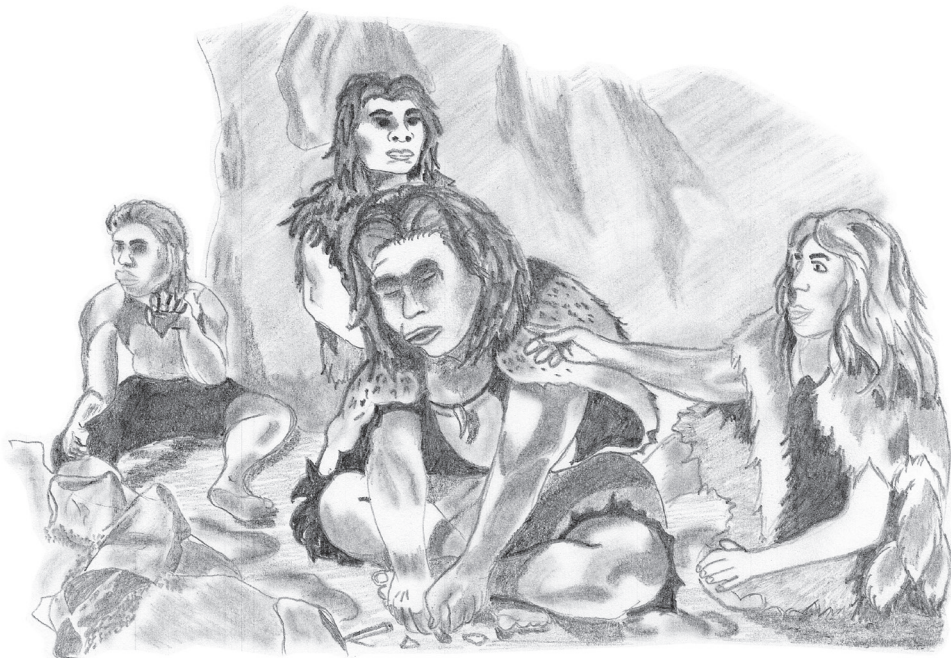
– Хорошая пещера! Для вас даже просторная, – вставил реплику Туно.

– А что было дальше? – поинтересовался молчун Вынх.

– Сразу на новое место не пошли. Зимой жить в кочевых чумах и без огня – это только терять людей от болезней. Зиму скоротали в норах. Весной двинулись с таким расчётом, чтобы успеть пройти реки по льду.

XIV. ПРОДОЛЖЕНИЕ МОНОЛОГА БАБУШКИ ХЛУТ

– Настывшая за зиму пещера не становилась теплее от дыхания людей. Тогда я вспомнила, что ещё маленькой видела, как добывается огонь. Мне было зим меньше, чем пальцев на двух руках. Но я не просто видела. После добычи огня взрослыми мы, дети, пытались повторить их успех. Наш мох не воспламенился, но попытка получить огонь мне запомнилась. Старших, чем я, в племени никого не осталось, уточнить что-то стало не у кого. Я расска-

зала и показала, каким должен быть сухой, немного согнутый сук. Нашли и относительно сухой древесный гриб.

– Неужели огонь можно получить при помощи кривого сучка и какого-то древесного гриба? – изумился Зоуло.

– Не какого-то, а сухого. И не просто сучок, а длинный, согнутый в дугу сук. Уперев его в гриб, при вращении, – бабушка показала, как это делалось, – можно дождаться возникновения огня. Но тогда сук ушёл в гриб на две косточки указательного пальца, а из ямки с дымком выходил пар. Сменяя друг друга, пещерники за пару вечеров навертели углублений в грибе столько, сколько пальцев на руке, а огонь не появлялся. Каждый день после охоты мужчины сверлили ямки в грибах. Луна успела вырасти из половинки до полной, а огонь не появлялся.

Бабушка Хлут остановила повествование, будто вспоминая что-то, чтобы не пропустить важное. Слушатели, а это и местная детвора, сидели затаив дыхание. Потом она продолжила.

– Мужчины отступились от добычи источника тепла. В злобе они пинками разбросали не только использованные грибы, и траву, но и все сухие ветки, приготовленные для растопки. Остался не тронутым только мох. Племя стало жить надеждой, как-нибудь дотянуть до лета, а там огонь можно взять в пожарище после грозы. Мне перестали верить, стали презирать меня. Есть стали позволять только тогда, когда насытятся другие соплеменники. Голод и стремление доказать, что я не выдумщица, подтолкнули меня к добыче огня самостоятельно.

– Неужели ты думала, что сможешь сделать то, чего не смогли мужчины, – изумилась Сонх.

– Представь себе такое, девочка. Я знала, что у мужчин из ямок выходил пар. Смекнула, что гриб всегда только казался сухим. Но что делать? Идти и разыскать сухой? Наверное, после осенних дождей они все такие же, напитавшие воду. А вдруг какой-то из тех, что разбросаны по пещере, успел подсохнуть? Разыскала тот, который сверлили первым, а в нём нашла местечко между насверленными ямками. Придерживая гриб ногами, приступила к добыче огня. Детвора с удовольствием стала помогать мне, поддерживая штурковину с отверстиями. Без отдыха я вертела и вертела сук.

Казалось, что скорее воспламенится кусок шкуры в руке, которой сук прижимался сверху. Нагрелась и шкура в руке, которой я вращала своё орудие.

– Так, пожалуй, недолго и руки обжечь? – поинтересовался Булут.

– Да, и руки жгло, и сама я вся вспотела, хотя в пещере теплее не стало. Меняла уставшие руки, но не останавливалась. Сук углубился больше, чем на косточку пальца, когда появился дымок. Но до этого доходило и у мужчин, поэтому обе женщины, находящиеся в пещере, не сразу обратили на него внимание. Других взрослых дома не было. Ранней весной охота особенно неудачна. За добычей ушли и женщины. Дымок густел, вынося из ямки запах гари. Я крикнула детворе, чтобы ближе поднесли мох и собирали все сухие веточки и травинки, которые распинали разочаровавшиеся и озлобленные прежние добытчики огня. Увидев суету детей, на меня обратили внимание и две женщины, которые шили новую обувь.

Бабушка умолкла. Даже воспоминания заставили её вспотеть, словно она не рассказывала, а снова добывала огонь. Видя нетерпение слушателей, продолжила:

– Но я изнемогала. Пот заливал глаза уже тогда, когда из ямки появился слабенький дымок. Одна из женщин воодушевилась невиданным ранее успехом, приблизилась к ямке. Не ощутив лицом влагу в дымке, она сменила меня. С новыми силами она вращала сук быстрее, чем я. Когда вращать устала и она, снова подключилась я. Мой дым, а не дымок, как когда-то у мужчин, наполнял пещеру едким запахом тлеющего гриба. Я вынула сук и увидела на дне ямки красноватое свечение. Казалось, что туда завалился уголёк. Опустив щепоть мха, мы вдвоём стали дуть в ямку. И растопка вспыхнула. Я добавила мха ещё и ещё. Пламя вышло из ямки. В ход пошла трава. Теперь уже втроём мы аккуратно, чтобы огонёк не умер, стали подкладывать стебельки травы и мелкие сухие веточки. Огонь набирал силу, но он родился в глубине пещеры. Надо было перенести его на полагающееся для племенного очага место – ближе к выходу из пещеры. Оставив меня у огня, соплеменницы сделали приготовления из травы и мелких веток

там, около стены у выхода. Потом они же бесстрашно подхватили палочками нагоревшие ветки и поднесли к своей заготовке.

– Получилось, получилось! Ты молодец, бабушка Хлут! – не дождавись продолжения рассказа, загорланили местные ребята.

– А тогда детвора приплясывала то около догорающих веток, оставшихся от моего детища, то перебегала к набирающему силу очагу племени и плясала там. Когда пришли охотники, мы со старшими детьми заготовливали дрова для возрождённого огня племени. В жилище ещё оставалось по-прежнему холодно, но у костра можно было греться. Стало возможным не только обжаривать свежее, но оттаивать и жарить то мясо, которое сразу не съели, а оно замёрзло. Все радовались, что больше не придётся есть мёрзлую строганину.

– С трудом верится, что и так можно добывать огонь! – выразил изумление Зоуло.

Хоть было и так понятно, что огонь горит в пещере благодаря ей, от похвал и приятных воспоминаний, вошедшая в кураж, Хлут продолжала рассказывать:

– Через два дня стены и свод нашего жилища покрылись снегом. Холод не хотел уходить из пещеры, но постепенно снег стал таять, а на его месте появилась сырость. Прошло немало времени, пока всё просохло, а жилище стало таким, каким ему полагается быть, если в нём живут люди. Сейчас, кажется, все уже забыли, что именно я спасла племя от вымирания в холоде. Только Куро, наверное, из уважения, прислушивается к сказанному мной. А тогда, обнаружив польхающий костёр, охотники побросали трофеи и прибежали к месту сбора дров. Выяснив, что основная заслуга в добыче огня принадлежит мне, мужчины и женщины качали меня своими руками, уставшими на охоте и от переноски добычи.

– Тогда тебя перестали презирать? – спросил кто-то из местной детворы. – А что было потом?

– Потом было всякое. Из мальчишек, дошедших с нами до этого жилища, остались только Слос и Чуф. Хромоногим Чуф стал позже, где-то в вашем возрасте. Он упал с дерева, когда на него, пытающегося достать из дупла медовые соты, набросились пчёлы.

Ещё два мальчишки примерно его возраста погибли в их первую охотничью зиму. На охоте погибла и красавица Сия. С ней ещё раньше приключилось несчастье. Причастен к нему здоровяк Кочей. Когда-нибудь я расскажу вам и об этом. Несчастья не покидают наше племя до сей поры. Многие дети либо вообще не рождаются, покидая чрево матери ещё до видимого увеличения её живота, либо умирают младенцами. До пяти зим доживает один из пяти родившихся. Случается, что рождаются уродцы, которые стали бы обузой для племени. От них избавляются.

Зоуло сразу вспомнил Пнихо. От него тоже могли избавиться, если бы не запрет вождя. И он никакая не обуза племени. Не представлял тогда мальчишка, какими могут быть врождённые увечья. Потому-то мысленно осудил жителей этой пещеры. А пещерники тогда не могли знать, что причиной бед, преследующих их потомство, могут быть близкородственные браки. Если, конечно, интимные отношения между мужчинами и женщинами можно было назвать браками.

Путешественники успели заметить, что у этих пливс нет длительных отношений между разнополыми существами. Смена партнёров и партнёрш была обычным явлением. Это никем не осуждалось и не пресекалось. Только вначале пребывания на этой стоянке гостям было непонятно, почему здешние дети не знают своих отцов. Отношения взрослых, не скрываемые от своих и чужих детей, вскоре дали разгадку непонятного. Тех детей, которые рождались, здесь считали родственниками только бабушка, тётки и дяди по материнской линии, то есть мать, сёстры и братья мамы конкретного ребёнка. Все они считали кровной сестру, рождённую их матерью. Кровными им были и дети сестры. Сонх поинтересовалась:

– Если здесь родство признаётся только по материнской линии, то почему, как и у нас, здесь главное мужчина?

С задумчивым видом пожилая женщина пояснила:

– Как знать, может быть, что когда-то женщина и была вождём племени. Была, наверное, пора матриархата. Но мужчина сильнее. Он и взял управление соплеменниками на себя. Нам, женщинам, осталась роль продолжательниц рода-племени. Да не всё теперь

гладко с продолжением. Не в том ли причина, что мы отгородились от мира людей? Кажется мне, что одна женщина из чужого племени, а один мужчина тем более, могли бы оздоровить ситуацию с рождающимися детьми. Но здесь кражи девушек из других племён стали невозможны из-за нашей скрытности и удалённости. Совсем невероятным стало и пленение раненого воина другого племени. Эх! Вымрем мы от своей самоизоляции.

– Неужто вымрете? – сочувственно переспросил Вынх.

– Этого знать никто не может. Всё в нашем мире подвластно времени. Только оно решает, быть или не быть, жить или не жить, – ответила Хлут.

– Ты сказала матриархат. Может тогда женщин ценили даже больше, чем в нашем племени, – предположила Сонх.

Пожилая женщина оживилась. В ее глазах появилось что-то лучистое, обнадёживающее. Она продолжила свой монолог, изредка прерываемый кем-нибудь из слушателей.

– И не потому ли стены нашего прежнего жилища были украшены изображениями женщин? Одно их них – момент кормления материнской грудью малыша. Получилось ли у художника изобразить ребёнка таким, каким он был или это оказалось результатом искажения действительности, но малыш на руках матери выглядел возрастом в две зимы или даже чуть старше. Кто-то из нас, девочек, поинтересовалась, почему так. Нам с охотой пояснили, что такие большие малыши прикладываются к материнской груди лишь тогда, когда мать покормила младенца, а молоко осталось.

– А я помню, как сосал материну грудь, когда младшего братишку хвороба забрала в мир тьмы, – не скрыл факт от окружающих один из местных слушателей.

– Как и тогда, до достижения двух зим сосунков отнимают от груди и сейчас, – сообщила Хлут тонкости, которые в будущем могли оказаться полезными девочке из другого племени. – На другом рисунке женщина что-то помешивала лопаткой или размельчала пестом зёрна. В роли ступы можно было представить поверхность изображённого камня. И на это нам тогда дали разъяснения: «Женщина толчёт зёрна ячменя, который растёт на гор-

ных лугах». И здесь осенью мы заготавливаем ячменные снопы. Потом их просушиваем и вышелушиваем из колосьев зёрна. Зимой зёрнышки можно просто грызть или из растолчённых печь лепёшки. И наши рисунки здесь, в этой пещере, все имеют ритуальный характер. При всеобщем обращении к ним, они приносят удачу – одни на охоте, а другие – при сборе растительной пищи.

Отличием, не ускользнувшим от внимания подростков, было отсутствие животного-покровителя, которому бы местные жители поклонялись. У них дома таковым был рыр. У него просили удачу, ему приносили в жертву тела достойных. Охотники их пещеры, люди снипс, убили рыра лишь однажды. Той весной он напал на людей.

Не зная слово «религия», путешествующие дети ощущали необычность отношения к объекту поклонения. Здесь не увидели для поклонений не только священного животного, но и какого-нибудь каменного, глиняного или деревянного идола. Изумлял своей необычностью факт захоронения соплеменников.

Эти пливс всех, малышей и воинов-охотников, предавали земле в одном из углов пещеры. Во время стоянки у реки ушедшим в мир тьмы выделили место в конце одной из нор. Узнали дети-путешественники и то, как это происходит. Оказалось, что покойного клали на бок с подогнутыми к подбородку коленями. Люди пещеры путешественников, принося в жертву своих достойных, усаживали их с подогнутыми к лицу коленями. Наш современник назвал бы это положение позой эмбриона в утробе матери. При этом люди пливс труп просто прикрывали слоем земли, чтобы он, разлагаясь, не смердел. Никаких обрядов над трупом или поклонений в местах захоронений пещерниками-отшельниками не проводилось. Но погибших в бою или на охоте непременно приносили домой. Там в ямке они, достойные из достойных, обретали вечный дом.

Вместе с покойным земля принимала охотничьи и воинские амулеты. Считалось, что не спасшие своего хозяина, они неспособны спасти и того другого, кому стали бы принадлежать. Охотничьим амулетом этих пливс могли быть: коготь медведя, тигра, гепарда или рыси, клюв или коготь беркута, умело обработанная пластинка из рога сохатого, роговица пальца с копыта горного ба-

рана. Воинским амулетом часто становился хрящ ушной раковины противника. Если племя нападало, то все углем наносили на тела ритуальный раскрас. Если нападали на них самих, то времени для раскраски тел не было. Но и тогда воины-защитники успевали нанести на тела по несколько угрожающих полос углем из костра или сажей со стены.

Был у бабушки Хлут повод для особой радости и гордости.

– Отсутствие войн с другими племенами прекратило людоедство. Съесть тело убитого врага и тем отметить победу, было в порядке вещей у всех: у пливс, снипс и черс. Если эту традицию я, все мы и вы с трудом можем терпеть, то охоту на людей ради их съедения объяснить и оправдать не может никто. Наши люди уже восемь зим не людоеды! – гордо заявила пожилая женщина.

XV. «ВЫРОДОК ГИЕНЫ»

В тот вечер юные охотники пришли в пещеру довольные. В скалистых горах, куда они ушли ещё вчера утром, удалось зажать между скал горного барана. Животное, как казалось мальчишкам, оказалось в безвыходном для него месте. Но вольнолюбивый рогатый красавец, уже получивший несколько ранений, нашёл выход. Чтобы прорваться из окружения, он понёсся прямо на Булута. Мальчишка не только сумел увернуться от удара мощными рогами, но и успел вонзить копьё под лопатку мчащегося прочь животного. После всех ранений баран не мог уйти далеко.

В пещере к дружной компании подседа бабушка Хлут. Она поведала о разговоре мужчин во время завтрака, пересказав его почти дословно:

– Как думаете, останутся дети с нами или уйдут к своим? Не от хорошей же жизни они покинули племя, – предположил Чонх.

При этом ни один мускул на лице не выдал его настроения. Хмурость, в честь которой он получил своё имя, оставалась неизменной и непроницаемой.

– Ну, Чонх, и задал же ты вопросик. Хотя, зачем их оставлять здесь? Настоящими охотниками мальчишки станут через две зимы, а пока они только лишние рты. Это летом непоседы обеспе-

чивают себя едой, а зимой носа не высунут из пещеры, – поделился мнением Чакт.

Всегда весёлый, он и в этот раз говорил без намёка на грусть или серьёзность. Слос, что означает «малыш», поддержал соплеменника:

– Ты прав, Чакт. Зачем нам лишние рты этих долговязых. А вот девочку можно и оставить. Она продолжила бы наш род.

Зикс, всегда тихий, возразил:

Не останется она, Слос, если прогнать мальчишек.

Слос тут же парировал:

– Если сделать её женщиной, то ей понравится ощущать себя взрослой. Тогда-то точно останется.

Пережёвывая, все молча обдумывали эту мысль. Потом Чонх произнёс:

– Она ещё ребёнок. Рано делать её женщиной. Или ты забыл, что стало с Кочеем. А как потом болела Сия! Кочей тогда до поры польстился на красавицу.

– Помню. Изгнали его из племени, хоть и был отменным охотником, – не возражая, ответил мужчина-малыш.

– Вот то-то. Не под стать тебе хлюпику – сильный, как лесной кочей. Остаток зимы он в одиночестве пережил. Неизвестно только, замёрз он второй зимой или погиб в лапах зверя. Ты и зиму не протянул бы, – улыбаясь, разглагольствовал Чакт.

– Нашли что сравнивать. Сия – это наша девочка, а Сонх – чужачка, пришлая. За неё и ответ другой, если что, – уверенно заявил Слос.

– Если уверен, что тебе ничего не будет, так испытай, – вставил реплику Зикс.

Всегда тихий, он сказал это так, что невозможно было понять, осуждает он или подталкивает проверить, что будет потом.

– Я же не такой бугай, как Кочей. Это он покалечил девочку так, что она потом не смогла стать матерью, не родила ни одного ребёнка. А я-то что? Малыш, одним словом.

– Завтрак закончился и все разошлись по делам. Если бы был у костра Куро, он бы не дал разглагольствовать на эту тему. Но он, как и вы, вчера ушёл с Чуфом и Леко на летние охотничьи угодья.

Сегодня они должны вернуться. Слово вождя – закон для всех. Без него – каждый сам себе хозяин, хоть и оставил он Чонха за старшего, – поведала пожилая женщина.

И тут же с тревогой в голосе добавила:

– Уходить вам надо. Как бы беды не случилось.

– Уйдём, бабушка Хлут. Утром и уйдём. Не идти же в ночь неведомо куда, – заверил Зоуло.

Ночью, спящая на боку Сонх ощутила, что кто-то небрежно повернул её на спину. Проснувшись, почувствовала бесцеремонные действия сильных мужских рук. Пещеру огласил пронзительный визг девочки. В отблесках тлеющих головешек она увидела мужчину пливс и от страха завизжала ещё пронзительнее. Она свернулась в комочек, стала кусать и царапать ночного «охотника» до приключений.

Мужчина над ней взревел от боли, но не от той, которую успела причинить Сонх. Так первым из мальчишек вскочил от крика подружки. Копьём, словно длинной палкой, он приложился вдоль спины домогавшегося. Пять мальчишеских копий упёрлись в бок обидчика Сонх так, что при чуть большем нажатии вошли бы между рёбер негодяя. А тот явно не ожидал такой реакции от детей. От боли и опасения получить ранения он придвинулся к стене пещеры с рёвом:

– Убивают! Спасите от пришлых.

Не получив достойного осуждения во время завтрака, он был уверен, что за него заступятся. А девочка, поджав колени к подбородку, ревела навзрыд. Не так оперативно, как мальчишки, покинули свои лежаки хозяева пещеры. Схватив копья, они метнулись вглубь жилища, откуда продолжался двойной рёв: их соплеменника и девочки. Увидев такую реакцию хозяев, Зоуло приказал:

– Держи его, Булут. Остальные – со мной.

Бабушка Хлут, подкидывая в костёр дров, чтобы стало светлее, выкрикивала:

– Совсем уже одичали! Она же ещё совсем ребёнок, а не просто новенькая. Мало ему, пакостнику, досталось!

В свете костра вождь увидел сжавшуюся в комочек и ревущую во весь голос девочку, исцарапанного и припёртого копьём к сте-

не соотечественника да выставленные вперёд пять мальчишеских копий. Дети были готовы к отражению атаки взрослых. С более короткими и лёгкими, чем у взрослых, копьями мальчишкам было бы сложно отражать штыковую атаку, но разве думали они об этом в тот напряжённый момент. Они не наступали, но и отступать им было некуда.

– Останови их, Куро! Дети не виноваты, они защищают подружку от нашего блудливого самца Слоса, – кричала возбуждённая происходящими событиями бабушка Хлут.

Вождь выставленной вбок рукой остановил воинственных соплеменников. Он первым опустил копьё. Выкриков пожилой женщины было достаточно, чтобы оценить ситуацию. К тому же своё возмущение происходящим выпалил Зоуло:

– Слос хотел сделать Сонх женщиной, но это ей ещё слишком рано! У нас так не принято! Потому-то мы защищаем свою соплеменницу. Видишь, как страшно и обидно ей!? Она до сих пор ревет без передыха.

– У нас тоже такое не принято. Вставай, выродок вонючей гиены! Отпусти его, мальчик.

Обратившись к мальчишкам, вождь сказал:

– Воины, поднявшие оружие на кого-то из нас, подлежат уничтожению. Но вы ещё не воины. И этот вонючий выродок гиены – не один из нас. Верно, люди!?

В пещере эхо повторило сказанное каждым её жителем:

– Верно!

– Уйди, презренный. Тебе не место среди людей.

– Но она же пришлая, не наша, – оправдывался изгоняемый из племени.

– Она ребёнок! И этим всё сказано, – прервал оправдания Куро.

При этом он приложился своим копьём к спине уходящего ещё ощутиее, чем Тавк. Мальчишки успокаивали Сонх:

– Вот, видишь? Всё хорошо. Блудливого самца нет в пещере – вождь вступился за тебя. И мы не дали «гиене» обидеть тебя больше, чем он успел...

Девочка улынулась сквозь слёзы и тихо сказала:

– Что бы я без вас делала, мои мальчишки!? Вы все огромные молодцы!

– Гости, вы свободны, можете уходить, но можете ложиться и досыпать. Больше вас не тронут. И вы тоже идите спать, – обратился вождь к соплеменникам. – Утром уходим на летние уголья, надо выспаться. Жалеть изгнанника не надо и не будем.

Перед сном рядовые мужчины-охотники в чём-то убеждали вождя. Говорили они как-то заговорщицки. И это не только потому, что не хотели будить женщин. А большинство местных детей ото всех криков и плача даже не проснулось.

Ранним утром, когда племя ещё спало, пожилая женщина попрощалась с детьми-путешественниками. Хлут сообщила, что они могут не корить себя за то, что изгнанник сгинет из-за них. Мужчины сослались на то, что Слос не сделал то, что хотел. Напу-

гав девочку, он не причинил вреда её здоровью. Пусть этому помешали мальчишки, то есть вы, но беды-то не случилось. Мужчины убедили вождя принять провинившегося собрата обратно в племя. Куро решил, что так и будет, но лето тот пусть помытарится один. Зимой он в одиночку бы точно не выжил. Кочей не ему чета и то сгинул во вторую зиму.

– Не сгинул он. Прибился к племени снипс, с ними и живёт, – внёс ясность Булут.

Зоуло рассудил по-взрослому:

– Наверное, так будет лучше. Руки на охоте не бывают лишними. Слос хоть и неказистый, но мужик, добытчик.

– А я не прощаю его. Не стал бы сожалеть, если бы довелось узнать, что его порвал зверь, – сообщил Тавк.

Сонх поддержала друга:

– И я не прощаю его.

XVI. В ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

Перед уходом Зоуло уточнил у Хлут:

– Ваши охотники уверены, что дальше вас в направлении на восход солнца людей больше нет?

– Никого нет. Мы живём дальше всех. Люди пливс и снипс есть в направлении противоположном полуденному солнцу.

– Там, где солнце никогда не бывает? – уточнил мальчишка.

– Да, там, – подтвердила пожилая женщина. – Говорят, что там же, но где-то ещё дальше, проходят к восходу люди черс. Там горы пологие и перевалы ниже – удобнее кочевать. Да и стада могут мигрировать в тех краях. А вы куда теперь? – поинтересовалась Хлут.

– Сначала переплывём на тот берег, а там видно будет. Спустимся по реке на несколько дней пути. Оттуда до своих, идущих за мигрирующими стадами, будет ближе. Встретить людей во время перехода едва ли удастся. Стоянки, наверное, пусты. Все кочуют, набираются сил и жира к зиме, – предположил Тавк.

– А наши сегодня уходят дальше в горы, к полуденному солнцу. Туда же поднимаются стада козлов и баранов. На высокогорных

пастбищах и травы сочные, не сохнут, как внизу, и всяких кровососов меньше, – поведала провожающая.

– Ой, Хлут, лучше бы не вспоминала о кровососах. Мелюзга, а укусы от неё такие болючие, – посетовала Сонх.

Снова плыли, подстраховывая Вынха. К всеобщей радости, он не разучился плавать. Что у него не стало получаться лучше, на то не обращали внимания. Хлут шла по своему берегу, стараясь быть ближе к пловцам, словно своим желанием и впрямь могла помочь удаляющимся от неё к другому берегу.

Дальше, за ней, от жилища уходили большие и маленькие кочевники. Уходящая ребятня помахала преодолевшим поток путешественникам и скрылась за кустами, растущими вдоль тропинки, уводящей к летним угольям. Дети разделись, чтобы отжать мокрую одежду. Не нести же на себе лишнюю воду. И без дополнительной нагрузки ноги за дневной переход успеют подустать.

Раздеваясь, Зоуло молча отметил, что раскрошившийся от сухости мох при переправе промок. Было бы бесполезно пытаться высушить это крошево. Рядом с берегом он содрал с дерева такой же, но живой и полусухой, положил его на успевшие разогреться камни. Он предложил:

– Сушим одежду, пока высыхает растопка. Этот мох не болотный, не такой сырой, как тот, подсохнет быстро.

Тавк от нечего делать подошёл к воде. Рядом с берегом, едва повиливая хвостом, на мелководье грелся огромный налим. На цыпочках, чтобы не греметь галечником под ногами, он вернулся за копьём и позвал друзей.

– Чем больше нас, тем больше шансов, что не промажем, – заверил Тавк.

С копиями наизготовку, так же на цыпочках подкрались к воде. Налим успел сместиться шага на два, но оставался на мелководье в трёх шагах от сухого галечника. Чтобы не спугнуть плавающий завтрак, глубоко заходить в воду не стали. По команде обнаружившего добычу все разом ударили остриями копий по едва шевелящейся добыче. Попали только Вынх и Зоуло, но и этого оказалось достаточно, чтобы пригвоздить налима к каменному дну.

Тавк и Саво забежали в воду и приподняли рыбину по упёртым копьям. Потом взялись за копьё ниже вырывающегося трофея.

– Теперь она наша! Не уйдёт вкуснятина, – с довольным видом произнёс рыбак, обнаруживший рыбину.

Как на носилках, налима и вынесли на берег. Чтобы трофей снова не оказался в воде, Вынх не стал вынимать из него своё оружие.

Мох не подсох. Зоуло разложил его более тонким слоем. Рыбина, несмотря на живучесть вне воды, успела замереть, не трепыхалась. Ребята принялись собирать топливо для костра: мелкие веточки и коряги, вынесенные на берег большой водой. К тому времени растопка и одежда подсохли. Хорошо перекусив и облачившись, двинулись вниз по реке. Путешествие к сородичам началось благополучно. Было немного жаль, что пребывание с пливс получилась таким коротким. Но и в случае, если бы не было ночного происшествия, расставание было неизбежно именно сегодня. Следовать с пливс на их летние охотничьи угодья не планировалось.

Сонх обратила внимание на то, что никак не запало в мальчишеское сознание, воспринималось ими само собой разумеющимся.

– Вы заметили, что у нас в пещере и везде, где мы побывали, женщины не просто не ходят растрёпами, а везде прибирают волосы? К тому же почти одинаково.

– Что же здесь удивительного? Это мужику можно быть чуть красивее, чем рыр. А женщина должна быть привлекательной, – с улыбкой произнёс Тавк.

На смуглых щеках Сонх проступил румянец стеснительности. Она почему-то вспомнила те мгновения, когда во время дождя прижималась к другу. Вспомнились и ранее неведомые ей ощущения, которые она испытывала в те мгновения.

– Привлекательность, Тавк, наверное, важна, но значимо и другое. Волосы женщин длиннее, чем у мужчин. Свисающие до пояса и даже ниже, неприбранные, они мешали бы работать. Важно, Сонх, и то, что прибирают их почти одинаково. И этому тоже есть объяснение. Можно было бы перехватывать их корой ивы. Она гибкая, но, высыхая, становится хрупкой и ломкой. Такие при-

способления пришлось бы каждый раз менять на новые. А вот на берестяной ленточке, брошенной в костёр, обгорают все неровности, она становится гладкой и скручивается в многослойное кольцо. Растянув бересту, можно обхватить ею пучок волос, а когда отпускаешь, она сама скручивается и крепко держит волосы. И это можно делать много раз, – продолжил разговор Зоуло.

Один день сменялся другим. Ручьи и малые речки, впадающие в реку, не препятствовали продвижению, не задерживали путешественников. С заходами в лес для охоты, прошли по берегу три дня. Встречающиеся по берегам скалы были без пещер. Ничто не говорило о близком присутствии людей.

Шёл четвёртый день пути. Река, мчащаяся до этого от полуденного положения солнца, повернула на восход. Дети решили продвигаться дальше в прежнем направлении. От реки, в её узкой долине, подъём был сначала пологим. Вскоре крутизна увеличилась. Но и тогда подъём ещё не был утомительным, располагал к размышлениям. Зоуло погрузился в раздумья:

«Широка земля-матушка! Нет ей ни конца, ни края. Это для людей высочайшие горы и широкие бурные реки могут стать преградой. А она вобрала в себя и горы, и реки, и равнины между ними. Можно поражаться бескрайними просторами, но немного тех, кого восхищает родной край. Большинство из нас не обращает внимания ни на величие, ни на красоту. С ними трудно не согласиться. И впрямь, красота – не кусок мяса, её в рот не положишь и сыт ею не станешь».

Что-то на мгновение отвлекло мальчишку от раздумий, но он вновь сосредоточился на прежней теме:

«Таких большинство, но не все. Кто-то даже не просто восхищается красотой, а ещё и пополняет её – изображает на стенах жилищ. Соплеменники держат тех творцов прекрасного за чудаков. Найдётся ли когда-нибудь кто-то, кто восхитится творениями? Оценят ли самих творцов, имена которых поглотит безжалостное время?»

Зоуло не заметил, как из леса вышли на чистое место. Среди огромного высокогорного луга виднелись редкие кустарники. Но и они не нарушали картину величия и простора. Буйные травы

ласково трепал ленивый летний ветерок. Колышась, они играли оттенками зелени. Романтик обратил взор выше перевала и увидел пару беркутов. Они выписывали в небе фигуры, с земли кажущиеся кругами. В небе не остаётся следов и трудно определить, по одному и тому же месту летает птица или она выписывает что-то более сложное, чем круг, пролетая каждый раз над новым местом.

«Бирк, не просто сильная птица. Она ещё и особенная из всех птиц. Не зря в её имени звук «р», как у рыра или в имени вождя – Суро, например», – размышлял мальчишка-романтик.

Сонх заметила задумчивость Зоуло в тот момент, когда он любовался полётом птиц.

– Вывели птицы потомство, высидели. Теперь вдвоём летают, чтобы прокормить своих деточек, – подметила девочка.

– Гнездо где-то в тех скалах. Вот бы достать тех птенцов к обеде, – продолжил Туно разговор о птицах.

– Ты что, совсем мозгов лишился или тебе так кажется? Попробуй приблизиться к гнезду. Не сомневайся, бирк найдёт остатки твоих мозгов. За птенцов он тебе темечко враз продолбит. Клюв-то у него ой-ёй-ёй какой. Да и другой бирк сделает то же самое.

– Верно подметил Булут, хоть и младше тебя, бесшабашного, – вставил осуждающую реплику Саво.

– Где-то на земле их добыча. Но Туно и его темечко они ещё не приметили. Или не уверены, что его мозг понравится их птенцам, – пошутила Сонх.

– Вон там время от времени видны рога козла. Наверное, это вожак и он поднимает голову, чтобы осмотреться по сторонам. Однозначно, он там не один – с ним стадо. Давайте подкрадёмся, попробуем добыть одну козочку. Это было бы не хуже птенцов и существование для животных, – предложил Тавк.

Пригибаясь, стали бесшумно приближаться к стаду. Оставалось уже немного, когда более крупная из птиц, вероятно самка, камнем ринулась вниз. Мгновение и из травы вырвался пронзительный козий крик. В нём слышались безвыходность, отчаяние и зов на помощь. Но даже вожак не посмел защитить беспомощно бьющееся животное своего стада. Он уводил остальных, спасаясь бегством.

Юные охотники ринулись к месту схватки. Беркут ещё парил, когда ребятня во всю ребячью прыть понеслась вверх по склону. Лишь Зоуло заметил, что и вторая птица несётся камнем. И не просто вниз, а прямо на них.

– Все в кучу! Копья вверх, – скомандовал он.

Собраться в одну кучу не получилось. Он сам, Тавк и Вынх, бежавшие впереди, образовали свою кучку, а остальные – свою. Беркут, наверное, не обратил внимание на выставленные копыя. Или не успел среагировать на них. Со всего маха сильная грозная птица нанизалась на все три копыя. Когти широко расставленных мохнатых лап судорожно цепляли древки, не доставая до мальчишеских голов. На рыжеватой груди около шеи и крыла выступила кровь. Третье копьё вонзилось около ноги. При этом птица в агонии нашла силы, чтобы сделать взмах крыльями.

– Улетит. Прижимаем к земле, – крикнул Зоуло.

Подбежавшие мальчишки уже вонзили копыя в бок под второе крыло и помешали взлететь. Повалив на землю, Тавк наступил птице на шею, лишил возможности дышать. Птица пыталась ногами устранить препятствие для дыхания, но частокон копий помешал дотянуться до удушающей ноги. Тавк не стал ждать, когда птица поранит его и сам добил беркута.

Оставив мёртвую птицу, побежали к месту расправы другого хищника над молоденькой козочкой. Впившимися в жертву когтями сильные ноги птицы стягивали шкуру козочки. Мощный клюв лишил несчастное животное обоих глаз. Но грозное оружие хищника продолжало наносить удар за ударом. Казалось, что через глазные отверстия пернатый охотник стремится добраться до мозга. Увидев подбегающую толпу, птица, медленно набирая высоту, тяжело взлетела вместе с трепыхающейся добычей. Догонять перепуганное козье стадо было бесполезно. Пришлось на ужин довольствоваться мясом беркута.

Даже подойдя к скалистой седловине, долго искали проход между нагромождениями огромных глыб. Не имея альпинистской подготовки, пытаться штурмовать почти отвесные каменные стены, было бы безрассудством. Когда миновали седловину перевала, солнце клонилось к вершине соседней горной гряды. Даль-

ше путников ждал крутой спуск. Крутизна и путающиеся в ногах травы горного луга, испаряющие букет ароматов, препятствовали быстрому продвижению.

Впереди, вблизи дна глубокого ущелья, протянулась узкая полоса хвойного леса. Где-то на дне среди деревьев должна была протекать небольшая речка, пока ничем не выдающая своего существования. Выбирая удобные проходы между редкими кустами и выступающими из земли огромными валунами, ватага быстрым шагом, чередующимся с короткими перебежками, спустилась к кромке леса. Когда углубились в него, сумерки стустились. Лабаз строили при отсветах костра.

К сожалению юных путников, мясо напавшего на них беркута оказалось жёстким даже после тщательной обжарки. Причиной мог быть только преклонный возраст птицы. Но это было всё-таки мясо, способное утолять голод. Зоуло долго не спалось. Не действовал убаюкивающее и непрекращающийся шум реки. До наступления темноты не удалось пройти по ней даже нескольких шагов. Ночью предводитель пытался определиться: идти ли завтра, удаляясь от полуденного положения солнца или обследовать реку, выяснить наличие жилья, пусть даже оставленного людьми на время кочевий за мигрирующим стадом.

Утром осмотрелись. Ширина речки в шагах оказалась чуть больше, чем пальцев на двух руках одного из путников. Но это если идти по сухой ровной почве. Под водой беспорядочно торчали острые скальные обломки, обросшие скользкими зелёными водорослями. Глубина речки небольшая – была бы выше колен, но течение настолько стремительное, что не оказаться сбитым с ног, преодолевая поток, показалось невозможным.

Решили не переходить на другой берег, а исследовать часть реки выше по течению. Путешествие начали без завтрака, хотя можно было перекусить остатками от беркута. Недоеденное вечером мясо старой птицы не прельщало и утром. Осторожно продвигаясь вдоль кромки леса по скальным осколкам берега, набрели на глухаря, выбирающего мелкие камушки. Глухарём и позавтракали. Вскоре огромная скала подступила к самой воде. Для того чтобы её осмотреть, требовалось перейти на другой берег.

Вспомнили рассказ бабушки Хлут. На Тавка и Вынха взгромоздились Туно и Саво, Зоуло нагрузился крепышом Булутом, а Сонх повисла на плечах Тавка и Вынха. Наездники, Туно и Саво, подерживали её. Осторожно выбирая место для постановки ноги, преодолели стремительный, бурно клокочущий поток. Проходя по берегу, пытались увидеть расщелину, за которой мог скрываться грот. Скала оказалась цельной.

Каменные изваяния встречались ещё и ещё, но все без признаков пещер. При этом для увеличения обзора приходилось бродить с берега на берег. Только к концу второго дня подъёма по речке заметили в скале щель. Сквозь чашу на склоне горы с выступающей скалой пробрались почти до входа. Узкий уступ, по которому, прижавшись друг к другу, одновременно могли пройти лишь двое, доходил до щели. Сама же щель начиналась выше, её начало приходилось на высоту, которая была по пояс мальчишкам. Отметим, что вход в предполагаемую пещеру высотой в два мальчишеских роста. Ширины оказалось недостаточной для полного размаха рук только у Тавка, самого рослого из мальчишек. Углубляясь в гору, щель почти не расширилась. Для проживания племени она была бы слишком мала. Пригодную для ночлега небольшой группы, её использовали в качестве безопасного укрытия на одну ночь.

Река становилась всё уже, но стремительнее. Частые водопады затрудняли продвижение. Потратив ещё день и не найдя пригодную для жилья пещеру, вернулись к месту выхода на эту реку. За три дня пути вниз по течению от первой стоянки обнаружили ещё одну пещеру. Она оказалась вместительнее и могла приютить небольшое племя. Похоже, что раньше, когда-то давным-давно, в ней жили. У выхода следопыты обнаружили еле различимые следы старого кострища. Подход к вероятному жилищу оказался более доступным, чем у ранее необитаемой щели в скале, приютившей путников на одну ночь. В ней не задержались.

И снова, нагруженные друзьями, мальчишки перешли на другой берег, чтобы продолжить путешествие. На преодоление крутого подъёма потребовалось несколько передышек. В небе парили несколько соколов. Чтобы не стать добычей беркутов, эти хищни-

ки охотились над территориями, отдалёнными от гнёзд опасных хозяев неба. Но здесь не оказалось ещё одних пернатых хищников, ястребов, которые могли стать кормом для соколов. По паре на каждого, при подъёме добыли зазевавшихся куропаatok.

За скалистым перевалом путников встретило новое ущелье. Но и оно разочаровало непригодностью для жилья. Противоположный этому перевал казался совсем рядом. Уставших путников радовало, что он ниже того, на котором стоят. Подъём на него хоть и такой же крутой, но менее затяжной, потребует меньших усилий.

XVII. МАЛЕНЬКИЕ УДАЧИ

Ещё стоя на перевале, догадывались, что на дне узкого ущелья течёт ручей или речка с водопадами и с очень стремительным течением. Вдоль её берегов непременно должны бы возвышаться скалы. А это надежда на то, что найдётся подходящее жилище.

– Зачем нам искать новую пещеру? Неужели тебя не устраивает наша стоянка? – спросил Булут.

– Или ты думаешь, что нас станет намного больше и всем будет тесно в родном пристанище? – поинтересовалась Сонх.

– Не стало бы меньше. Черс напирают, отвоёвывая жилища у тех, до кого успели дойти. Когда они дойдут до нас, то покинуть свою стоянку с наименьшими для нас потерями будет непросто. Оказавшись здесь, мы были бы в большей безопасности, чем там, на пути продвигающихся к восходу черс.

– Зоуло, к чему такие страхи? Черс могут и не продвигаться дальше. Чего им идти на восход? Неизвестно, что их ждёт там, а здесь одни из них уже обосновались, а другие обоснуются. И еды всем хватает. Особенно во время миграций стад, – возразил Туно.

– Обоснуются, вытеснив кого-то. И еды, ты прав, хватает. А когда не хватает, они охотятся на людей пливс и снипс. Или ты, бесшабашный, забыл рассказы бабушки Хлут? – едко подметил Зоуло. – О дне завтрашнем надо думать уже сегодня. О ближайшем будущем снипс из другой пещеры уже беспокоятся, создают запас пищи. Значит, что и на годы вперёд нелишне заглянуть.

– Заботиться о племени должен вождь, а не ты, – пытался возразить Туно.

– Да, вождь за всех в ответе, но он не знает, куда можно будет вести племя, если придётся покинуть пещеру. Вот и надо будет подсказать ему, когда настанет то время. Эх ты, безбашенный, привык, что за тебя все вокруг беспокоятся, – сочувственно произнесла Сонх. – А Зоуло прав, надо учиться смотреть в будущее с беспокойством.

Вышли к речке на дне ущелья. Ещё три дня поисков привели к двум пещерам. Первая, расположенная в дне пути выше по течению небольшой речки, оказалась более просторной, чем их собственная. Недостатком показалось отсутствие второго выхода. Это неудобство путешественники испытали в пещере пливс-отшельников, когда отступать было некуда. Другая, в двух днях пути от первой, но вниз по течению, оказалась ещё просторнее. Поисковики сочли, что это именно то, что вполне устроило бы их племя.

В углу грота нашлось углубление, выходящее наружу. Расстояние от входа в пещеру до выхода из неё оказалось неблизким даже если идти по поверхности горного склона. На проход внутри, с исследованием трёх тупиковых ходов, дети потратили больше половины дня. Удивительно, но и в этом жилище нашлось давно заброшенное кострище. Когда-то люди жили и здесь, но почему-то покинули это пристанище.

Возвращаться к месту, где вышли к реке, не стали. Решили идти на перевал непосредственно от найденного жилища. Так было бы удобнее выйти на него в случае возвращения сюда через год или более. Окрылённые успешным результатом длительных поисков, на перевал вззошли с единственной передышкой. Пройдя седловину, спустились в широкую долину, заросшую хвойными деревьями. Хоть эту часть сибирской тайги нельзя было назвать бором, но валежин встречалось немного.

Когда по скользким камням-окатышам перешли ручей, менее стремительный, чем предыдущие речки, начался пологий подъём по лесу. Сквозь разлапистые кроны вековых сосен солнце едва пробивалось. И в самих кронах ничего привлекательного не замечали. Иногда любопытные белочки, никогда не видевшие людей,

взбежав по стволу на недостижимую для путников высоту, проводжали взглядами непонятных существ.

Путники, идущие друг за другом, на подъёме примолкли. Да и о чём говорить, если всё согласовано, сказано, решено. Хотелось поскорее выйти из леса, давящего своей дремучестью. И вот тогда, когда Зоуло, Булут и Вынх уже прошли ничем не примечательную сосну, Тавк, идущий вслед за Сонх, вдруг услышал в ветвях лёгкий шорох. Машинально он изменил положение копыя, направив наконечник вверх. Взглянув, явно на всякий случай, увидел летящую с ветки рысь. Ей осталось пролететь самую малость. Во что бы запустила свои острые когти эта коварная лесная кошка, гадать было некогда. В лицо, плечи или шею метила рысь, но жертвой хищницы стала бы Сонх. Её прибранные волосы могли показаться хвостом какого-то небольшого зверька. А сама девочка даже не подозревала о нападении. Тавк успел приподнять копыё и хищница нанизалась на него, как у нас пельмень на вилку.

Всё произошло молниеносно быстро. В тот же миг мальчишка припёр зверя к стволу ближайшего дерева. От боли и злобы, изогнувшись, зверюга грызла древко копыя. Лапы хищницы буксовали в воздухе, едва не касаясь окаменевшей от неожиданности Сонх и самого Тавка, продолжающего удерживать пышущего яростью зверя. У мальчишки не находилось слов, чтобы как-то озвучить происходящее. Туно и Саво, идущие позади него, тоже вонзили свои копыя в извергающего злобу зверя. Услышав злобные рыки хищницы и возню позади себя, оглянулись и вернулись мальчишки, уже прошедшие злополучное дерево.

Рысь, пронзённую копыями и бьющуюся в предсмертных агониях, осторожно спустили по стволу на землю. Только в это мгновение в мозгу Сонх что-то разомкнуло. Она истошно закричала. Её широко раскрытые глаза, только что видевшие картину сражения с самого начала, наполнились слезами. Она припала лицом к плечу Тавка со словами:

– Ты спас мне жизнь. Если бы она рухнула на меня, я умерла бы от страха.

– Девчонка-трусиха, успокойся. Всё страшное уже позади, – успокаивал Тавк.

Он неумело провёл ладонью по волосам подруги от затылка до плеч, а она прижалась к нему всем телом. И ей стало совсем не страшно. Не разделявая, трофей понесли, продолжая путешествие к своим. Подъём становился всё круче. Сплошной лес кончился. Миновали полосы леса, чередующиеся с небольшими полянами, а за ними и большие поляны, разделённые полосками леса и кустами можжевельника. Впереди у перевала до самых скал распростёрся огромный луг. Лёгкий ветерок едва покачивал заколосившиеся дикие травы. Спокойствие переполняло сердца. Зоул непроизвольно обратил взор к небу.

В этот раз ни орлов, ни соколов, парами или в одиночку, не просматривалось до самого горизонта, ограниченного хребтами с трёх сторон. В направлении восхода от полуденного положения солнца куда-то далеко-далеко тянулся главный хребет. От него в сторону заката, похожие на мощные бугристые от тяжёлого труда руки, тянулись хребты со скалистыми горбами и седловинами, которые один за другим преодолевали юные путешественники. Тот, который предстояло преодолеть, оказался самым высоким из всех, встречавшихся ранее.

Путники змейкой приближались к выступающим из земли скалам, издали намечая, где удобнее пройти между ними или перелезть через них. Увлеклись мысленным прокладыванием дальнейшего маршрута так, что не увидели подстерегающую их опасность. Снежный барс давно заметил движение группы, но продолжал чванливо наслаждаться внутренностями горного козла, убитого им не ради утоления голода, а из жадности или ради спортивного интереса, как сказали бы наши современники. Что у него было на уме – попробуй угадай. Проходящие невдалеке двуногие существа становились всё привлекательнее.

Уверенный в себе хищник привык к тому, что при нападении на одного, другие члены стада разбегаются. При внезапности, рост добычи для него особой роли не играл. Просто с крупной добычей приходилось повозиться дольше. Может быть, ему просто показалась интересной ранее неизвестная здесь живность, и он, оставив недоеденную добычу, пустился вдогонку за путешественниками.

Боковым зрением Сонх, часто с опаской озирающаяся по сторонам, заметила погоню и немедленно сообщила об этом друзьям. Вблизи ни одного деревца. Да и можно ли было спастись на дереве? Более лёгкий родственник тигра явно мог легко взобраться по любому стволу. Мгновенно оценив ситуацию, Зоуло командовал:

– Бросаем рысь здесь! Все к скалам! Быстро!

На бегу заметили на ближайшей скале наклонный уступ, начинающийся на высоте плеч и достигающий до уровня в два роста подростков. Рядом с ним, чуть выше пояса, оказалась площадка, на которой могли уместиться всего трое. Тавк молча отметил, что Зоуло выбрал правильную тактику – обороняться на скале, а не на открытой местности. Зверь хоть и уступает в размерах тигру, но крупнее рыси и, судя по лёгкости бега, не менее силен, гибок и ловок. Зверь не обратил внимание на оставленный путешественниками трофей. На мгновение задержавшись около рыси, он лишь фыркнул. Крупными прыжками, значительно превосходящими

по длине рост взрослого мужчины, он нёсся к спасающимся бегством.

Помогая друг другу, беглецы оказались на первом уступе, когда Сонх и Саво заняли место на площадке второго уровня. Тавк пропустил вперёд всех друзей и взлетел на уступ, опираясь ногами на выступы, а руками перебираясь по древку копья. Он ещё не успел развернуться, когда красивая, но злобная кошка оказалась рядом со скалой. Саво метнул своё копьё в подбегающего хищника, но тот сумел увернуться и совершил прыжок. Зверь пожелал тоже оказаться на возвышении и начать расправу над невиданными существами. Копья Зоуло, Вынха и Туно встретили его, нанеся раны. Лишь Булут, стоящий позади всех, промахнулся и, не удержав равновесие, последовал за своим оружием. Едва он успел коснуться земли, Тавк тут же подал другу своё копьё и быстро втащил крепыша на уступ.

Трижды раненый зверь, обезумев от боли и ярости, с грозным урчанием и подобием гортанного «мяу», прыгнул за спасающимся. В ответ получил новый отпор – ещё три глубоких раны. Такого он ещё не испытывал ни от одной своей жертвы. Кровь лилась из всех отметин, оставленных наконечниками копий. Но хищник был ещё силен. Злобное урчание и готовность в любой миг совершить очередной прыжок не давали обороняющимся охотникам повода расслабляться. Наверное, зверь не мог даже в мыслях представить поражения. Он сделал ещё более мощный прыжок, чтобы накрыть всех своим телом и ещё до приземления разрывать жертвы клыками и мощными когтистыми лапами. Тавк поставил точку в этой борьбе, пронзив сердце лютого нападающего.

Тавк и Вынх сбежали за оставленной рысью. Взяв мяса побеждённого только на перекус, соблазнились красотой шкуры. Хотя и нелегка ноша, но престижна – племя ещё не видывало такого изящного зверя, которому мальчишки тут же дали прозвище «мяу». Если бы в то время у людей были домашние кошки, то мяуканье и урчание снежного барса сравнили бы со звуками именно этого милого животного. Просто голосок семейной любимицы тише и приятнее на слух.

Когда туши обоих побеждённых хищников оказались у ног, Сонх, поёживаясь, произнесла:

– За такое короткое время два нападения, которые могли стоить жизнью: сначала мне, а потом Булуту. Мне и сейчас страшно от пережитого. А Тавк – настоящий охотник. Оба раза в роли спасителя оказался именно он.

– Хватит хвалить меня, – смущённо произнёс герой дня. – Лучше возьми это на талисман, который поможет тебе преодолевать страхи.

С этими словами мальчишка преподнёс девочке лапку рыси. Точнее, шкуру с лапки, сохранив на ней острые коготки, длиной поменьше мизинца обладательницы сувенира. Мальчишки переглянулись. Нет, все они мысленно поддерживали порыв друга в отношении девочки-трусихи. Не сговариваясь, они подумали все об одном, а Зоуло озвучил желания всех:

– Не будет лишним и нам обзавестись талисманами. Клыки мяу вполне подошли бы. Даже то, что на виду, длиной с мизинец Сонх.

Едва успевшая оправиться от нахлынувшего волнения, вызванного необычным подарком, девочка возразила:

– На талисманы надо было брать клыки кукто. У него они больше пальца мужика. И когти у него были едва ли короче клыков.

Поразмыслив, Зоуло возразил:

– Те талисманы оказались бы бесполезными, не смогли бы уберечь в трудной ситуации. Кукто победили не мы. Его одолел рыр. А с мяу, хоть и сообщая, мы справились сами.

Топориками аккуратно разрушили челюсти, извлекли из них все четыре клыка. Они достались Зоуло, Тавку, Вынху и Туно.

За перевалом целый день шли по широкой ложбине, спускающейся в долину крупной реки. А она, повернув к заходу солнца, потекла к той большой реке, вдоль которой ежегодно проходили охотники за мигрирующими животными. Через день, на подходе к изгибу реки, издали заметили стадо пасущихся лошадей.

– Вот они, волосы ласх! Много волос! – взволнованно поведал Зоуло.

– А мы справимся без взрослых? – усомнился Вынх.

– Зоуло, не уподобляйся Туно, – предостерег Саво.

– Ты верно подметил, друг. Нельзя поступать безрассудно. Сначала надо всё хорошо продумать. Заходить, а потом подползать

надо против ветра. Все в один миг бросаем копыя и с громкими криками, вооружившись топориками, набрасываемся на раненое животное. Остальные пасущиеся животные, испугавшись нашего крика, пуస్తятся наутёк. Только надо учитывать, что эти копытные брыкаются не хуже тех иах. Могут зашибить, если кто-то окажется слишком близко. Наверное, ласх знают запах и повадки нашего трофея, пятнистого хищного зверюги мяу. Значит, даже мёртвый, он может помочь нам отрезать путь отступления раненой травоядной добычи.

– Кто наденет шкуру мяу, – спросила Сонх.

– Ну, конечно же, не ты. Булут, в шкуре будешь ты. Со своими доспехами останешься...

Зоуло замолчал, чтобы определить направление ветерка, более слабого, чем в горах. Потом продолжил:

– Останешься вон там. До нападения не высовывайся. Побежишь к ним в полный рост, чтобы сначала увидели тебя. Ветерок принесёт к стаду запах зверя позже. Тогда они и ринутся от тебя. Пока будут метаться, мы подоспеем к подранку. Здесь совсем светлых только две. Одна из них наша. Та, которая поменьше. С большим ласх, это самец, было бы труднее справиться.

– А если самка всё время будет прятаться внутри стада? – спросил Вынх.

– Тогда придётся идти на самца. Труднее, но не пасти же их до ночи. Встаём из засады и бросаем копыя все разом, по моей команде. Бросаем и бежим к подранку с дикими криками, чтобы отпугнуть остальных, – ещё раз поделился соображениями Зоуло.

Скрытно подбираться, несколько раз меняя позиции, оказалось непросто и достаточно долго. Тавк тихо произнёс опасение:

– Только бы Булут не уснул в одиночестве. А то придётся далеко бежать, дожидаясь, когда сильное животное упадёт, обессиленное потерей крови.

Служка затянулась. Некоторые насытившиеся животные успели полежать, а удачной позиции не наступало. Потому и меняли места засад, выжидая, когда близко окажется самка. Случилось так, как предполагал Вынх. Пришлось исполнение «приговора» привести самцу. Два копыя, попав в голову, проббили шкуру, но

не повредили череп. Вреда животному они не принесли, просто упали рядом. Два других глубоко вошли в шею. Копьё чуточку замешкавшегося Туно вонзилось под лопатку скакуна.

Призывное ржание вожака, сообщающего всем об опасности, прозвучало почти одновременно с ржанием раненой лошади и криками юных охотников. Стадо понеслось вдоль реки, а там наперерез убегающим, размахивая копьём, бежал Булут. Он сам или свисающая с него шкура с запахом, как от приближающегося хищника, но что-то заставило вожака повернуть вспять. Чтобы избежать новых нападений от неведомых двуногих зверей, табун галопом понёсся в промежуток между рекой и нападающими. Потом Сонх корила мальчишек за неосмотрительность, ведь обезумевшие от страха животные могли не отвернуть, а смять либо Булута, либо потом всех остальных.

Но то было по окончании охоты, а мальчишки, возбуждённые охотничьим азартом, мчались за раненой лошадей. Все копыта выпали из могучего мускулистого тела, ничто не мешало бегу животного. Подобрал оружие, понесли наперерез травоядному, терпящему кровь, но ещё достаточно сильному. Тавк, Зоуло и Вынх оказались к подранку ближе других и успели метнуть в него своё оружие.

Копьё Тавка попало под вторую лопатку, а оба других угодили в живот спасающегося бегством скакуна. Одно копьё отскочило, не пробив, а лишь поцарапав шкуру. Древко другого копыта торчало из живота лошади, продолжающей нестись галопом. Она быстро удалялась вслед за табуном, скрывающимся в лесу за краем прибрежной поляны.

Мальчишки неслись за подранком во всю ребячью прыть. Пробежав полосу леса, табун увидели вдали, мчащимся на подъём. Раненное копытное изрядно отстало от сородичей, но продолжало бежать. Вдруг животное запнулось, перевернулось через голову, но в агонии снова вскочило. Ещё три прыжка и новое падение. Копьё Тавка успело выпасть из тела до первого падения, а обломок копыта Зоуло торчал из живота, бьющегося на земле животного. Вынх радовался, что его оружие не пострадало. То, что копьё не пробило упругий живот, его не смущало.

Смелости подойти охотники набрались лишь тогда, когда конвульсии истекающего кровью могучего красавца прекратились. Пока одни, пробежав по берегу, собирали ветки для костра, другие срезали гриву вместе со шкурой и отрубили конец хвоста с заведной метёлкой длинных упругих волос. Сладкие внутренности были наградой за проявленные смелость и смекалку – все действовали под стать бывалым охотникам. Недоволен был лишь Булут – его оружие не приняло участия в поистине взрослой охоте.

Зоуло сокрушался, что придётся мастерить древко нового копыта. Освободив обломок, каменный наконечник он снял, чтобы водрузить его на новое древко. Подходящее, полусухое и достаточно ровное хвойное деревце он вырубил при выходе на прибрежную поляну. В дорогу мяса взяли из расчёта на день пути. Туша осталась лежать почти целиком. Это было не по-хозяйски –

взрослые так никогда не делали. Но то взрослые, знающие, какой путь им предстоит до родной пещеры. При необходимости, они подгоняли бы табун ближе к стоянке. Мальчишки же не имели представления, как скоро они выйдут к своим. Тащить тушу неведомо куда, когда в пути без проблем можно добыть пропитание, признали ненужной тратой сил и времени в пути.

Никто не сомневался, что мясо не пропадёт. Сначала им насытится какой-нибудь сильный наземный хищник. Потом дармового мяса отведают те, кто слабее, а также хищные птицы. Остатки, если они будут, достанутся падальщикам. В костях и шкуре выведутся личинки, поедающие последние питательные вещества, оставшиеся от скакуна. Природа всё предусмотрела, чтобы земля не заражалась от возникающей гнили.

XVIII. ПЕРЕПРАВЫ, ПЕРЕПРАВЫ

Довольные результатом охоты на крупное животное, с разговорами незаметно прошли вдоль реки до места ночлега. Только там Вынх выразил беспокойство:

– Дальше река будет ещё шире.

– Нашёл чему удивляться. После слияния с каждой речкой она становится шире, глубже или быстрее, – блеснул наблюдательностью Туно.

– Да не о том я. Переживаю, что здесь едва переплыву, а дальше мне не удастся доплыть до другого берега, – поведал Вынх.

– А ведь верно. Дальше слияния рек и всем нам не осилить огромную ширину реки, – поддержал друга Тавк, самый сильный пловец группы путешественников.

Решили, что перебираться на другой берег будут утром. Легче преодолеть две просто больших реки, чем потом одну, но очень широкою. То, что переправа обязательна, было очевидным. К сожалению пловцов, глубина началась сразу от берега.

Тавк, зная неопытность Вынха в плавании, поплыл рядом с ним от берега. Остальные не стали ждать эту пару, поплыли в своём темпе. Однако, преодолев середину реки, стали отставать Сонх и Булут. Туно и Зоуло поплыли рядом для подстраховки уставших

друзей. Саво должен был плыть впереди, измеряя глубину. Он стал бы ориентиром, где можно будет встать на ноги. Используя опыт предыдущих переправ, плывущие рядом друзья передали ослабевающим свои копья, чтобы те ощущали большую опору, уже на два древка. Особую трудность продвижению доставляла шкура мяу, которую сначала по очереди буксировали Зоуло и Туно. Потом передали её Саво, взяв у него хвост и гриву лошади.

К счастью для пловцов, дно около другого берега оказалось пологим. Если бы и там дно оказалось таким же крутым, как и у берега, от которого началось преодоление водной преграды, то плыть пришлось бы дальше. Числа пальцев двух рук едва хватило бы, чтобы посчитать сокращённое расстояние переправы длиной собственного роста. Не так просто и быстро, как хотелось бы, но все вышли на противоположный берег.

По нему шли полные ожидания встречи с рекой, которая должна слиться с этой. В конце дня, оказались на очередной поляне. Почти перед ними с истошным писком проскочил молоденький зайчишка. Столпившиеся путешественники не успели догадаться о причине бегства трусишки, а перед ними, шурша травой и пощёлкивая чешуйками шкуры, извиваясь, прошмыгнул питон.

Было странно, что змеи могут быть такими огромными. Ещё невероятнее было увидеть необыкновенное проворство невиданного существа. А ползучая тварь, поразившая воображение, как-то сгруппировалась, распрямилась почти параллельно земле и накрыла собой беглеца. Через мгновение она уже перекатывала свою жертву по длине своего гибкого и упругого тела от головы к середине.

Опомнившись, мальчишки метнулись туда, где ещё слышался писк настигнутого зайчишки, сдавленного сжимающимся живым кольцом. Звуки слышались хрипящими, как при удушении. Никто не знал, ядовита ли эта змея, но все оказались свидетелями её проворства. У них было отвращение даже к обычным змеям, а к этому чудовищу тем более. Всем хотелось поскорее расправиться с этой тварью. Каким-то органом ощутив приближение незваных «гостей», питон, не отпуская жертву, поднял часть гибкого тела. Неморгающие глаза, устремлённые на всех сразу, как каза-

лось детям, действовали угнетающе, обезволивали своей неподвижностью.

Никто не мог сказать, сколько длились «переглядки», но Зоуло вдруг осознал, что в следующее мгновение туловище вытолкнет зубастую пасть – смертельную опасность на пятнистой голове с неподвижными, но лишающими самообладания глазами. На какую-то долю мгновения мальчишка опередил отвратительную тварь. Наконечник его копыя, нацеленный на неотвратимую угрозу, пришёл в движение. Гибкое существо успело отстранить голову. Копьё, едва задев, вспоролу шкуру на шее чудища. Это, если примыкающую к голове часть тела можно назвать шеей.

Тавк вышел из оцепенения в то мгновение, когда пришло в движение копьё Зоуло. Он действовал скорее машинально, чем осмысленно. Наверное, поэтому он промахнулся бы, если бы питон не отклонился от удара Зоуло. Среагировать на приближение другого столь же смертоносного оружия пресмыкающегося не успело. Пробив череп пониже глаз, копьё пронзило голову и вышло на стороне живота, весь наконечник стал полностью видимым.

Любое другое живое существо, получив такую травму, уже содрогалось бы в предсмертных судорогах. Здесь же казалось, что тело способно жить и бороться отдельно от головы или даже во все без неё. Туловище, крутнувшись, выпустило зайчика и тут же хвост, изогнувшись, так хлестнул Булута, оказавшегося крайним в ряду стоящих, что тот не устоял сам и повалил Сонх. Девочка истошно закричала. Хвост, продолжая движение, обвился вокруг пояса Саво.

Мальчишка вонзил копьё в сильное туловище чудища, повредив позвоночник. Только это обеспечило ослабление уже ощутимого сдавливания. Но часть туловища между головой и раной, нанесённой Саво, продолжала жить своей жизнью. Питон, с трудом подтягивая парализованную ранением хвостовую часть, стал свиваться. Кольцо рождалось за кольцом. Их оказалось три. Все копыя уже были вонзены, а тело продолжало жить. Осмелев, Туно совершил прыжок и вонзил топорик в череп с неподвижно застывшими глазами, выше копыя Тавка. Остриё дошло до нижней

челюсти, раздвоив череп. Агрессивные движения ползучей твари прекратились, но и тогда отдельные участки продолжали проявлять признаки жизни.

Прошли ещё какие-то мгновения, пока из оцепенения вышли все юные охотники. Сонх, уже переставшая испуганно кричать, осторожно пнула торчащий из-под колец хвост. Реакция отсутствовала. Осознав, что мальчишки победили грозного врага, девочка с радостным повизгиванием запрыгала и захлопала в ладоши. Мальчишки непроизвольно последовали её примеру, но вместо визга выкрикивали:

– Мы победили эту несносную тварь! Мы победили её! Победили, победили огромную гадину! На одно чудовище стало меньше!

Зная, что шкуру обычной змеи сдирают, выворачивая наизнанку, и даже имея в этом опыт, мальчишки, изрядно помучавшись, «раздели» питона. Разделали они и зайчонка, оставив его мясо на день грядущий. Обедаться, чтобы наесться впрок, как случалось у людей их племени, никто не стал. Встал вопрос о сооружении пристанища для ночлега. Если где-то рядом есть другая такая тварь, то от неё не спастись и на лабазе. Но ничего более безопасного не придумали.

Неподвижные кольца по очереди приподняли, чтобы оценить вес рептилии. Потом земноводную тварь развернули и растянули, для сравнения с чем-нибудь. От языка до кончика хвоста длина оказалась в два роста Сонх. Весила невиданная змея со среднего двухгодовалого ребёнка. Зоуло позаботился, чтобы Саво и Булут не остались без талисманов. Он аккуратно отсоединил от черепа твари обе челюсти и передал их со словами:

– Вот ваши талисманы! От мяса на них избавляйтесь сами.

Охотники отметили, что на верхней челюсти зубы у питона в четыре ряда, а на нижней – в два. Сосчитать, сколько их всего, не представлялось возможным. Число сто было в те времена невысказанно большим. А зубов у питона было примерно столько. Сумма зим, прожитых двумя старцами, была меньше этого числа. Верхняя челюсть досталась Саво, а двухрядная – Булуту.

Мышечные ткани питона, на обжариваемые куски которых смотрели с отвращением, оказались необыкновенно мягкими и

вкусными. Питон стал едой на ужин и завтрак. В сумерках соорудили лабаз, на который подняли оружие и запасённую пищу.

Ещё день, до позднего вечера, потратили на переход до заветной реки. Преодолев её, оказались бы на территории, знакомой по предыдущим кочевьям. А там стало бы ясно, нагонять прошедшее стадо и соплеменников или ждать, если миграция ещё не дошла до места их выхода. Преодоление реки наметили на следующее утро. Надо было выбрать наиболее узкий участок. Плыть здесь же не решились. Ночёвка прошла без приключений. Поиск места переправы начался после короткого завтрака. Непродолжительный переход приблизил к появлению в поле зрения большого острова.

– Это то, что нам надо, – сообщил Зоуло. – Сначала переплывём на остров, а потом, отдохнув за время прохода по нему, преодолеем другую часть реки.

С ним согласились. Особенную радость от принятого решения молча, но зримо проявил Вынх. Оставалось пройти ещё немножко, чтобы плыть, не заботясь, что кого-то пронесёт мимо острова. Но что это? Небольшое стадо косуль, пересекавшее прибрежную поляну, не задумываясь, бросилось в реку. В азарте погони вслед за ними поплыл волк. Второй клыкастый, участвовавший в погоне за быстроногими животными, подбежал к воде, но не поплыл. Возможно, что он был более опытный, чем пустившийся в погоню. Он мог знать, что на воде косуль не настичь.

Как могут плавать животные, путешественники видели впервые.

– Вот это пловцы! – восторгались дети.

Никто из плывущих не нырял. Все преодолевали водную преграду с постоянно торчащей над поверхностью головой. Это изумило более всего.

– А ведь плыть так, наверное, удобнее?

– Не попробовать ли и нам научиться плавать так, как животные, не ныряя? – высказали предположение Вынх и Сонх.

– Обязательно попробуем. Этому надо учиться без спешки, не сейчас. Окажемся на другом берегу, посмотримся там и попробуем, – заверил Тавк. – Жаль только, что мы не видим, как они работают ногами. Рук-то, как у нас, у них нет.

Примерно так же сказал бы и Зоуло, просто друг опередил его. Волк, пустившийся в погоню по воде, оценив ситуацию, ни с чем повернул к своему сородичу, с подвыванием бегающему по берегу.

– Сейчас они объединятся, учуют нас и организуют новую погоню, за нами, – посетовала Сонх.

– Надо плыть немедленно, пока они не увидели нас и не напали на след. Мы справились бы с ними и здесь, на открытом месте, но зачем они нам сейчас. Плывём отсюда, хоть всем придётся напрычься, чтобы не пронесло мимо острова, – заявил Зоуло.

На воде несколько раз оглянулись, чтобы убедиться в отсутствии волчьей погони. К счастью для пловцов, течение оказалось не столь стремительным, как на предыдущей переправе. Да и волки не увязались вслед за удаляющимися пловцами. Заметив что-то часто вынырывающее из воды, хищники не смогли отождествить это с возможной едой. Даже молчуну хватило темпа, чтобы его не пронесло мимо острова. Но Тавк, чтобы не рисковать, подгонял друга и, как мог, помогал ускоряться.

Выйдя на остров, поспешили пересечь его. Заросший смешанным лесом, этот немалый клочок суши не угнетал путников. Наоборот, привлекал рясными кистями красной смородины с ягодами, которые просвечивались насквозь, выказывая внутри мелкие косточки. Срывали ягоды горстями, не останавливались – хотелось поскорее переплыть протоку и ощутить себя в знакомых местах. Переправа на более узкой части реки проблем не составила.

Сегодня можно только предполагать, из какой дали возвращались юные путешественники. Не исключено, что большими реками, которые пришлось преодолевать непоседливой детворе, были Бия и Катунь. Как далеко от этих рек была пещера пливс-отшельников, точно ответить не смогли бы и сами путешественники. Ни километрами, ни вёрстами, ни милями тогда не пользовались, а расстояние в днях пути – мера неточная, у каждого путника она своя даже в разные дни перехода.

Отойдя от воды за время, оставшееся до обеда, обрадовались. Узнали место, где бывало племя во время предыдущих летних кочёвок. Однозначно разрешился и вопрос, как поступать дальше.

Трава, по которой прошли тысячи больших и малых копыт, не меньшее число лап хищных зверей и не одна сотня человеческих ступней, не успела подняться в полный рост. Надо было идти вдогонку. Не ждать же на месте до осеннего возвращения соплеменников.

Наверное, было бы достаточно прийти на несколько дней раньше, чтобы встретиться с соплеменниками здесь. Но эти несколько прошедших дней стадо шагало и шагало, а за ним отдалялись от этих мест и охотники. Чтобы оказаться в кругу своих, надо было догонять их. На погоню ушло ровно столько дней, сколько пальцев на руке.

Идти было нетяжело, но изнурительно. Изнуряла видимость безжизненности. Казалось, что на обширных полянах лесостепи всё живое разбежалось, съедено хищниками или безжалостно растоптано. Лишь суслики кое-где, озираясь и прислушиваясь, осторожно совершали короткие перебежки, прячась в норки при малейших признаках опасности. Иногда встречались пугливые куропатки, разбегающиеся при появлении посторонних звуков.

Небольшие перелески, отделяющие поляны, продолжали жить своей обычной жизнью. Стада либо обошли их, либо проходили, не нанося живности ущерба. Молодь успела подняться на крыло, перелетала с ветки на ветку, от куста к кусту, лакомясь спелыми ягодами. Но всё это не то, на что было бы можно охотиться. Крупных птиц не было. Таёжные птицы сюда не залетали, гнездились в тайге далеко за рекой. Горных хищных птиц, тем более, здесь не бывало никогда. Зайцы, если не почувствовали надвигающуюся опасность и не разбежались, истреблены полчищами кочующих с копытными хищников, охотящихся на всё, что движется.

Не было и самих местных хищников. Наверное, они увлеклись обилием добычи, пополнили ряды тех, кто успел пройти рядом со стадами огромные расстояния. Не имея сачков, нечего было думать и о рыбе. Эти несколько последних суток путешествия к своим дети шли впроголодь, питаясь сусликами, куропатками и ягодами.

Общий гул топота всех мигрантов стал слышен за два дня до появления в поле зрения замыкающих волн животных. В тот же

вечер посчастливилось разыскать стоянку своих. Несколько семейств снипс, пришедших сюда из разных пещер, обустроили целый городок из переносных чумов. Все временные жилища, хоть и разные, мало чем отличались одно от другого. К своим привели малыши. Они узнали старших соплеменников ещё тогда, когда те подходили к походному городку.

Ребятня не оставила без внимания необычные амулеты, красующиеся на груди каждого пришедшего. Все, кто в этот час коротали время в чумах или около них, занятые каждый своим делом, выразили бурную радость, увидев вернувшихся. С такими же положительными эмоциями встретили и Вынха, друга юных соплеменников. И его обнимали, как своих, а он, смущённый, принимал все проявления эмоций молча, временами почесывая кулаком кончик носа. В этот миг для мальчишки было главным то, что никто не выпытывал из него, кто он, откуда и зачем оказался здесь.

Вечером пришли с тяжёлыми ношами охотники. Когда им показали принесённые трофеи: шкуру снежного барса, хвост и гриву взрослой лошади и шкуру питона, то на мальчишек посмотрели иначе, чем на «шлындающую» непонятно где и зачем непутёвую ребятню. Свуро подошёл к Тавку. За время путешествия мальчишка раздался в плечах, подрос, возмужал и даже приобрёл чуточку суровости.

– Хватит тебе играть в детские игры. Настраивайся завтра идти с нами. Трофеи доказывают, что от тебя будет толк и на настоящей охоте. Знай только, что не надо пытаться сделать больше, чем можешь. У излишней прыти путь один – в мир тьмы до исхода времени, предназначенного жить. Набирайся опыта, хоть тебе и кажется, что всё уже умеешь. Знай, что время всех учит, но нетерпеливых оно ещё и наказывает. Кого-то меньше, других – сильнее, а с кем-то и вовсе растается.

Сонх подбежала к Свуро с просьбой и её тоже взять завтра на охоту. Вождь, почти не останавливая на ней взгляда, строго ответил:

– Ты ещё не доросла до перехода в разряд охотников. Твои сверстницы ещё играют, лепят посудку. В лучшем случае, они чем-то помогают женщинам, не участвующим в охоте. Я и тебя отправил бы к тем девочкам, но не делаю этого. И позже, когда станешь

старше, не быть тебе охотницей. Твоё предназначение в другом – в оздоровлении любого из нас, если кому-то станет плохо. Лекаршей ты принесёшь племени пользы больше, чем любая из охотниц. Делай своё дело, как умеешь, и продолжай учиться своему ремеслу всю оставшуюся жизнь. Вот так-то, девочка Сонх, быть тебе нашей лекаршей.

Сонх сожалела о том, что вождь разлучил её с дорогим ей Тавком. Вместе с тем девочка обрадовалась тому, что тот же Свуро не послал её, как кого-то, лепить из глины посудку, а дал совсем взрослое задание, а оно важнее, чем ходить на охоту.

– Я рада и горда собой, но не допущу, чтобы гордыня переросла меня, – заверила себя Сонх, почувствовавшая себя взрослой, равной Тавку.

Остальные друзья новоявленного охотника не подошли к вождю. Они были уверены, что их-то точно вождь отправит играть в детские игрушки. Услышать это при соплеменниках, было бы для них величайшим позором.

ХІХ. ДЕТСКИЕ ИГРЫ

Много-много вечеров, сидя у костра, путешественники рассказывали соплеменникам об увиденном и пережитом во время их странствий. О чём-то, особо заинтересовавшем соплеменников, даже повторяли рассказ. Если снежного барса люди могли как-то сравнить с тигром, то представить змею таких огромных размеров ни у кого не хватило воображения. Шкуру питона растягивали на земле, измеряли шагами. Чтобы вообразить длину и толщину чудовища, наполняли его водой, придерживая места, пробитые копиями.

Сначала из чумов соседних племён прибегала детвора, но вскоре стали приходиться и взрослые. Им хотелось не столько услышать увлекательные истории путешественников, сколько увидеть трофеи, поразившие воображение детворы их племён. Что касается талисманов Саво и Булута, то они вызывали зависть даже у бывалых охотников. Никто не сомневался, что искать более надёжные обереги этим мальчишкам не придётся в процессе всей жизни.

Казалось, что каждый зуб в челюсти рептилии будет вносить свою лепту в защиту обладателя талисмана.

Однако рассказы о приключениях занимали только вечера. Днём мальчишки обучали плаванию всех желающих, независимо от принадлежности к племени. Во время тренировок никто из детворы не задумывался о полезности умения плавать. Им просто нравилось плюхаться в воде речного залива. Прогретая лучше, чем проточная, вода в заливе ласкала тела, разгорячённые нещадно пекущим солнцем. Здесь каждый мог найти приемлемую для него глубину.

Не увидели пользу в умении плавать и взрослые. Им казалось, что в неоднократных преодолении водных преград нет ничего особенного. Сами-то они не пытались форсировать реки. В этом до поры у них не было надобности. Возникнет ли когда-нибудь эта необходимость, никто не задумывался. У людей не было привычки планировать будущее вообще, а далёкое – тем более. Только мальчишки-путешественники начали выстраивать предположения относительно возможных перспектив.

Хотя в этом утверждении можно и усомниться. Кукто рассмотрел возможности тех, кто умеет плавать. Он заставил дружков научиться новому занятию. Объяснил необходимость делать это очень просто:

– Если мы сумеем преодолевать реки, то Зоуло с друзьями не уйдёт от нас ни по суше, ни по воде. Река не поможет им и не задержит нас.

Поистине дальновидное для того времени высказывание. И мальчиши-плохиши научились искусству плавания.

Обучая плаванию других, путешественники горели желанием научиться плавать, держа голову над водой. Досадой для них было непонимание, как действовать руками и ногами. Им было ясно и неоспоримо то, что животные не могут разводять ноги так же широко, как они сами делают это при плавании с помощью рук. Плюхающаяся детвора мешала собраться с мыслями, понять, как надо действовать.

Помог случай. Небольшая стая волков выгнала из пасущегося стада нескольких коз. Спасаясь от хищников, перепуганные жи-

вотные бросились в воду и поплыли мимо детворы к противоположному берегу залива. С криками, размахивая руками, купающиеся бросились навстречу волкам. Доставаемые из воды камни градом полетели в клыкастых преследователей. Ребятня толпой погнала хищников. Учителя плавания мчалась вместе со всеми, стараясь не допустить, чтобы волки опомнились и набросились на малышей. Все нагибались, подбирали и бросали то, что попало под руку.

Клыкастые хищники отступили. Убежала и мелюзга, ведомая куктовцами. Но не это главное. Зоуло успел заметить, как плывущие мимо него козочки работали ногами. Всё казалось необыкновенно просто – гребли воду под собой, то выпрямляя, то подгибая ноги в коленях. Но это была кажущаяся простота. Стоило оторвать руки от дна, как тут же тело вместе с головой погружалось в воду. Даже опираясь кончиками пальцев о дно, не удавалось удержаться на плаву ногами.

Сначала удалось разобраться с ролью ног. Вынху пришла мысль о бульканье ногами. Попробовали и другие. Удерживать тело в горизонтальном положении – это уже заявка на успех. Булькая, стали передвигаться по мелководью, едва касаясь дна кончиками пальцев. Потом Булут на мгновение оторвался от опоры, быстро-быстро загребая воду ладонями. Всего-то мгновение, но этого хватило, чтобы, вскочив, закричать во всю мощь своего крепенького организма:

– У меня получилось! Вы понимаете? Получилось!

Все сбегались, чтобы увидеть, что и как он делает. И пошло-поехало, как по маслу. Увидев тех безмерно радостных пловцов, кто-то из наших скептиков сказал бы:

– Ну и, подумаешь. Научились плавать по-собачьи, а все полнёшеньки щенячьей радости. Это даже не спортивный стиль. Да, это, скорее всего, не плавание, а умение держаться на воде или делать передышку, если приходится плыть далеко.

Через несколько дней, надёжно научившись этому способу, Зоуло отметил, что плыть нырками быстрее, зато так гораздо легче. А Саво добавил, что этот способ можно использовать для передышек, если плыть придётся далеко.

Теперь, когда желаемый результат достигнут, всё время мальчишек-новаторов стало посвящаться вязанию рыболовной снасти. Одни плели из гибких веток корзинку, другие – сооружали сачок. Кольцо из краснотала давно прочно зафиксировано лентой коры того же кустарника. Высыхая, скрутка стянула место соединения ещё сильнее, чем это сделали сами мальчишки. Уже тогда, когда приступили к вязанию сетки, отметили, что вязать из конского волоса сложнее, чем из увядшей травы. Оказалось, непросто фиксировать узелки в нужных местах. Волос более упругий и скользкий в сравнении с травой. Но всё удалось. Даже провисание сетки получилось таким, как надо.

Прикрепить к кольцу с сеткой обыкновенную палку особых трудов не составило. Для остальной ребятни снасть выглядела завораживающе. Даже куктовцы не решились сотворить какую-нибудь пакость с орудием лова – суот выглядел чем-то необыкновенным, чарующим, понравился им. Посмотреть на процесс рыбалки пошли и мальчишки постарше, и Кукто с друзьями.

Толпа любопытных ходила по пятам, порываясь хоть чем-то помочь рыбакам. Но и подсекание рыбёшек, и выемку их из провисающего кошеля сетки, и даже переноску корзины никому не доверяли. И всё-таки никто не хотел покидать место рыбалки. Она так захватила необычностью, что сопровождающие не думали уходить, чтобы заняться чем-то другим. Даже купание не стало приоритетом, хоть зеваки не знали, для чего предназначается улов.

Вечером в сопровождении всё той же неугомонной публики рыболовы подошли к городку из чумов. Увидев сачок и корзину, от многих жилищ к мальчишкам стали подбегать и подходить не только дети, но и взрослые.

– О, саот! Дай мне хоть одну.

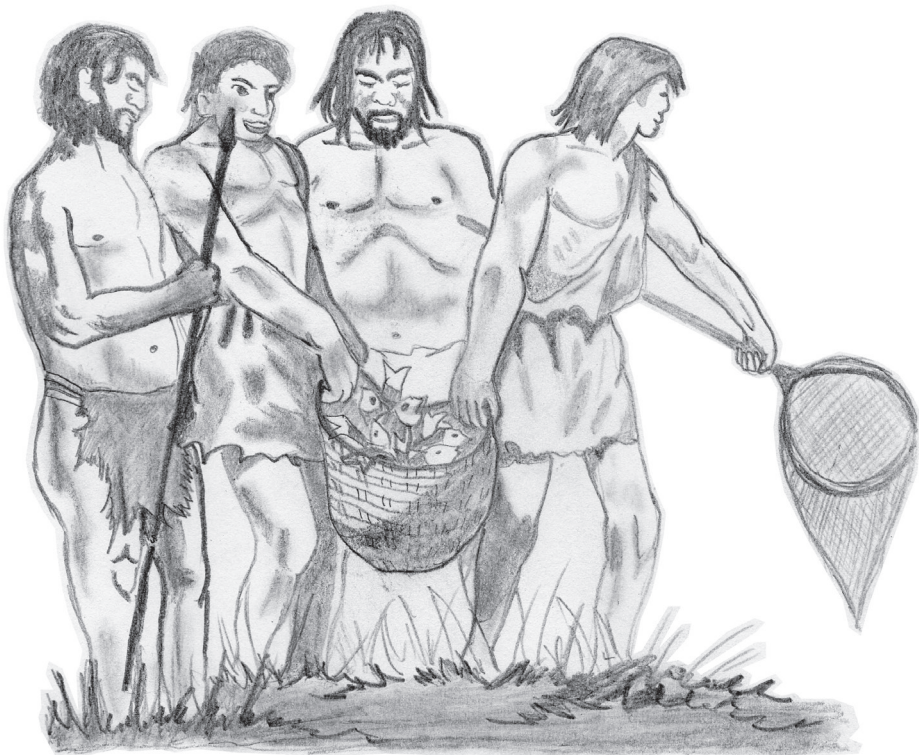
– И мне, и мне, – слышалось со всех сторон.

Но многие поступали бесцеремонно: просто брали без спроса и разрешения. Живущие в пещерах на берегах рек и там занимающиеся рыбной ловлей сами, здесь люди не могли посвящать время рыбалке. Они соскучились по вкусу рыбы. Получив или взяв рыбёшку, тут же сдирали с неё шкуру и смаковали. Это зрелище

было удивительно юным рыбакам, но ещё более невероятным казалось их взрослым соплеменникам. Корзина опустела в несколько мгновений. И лишь тогда кто-то сказал:

– Хороший суот! Сделан мастерски! Не всякий умелец может смастерить такой. Красиво так, будто его создала природа, а не люди. И тем более, не мальчишки.

Похвала не прошла мимо ушей Свуро. С первого раза он не распробовал притягательный вкус рыбы и относился к рыбалке, как к очередной детской забаве. Только после оценки другими качества мальчишеского творения он и сам посмотрел на орудие лова серьёзно. И самих мальчишек в этот раз вождь оценил не как бесполезных пока шалунов, а как сметливых, способных перенимать и успешно применять чей-то чужой опыт. Решил, что там, на настоящей охоте, смекалка пригодится им и не однажды спасёт не только кого-то из них самих, но и других охотников. Но мысли

о том, чтобы брать их на охоту сейчас или этим летом он не допускал.

Тавк учился плавать по-собачьи вечерами, после охоты. Свуро не был сторонником затеи юного охотника, но и не препятствовал. Знал, что за ночь организм успеет восстановиться и увлечение никак не отразится на безопасности юного соплеменника во время охоты.

XX. НЕСПЕШНЫЕ БУДНИ

После того короткого разговора с вождём Сонх погрузилась в эксперименты. Мальчишки приносили ей бурундуков, а она сама наносила зверькам незначительные раны и пыталась заживать, обрабатывая настоями и отварами трав. Для каждой ранки у неё было отдельное лекарство. Некоторые снадобья способствовали заживлению ранок, с другими доходило до образования гнойников.

Она также заметила, что лекарство, помогающее заживлению свежей ранки, не даёт желаемого эффекта, если ранка успела загноиться. В этих случаях ей приходилось устранять отмершие ткани кончиком её острого каменного ножа. Не сразу, но Сонх пришла к пониманию того, что перед «операцией» инструмент необходимо прокипятить.

Бурундучки так похожи, что распознать, кто есть кто, невозможно. Чтобы не перепутать «пациентов», лекарша поместила их в разные ямки. Так девочка, методом проб и ошибок, приходила к пониманию полезности одних, вредности других и бесполезности остальных лекарств. Пока было возможно, она выкраивала время для заготовки лекарственных трав, их сортировки и сушки.

Сонх давно знала, что на охоте часто случаются не только раны различной глубины и размера, но и увечья. Сломанные кости, если нанесённые раны не смертельны, постепенно срастаются, а организм восстанавливается у всех по-своему. При кажущихся одинаковыми переломах ноги, например, у кого-то выздоровление бывает полным, а кто-то остаётся хромым на всю оставшуюся жизнь. И здесь не обошлось без подопытных животных.

Она могла сделать надрез на тельце зверька, но не была готова наносить увечья своим пациентам из дикой природы. С подобными просьбами целительница обращалась к Кукто или к кому-то из его друзей. Безжалостные даже к людям, они с наслаждением наносили увечья, ломая хрупкие кости ножек или совершая вывих любого из суставов попавшего в руки зверька.

После увечий юная докторша аккуратно прощупывала места переломов, составляла косточки и обматывала их ленточкой из мягкой заячьей шкурки. Все операции она проводила на спящих животных. Усыпляла их, давая напиток отвара мухомора. Ничего, что сну предшествовал период длительного чрезмерно активного бодрствования. Ждать Сонх умела. Знала и дозировку напитка, необходимую для усыпления. Величину смертельной дозы напитка для этого рода подопытных она определила ещё в тех экспериментах, в которых отделяла вредные травы и грибы от полезных.

Тогда она сушила и хранила травы и грибы в гроте, в котором когда-то нашли огниво. Устраняющие боли живота, помогающие избавиться от жара в теле, от общего недомогания и заживляющие раны – все будущие лекарства она развешивала в разных местах на недоступной для малышей высоте. Компания Кукто однажды вынесла заготовленные пучки и спрятала. Сонх не сомневалась в том, чьих рук дело, и сообщила Свуро о пропаже лекарственных заготовок.

Вождь дал понять пакостникам, что своими действиями они не просто навредили Сонх, а поставили под угрозу здоровье всех жителей пещеры.

– Если всё уничтожено, то племя изгонит вас. Если лекарства сохранились хотя бы частично, то всё надо немедленно вернуть травнице. В случае повторения чего-то подобного, племя расстанется с вами без сожаления, – заверил мальчишей-плохишей Свуро.

Здесь, на кочевых стоянках, все свои эксперименты Сонх проводила днём. А по возвращении Тавка они шли учиться плавать. Зоуло с друзьями показали, как именно надо работать руками и ногами. Когда у друзей стало получаться, детский предводитель тихо сказал друзьям:

– Теперь они обойдутся без нас. Мы, продолжая находиться рядом, только стесняли бы их. И как мы раньше не замечали, что взрослеют наши друзья. Подходит пора, когда заневестится наша Сонх. Тавк и вовсе почти взрослый, уже охотник. Пусть остаются одни.

Увидев влюблённую парочку, возвращающуюся с купания, Куно сообщила женщинам:

– Тавк уже охотник, а Сонх ещё совсем не взрослая. Но и тогда, когда она повзрослеет, наши самцы не обидят травницу... Если не забудут рассказ о том, как Тавк защищал её от отшельника пливс, – добавила она.

Зоуло и самому хотелось распрощаться с детством, но он помнил, что Тавк старше его на две зимы. До взрослой охоты ему самому и его друзьям ещё долго ждать. Какое-то время было приятно радовать жителей городка рыбой. Но оттого, что все стали принимать дармовую рыбу просто, забывая о благодарности, как само собой разумеющееся, как обязанность чужих для них мальчишек, рыбалка скоро наскучила.

Как-то безрадостно и без ярких моментов, которые надолго запомнились бы, шла череда дней. Остался где-то позади пик жары. Появились утренние и вечерние туманы, предвестники осени. Немного отдалившись от реки, чтобы не идти по пройденной полосе, стада возвращались к местам, где всегда коротают продолжительную зиму. Вслед за стадом, приближаясь к своим родным местам, шли охотники, переноса шкуры и утварь, устанавливая временные пристанища на очередные несколько дней.

Одно за другим отделялись соседние племена, делившие со всеми радости и трудности охоты. Настал черёд возвращаться к родной пещере и племени Свуро. Подходили с чувством тревоги. Опасались, что племя людей черс заняло их родной дом. В этот раз всё обошлось благополучно: пещера ждала жильцов, накопив в стенах и сводах тепло летних дней. Но это касается только переднего, жилого грота. Более отдалённые участки пещеры оставались одинаково прохладными зимой и летом.

Вернувшиеся жители принялись за обустройство привычного быта, который поможет пережить очередную зиму. Радовало не просто возвращение в родной дом, но и то, что отпала необхо-

димось через несколько дней перекочёвывать на новые места, разбирать и переносить временные жилища, а затем снова устанавливать их. Радость от возвращения была грустной из-за заботы о зимовке с не такой обильной и разнообразной пищей, какая бывает летом.

Незаметно прошла пора плаксивой осени. Первый, ещё липкий, снег принёс радость детворе. Кому-то пришла мысль слепить красавца марала. Собрав снег с огромной площади, наскребли только на кабаргу. Но и она порадовала взрослых, возвратившихся с очередной охоты. Сочли, что это снежное чучело будет сопутствовать успеху на охоте, как бы призывая живых сородичей быть ближе к пещере.

Тавк охотился со взрослыми, а Сонх занималась операциями на подопытных. По её просьбе принесли тяжело раненого волка. Чтобы не искушал докторшу, пасть ему связали лентой из шкуры, закрепив её на шее хищника. Не догадываясь о назначении большинства внутренних органов, девочка получила представление об их месте в организме. Разрезы, сделанные при операции, она сшила конскими волосами. Их остатки после сооружения сачка девочка предусмотрительно сохранила. Зная о необходимости кипячения инструментов, продезинфицировала костяную иглу и волосы для шивания.

Наблюдательная девочка помнила, что зимой, если охота оказывалась удачной, добытки не успевали разделать все туши на месте. Часть трофеев успевала замёрзнуть и шкура на морозе не снималась. Тогда разделкой занимались в тепле пещеры. Оперирруя клыкастого, лекарша отметила, что у приносимых тогда кабарог, баранов и козлов есть очень похожие органы. К тому же и расположены они в тех же местах тела, как у этого волка и у оперируемых бурундучков.

Не догадываясь о назначении, она успела отметить значимость каждого органа для жизни его обладателя. Главными для выздоровления она сочла сердце, лёгкие и печень. С раной сердца выжить не удавалось ни животным, ни людям.

По осенней почве и по первому снегу мальчишки пытались разыскать табун лошадей. Зоуло захотелось попробовать вить из

конского волоса шпагаты. Бабушка Бул показывала, как это делается, но тогда лошадиных волос не было, она свивала стебли травы. Уходить далеко мальчишки не решались. К тому же их компания сократилась до количества пальцев на одной руке.

Мелкая живность, которую удавалось добыть, взрослеющих мальчишек уже не радовала. Земля покрылась снегом почти до колен. Пришлось ходить на снегоступах, замедляющих продвижение. Однажды, когда солнце прошло половину пути от полуденного положения до закатного, вышли на дорожку из следов, оставленных волками, преследующими сохатого. Зоуло, лишь бросив взгляд на следы, сообщил:

– Следы совсем свежие. Надо торопиться, чтобы помешать клыкастым хищникам расправляться с лесным великаном.

Часто сменяя друга, идущего первым и устающего при прокладывании лыжни, мальчишки быстрым ходом шли за преследователями. По следам определили, что волков пятеро. Оказавшись на краю возвышенной площадки, успели к моменту нападения стаи на сильное животное. И раньше было видно, что хищники неоднократно окружали свою жертву, но каждый раз им что-то мешало напасть.

Здесь, на берегу замёрзшего ручья в глубине распадка, стая проявила решительность большую, чем раньше. Один из волков преградил дальнейшее продвижение, готовый вонзить клыки в мощную шею, если окружённое животное попытается уйти в сторону. По паре хищников с обеих сторон, хаотично перемещаясь, тоже выжидали момент для нападения. Ещё не сброшенные, низко опущенные рога удерживали от броска только одного из нападающих.

В какой-то момент боковой враг совершил прыжок. Лесной богатырь заметил рывок боковым зрением. Он резко повернул заднюю часть тела, оставляя голову в неизменном положении. Копыто встретило нападающего так, что тот в дальнейшем смог бы только с трудом ползти. Сломанные рёбра не давали раненому опираться на передние ноги.

В то же мгновение волк, стоящий впереди совершил прыжок, чтобы достичь шеи, пролетев над рогами. Наверное, он надеялся на то, что животное отвлеклось на нападающего сбоку. Взмах

головой – волк получил мощнейший удар рогами. В следующее мгновение богатырь прижал хищника к земле, а ещё через миг безжалостно растоптал.

Трое других преследовавших хищников успели вцепиться в шею, разрывая толстую шкуру. Сильное животное развернулось и пошло вперёд. Волк со сломанными рёбрами попал под копыто. Шкура на животе не выдержала и часть внутренностей хищника выдавились на алеющий снег. Мотая головой, сохатый пытался сбросить смертельную ношу.

Мальчишки скатывались в распадок, оставаясь свидетелями происходящего. За сохатым потянулся кровавый след. Одному из клыкастых удалось повредить сонную артерию сохатого. Пройдя ещё несколько шагов, богатырь завалился на бок. Разъярённые хищники продолжали злобно расправляться со своей жертвой. Сохатый бил ногами воздух, не доставая до губителей.

Когда мальчишки приблизились к утопанной площадке, волки оставили переставшую биться жертву и обратили оскалы к непрошенным гостям, уверенные в том, что отстоят свою добычу. Приготавливаясь к нападению, мальчишки один за другим избавились от снегоступов, увеличив свою маневренность на утопанной площадке.

Волки, увидевшие, что пришельцы не нападают на них, осмелели. Но временная отсрочка начала сражения с хищниками не убавила решимости юных охотников. Приблизившись к убийцам сохатого так, чтобы те не успели увернуться, все метнули копья, заранее распределив живые мишени.

И всё-таки один из волков увернулся от обеих копий и первым набросился на Булута. В прыжке, ухватив мальчишку за рукав, повалил его. Раненые клыкастые набросились на Вынха и Саво. Зоуло рубанул топориком по хребту волка, повалившего Булута. Мальчишка сумел свалить с себя тушу, но не мог избавиться от мёртвой хватки могучих челюстей. Смертельно раненный зверь не отпускал свою жертву, не давая мальчишке подключиться к добиванию волков, продолжающих проявлять агрессию.

Вынх и Саво сумели увернуться, а Туно со всего маху опустил свой топорик на череп хищника, напавшего на Вынха. Волк Саво

в азарте схватки не заметил, что противостоит двуногим пришельцам в одиночку. Удар топорика Зоуло пришёлся по шее клыкастого, когда тот пытался излить ярость на Туно. Только теперь все бросились на помощь Булуту. Пришлось разжимать челюсти волка ножом, стараясь не нанести другу дополнительную рану.

Из волков медленно вытекала последняя кровь. Один из смертельно раненых хищников огрызнулся и среагировал на взмах топориком Туно, но копыё Зоуло пронзило грудь, обеспечив дополнительный отток крови. С волками было покончено. Только теперь появилась возможность взглянуть на сохатого.

Голова лесного богатыря была подвёрнута так, словно он затуманенным взглядом полуоткрытых глаз наблюдал, как появившиеся двуногие обитатели заснеженных просторов расправляются с его губителями. Сердце травоядного лесного странника уже не билось. Надо было торопиться вспарывать живот, пока накопившаяся в желудке пища не «загорела» и не испортила мясо. Зоуло распорядился:

– Саво и Булут одевайте снегоступы и быстро возвращайтесь домой. Ты, Саво, приведёшь сюда кого-то из взрослых. Самим нам не принести кочья к пещере. А ещё каждому из нас надо унести по волку. Туно и Вынх, собираете клыкастых в кучу и помогаете мне разделять богатыря кочья.

Булут, прижимая рукав к ранам от волчьих клыков, старался не отставать от Саво. «Раздевание» сохатого мальчишки заканчивали уже у костра. Они сели перевести дух, когда по собственной лыжне Саво привёл Свуро с группой охотников. В глубине души Зоуло теплил надежду, что вождь оценит охотничий успех его группы, позволит в дальнейшем перейти всем им в разряд взрослых охотников. Свуро оказался непоколебим в убеждении, что героям дня всё-таки надо ещё подрасти для настоящей охоты.

Несколько позже, когда реку сковал лёд, с противоположного берега на этот перекочевал табун лошадей. Они спустились в низины, когда горные луга накрыло толстым слоем снега. На равнинах снегопады начались позже. На них добывать корм было легче. Но зима вершила свои дела везде, наращивая снежный покров.

Теперь лошади паслись на ветреной стороне сопки. Оттуда снег сносило на равнины и на подветренную сторону. Мальчишки решили осуществить давнюю мечту, добыть ценный трофей – конские волосы с гривы и хвоста. Хотелось попробовать охотиться на петли. Особенно удачными петли казались при будущей охоте на зайцев. Но также хотелось опробовать их в добыче лис, волков, соболей.

В этот раз в табуне оказалось четыре лошади светлой масти. Табун, пришедший в эти края, не должен был уйти далеко. Зоуло поделился своим предположением:

– И завтра, и в другие дни копытные будут на какой-то из этих сопки. На охоте воспользуемся шкурой мяу, как в тот раз. А сейчас возвращаемся домой с тем, что есть. Может быть, удастся пополнить трофеи на обратном пути.

Четыре дня бушевала пурга, а когда она прекратилась, юные охотники отправились на поиски табуна. К ночи разъяснило. Только с появлением первых звёзд удалось обнаружить табун на склоне отдалённой сопки. Охоту перенесли на утро следующего дня. На подветренной стороне снега намело до пояса. В снежных норах, изредка вылезая попрыгать, чтобы размять ноги и разогнать кровь, негромко перекликаясь, провели долгую зимнюю ночь. Всем удалось немного подремать.

С самого утра всё пошло не так, как летом. И не только потому, что Вынх взял копьё у Булута, чтобы оно не осталось без приращения. Булут противился, что снова ему не придётся принять участия в охоте на лошадь. Роль «пугала» его не устраивала. Зоуло был категоричен – в шкуре снежного барса быть именно Булуту.

Если летом местность скрадывала обзорение у подхода, то теперь на белом снежном фоне мальчишки в звериных шкурах не могли оставаться незамеченными. Пришлось долго перемещаться рядом с табунном на корточках, пока лошади привыкли к присутствию посторонних рядом с ними, перестали опасаться. Было холодно, и долго лежать без движения не получалось.

Наконец-то выбранная жертва оказалась так близко, что в неё полетели мальчишеские копыя. Вынх метнул копьё Булута с опережением уже мчащегося подранка. Копьё вонзилось в шею. Сопро-

вождаемый криками юных охотников, табун мчался от нарушителей спокойствия в направлении Булута. Мальчишка выскочил из своей засады. Наверное, ветер сменился. Вожак, не чувствовавший запах хищника, уводил табун, не меняя направления. Но вот он ощутил запах опасного зверя и увидел его мчащимся наперерез. Все лошади повернули, но в этот раз реки рядом не было, простора было предостаточно – табун уходил в отдалении от охотников.

Копья, выдавливаемые из тела мощными мышцами, одно за другим падали на заснеженный склон. Облачённые в снегоступы, юные охотники не могли мчаться наперерез подранку так же быстро, как летом. Успеть сделать по второму броску не получалось и потому, что до табуна в этот раз было дальше, чем во время прежней охоты. Успокаивало то, что на заснеженных склонах остались следы. По ним-то и пришли мальчишки к обескровленному животному.

Чтобы обезопасить друзей от нападения в пути волчьей стаи, Зоуло отправил за носильщиками мяса троих: Булута, Саво и Туно. Вынх и он сам занялись разделкой туши. Оставалось отделить шкуру от спины, когда Вынх обнаружил приближающихся волков. На запах парного мяса, прибежали клыкастые, промышлявшие где-то недалеко.

Пришлось оставить разделку и занять оборону. Встав спиной к туше, выставили копыта перед собой, готовые в любой миг воспользоваться топориками. По времени получалось, что друзья не только дошли до жилища, но и могли быть где-то рядом, если охотники собрались оперативно и вышли без промедлений. Но действительность и желанное в этот раз не совпали.

Вынх предложил:

– Давай немного отступим, будем защищать себя, если не отстанут от нас. Когда появится возможность, будем бить тех, кто набросятся на дармовое лакомство.

– И это правильно, дружище! Им будет не до нас. Они будут заняты дележом добычи. Много не слопают, хватит и нам. Зато они будут более уязвимы, – согласился Зоуло.

Новая тактика дала результат. Уже три волка из семи нашли смерть у дармовой кормушки. Неизвестно, как долго предстояло

держат оборону. После каждого предсмертного взвизгивания хищные собратья отскакивали от туши, чтобы вновь наброситься на двуногих и на тушу, остывающую, но издающую аромат парного мяса. Успокаивало то, что мясо лошади, в отличие от сохатинного, не загорит при длительной лёжке неразделанного животного.

Ещё продолжалась осада редющей волчьей стаей, когда появились носильщики. Увидев подкрепление, спешащее к двуногим, три оставшихся в живых волка, увернувшись от копий, но получивших лёгкие ранения, отступили. Расстояние позволяло им оставаться в безопасности в случае, если в них бросят копьё. Чтобы не отвлекаться на угрозу, мальчишки с криками погнались за ударающими чёрными хищниками.

Да, они вышли победителями в сражении со стаей чёрных волков. Взрослые закончили разделять лошадь, не оставили без внимания и тушки волков. Прекратившим погоню мальчишкам оставалось вырубить из лошадиной шкуры гриву и кончик хвоста с метёлкой длинных волос. В этот раз хищникам не оставили и шкуру.

И эти, совсем не детские, самостоятельные действия не убедили Суро в возможности взять мальчишек в отряд взрослых охотников. Он как-то не обращал внимания на результаты, замечая только возраст удачливых подражателей взрослым. Как убедить вождя, мальчишки не представляли. Суро при всех победах юных охотников оставался непреклонным.

– Рано вам ещё становиться охотниками, – сказал он и в этот раз.

Не спеша и без приключений мальчишеские будни прошли до весны.

XXI. ЗНАКОМСТВО С ЧЕРС

Весной, когда снег сошёл, а реки ещё не везде вошли в привычные берега, мальчишки приступили к планированию нового похода. Стать охотниками им пока не удалось – Суро по-прежнему видел их детьми. В этот раз свою продолжительную экскурсию мальчишки наметили в сторону заката светил. Каким далеким и

насколько долгим будет путешествие, никто не предполагал. Всем им просто хотелось получить представление о местности, о которой не ведали ни просто взрослые, ни даже старцы подобные Колсу и Куно.

Несмотря на ранний час выхода из пещеры, в пятый день пути путешественники заметили, что куктовцы издали следят за ними. Преследователям не было надобности подходить близко – почти беслесная степь просматривалась очень хорошо по всем направлениям. При необходимости можно было подняться к вершине очередной сопки и увеличить пространство обзора. Именно так и поступали любители напакостить сверстникам-соплеменникам.

Булут предлагал зайти за сопку и отсидеться там, дожидаться, когда пакостники потеряют их и прекратят преследование. Саво рассудил по-своему:

– Они видят каждый наш шаг, тоже отсидятся, а потом продолжат преследование. Даже в случае, если потеряют нас, они смогут пронюхать куда мы идём.

– Пусть следят. Мы знаем об их присутствии рядом, не дадим сотворить то, что могло бы помешать нам и дальше познавать неизвестное, – согласился Зоуло с доводами Лиса.

Куктовцев не задерживали ни встречающиеся в пути реки, ни охота для пропитания, ни необходимость отбиваться от стай хищников, ни временные поиски ускользнувших из виду искателей приключений. Надо отдать должное умению преследователей постоять за себя при нападении волков и гиен. День за днём они, как им казалось, скрытно и незаметно шли по пятам уходящих к закату сверстников.

Сначала они следовали за идущими. Потом вместе с ними посещали редкие стоянки людей пливс, готовящихся к летней кочевой жизни. Чтобы «не выносить сор из избы», представители обеих группировок не показывали виду, что враждуют. Люди пливс воспринимали всех единым целым, но не понимали, зачем идти туда, где безраздельно хозяйничают люди черс. Желание идти к закату казалось безрассудным ещё и потому, что местным было известно о склонности черс лакомиться людьми. Они отговаривали гостей от рискованной «прогулки» во владения людоедов.

Прошла половина месяца путешествия, когда в пути, после лёгкого завтрака, Булут заметил группу охотников. Издали казалось, что ничего необычного в людях нет. Но Саво отметил, что это не коротконогие пливс, а люди, похожие на представителей снипс. Всех смутило то, что эти охотники какие-то менее могучие, чем взрослые родной пещеры, больше похожие на молодых соплеменников, не успевших раздаться в плечах. Бесшабашный вдруг забеспокоился. Он дал знать друзьям о том, что разглядел. Только тогда и остальные обратили внимание на цвет кожи приближающихся охотников – не смуглый, а чёрный. И волосы у них оказались не прямые, а вьющиеся. Никто уже не сомневался, что судьба свела их с людьми черс.

Куктовцы, прячущиеся от группы Зоуло, остались незамеченными черс. Но они пока не догадывались о намерениях охотников, бегущих к их соплеменникам. С гиканьем, будто они насмотрелись фильмов о дикарях, люди черс рванули к оторопевшим подросткам. Пятерым мальчишкам было бы бессмысленно пытаться противостоять семи взрослым. К тому же они стали бы мишенями лучников раньше, чем те подбежали бы на расстояние броска копья.

– Бежим. Что есть мочи бежим. В их намерениях сомневаться не приходится, – наконец-то дал свою оценку ситуации Зоуло.

– Они бегут чуточку быстрее нас и устанут едва ли раньше, чем мы. Надо придумывать, как от них оторваться, – с беспокойством произнёс Саво.

– Люди пливс говорили правду. Это племя черс-людоедов. Бежим к реке. Там надо будет плыть подальше друг от друга. Иначе, стрелы попадут не в одного, так в другого. Нырять и плыть придётся каждый раз меняя направление. Чтобы выныривать в неожиданных для них местах. Но при этом грести придётся больше к противоположному берегу, – объяснял Зоуло на пути к реке тактику отрыва.

– А если они поплывут вдогонку и напрямую, то догонят нас ещё на воде. Надо плыть прямо, – предложил Туно.

– Смотрите, и бесшабашный почувствовал опасность, – подметил неординарность ситуации Булут. – Они начали на бегу

стрелять. Стрелы пока не долетают, но на воде достанут. Зоуло прав – плыть надо зигзагами. А поплывут они вдогонку или нет – покажет время.

Забежав в реку повыше колен, с разбегу нырнули и поплыли сначала только прямо, постоянно оглядываясь при выныривании. Когда черс стали видны на крутом берегу, подростки поплыли зигзагами. Несколько преследующих забрели в воду почти по грудь, но плыть не отваживались. Другие черс в азарте погони открыли беспорядочную стрельбу, в надежде попасть хоть в одного из выныривающих.

Вдруг одного, зашедшего в воду дальше других, сбило течением, и он стал беспомощно барахтаться, пытаясь встать. Но его сбивало снова и снова, пока ему не протянул лук один из тех, мимо которого он ещё не успел проплыть. Лучники прекратили стрельбу, переживая за соплеменника. Один из них без сожаления произнёс:

Ничего, что не попали. Иначе как бы мы вытаскивали добычу из воды в такой дали от доступной нам мели. Река оказалась широкой настолько, что ни одна из стрел не долетела бы до подростков, успевших преодолеть лишь половину водной преграды. А они, радостные, что все целы и невредимы, уже кричали со своего берега:

– Вши сухопутные! Людоеды проклятые! Поищите себе на ужин тех других, кто не сможет убежать от вас.

Такую широкую водную преграду пловцы преодолели впервые. Каждому пришлось нырять и нырять. Собственных пальцев рук и ног не хватило бы, чтобы сосчитать, сколько раз пришлось нырять и выныривать. Плыть, оставляя голову на поверхности, они долго не решились. И это к лучшему. Иначе, каждый стал бы для стрелков удобной мишенью.

Дети не знали, что, возвращаясь к стоянке, люди черс набрали на группу Кукто, шпионившую за своими неприятелями-сверстниками, но потерявшими их из виду, когда те убегали от черс. Мальчишки-преследователи, надеясь на покладистость взрослых, убежать не стали. Когда стало понятно, что попали в непростую ситуацию, Кукто решил пойти на хитрость. Он заявил:

– Отпустите нас, а мы приведём сюда тех, которые сбежали от вас. Их больше, чем нас. Вы не прогадаете.

Черс посоветовались.

– Пойдёт один из вас и приведёт остальных, – было их решение.

– Одному опасно. Кругом волки и гиены. Один не отобьётся, если зверьё нападёт. Надо идти хотя бы вдвоём, – изворачивался Кукто.

– Пойдёшь ты. Всё равно есть тебя было бы противно, если не приведёте других, – сказал один из черс, показывая на Пнихо.

Другой указал на Молха и приказал обоим убираться, пока ещё не передумали отпускать их. И Пнихо не обиделся за слова о себе, и Молх не стал вредничать – оба незамедлительно покинули временную стоянку людоедов.

– Кажется, мы вляпались и не слабо. Если не приведём тех, то съедят наших, а если приведём, то съедят тех, – размышлял вслух Пнихо.

– Или съедят всех: их, и нас, – предположил Молх.

– Если даже нас пощадили бы, всё равно было б жалко Зоуло и его друзей, – произнёс страшило.

– Надо что-то придумать.

– Сначала надо найти их, а там думать будем вместе. У Зоуло и Савы соображаловки не хуже, чем у Кукто. Да и другие тоже не глупее нас с тобой, – советовал спутник.

Лишь вечером, когда солнце коснулось горизонта, группу Зоуло удалось заметить на противоположном берегу. Парочка поисковиков окликнула соплеменников и попросила плыть к ним. Разбираться в сложившейся ситуации долго не пришлось. Надо было спасать Кукто и Сулуха. Было ясно, что пока дойдут до стоянки, будет уже темно.

Предприняв меры предосторожности, затаились в кустах. Безветрие и темнота кустов делали мальчишек невидимыми. Зато в свете костра сами они видели всех семерых черс и сидящего сгорбившись Сулуха. Не видно было только Кукто. Всматриваясь в полутёмные места, пытались обнаружить соплеменника живым или мёртвым.

– Да вот же он, на вертеле! – с ужасом произнёс Пнихо. – Они готовят ужин из Кукто.

– Надо срочно спасти Сулуха. Не дождавшись нас с вами, они отужинают Кукто, а позавтракают вторым нашим другом, – высказал догадку Молх.

– У вас же есть тайные звуки. Какие? Надо подать знак, что мы здесь, – предложил Зоуло.

Прозвучало утиное кряканье. Выглядело это так, будто древесная утка крякнула где-то в кустах, переворачивая яйца высиживаемой кладки. Мальчишки стали сомневаться, понял ли их друг. Но через небольшой промежуток времени они услышали посвист бурундучка. Это был ответ на позывное кряканье. Убедившись, что заложник их понял, все вышли на неосвещённый край поляны. Булут прокричал совой, дав понять направление бегства.

Черс не связывали заложника. Они были убеждены, что несчастный терпеливо ждёт, когда дружки приведут мальчишек, обещанных для замены. Не обратили внимания они и на обычные ночные звуки мелкой живности, прозвучавшие через небольшие промежутки времени. Они были увлечены хлопотами по приготовлению ужина.

Напряжённо сидевший мальчишка понимал, что другу на вертеле помочь уже невозможно. Но не горечь утраты Кукто заполняла его сознание. Его заинтересовало оружие людоедов. Один из луков был приставлен к кусту невдалеке от сидящего мальчугана. Плетённый из волокон травы колчан с большим количеством стрел был небрежно брошен хозяином рядом с луком. Попытаться прихватить при побеге и стрелы Сулух не решался – слишком тяжела и неудобна была бы ноша. С ней не убежать. Оставалось одно – прихватить при побеге лук. Внешний вид стрелы и умение врага целиться и стрелять узник видел во время своего недолгого плена.

Внезапно пленник вскочил с места и, прихватив лук, понёсся в направлении недавно прозвучавшего крика совы. Пока «повара» очнулись, осознали происходящее, пока добежали до луков, пока выхватили из колчанов по стреле и прицелились, беглец оказался на пределе досягаемости стрелы. Спасатели, увидев бегство соплеменника, бежали рядом с ним.

Вдруг одна стрела коснулась ноги Саво и воткнулась в землю на его пути. Мальчишка видел, что Сулук сбежал с луком. Стрела могла пригодиться. Но осмысление пришло позже, а тогда он машинально на ходу выдернул стрелу и побежал дальше, не сбавляя скорость. Зоуло предупреждал тех, кто не участвовал в дневном побеге:

– Плывём нырками. Так и быстрее, и надёжнее – им будет труднее попасть в кого-то из нас. Плыть надо зигзагами. Если оказаться в свете лунной дорожки на воде, то спасти может только ныряние.

Сулук на бегу сообщил:

– У меня лух. Они называли его так же, как тот съедобный дикий лух, который растёт на берегах рек. А то, чем стреляют у них называется рела. Тоже так, как у дикого лух.

У Зоуло промелькнула мысль о том, что этот маленький снаряд заслуживает «р» в названии из-за дальности поражения. Он потребовал:

– Дай лух мне. Тебе он будет мешать в плавании. Ты же не хочешь стать мишенью.

В этот раз, наученные дневным опытом, черс не стреляли в пловцов. Не попав днём, было бы нереальным поразить кого-либо в темноте. Уставшие пловцы распластались у воды на галечнике, не успевшем отдать атмосфере накопленное за день тепло. Стрелу в руках Саво заметили только на другом берегу. Отлежавшись, он сел и приставил стрелу к ноге в месте касания при беге. Стало понятно, что выпущенный черс снаряд коснулся икроножной мышцы лишь опереньем.

Зоуло недолго рассматривал лук. Деревянная основа была обработана острым ножом и отшлифована ладонью посередине. На концах в неглубокие канавки заложен шнур. Потянув за него, ощутил упругость тетивы. Потом взял у Саво стрелу. Она походила бы на крошечное копьё, если бы на конце не было оперения. Тоже каменный наконечник, но меньших размеров, крепился как и у копья – в расщелине утолщения дровца с помощью клея и туго намотанного травяного шпагата, пропитанного клеем. Зоуло встал. Коснувшись наконечником земли, отметил, что конец стрелы расположился чуть выше пояса.

Мальчишка-предводитель без всяких вступлений обратился к куктовцам:

– Теперь-то вам понятно, что надо не враждовать, а дружить всем со всеми. Жалко, что Кукто этого уже не поймёт. Но вы-то понимаете?

Отозвался Пнихо:

– Кукто жалко, но без него будет лучше. Теперь нас никто не будет стравливать с вами и с другими мальчишками и девчонками.

– Вы заметили, что вместе мы даже людоедам оказались не по зубам? – спросил Булут.

Неизвестно, было ли словосочетание «не по зубам» употреблено только в прямом смысле или и в переносном тоже, но никто ни уточнять, ни переспрашивать не стал.

Отдохнув и полностью успокоившись, решили больше не испытывать судьбу, а идти домой. Надо было торопиться, успевать, пока соплеменники не ушли кочевать. Если окажется, что они успели уйти, то догонять их долго не придётся. Но наличие лука и стрелы не давало покоя. Ночью, после осмотра оружия, Зоуло заверил друзей, что попробуют стрелять утром. В темноте стрела могла залететь куда-нибудь так, что её не нашли бы.

Сулух видел, как черс стреляли в куропатов для перекуса. Очевидец показал, что лук надо держать наклонно. В этом случае стрела устойчиво ложилась в углубление между рукой и луком и обеспечивалось удобство прицеливания. Чтобы стрела не улетела далеко, стреляли под берегом. Тренировки в стрельбе проводили каждый день, при всяком удобном случае. В пути изготовили несколько стрел, но наконечников к ним не было. Саво вспомнил, что у Бахро наконечник копья был из кости. И наши путешественники тоже воспользовались трубчатыми костями птиц.

XXII. ДРЕССИРОВЩИКИ

До дома оставалась пара дней пути. Время шло к обеду, но подходящая добыча избегала юных охотников. В их поле зрения появилась волчица, но она не приближалась на расстояние менее двух полётов брошенного копья. Создалось впечатление, что она

пытается куда-то увести группу её преследователей. Молх, не имеющий достаточного опыта охоты и не обладающий терпением, возмутился:

– Да сдалась вам эта клыкастая. И без неё есть кого добывать. Давно уже не путались бы в одном месте, а пообедали и шли бы домой с добычей. Это если бы не зациклились именно на волчьей шкуре.

– Потерпи, Молх. У нас с Зоуло родилась идея. Попробуем реализовать. Зверь не уходит далеко от этих мест. Где-то рядом должны быть волчата, – успокоил несдержанного компаньона Саво.

В это время в поле зрения появился матёрый волк, что утвердило охотников в их догадке. В отличие от современных сородичей, это была пара чёрных волков. Они более крупные и сильные чем те, которые встречаются теперь. Стрела, выпущенная Зоуло, попала главе волчьего семейства в шею. Зверь закрутился на месте, пытаясь зубами ухватить мешающий предмет, который к тому же был не безболезненным.

Чтобы не остаться без трофейной стрелы, Зоуло стрелял самодельной, с костяным наконечником. Стало понятно, что и ею нанесена серьёзная рана. Теперь он далеко не уйдёт, не оставит охотников без уже использованных стрел. Теперь мальчишка прицеливался стрелой с каменным наконечником. Но зверь постоянно перемещался, продолжая крутиться.

Выстрел сделан. Каменный наконечник угодил в позвоночник вблизи таза. От этого попадания зверя будто парализовало. Он еле полз, волоча зад, но продолжал показывать злобный оскал, давая знать, что просто так его не возьмёшь. Стараясь не терять из виду волчицу, подростки прослеживали путь волка.

– Наверное, ползёт в своё логово, – предположил Туно.

– Вот где их спальня-едальня. Под огромный валун сделан лаз, – сообщил Пнихо.

Волка, оказавшего услугу, приведя к родным пенатам, безжалостно добились копьями. Не подпуская к лазу мать, мальчишки дали Вынху возможность проверить догадку. Пятеро уже зрячих волчат завизжали. Мать бесстрашно бросилась на толпу двуногих – угрозу её детёнышам. Частокол направленных на неё копий

навсегда остановил порыв материнских чувств. Не защитила, составила компанию истекающему кровью отцу зверёнышей. Когда из отца семейства выдернули обе стрелы, заметили, что костяной наконечник без труда пробил шкуру, мышечные ткани и обломился при ударе о более прочную волчью кость.

Вынх, обмотав руку безрукавкой Сулуха, по одному достал всех волчат и сложил в свою рысью душегрейку, нагретую теплом тела. Оказавшись вместе, малыши успокоились. С ещё мягкой шёрсткой, не столь чёрной, как у родителей, сиротки были сыты и их пока не беспокоило отсутствие матери. Молх недоумевал, зачем возились с волчатами, если можно было всех заколоть копьями прямо в их лежанке. Кроме Зоуло только Саво знал о задумке. Он и поделился ею со всеми:

– Все вы знаете, как здорово охотятся волки. От их стаи не уйти ни иах, ни ласх, ни даже кочею. Если волчата вырастут с нами, то и охотиться будут с нами. Будут помогать нам добывать пищу.

– Ты не подумал, что их самих надо будет кормить. И не только маленьких, но и уже взрослых, – с усмешкой над наивностью произнёс Молх.

– Не забегай вперёд. Время покажет, если попробуем. Может получится научить их охотиться с нами, а может случиться так, что ты окажешься прав. Не попробовав, не узнаем, – рассудил Зоуло.

Родители зверят стали добычей, а сами они переселились в пещеру – жилище людей. Взрослые денисовцы отнеслись к живым волчатам настороженно. Они считали, что этих зверят было бы лучше видеть зажаренными, но мальчишки наперебой стали просить не делать этого, предсказав возможную перспективу:

– Из них могут вырасти хорошие помощники для охоты. Если не попробуем, то не узнаем, так ли это.

И Сулух, и Пнихо, и даже скептик Молх помогали убеждать соплеменников. Слова Зоуло о дружных совместных действиях, сказанные на берегу в ночь побега от людоедов, врезались в память каждого на всю жизнь.

Ребята застали соплеменников дома. Никто не придал значения луку и стрелам даже после рассказа о том, как черс стреляли в них. На равнодушное восприятие новинки повлиял каверзный

случай. Когда Зоуло прицелился, чтобы выстрелить в сидящего на ветке дикого голубя, тетива порвалась. Её потом заменили на свитую из конского волоса. Но и тогда к оружию людоедов охотники интереса не проявили, отнеслись к нему с прохладцей.

Взрослых удивило то, что среди вернувшихся нет Кукто. Когда услышали подробности того злополучного дня, Суро сказал:

– Злонамерения Кукто стоили ему жизни. Пытаясь перехитрить людоедов, он оказался жертвой своей хитрости. Но и это не главное. Пока людоеды или звери не сожрали ещё кого-нибудь, все будете рядом с нами. Завтра выходим на кочёвья. Охотиться будете вместе с нами. Только помните, что никого из вас не должны быть там, куда не суётся кто-нибудь из взрослых.

Мальчишки ощутили себя на вершине высочайшей горы счастья. Теперь-то они покажут себя на настоящей взрослой охоте. Вождь будто прочитал эти мысли и добавил:

– Не вздумайте показывать свою смелость. Любой, кто поведёт себя безрассудно, пойдёт ухаживать за Куно и Колсом. И попробуйте потом хоть на шаг отойти от них.

Оказаться в роли няньки для престарелых соплеменников никому не хотелось. Мальчишескую браваду как ветром сдуло. На переходы пришлось плести для волчат глубокую корзину. Но её не хватило даже на три дня. Зверьки прогрызли прутья и сбежали. Помогло то, что они не разбежались, а собрались вместе. Повизгивание несмышлёнышей выдало их. Другую корзину плели из более толстых прутьев, а потом смотрели, надолго ли её хватит, не пора ли заняться плетением новой.

Проблема вскармливания малышей, пока не знающих ничего, кроме материнского молока, решалась для волчат тщательно пережёванной пищей пещерных людей. Первые три дня дикие обитатели жилища пытались укусить любого, кто к ним приближался. Потом смирились и к кормильцам стали привыкать. Только дней через десять к зверятам стали безбоязненно подходить маленькие пещерные жители. Через пару месяцев малышня играла с подросшими волчатами, как современные малыши барахтаются с собачатами.

Уже осенью, когда переселились в пещеру, волчат приучили сопровождать людей на охоте. Постепенно звериный инстинкт под-

сказал подросткам зверятам, что не следует ждать, когда жертва упадёт от действий людей, а надо нападать и валить её самим. Напившись хлещущей из жертвы крови и урвав по куску мяса, они уже не препятствовали людям подходить к их добыче для разделки. И тогда волчатам перепадало то, что люди не брали, оставляли на месте за ненадобностью.

К ранней весне волчата выросли, стали почти взрослыми и самостоятельными. Иногда они приносили остатки добычи, если охотники были близко. Но чаще, в это не изобилующее пищей время, они утоляли собственный голод даже про запас. Однажды, во время охоты на сохатого, богатырь так зашиб одну из самок, что та не выжила. Остались три самца и одна самка.

Тогда же озверевший подранок головой сбил с ног оказавшегося рядом Сулуха. Тот не захотел расстаться с копьём, не метнул его, а пошёл в ближний бой. Всё произошло так быстро и неожиданно, что в пылу охоты взрослые не обратили внимания на мальчишку. А на него, лежащего без сознания, отступающее от охотников животное наступило копытом.

Когда зверя общими усилиями повалили, Свуро отправил двух охотников отнести пострадавшего домой. Пояснил, что разделают животное и унесут мясо и без них. Мальчишка ушёл в мир тьмы в пути. Сонх потом пояснила, что копытом раздроблен тазобедренный сустав. С этим можно было бы жить, но у него сломаны все кости грудной клетки.

Весной одомашненные волчата стали уходить от людей на несколько суток. Однажды не вернулись. Потом они неоднократно попадались на глаза охотников, но близко к себе не подпускали, хоть и не проявляли такой агрессии, как их совершенно дикие собратья. Случилось, как в пословице: «Сколько волка ни корми, он всё равно в лес смотрит».

XXIII. В ШЕСТНАДЦАТЬ ЗИМ

В двенадцать зим Зоуло не стало Колса. Особенно сильно ощутили утрату старика мон и мин, которые ловили каждую фразу, каждое слово рассказчика. Большинство из малышей не осозна-

вало, что незатейливые рассказы старца учили несмышлёнышей правилам взаимоотношений с соплеменниками и самой жизни. Сверстникам Зоуло роль дедушкиных рассказов была понятна и ценна без чьих-либо разъяснений.

Только став полноправным охотником, Зоуло осознал значимость потери свободы странствий. Теперь он мог вносить свою лепту в общее дело независимо от того, насколько большим, трудоёмким и значимым было оно. Наблюдательный с раннего детства, юноша заметил, что осенние миграции животных, возвращающихся к местам рождения, менее многочисленны, чем весенние. Своими наблюдениями он поделился с отцом.

– Не могли же мы и другие охотники, включая всех пливс, черс и хищников, убить столько животных. Куда делась почти половина весенних мигрантов?

– Этого не знает никто. Даже старый Колс не ответил бы тебе, если оказался бы сейчас среди нас. Никто не знает того, откуда идёт стадо весной и куда оно потом возвращается. И раньше мы не провожали мигрантов далеко от своего жилища, а теперь и вовсе никто из людей не рискнёт пойти во владения черс, через которые проходит стадо. Только животные идут знакомыми им маршрутами, не осознавая, какому риску подвергают себя на этом пути.

Ответом вождь показал, что не стоит заморачиваться подобными проблемами. Их и без того в жизни немало. Неудовлетворённость ответом молодой охотник загнал куда-то далеко-далеко, но она время от времени будто выныривала из неведомых глубин его существа, будоража страсть познания. Юноша иногда даже сожалел, что не заметил интересную закономерность раньше, не удовлетворил любознательность ещё тогда, когда был свободен для путешествий. Сейчас постичь тайну части стада уже вряд ли удастся хоть когда-нибудь.

Детские походы не прошли бесследно. Мальчишкам удалось убедить Суро, что нельзя подвергать племя опасности истребления, что черс встречают возвращающееся племя и убивают всех без разбора. Суро принял решение: на подходе к родному дому отправлять часть отряда на разведку. С того момента за входом

в пещеру сначала наблюдали издали. Убедившись, что жилище свободно, давали знак остальным.

В суете и хлопотах шло время для наших знакомых. Перед Зоуло и его сверстниками размеренно шагала пора остатка шестнадцатой зимы. Супружескую пару Тавка и Сонх тогда уже радовали и удивляли две их дочки. Старшая переживала свою третью зиму. Из сверстников и друзей детства Зоуло холостяками оставались только Пнихо и он сам. Девушки боялись родить маленькое страшило от Пнихо, опасаясь, что дети унаследуют от отца его уродство. Зоуло же просто не спешил обременять себя семейными проблемами. К тому же он пока не мог отдать предпочтение какой-либо из крепких работающих красавиц своего племени или соседних родственных племён, рядом с которыми охотились и жили во время кочёвий.

И в тот день Свуро с мужчинами ушли на охоту. После полудня Пнихо заметил в отдалении чужаков.

– Чего это они охотятся на наших угожьях? Своих им мало что ли? Для нас самих здесь никто мёдом не намазал. Рыскаем почём зря, чтобы прокормить своих, – ворчал он.

– Не шуми, Пнихо. Без добычи не останемся. Не обеднеем, если даже и добудут кого у нас под носом, – прояснял вождь ситуацию, чтобы в корне потушить возможные страсти.

По пути домой, уже вечером, тот же Пнихо снова обратил внимание соплеменников на чужих охотников. В этот раз расстояние не скрыло того, что это люди пливс. Сначала все думали, что это те же самые люди, но Зоуло сказал:

– Тех было меньше, чем здесь. Там их на два пальца больше, чем на одной руке. А здесь не хватает двух пальцев на две руки.

– Один отлучался по нужде, вот ты его и не заметил тогда, – съехидничал Молх.

– Что-то я не замечал, что ты отлучаешься, когда справляешь свои нужды? – колко ответил Зоуло. – Надо гнать их с нашей территории.

– С соседями надо жить дружно. К тому же они вооружены, как и мы. Для меня жизнь любого из вас дороже любого зверя, которого они завалят на нашей территории, – сообщил вождь, чтобы погасить эмоции юношей.

Дома, уже после ужина, распорядился всю ночь по очереди дежурить у входа в жилище. Хоть и успокоил он днём соплеменников, но червоточинка подозрения, что всё не просто, не давала покоя даже во время еды. Распределив очерёдность дежурства, распорядился будить его, если что-то покажется подозрительным. Потребовал от жильцов пещеры ложиться спать, отложив все дела.

Незадолго до рассвета Куно разбудила вождя. На фоне не сошедшего ещё снега, перебежками от куста к кусту, проследовали трое пливс. Свуро предположил, что это разведчики присматриваются к местности.

«Всё это неспроста. Утром, когда охотники уйдут на охоту, может быть нападение на тех, кто останется. Надо не допустить этого. Но как обезопасить соплеменников? Как перехитрить нан и обойтись малой кровью?» – размышлял стратег каменного века.

То, что под прикрытием темноты суетятся нан, враги, сомнений уже не было. Куно, заметив волнение вождя, поведала, что вождь, который был много раньше Бахро, утром перед нападением увёл людей будто на охоту, а сам с ними, по кустам и перелелкам, вернулся в пещеру. Тогда её отстояли от бездомных пливс.

Утром так и сделали. Часть воинов-охотников вождь оставил в пещере на случай обороны, если покидающие жилище не успеют возвратиться. Для видимости, будто ушли все, каждый взял по шкуре в обе руки. Расчёт был прост – издали будет казаться, что на месте шкур люди. Даже обнаружив возвращающихся, но уже без шкур, нан подумают, что вернулась малая часть ушедших. Эта хитрость сыграла не в пользу Свуро. Но осознание просчёта пришло позже.

Вернувшись в пещеру, Свуро отдал приказ паковать вещи для похода. Объяснил он это неопределённостью числа нападающих.

– Не исключено, что жилище придётся оставить. Если сохранить людей племени, то можно будет найти, где жить. Биться с врагами можно и до последнего воина, но кому тогда нужна будет эта пещера. Без охотников племя не выживет.

Куно руководила сборами походной посуды и шкур для чумов. Не подлежащее переноске в длительном походе отнесли в ответ-

вление, в которое уходил дым. Облачаться в походное самим и одевать детей решили на ходу, если отступление окажется неминуемым. Люди заняли оборону. Нан появились не на шутку большим войском. Из них набралось бы три группы, две из которых на удалении встречались вчера. Враги, увидев столпотворение на краю пещеры, ускорились.

Зоуло приготовился держать оборону с помощью лука и стрел. В суетоке на это никто не обратил внимания. Свуро пытался договориться, разойтись мирно.

– Вождь, ты не прав! Они бегут к нам явно не договариваться. Их послала сюда какая-то нужда, и они намерены взять необходимое им, чего бы это ни стоило.

При этом он успел выстрелить в двух нападающих, нанеся им ранения.

– Хватит! Нашёл время играть в детские игры. Убирайся отсюда вместе со своей игрушкой, – гневно приказал вождь.

Он так и не осознал, что стрелы – это оружие, которое более значимо, чем копьё в его руке. Если бы вождь понял силу оружия, захваченного у черс, то давно можно было перевооружиться на луки и стрелы.

XXIV. ОБОРОНА С ОТСТУПЛЕНИЕМ

Свуро пытался докричаться до нападавших. Осознав, что это бесполезно, вождь понял правоту сына. Мы если не защитим вас, то задержим их. Он крикнул:

– Зоуро, уводи племя! Нан не пощадят никого, пока не получат своё. Люди племени должны жить. Заливайте костёр! Со мной останутся трое.

Так Зоуло в шестнадцать зим превратился в Зоуро. Два воина, прошедшие не одно сражение, тут же оказались рядом с прежним вождём.

– Нужен ещё кто-то, помоложе. Молх, останешься со мной.

Недавно ставший отцом, Молх явно не горел желанием оказаться в роли смертника. Но приказ вождя, а Свуро здесь оставался вождём – закон для всех. Он остался. Присоединился к го-

товым держать оборону и Пнихо, сказав, что он крепко держит копьё, а ещё и своим видом будет отпугивать нан. Зоуро, теперь уже с полномочиями вождя, дал команду тушить огонь и всем отходить вглубь пещеры. Вода закончилась, а разбросанные по гроту головешки ещё тлели. Пришлось дать команду помочиться на дымящиеся головешки и угольки. «Оставить хоть частичку огня врагам, значит, в скором будущем обречь себя на его потерю», – гласило поверье.

Он понимал, что горстка смельчаков не сможет долго отражать вторжение. Но и вести людей в логово рыра казалось безрассудным. Вся надежда была на то, что рыр успел проснуться от зимней спячки и ушёл промышлять по обозначившимся кое-где проталинам. Медлить было нельзя ни мгновения. В темноте и спешке, во время прохода по подземелью, набили немало шишек даже те, кто многократно проходили здесь с угощениями для покровителя племени.

Толпа пливс пошла на штурм крутого подхода к пещере. Свуро встал на край ровной площадки в центре шеренги. У его плеч нашили свои места более бывалые воины, чем он сам, Мен и Гуло. На фланги встали Молх и Пнихо. Было непросто успевать посылать копьё в каждую голову или грудь, появляющиеся на подъёме у ног защитников пещеры. Одни нападающие падали, а на их месте мгновенно вырастали новые воины пливс. По всей округе нёсся страшный рёв. Как разъярённые медведи рычали и обороняющиеся снисп, и штурмующие пливс.

Гуло, державшему оборону справа от вождя, вражеский воин наконецником копья пропорол живот. Но и это не остановило оборонявшегося. Он поразил насмерть или ранил ещё несколько противников. Когда он потерял силы сражаться, пропустил смертельный удар. Но его место не осталось пустовать. Свуро и Пнихо сблизилась и продолжили отражение атаки. Неожиданно к обороняющимся пришло пополнение. Ниту, воин из числа ушедших с Зоуро, вернулся. Ниту понимал, что горстка храбрецов будет уничтожена превосходящими силами врагов. Долго им не продержаться. Он счёл, что именно он сможет помочь друзьям выстоять, пока остальные соплеменники окажутся недостижимыми для врагов. Но с приходом пополнения от удара в грудь пал Мен.

Вождь остался отражать нападение с прибывшим соплеменником и с молодыми защитниками жилища.

Вдруг Пнихо спросил у раненного в ногу вождя, куда мог деться Молх. Место Молха пустовало, остальным пришлось рассредоточиться. Среди павших соплеменников исчезнувшего не оказалось. Скатиться под ноги врагов парень не мог. Но терять время на выяснение обстоятельств не было возможности. Пнихо, видя бледность вождя, сказал тоном, не терпящим возражения:

– Иди, Свуро. Мы ещё постоим, а ты, может быть, догонишь наших.

Вождь понимал, что силы покидают его. Здесь его время сочтено, но и уйти далеко он не в состоянии. Сможет зайти в тёмный переход, а там поквитается с наступающими соплеменников врагами. Там-то, где его не ждут, хоть одного он отправит в мир тьмы.

Зоуро подвёл отступающих к щели, отделяющей людей от медведя. Покровитель племени ощутил запах людей, после визитов которых лакомился приносимыми вкусными подарками. Это были привычные запахи, не вызывающие беспокойства. Рыр продолжал пребывать в состоянии чуткого сна. Один за другим, не создавая шума, люди передавали через щель свои ноши и детей. Не задерживаясь в гроте, занятом медведем, все выходили за пределы пещеры и ждали остальных там.

Весеннее солнце, приблизившееся по невидимой дорожке к полуденному положению, ласкало лица тёплыми лучами. Часть одежд с себя и с детей сняли, но последние соплеменники стали покидать жилище медведя с воплями. Ожидающих охватило беспокойство. Они не могли понять, напуганы люди медведем или следует ждать чего-то более страшного.

Получив два смертельных ранения, пал напарник Пнихо, Ниту. Оставшись один, страшило дрался, как лев. Он рычал, ревел по-звериному, перескакивал с места на место по-обезьяньи. Тогда не было времени задумываться, откуда он черпает энергию, надолго ли хватит его для изнуряющего сражения в таком диком темпе. Когда Пнихо делал выпад с копьём вперёд или вбок на шаг, враги отскакивали на два-три шага. Они страшились даже вида разъярённого воина. Но загородить собой весь вход Пнихо не мог.

Часть вражеских воинов осталась для ликвидации последнего противника, а остальные пливс бросились к головешкам. Ещё тёпленькие, они уже не дымились. Их прижимали к груди, дышали на них, но почерневшие обугленные дрова на все действия отвечали только сохранившимся теплом и запахом испаряющейся мочи. Обозлённые тем, что огонь мёртв, воины пливс бросились в погоню.

Свуро не мог добраться до ответвления с гротом, сохранившим чьё-то огниво. Он зашёл в небольшое расширение подземного перехода гораздо ближе. Упершись спиной о стену, достал полоску заячьей шкуры, заменяющей бинт. Стянув разошедшиеся на месте раны мышцы, перебинтовал ногу. От потери крови он, наверное, забылся на какое-то мгновение.

Очнувшись, услышал, как приближаются вражеские воины. Отпрянув от стены настолько, чтобы она не мешала орудовать копьём, приготовился к встрече. Глаза привыкли к темноте, и слабые отсветы оказались различимы на одной из стен. И вот отсветы померкли. Пливс загородили собой проход. Мгновение, и Свуро с силой толкнул копьё на уровне груди. Оно вошло в тело и упёрлось в крупную кость.

Он успел вонзить копьё ещё в кого-то, но и сам получил три раны. Третью получил в правую руку. От боли Свуро потерял сознание. Преследователи знали, что их копьё поражали противника. Ощувив копьём пустоту, пливс не стали искать тело воина, нанёсшего тяжёлые ранения двоим из них. Они продолжили преследование отступающих. Воины, которых ранил Свуро, в агонии продолжили преследование. Один из них пробежал за соплеменниками около сотни, но другой не смог преодолеть даже двух десятков шагов. Добежав до развилки, пливс на мгновение остановились, чтобы определиться, куда двигаться дальше. Более стойкий запах следов указал, что надо продолжать преследование, продвигаясь прямо, не сворачивая.

Сознание вернулось к Свуро. Превозмогая боль, левой рукой, насквозь проколотой копьём ниже локтя, перевязал кровоточащую рану на правой руке, кость которой ниже плечевого сустава была сломана. В этом Свуро не сомневался. Левая рука кровоточила. Раны на ней он обернул полой душегрейки. Ею же зажал

рану на груди, ниже подмышки, где копьё вскользь задело ребро и прорвало кожу. Решил уйти с места схватки дальше в темноту. Дойти до разветвления сил не хватило, помешала невероятная слабость. Обессиленный, Свуро прижался спиной к стене в дальнем от прямого прохода углу небольшого расширения. Сознание вновь покинуло воина.

Пливс уже слышали голоса людей снипс, протискивающих тьюки сквозь узкую щель. Это воодушевило вояк. Зоуро и последние отступающие ещё не покинули грот медведя, когда в него проник первый пливс. Медведь почувствовал запах чужаков. Его сознание проснулось. Пока зверь очнулся от сна полностью, в ого обители появился ещё один чужак. Зоуро один пошёл против них. Другие воины уже вышли и ждали остальных на улице. Они не успевали прийти на помощь молодому вождю.

На помощь пришёл покровитель племени.

В пещере к тому времени появился третий чужак. Зверь набросился на оторопевших от неожиданности пливс. Они никак не ожидали встречи с медведем грудь в грудь, оказались не готовы к отражению нападения. Зверь расправился с ними как повар с картошкой. Зоуро выбежал за соплеменниками, успокаивая малышей, от страха потерявших самообладание, устроивших плач дружным хором. Молодой вождь всех заверил:

– Тех, кто успел пролезть, рыр порвал в клочья. Остальные сюда не сунутся ни сейчас, ни завтра, ни когда-нибудь.

Обозлённые потерями соплеменников, смертью огня, невозможностью настичь виновников их бед и отомстить, люди пливс будто взбесились. В порыве ярости они с силой вгоняли копыя в земляной пол подземного прохода, с рёвом набрасывались на каменные стены. Скрежет зубов, грызущих выступы стен, буйволиный рёв и стоны отчаяния, отражались от скальных поверхностей: всё несло по подземелью, почти не ослабевая.

Когда массовый психоз стих, воины, обессиленные физически и психически, понуро склонив головы, побрели обратно. Дойдя до развилки, они встrepенулись. Предметы быта, оставленные в гроте, не интересовали завоевателей. Одна цепочка свежих следов пересекала грот и продолжалась вглубь ответвления. Трое пошли по

следам и за первым же поворотом обнаружили мужчину спис. Он завопил:

– Не убивайте меня. Я прятался здесь, чтобы не воевать с вами. Вы не делали мне плохого, и у меня рука не поднялась бы убить кого-то из ваших.

Надежда на то, что ему поверят, основывалась на суতোлке во время сражения. Кто бы обращал внимание на лицо соперника в пылу смертельной схватки. Труса тащили к свету. Для пливс он был трусом. Вскоре дошли до потерявшего сознание соплеменника, получившего рану от копья Свуро в грудь. Тогда, волоча пленника, кто-то запнулся о ноги лежащего без сознания пливс. Подобрал раненого, вскоре обнаружили второго соплеменника, который застонал, когда его понесли.

Кровь Свуро впитывали шкуры, они же удерживали запах. В суতোлке его не обнаружили, прошли мимо. Запах ещё не впитавшейся крови Свуро оставался на месте его поединка, но и там никого искать не стали. Когда дошли до потухших головешек, некоторые пливс распластались на полу, подгребая недавние носители огня. Они выли по-волчьи, вставляя в завывание слова:

– Бон! Наш бон! Он мёртв.

Пленный сообразил, что сражение произошло именно с целью захвата огня. Успевший сникнуть, он встрепенулся и выпалил:

– Вам нужен бон. Его нет, но его можно легко получить. Наши получают его с помощью камней и мха. С нужными камнями ушли, но есть ещё, другие. Я не знаю место их хранения, но можно поискать. Они где-то в пещере, совсем недалеко. Давным-давно, когда я был ещё мальчишкой, Колс и Куно спрятали их от нас. Они вернулись быстро, камни близко. Мы хотели подсмотреть, куда спрячут, но нас не пустили.

Пливс бросились на поиски. Гораздо проще было бы обнаружить свежий схрон. Но за годы земля утрамбовалась, покрылась слоем везде одинаковой пыли. Ещё больше обозлённые, пливс хотели изрешетить копьями ненужного им труса, но вождь велел не делать этого. Он рассуждал:

– Вражеский трус на то и годен, чтобы стать едой. Но еды нам хватит и без него. Хватит и без того отважного воина, который

непременно и очень скоро уйдёт в мир тьмы, если ещё не ушёл. Он покидал вход с крупной раной на ноге, опирался на копьё. В темноте перехода он получил ещё какие-то раны. Кровь вытечет из него. А этот не только трус, но и предатель. Если бы он мог знать, то выдал бы тайну, которую его племя хранит годы. Предатель тем и хорош, что будет вредить своим. Нам от его вредительства пользы нет, но вред от предателя станет и нашей платой за убитый бон.

Молх, а это был он, едва верил своим ушам, что его могут отпустить. Он хотел что-то сказать, чего-то пообещать, но толчок наконечником копья пониже спины заставил исчезнуть молча. А ведь он хотел просто отсидеться в тиши пещеры, а потом догнать своих. Надеялся дожждаться, пока всё стихнет. Ему стало противно за проявленное малодушие, но он быстро оправдал себя:

– Хорошо храбриться, когда ты не один, а среди своих. А оказался бы кто-нибудь один среди толпы врагов, тогда бы я посмотрел на его храбрость. И предавать своих я не собирался. Подумаешь, раскрыл тайну, хранимую племенем. Даже если пливс и нашли бы огниво, племя от этого не пострадало бы.

Он быстрым шагом уносил ноги прочь, но вдруг ощутил признаки человека. Когда его самого волокли к выходу из пещеры, ни он, ни люди пливс не почувствовали присутствие человека. Наверное, потому, что все были взбудоражены, а ощущения притупились. Коснувшись лица лежащего у стены, ощутил холодеющее тело. Там, среди трупов соплеменников, отдавших жизнь за то, чтобы могли жить многие другие, особенно дети, не было Свуро.

– Околеешь, если ещё не околел, – бросил злобную фразу Молх, вспомнив отзыв вождя пливс о неизвестном тому стойком воине.

Догнать навьюченных соплеменников труда не составило.

XXV. ПЕРЕВАЛ

По почти стаявшему снегу с прогалинами, открывшими прошлогоднюю траву, люди уходили от пещеры. Зоуро ещё не определился, куда следует идти. Но и оставаться около выхода из пещеры было не безопасно. Хоть и заверил он соплеменников о невозможности появления пливс на этой стороне горы, но сам-то он сомне-

вался в том заверении. Пливс могли как-то усыпить бдительность медведя, просочиться мимо него и даже устроить погоню. А могли ждать появления изгнанников из глубины подземелья, обосновавшись в гроте, обжитом поколениями покинувших его.

Самая возрастная женщина, Куно, которой не хватало до сорока всего одной зимы, шла без поклажи. Но она брала что-то у детей, давая им передышку. На этой стороне горы солнце уже приближалось к каменным выступам, покрытым ещё не растаявшим снегом. Штурмовать заснеженный перевал было непросто сильным охотникам, а с детьми и тяжёлыми ношами и вовсе не представлялось возможным.

– Куда вести людей? Может быть, надо уходить в ту пещеру, которую они облюбовали во время похода к восходу солнца ещё мальчишками? Нет, её мы оставим на какое-нибудь из будущих нападений. Возможно, что это будут черс. А они пока до нас не дошли. Да, надо отвоёвывать родной дом, – наконец-то определился молодой вождь.

Настала пора позаботиться о пропитании и обустройстве ночлега. На относительно ровной площадке склона одни женщины принялись разбирать тюки, разворачивать шкуры для чумов. Другие – расчистили снег и подготовили место для костров. Надо было прогреть верхний слой земли на местах установки чумов. Старшие мальчишки принялись вырубать прямые стволы молодых осин и берёз на жерди для походных жилищ, связывать вершины жердей. Женщины набросили шкуры, заставив помощников наготовить более толстых жердей, которыми можно будет придавить покрытия походных жилищ. Оказалось, что предостережение женщин не было лишним.

Оставив часть охотников около места стоянки, Зоуро повёл остальных подальше. Он предполагал, что шум и движение всей массы кочующих отпугнули животных. Здесь вооружённые люди были нужны для охраны безоружных детей и взрослых от возможного нападения хищников. Когда добытки скрылись из виду, дети заметили табун лошадей. Животные мчались во весь опор в том же направлении, что и кочевники, но много ниже по склону. Иногда часть табуна заслоняли берёзки, молодые осины и кустарники на неровностях склона.

Ситуация с побегом в таком быстром темпе прояснилась, когда на фоне снега стали видны черноватые силуэты волков. Ещё не распавшаяся после пережитой зимы, стая насчитывала около тридцати хищников. Они бежали ниже по склону. Одни старались обогнать вожака табуна, заставить травоядных продолжить бег по кругу. Другие, не откладывая на потом, стремились настичь лошадей, бегущих последними, чтобы напасть на них. Наверное, это были менее опытные загонщики.

Один из хищников хотел впиться клыками в шею травоядного скакуна, но промахнулся. Лошади, бегущие позади той, на которую совершалось нападение, втоптали в снег незадачливого клыкастого охотника. Другой хищник оказался ловчее. Он не промахнулся и мёртвой хваткой сцепил челюсти на горле своей жертвы. Другая лошадь, скачущая чуть впереди жертвы нападения, увидела клыкастого рядом с собой. На ходу она так брыкнулась, что у волка вряд ли осталась целой хотя бы половина рёбер. Но и тогда стиснутые челюсти удерживали клыкастого. Ноги того зверюги то волочились по земле, то подлетали вверх, отскакивая от неровностей почвы.

Раненная лошадь замедляла бег, а на неё как гроздь, один за другим нависали всё новые хищники. На шее висело уже три волка, а несчастное животное никак не могло избавиться от них. Когда кто-то отцеплялся, тут же ему находилась замена из бегущей рядом не менее кровожадной пары. Наконец травоядное животное со всего маху рухнуло, подмяв под себя не успевшего отскочить хищника да ещё и волка, «обласканного» копытами строптивой лошадки. Разорвав шкуру, отгоняя друг друга, клыкастые охотники стали слизывать хлещущую из раны кровь. Потом, словно очнувшись, помчались догонять табун и преследующую его стаю хищных собратьев.

Мужчины, охранявшие людей на стоянке, помчались к оставленному волками трофею. Охотники, ушедшие дальше, вернулись с четырьмя волками, из напавшей на них стаи. Трофеев хватило не только на ужин и завтрак. Остатки, несмотря на тяжесть ноши, решили взять с собой, чтобы при переходе не терять время на охоту.

Во время ужина к племени примкнул Молх. На вопрос, что с остальными, ответил, что все, наверное, погибли. Пришлось ему ответить и на вопросы:

– Что случилось, что все там, а ты здесь? Почему вернулся один?

Молх оказался готов к этому вопросу.

– Сгуро приказал мне уходить, догонять вас. Он сказал, что моя гибель проблему не решит – вы уже ушли, а нас в живых никого не оставят. Вот я и ушёл от них, – был его ответ.

– Где же ты был, когда нан прорвали оборону и погнались за нами? – с недоверием спросил Зоуро.

– Я услышал погоню и свернул в ответвление. Там пришлось отсиживаться до возвращения нан. Что-то помешало им продолжать погоню, – без тени смущения ответил Молх.

Не только Зоуро заподозрил Молха в неискренности, но никто не высказался на этот счёт. С радостью прибывшего встретила только жена с младенцем на руках. Сам молодой отец ощутил недоверие соплеменников, но пока не знал, как избавиться от него. Надеялся, что со временем всё забудется и делать ничего не надо.

Зоуро организовал женщин плести шпагат из конского волоса. Его он собирался использовать для тетивы луков. Объяснил соплеменникам, что если бы Сгуро осознал серьёзность этого дальнобойного оружия, то можно было отстоять пещеру малой для племени кровью, не совершать этот переход.

– Куда мы идём теперь? Может быть, надо искать новое жилище? – последовали вопросы.

– Идём отвоёвывать родной дом. С лух мы поразим многих нан раньше, чем они приблизятся на расстояние броска копья, – уверенно ответил молодой вождь. – Сейчас идём к седловине хребта, удобной для прохода. На перевале ещё снег.

– Ты потерял ум, Зоуро. Если мы не могли отстоять пещеру, то отвоевать её вообще нереально, – горячо возразил Молх.

Вождь бросил на возразившего недоверчивый взгляд, но не вступил в пререкания. Время было уже позднее, надо было присоединиться к спящим мон и мин.

Перед сном разыгралась вьюга, повалил снег. Ветер трепал края шкур, придавленных жердями, но строения надёжно защищали людей от разыгравшейся непогоды. Снег, но уже без пронизывающего ветра, валил и весь следующий день. К этому не остался равнодушным даже молчун Вынх. Он пробурчал:

– Только вот такой непогоды нам не хватало. Когда теперь растает то, что раньше навьюжило и ещё навалит!?

Зоуро ответил грустной шуткой:

– Не печалься, дружище Вынх. Зиму презимовали и лето презимуем.

Люди шли, хоть преодоление перевала стало ещё более проблематичным. В этом переходе Куно уже не помогала детям. Она с трудом попевала, часто даже отставала, но категорически отказывалась от помощи более молодых и сильных соплеменников. В конце дня обнаружили глубокую седловину. Тавк попытался настроить людей племени на то, чтобы подождать здесь, хотя бы до обеда завтрашнего дня. Зоуро мыслил иначе. Он считал, что надо проходить седловину раньше, чем она обледенеет от подтаявшего снега. Молх, возражая, поддержал Тавка.

– Зачем торопиться? В мир тьмы все мы ещё успеем. Шесть лучников не спасут племя от воинственных пливс.

Вождь оценивал ситуацию. Шесть готовых к применению луков для Тавка, Туно, Булута, Вынха, Молха и для него самого – это серьёзная поддержка воинам с копьями. Все шестеро меткие стрелки. Но умеют стрелять и старшие мальчишки. С луками – это ещё четыре полноценных воина. А вот с копьями они бы не справились, оказались бы первыми и бесполезными жертвами. Сообща соорудили недостающие луки. Сложнее было со стрелами. Не только каменные, но и костяные наконечники в срочном порядке соорудить было невозможно. Без наконечника стрела лёгкая, с меньшей пробивной силой. Но и этого было бы достаточно, чтобы пускать врагам кровь.

Молодой вождь убедил друзей пойти рано утром. Надо быть уверенными в возможности прохода по этой седловине, заранее найти удобные для людей промежутки между нагромождениями скал на вершине перевала. Остальным предстояло тщательно со-

брать вещи и продолжать вынужденное путешествие по следам тех, кто искали проход.

Ночной морозец превратил верхний слой снега в наст, который местами выдерживал одного мужчину с ношей, но ломался под кем-то из следующих путников. Снег не скрывал голенище обуви, но идти первопроходцами на подъём было тяжело. И всё-таки подъём и спуск между скал были преодолены. Зоуро вернулся, чтобы убедиться, что намеченный участок пути посилен для прохода всего племени. Поднявшись на вершину седловины, увидел ленточку восходящих соплеменников.

Вождь спустился навстречу, чтобы помочь кому-нибудь. Помогая то выбивающейся из сил Куно, то кому-то из детей, то женщинам, несущим свои живые сокровища, вывел людей на перевал.

Небо разъяснилось ещё поздним вечером. Солнце посылало ослепительно яркий свет, который, отражаясь от чистейшего снега, заставлял глаза слезиться. Ниже по склону, за неширокой грядой скал, соплеменников ждали первопроходцы. Там вчерашней вьюги не было. Альпийские луга, припорошенные снегом, широкой полосой заняли почти весь склон. Небольшие вкрапления разросшегося кое-где кустарника не портили картину простора и чистоты родных мест.

Да, там внизу, на равнине, обставленной сопками, начинались их владения. Многие поколения соплеменников-предков добывали на этой равнине пропитание в периоды оседлой жизни. А оседлость длилась с осени до начала лета. Только летом племя уходило кочевать. И так было из года в год, из столетия в столетие. Обычно охотников заботило одно – как добыть зверя и вернуться живыми-здоровыми. Теперь во главу угла встала проблема возвращения родного дома.

Спускаясь с перевала ещё по насту, заметили, что стая гиен гонится за небольшим табуном иах. Эти оголодавшие падальщики решили сами добыть себе пищу. Крепкий наст резал шкуру на ногах копытных, а их преследователей держал, не проламываясь под ногами. Настичь добычу в таких выгодных для преследователей условиях большого труда не составило. Гиены, окружив осликов, гугливо выжидали момент для нападения.

Низкорослость копытных, занявших круговую оборону, соблазнила хищников напасть сзади. Почти одновременно три гиены набросились на свои жертвы с одного направления. Ослики брыкнулись так, что нападавшие отлетели на несколько метров. Только одна из гиен, «обласканных» копытами, смогла встать, но уже не в первый ряд нападающих. Однако и она получила достойный урок, что этих маленьких ушастых лошадок надо опасаться при нападении.

Табун метнулся в образовавшуюся брешь, но разъярённые хищники с двух сторон набросились на одного из осликов, вонзив клыки в шею. Повалить выносливое животное оказалось минутным делом. Около десятка гиен продолжили погоню, а эти двое и покалеченные нападающие-неудачники принялись разрывать шкуру, добираясь до вкусного парного мяса.

Часть охотников во главе с Туно, Зоуро отправил отбивать у гиен их жертву, а с остальными пустился за стаей, погнавшейся за табуном. Было ясно, что хищники быстро достигнут и окружают травоядных, завалят следующую жертву. Надо было спешить. Если погоня прекратится, то такая масса обладателей острых клыков и сильных челюстей расправится со своей жертвой очень быстро.

Группа Туно с криками подбежала к бездыханному ослику. Кровь тонкой струйкой продолжала равномерно стекать из огромной раны. Сердце животного успело остановиться. Звери, увидев грозных наступающих, отскочили на безопасное расстояние. Об этих бесстрашных двуногих знали все хищники и травоядные в округе. Безопасным они привыкли считать расстояние большее, чем дальность полёта копья. В этот раз инстинкт подвёл неприхотливых клыкастых, которые без претензий могли довольствоваться падалью. Выпущенные стрелы, вонзившись в сидящих, ожидающих пиршества на остатках, заставили тех отбежать ещё дальше.

Зоуро не ошибся в том, что будет ещё жертва нападения на окруженцев. И в этот раз, кроме бездыханной клыкастой, около туши ослика орудовали только три гиены. Остальные ненасытные члены стаи погнались за остатком табуна. И здесь гиены не реши-

лись отстаивать свою добычу. Отогнав нерешительных диких добытчиков, чтобы те не мешали разделять тушу, охотники умело отделили ненужное и отправились к своим.

Группа Туно уже смаковала обжаренное над огнём мясо, а кто-то из соплеменников наслаждались мясом с рёбрышек травоядного. Никто из охотников обеих групп не пожелал охотиться на гиен. Этих тварей, с неприятным запахом и вкусом, люди ели только при отсутствии другой пищи.

Отдохнувшие и насытившиеся, люди шли по склону к холмистой равнине, где каждый из охотников побывал много раз. Знакомые места придавали уверенности, что они сумеют отбить своё жилище. Надо было только определиться, как это сделать.

Решили, что женщин с детьми и походным скарбом придётся оставить на подходе к пещере, но обязательно в пределах видимости. Вражеские воины могут разделиться и попытаться напасть на безоружных. Если такое случится, то часть соплеменников сможет отойти для защиты своих родных, а другие продолжат штурм.

В первом ряду должны идти воины с копьями. Увидев врагов, следует всем остановиться, сделать вид, что боятся нападать. Это должно придать врагам уверенности в слабости подошедших. Враги оставят в пещере безоружных и ринутся в наступление. В чистом поле они станут уязвимыми для стрел, но сами смогут добросить копьё лишь спустя время. Когда настанет момент сойтись на копьях, многие из них уже будут ранены. Этим преимуществом племени обязательно воспользуется. Врагам не удастся и безнаказанно убежать. Вдогонку полетят стрелы, нанося дополнительные раны.

План действий при захвате родного дома устраивал всех, кроме Молха. Он был так напуган племенем коротконогих захватчиков, что не хотел и мыслить о повторной встрече с ними. Ему казалось, что Зоуро будет подставлять его в ситуации, в которых придётся выкручиваться, изворачиваться, чтобы не показаться соплеменникам в чём-то хуже их самих. Покончить с этим можно, лишив молодого вождя его статуса. Значит, надо самому становиться вождём. На прямое противостояние Молх не решался. Счёл возможным заработать авторитет отрицанием правильности действий нынешнего вождя.

XXVI. ПОПОЛНЕНИЕ

Вечером, как обычно, развели костры для прогрева земли под чумы. Все занимались своими делами. Мяса хватало ещё и на завтрак, и необходимость в охоте отпала. Но продолжать поход без разведки стало опасно. Утром Зоуро, Вынх, Булут, Туно и Саво решили осмотреться, пройдя вперёд по курсу следования. Племя должно было ждать до обеда. В случае задержки разведчиков всем следовало продвигаться по пути ушедших, принимая меры предосторожности.

За старшего в походном лагере остался Тавк. Туно можно было назначить старшим в группе охотников. Своей бесшабашностью и бесстрашием он мог повести за собой даже там, где кто-то другой мог бы предусмотрительно отступить ни с чем. Но организовать всех соплеменников в случае нападения врагов или зверей мог лучше других именно Тавк, более вдумчивый и рассудительный, чем Туно.

Зоуро с друзьями, не обнаружив ничего подозрительного, уже пошли обратно, когда Булут заметил стаю волков, бегущих по их следам навстречу идущим. Пришлось занять круговую оборону. Девять чёрных волков начали монотонное движение по кругу, выискивая слабое место для нападения. Они, действительно, были чёрные. Более светлая шерсть на груди и белая полоска от междуглазья до кончика носа делали их красавцами. Но никто не обратил внимания на красоту хищников, страстно желающих расправиться с предполагаемой едой.

Договорившись, выстрелили почти залпом. Все пять стрел, пробив шкуры, впились в наступавших. Один из волков закружился на месте, стрела угодила около лопатки. Четверо сбавили темп, но остальные, ещё не чувствующие опасность, продолжали монотонный бег. Именно в них была послана новая порция стрел, но на одну меньше. Саво в этот раз перетянул тетиву – она лопнула. Темп натиска сбился.

– Стреляйте под лопатку, – посоветовал Саво.

– И будьте готовы мгновенно поменять оружие, если от карусели они перейдут к нападению, – предупредил Зоуро.

– Их карусель не по кругу, а по спирали. Они смыкают круг, – отметил Туно.

– Старайтесь стрелять под лопатку, – снова вступил в диалог Саво, когда ещё несколько стрел вонзились в бока хищников.

Именно эта добавка вызвала остервенение двух особей, которые в три прыжка оказались перед обороняющимися. Одного притормозил Саво, размахивая копьём перед собой. Вторым оказался перед Булутом. И охотник не растерялся, изо всей силы вогнал остриё копья через разверзнутую пасть хищника до самой глотки. Туно тут же со всей силушки приложился топором, прорубив шею с позвонками. Топор Вынха вскользь прошёлся по черепу другого лесного забияки, прорубив шкуру и повредив глаз. Саво тут же копьём угостил подранка рядом с хребтом.

Хищники, увидев бескомпромиссность встречи, отступили, их спираль чуть отдалилась. Оба поверженных зверя бились в агонии, когда один из волков, идущих по спирали, завыл. Вой показался жалобным, взывающим о помощи.

– Не хватало, чтобы сюда сбежались другие степные разбойники, – выразил опасение Булут.

– Будем надеяться, что другие стаи охотятся далеко, на своих территориях. Если так, то этого никто не услышал и помощников не будет, – возразил Зоуро.

Он выстрелил в воющего подранка. Стрела прошла между рёбрами и пронзила сердце. Этот матёрый зверюга теперь доживал последние мгновения. Но, не останавливаясь, друг за другом продолжали ходить ещё шесть свирепых хищников, готовых напасть в любой подходящий для них момент.

Зоуро так же удачно поразил ещё одного зверюгу, но в это время очередной хищник набросился на него. Вцепившись зубами в выставленную вперёд руку, зверь прокусил рукав из шкуры барсука, повалил двуногого соперника. Мгновения хватило, чтобы остриё ножа, пройдя по горлу, перерезало гортань, не задев сонную артерию. Но волк успел сжать челюсти мёртвой хваткой.

Остальные обороняющиеся не могли помочь другу. Их оружие могло попасть не по зверю, а по другу, который в борьбе извивался, подобно волку, и всегда был вплотную с напавшим. Молодой вождь изловчился и вогнал нож в грудь соперника. Никто не сомневался, что в этой схватке победит друг, но его надо уберечь от нападения других обладателей безжалостных пастей. Зубы умирающего зверя пришлось разжимать лезвием ножа.

Опытные охотники не ошиблись. Ещё два хищника ринулись на помощь собрату, когда изнеможённый напряжённой схваткой Зоуро вставал с четверенок. Один из нападавших хищников тут же отскочил, увернулся от удара топором. Другой, как потом сказал Булут, сдуру бросился на копьё Вынха и получил в бочину изо всех сил. Хлынувшая кровь обагрила выступившие внутренности. Животное попыталось отползти, но два копыя свершили смертный приговор.

Три оставшихся зверя, рыча и скалясь, продолжали монотонное шествие по кругу. Продвижению каждого из них мешало не менее трёх впившихся стрел. Это раздражало и злило охотников на двуногих существ. Снег натопанной ими тропинки продолжал впитывать волчью кровь, а она беспрестанно сочилась из свежих ран.

– Да сколько ещё вы будете ловить момент? Сколько ещё опасаться вас, зверюги? – вырвалось у взбудораженного сражением Вынха.

Он с силой метнул копьё в одного из осаждающих и побежал на него с топором. Волк спешно отскочил. Увернувшись от летя-

щего снаряда, он с размаху ударился о собрата, круто развернулся и с воем удалился от обороняющихся на несколько метров. Словно чувствуя то, что там он недостижим для копий, остановился.

Вынх не пытался отогнать его дальше. Он выхватил копьё из руки Зоуро и запустил в другого клыкастого. Тот, отскочив, направился к отбежавшему раньше. За ним последовал и третий хищник. Периодически подвывая, звери удалялись, оставляя за собой следы крови.

– Смотрите, все трое раненые, в крови, но не нападают друг на друга. Хищники же. Кажется, что должны были разорвать самого слабого, – изумился Булут.

– Они сейчас все слабые. Наверное, никто из них не уверен, что во взаимной грызне едой станет кто-то из собратьев, а не он сам, – неуверенно предположил Саво. – Да и до еды ли им сейчас? Главное – унести ноги подальше от гиблого места.

Преследовать подранков не стали – хватало добытых зверей.

– Снимаем с них шкуры, пока тёпленькие, – распорядился Зоуро после перевязки раны полосой заячьей шкуры.

Вынх первым разделался со своим клыкастым и приступил к снятию шкуры с последнего, шестого, волка. Вождь, которому было неудобно действовать укушенной рукой, заканчивал разделку своего волка, когда Туно заметил чужаков. Они приближались по следам ушедших волков. Сообща, наспех освежевали последнего зверя. Между дел отметили, что это тоже люди снипс. Их было немного и шли они почти налегке. Видимых тюков со шкурами было бы недостаточно для установки даже одного чума. Предугадать намерения приближающихся было невозможно. Они несли трёх волков. Булут предположил, что подранки не ушли далеко, где-то завалились, а эти люди прихватили их.

Зоуро приказал чужакам остановиться и подозвал вождя.

– Сирт. Я – Сирт, – сообщил молодой мужчина, вышедший вперёд на несколько шагов.

– Я – Зоуро. Что надо Сирту и его людям? – последовал вопрос от вождя людей вынужденной стоянки.

– Мы лишились крова, огня и прежнего вождя. Шкур хватает только для того, чтобы подстелить под малых детей и укрыть

их. Потеряв много людей, с трудом избавились от преследования черс. Вот и решай, Зоуро, чем ты можешь помочь нам всем.

Племя, не дождавшееся возвращения разведчиков, шло по их следам. Взрослые уже видели соплеменников, усердно занятых разделкой добычи, когда в поле зрения оказались чужаки. Тавк оставил на Молха часть воинов для охраны продвигающегося племени, а с остальными поспешил на помощь группе Зоуро. Подойдя, застал вождей беседующими. Когда подтянулась остальная часть племени, Зоуро объявил соплеменникам передышку, а сам продолжил беседу.

Он обратился к Сирту, имя которого означало «решительный».

– Рассказывай, брат, где и как далеко те черс, которые преследуют вас? Много ли преследователей? Об их оружии не спрашиваю.

– Их много. Они никого не потеряли во время преследования. Всегда оставались на расстоянии, на которое копьё не долетает. Мы оставили всё, что было при нас, даже тушу добытого оленя. Женщины с детьми увидели черс из нашей пещеры, когда те были ещё далеко и побежали навстречу нам, возвращающимся с охоты. Первыми убили стариков, которые вскоре отстали от нас. Потом одного за другим стали выбивать нас. Наверное, они решили, что человечины им пока хватит, прекратили преследование, – с дрожью в голосе сообщил Сирт.

– Хорошо уже то, что они не уничтожили вас всех. Вас осталось...

Зоуро посчитал.

– Осталось мужчин, как пальцев на руке. Женщин на две больше. Детей вы лучше сохранили. Их столько, сколько пальцев на двух руках и ещё один, совсем младенец, на руках матери. Даже имея жильё и огонь, вы не выживете, вымрете. И это при любом вожде. У нас хватит шкур на ещё один чум, для вас. Сможете заселяться и располагаться на ночлег рядом с нами, – сообщил Зоуро пришедшим. – Как планируешь действовать дальше?

Сирт подошёл к своим соплеменникам. Посоветовавшись с соплеменниками, вернулся с ответом:

– Здесь решаешь ты. Мы готовы во всём подчиняться тебе. Меня избрали вождём на время, пока не было определённости. Будет ли она не на одну только ночь, решать тебе, Зоуро.

– Теперь я должен посоветоваться. Жди.

Зоуро подозвал молодых друзей и бывалых охотников. Решили, что в родной пещере места хватит всем, а отвоевать её большим числом воинов будет легче.

– Мы готовы взять вас к себе, но сначала всем вместе предстоит выбить из нашего жилища людей пливс, – сообщил вождь.

Только теперь Сирт обратил внимание на луки.

– Лух, наверное, как у черс. А вот рела у них с каменным остриём. Но как же вы с таким оружием не отстояли свой дом? – изумился Сирт.

– Это теперь у нас, людей снипс, есть лух. Их столько, сколько пальцев на двух руках. Тогда лух был один, у меня. Мы потеряли воинов, как пальцев на одной руке. Это вместе с прежним вождём. Они остались прикрывать наш отход, а меня вождь из Зоуро вмиг превратил в Зоуро. Я подчинился решению вождя. Пока он был жив, второго вождя не могло быть.

– Двух вождей быть не может даже в мирное время. Если у одного недостаточно силы в плечах или он слаб умом, то его лишают власти, и только потом выбирают другого вождя, – вставил реплику Молх.

– Мы уже решили, что наш вождь – это Зоуро, – сообщил Сирт, принявший сказанное в свой адрес.

Зоуро сделал вид, что подумал так же. Однако намёк Молха насторожил. Стало ясно, что на место Свуро вредина не претендовал, но теперь не прочь взять власть в свои руки. Вредность, заложенная в крови, дала знать о себе.

XXVII. ДОСТОЙНЫЙ ОТПОР

Утром увеличившееся племя продолжило переход. Под вечер, уже на подходе к пещере, заметили небольшой отряд пливс, идущий по следам возвращающегося племени. С ближайшей сопки осторожно осмотрелись. У входа в пещеру не заметили ни огня, ни движений. Вряд ли кто-то мог предупредить жильцов о приближении бывших хозяев. Отряд пливс, следующий по пятам за кочующими, не мог предупредить новых жителей. Где же все? Не-

ужели их предупредил другой отряд, который остался незамеченным объединившимися снипс?

Новым соплеменникам сообщили о действиях при завоевании пещеры. Половина воинов осталась для охраны, на случай внезапного нападения пливс сзади. Остальные – двинулись к манящему, но настораживающему входу. Кто бы мог знать, что придумали пливс. Оставалось расстояние, равное суммарной дальности полёта всех копий наступающих, а движений в видимой части пещеры не возникало. Зоуро остановил отряд. Неподдельное замешательство из пещеры должны были заметить.

Никто не выскочил из жилища, чтобы отогнать незваных гостей. Чуть приблизившись, на входе в пещеру заметили что-то колышущееся. Подойдя ближе, новички чуть не онемели. На конце воткнутого в землю копья была нанизана голова Пнихо. Волосы покачивались от ветерка, а пришедших встречали немигающий взгляд и оскал, который не могли прикрыть толстые губы.

Сама пещера пустовала. За время отсутствия в ней огня жилище успело остыть. Пришлось вплотную друг к другу устанавливать чумы, оставив место для костра.

– Тавк, организуй установку ещё одного чума. В нём новым соплеменникам будет тесно, но это лучше, чем коротать ночь в холоде пещеры. Пошли людей за дровами, пока ещё не совсем темно. Но огонь можно будет разводить, когда на входе установим деревца, чтобы они прикрыли обзор, а пламя не привлекло пливс раньше времени. Подтаявший снег надо перенести на крутой склон у входа в пещеру. Оставьте только узкую тропинку, чтобы проходить самим, не разрушая снежную горку. Если пливс не нападут ночью, то утром, по образовавшейся ледяной корке, им штурмовать будет труднее. Нельзя исключать повторное нападение. Действуйте, – распорядился Зоуро.

Собрав полуобглоданные тазобедренные кости, он разложил их парами около копий Пнихо, Мена, Ниту и Гуло. Не нашлись ни копьё Суро, ни ещё одна пара костей. Сын принялся громко звать отца. Женщины, не отрываясь от дел и не жалея глоток, присоединились к крикам в пространство, ожидая отклик бывшего вождя. Саво предложил продолжить поиски в глубине пещеры.

Гуто, незамужняя девушка, сняла с копья голову Пнихо и, положив её на колени, с глазами, полными слёз, гладила волосы и лицо защитника племени. При виде этой трогательной сцены Молху пришла мысль, что вот так же, молча, жена могла оплакивать его самого, держа уже не волосатый, а обглоданный череп.

Зоуро не сомневался в том, что живым Свуро не дался бы. Не могли пливс и увести отца с собой. Хоть идея Саво показалась сомнительной, но пришлось поверить ей. Вместе они побежали вглубь подземного перехода. Добежав до места последнего боя Свуро, оба ощутили не успевший выветриться запах крови, принялись искать там. Тщетно.

Продвинулись ещё немного и у стены обнаружили прохладное тело воина, о котором лестно отозвался вождь пливс. Жизнь ещё не покинула ослабевшее тело. Даже без освещения Зоуро узнал родного ему человека. Он взвалил бесчувственного отца на плечо и быстрым шагом понёс в жилой грот. Раненый не проронил ни стоны, ни другого звука.

Пока молодой вождь возился с костями и копьями, а потом разыскивал Свуро в подземелье, соплеменники успели развести костёр. Раненого положили на шкуры поближе к огню. Сонх принялась готовить снадобья. Тепло ещё не проникло под шкуру, укрывающую прежнего вождя, но нежно касалось лица и рук воина, продолжающего пребывать в бессознательном состоянии.

Готовя лекарства, Сонх аккуратно прощупала ногу, руки и грудь, пытаясь выявить наличие переломов в местах ранений. Локтевая и лучевая кости левой руки остались целыми, хоть копьё насквозь пронзило руку между ними. Наконечник вражеского копья с размаху вонзился в ногу и упёрся в бедренную кость, но она осталась целой. Сквозь рану лекарша аккуратно извлекла из ноги несколько мелких осколков кости, образовавшихся при ударе каменным наконечником.

Целительница Сонх промыла рану, составила части плечевой кости правой руки и наложила шину, чтобы кости срослись правильно. Шину она соорудила из полосы коры, которую принесли по её требованию ещё во время осмотра бессознательного раненого. Промыв заживляющим раствором остальные раны, акку-

ратно перевязала их лентами из мягкой заячьей шкурки. Зоуро это время использовал для осмысления ситуации. Своими размышлениями он поделился с соплеменниками:

– Если пливс не заняли жилище, значит, напали на нас с целью отнять что-то ценное. Самое ценное – это огонь. Не получив его в прошлый раз, они постараются повторить нападение. Небольшой отряд, который мы видели издали, наверное, уже сообщил остальным пливс о нашем возвращении. Надо быть готовыми к враждебному визиту в любой миг.

Люди из племени Сирта тоже не теряли времени зря. Они разгребли снег около растрескавшейся каменной отвесной скалы, недалеко от входа в пещеру. У основания скалы за тысячелетия накопилось немало осколков. Эти каменные глыбы люди переносили на уступ при входе в жилище. Зоуро обдумывал назначение камней, когда Сирт пояснил:

– Если отбиваться копьями, то пливс, забросив сюда свои, будут метать в снипс наше же оружие. Если его приберечь, то, бросив свои копья, враги окажутся безоружными, их можно будет отбивать камнями. Они же не смогут атаковать – снизу бросать булыжники тяжелее, чем сверху.

Зоуро похвалил нового соплеменника за смекалку. Сам он как-то не догадался о такой тактике обороны. Женщины успели приготовить ужин, и все приступили к трапезе. Попробовали влить тёплой воды в рот Свуро. Глотательный рефлекс сработал. Прежний вождь сделал несколько глотков. Так же влили немного жидкого бульона. И снова питьё. Бессознательный больной инстинктивно делал глоток за глотком. Живительная влага всасываясь, разжижала оставшуюся в организме кровь, разносилась по всему переохлаждённому телу, согревая его.

Убедившись в том, что жизнь входит в привычный ритм, молодой вождь обратил внимание на Гуто. Без ужина, она по-прежнему гладила голову Пнихо. Никому не было дела до её горя. Зоуро прислушался к еле слышному бормотанию:

– Прости меня, Пнихо. Как глупа я была, когда избегала тебя. Как все, я боялась, что твои дети будут такими же страшными, что их тоже все будут бояться и избегать. Как поздно я поняла,

что красивое лицо – это не главное в человеке. Важнее была твоя доброта к людям, твоя сила и ловкость на охоте, твоё воинское бесстрашие при защите всех нас. Мы живы, но ценой этому стали смерти погибших. И твоя роль в обороне не меньше, а больше, чем остальных. В этом я не сомневаюсь. Враги боялись тебя даже мёртвого. Иначе, они не выставили бы твою голову на устрашение всем, а обглодали бы снаружи и внутри.

Что говорила Гуто голове без тела раньше, никто не знает. Зоуро приблизился и тоже коснулся волос и лица бывшего друга детства и надёжного напарника на охоте. Пообещал, что завтра рыр получит в качестве жертвоприношения голову Пнихо. А теперь надо идти отдыхать вместе со всеми. Распределив часовых на всю ночь, по три человека в смене, ушёл отдыхать и сам молодой вождь. Перед сном он в очередной раз утвердился во мнении, что Бахро не ошибся в страшном мальчике, когда при рождении Пнихо подарил ему жизнь. Племя погрузилось в чуткий сон.

Его никто не прервал. Ночью подморозило. Зоуро проснулся одним из первых. Светало. Кратковременные порывы ветра трепали отстоявшие зиму стебли прошлогодней травы. Солнце осветило вершины отдалённых сопок. Здесь, на уступе у входа в пещеру, скрытое горой, дневное светило появится не скоро. Тревога не отступала. Вождь жил ощущением скорого нападения.

И он не ошибся. Из-за ближайшей сопки, словно чумы пливс были установлены на ночь там, появился вражеский отряд. Десять лучников и обладатели копий выступили на краю пещеры. Вождь приказал всем безоружным удалиться в переход, чтобы пролетевшие снизу копьё атакующих врагов не ранили кого-нибудь. Сирт напомнил, что не надо бросать в нан копьё. Копья придутся позже. Сначала будем вместе отбиваться камнями.

Лучники подпустили наступающих на расстояние, доступное для прицельной стрельбы. Кто-то первым выстрелом не попал. Порывистый ветер мешал прицельной стрельбе, сносил стрелы, не утяжелённые наконечниками. Однако четверо нан выдернули стрелы и как ни в чём ни бывало, не обращая внимание на кровь, вытекающую из ран, продолжали наступление. До появления нан у крутого подъёма к уступу пещеры каждый лучник успел выстре-

лить шестикратно. Из шестнадцати наступающих почти половина были ранены дважды. Двое неподвижно лежали на участке обстрела, не добежав до пещеры, но остальные подступили на расстояние броска копья.

Хозяева жилища, выступившие на край уступа без копий и казавшиеся безоружными, добавили наступающим уверенности в скорой победе. Оказавшись у основания склона, нан метнули в обороняющихся несколько копий. Одни защитники жилища увернулись, а двое перехватили летящие, но теряющие скорость метательные снаряды врагов. Обороняющиеся с силой метнули их обратно – стоящим выше поражать врагов было удобнее.

Взять подъём у нан не получалось. Чуть взбежав, коротконожки скатывались с ледовой горки обратно. Теперь в них вместе со стрелами полетели камни, метать которые прицельно и точно поражать ими противников умели все. Заранее приготовленные снаряды летели и летели, принося увечья.

Уже трое воинов неподвижно лежали у подножия ледяного катка, когда враги заметили тропинку и устремились по ней. И снова их встретили стрелы. Но камни закончились. Зоуро копьём пронзил и скинул с тропинки двух нан, но третий едва не увлёк его за собой. Пришлось опустить своё оружие. Место вождя мгновенно занял рядовой воин Ваню, владеющий копьём не хуже Зоуро. Его, раненого в бедро, снова сменил вождь. В разгар сражения Гутто выбежала из глубины пещеры с головой Пнихо. В другой руке она держала копье, брошенное в пещеру кем-то из врагов.

– Установи, Зоуро, голову так же, как была, когда мы пришли. Пусть Пнихо видит, что погиб не зря. Пусть смотрит, как вы победите его губителей. И пусть враги боятся его даже мёртвого.

Очередная атака была отбита, а в ней врагами потерян ещё один воин. Превозмогая боль, он отползал от края подступов к пещере, обеспечивая свободу действий соплеменникам. Лучники не стреляли в прекративших штурм пливс, но были готовы продолжать удерживать оборону, если натиск возобновится.

На тот момент шесть вражеских воинов из шестнадцати лежали без движения. Ещё двое лежавших – стонали. При штурме стрелы обескровливали наступающих, а камни наносили серьёзные уве-

чья. Хозяева потеряли одного воина. Ему копьём пробило голову – смерть была мгновенной. Несколько защитников отделались проколами мышц бедра или таза. Даже задев кости, копья не повредили их. Посовещавшись, израненные враги, поддерживая друг друга, стали отступать. Зоуро метнул в уходящих вражеское копьё и по льду скатился, чтобы забрать своё. Его воины последовали примеру вождя и ринулись вдогонку. Зоуро грозным окриком попытался остановить возбуждённых преследователей, но бесполезно.

– Стреляем нашим под ноги, – посоветовал Тавк друзьям.

В момент, когда воткнувшиеся в утоптаный снег стрелы оказались на пути воинственной дружины, прозвучал повторный недовольный окрик Зоуро. Только он и стрелы стали поняты преследователями. Уходящие подняли одного из тех, кто упали ещё на подступах. Даже в пещере послышался стон. Наверное, тяжело раненный стонал и раньше, его слышали отступающие соплеменники, потому и забрали с собой.

– Если в пути не истекнут кровью, то на стоянке их вылечат, – с уверенностью сказала Сонх.

Возвращающиеся воины остались недовольны тем, что вождь приказал прекратить преследование ослабевших врагов. Но и эта неприятность не могла погасить радость победы. Люди прыгали, обнимались, выкрикивали фразы восхищения друг другом и молодым вождём. В бурном проявлении чувств новые члены племени не отличались от коренных жителей стоянки. Они вписались в коллектив так, словно родились под сводом этой пещеры.

XXVIII. О РАЗНОМ И О РАЗНЫХ

Излив эмоции, воины приступили к переноске в пещеру трофеев. Они успели сходить и забрать того пливс, который остался один, когда стонущего соплеменника забрали свои. Каждый, не церемонясь, сваливал ношу с плеча просто, как мешок картошки. Всем был известен дальнейший ход событий, но Зоуро торжественно оповестил:

– Будем праздновать победу! Съесть воина – значит получить его силу и храбрость! Так же поступили и они с нашими друзьями, захватив пещеру.

При падении очередного трофея раздался стон.

– Человек жив, – промолвила Сонх. – Надо его осмотреть и помочь, если ещё не поздно.

– Отдайте нам живого нан, – заявил Сирт. – Это наш трофей.

Молодой вождь, учитывая вклад новичков в победу, возражать не стал. Он был уверен, что их соратники заслужили свою порцию победного ужина. Кости бывших противников после трапезы человечинной, по обычаю, отнесли медведю. Остатки плоти людей пливс, разорванных при прежнем преследовании убегающих сниспс, пещерный зверь если не съел к тому времени, то спрятал в укромное место.

До каннибализма в отношении живого человека у новичков не дошло. Они взяли воина пливс для того, чтобы Сонх смогла его вылечить. Для обработки ран с воина сняли меховую душегрейку. Тогда-то и выяснилось, что это молодая девушка. В лисьей душегрейке и волчьих шортах она выглядела таким же мощным воином, как и её соплеменники. Раздетая представлялась менее внушительной, но и тогда было очевидно, что девушка вполне сформировалась, перешла из разряда подростков во взрослую представительницу неандертальской общины.

Сломанная камнем ключица могла причинять боль, но не стала причиной длительного бессознательного состояния. Из трёх ран – в плечо, подмышку да руку – и обеих ран в ноги кровь уже едва сочилась. Выдернув стрелы, воительница увеличила отток крови из ран, усугубила своё состояние. Девушка находилась в бессознательном состоянии из-за большой кровопотери. Ей, как и Свуро, повезло: внутренние органы остались невредимыми.

Выполнив перевязки бинтом из заячьей шкуры, большую одели в её же «меха», немного подсушив кровь, впитавшуюся в шкуры. О процедуре прямого переливания крови Сонх не могла знать. Она пошла по пути оздоровления Свуро. Лекарша делала бы то же самое с большей уверенностью, если бы прежний вождь шёл на поправку зримо. Бывалый воин продолжал пребывать бессознательным.

Прежде чем приступить к празднованию победы, все окружили павшего в бою соплеменника. Люди поочерёдно касались раны во-

ина, словно сочувствуя неудаче или подзаряжаясь от него на случаи новых столкновений. Потом его положили на две жерди, переплетённые гибкой древесной корой – подобие носилок. Не меньших почестей удостоилась голова Пнихо. Обе жертвы сражения и полуобглоданные кости соплеменников понесли вглубь пещеры, чтобы рыр свершил ритуал по достойным защитникам родного дома.

Упокоение погибшего соплеменника вершилось просто. Ношу донесли до расщелины, один из мужчин внёс тело воина в вертикальном положении впереди себя, усадил у края грота, занятого огромным медведем. Там же положили останки остальных воинов. Зверь не спеша подошёл к жертвоприношению. Никто не стал смотреть продолжение этой процедуры, привычной для рыра, но жутковатой для людей.

К концу дня стены и свод пещеры, отпотевшие после разведения очага, стали подсыхать. Жилище впитывало в себя тепло. Чумы из жилого грота убрали. Горячий бульон с мелкими кусочками мозга, приготовленный из добытого днём барашка, придал сил и здоровым, и больным. Тогда, на четвёртый день лечения, сознание вернулось к Суро. Сонх, а вместе с ней и остальные жители, радовались этому событию едва ли меньше, чем Зоуро. Прежний вождь очень удивился, увидев себя в своём родовом жилище и в окружении соплеменников.

– Как мы все оказались снова здесь? – был его первый вопрос.

Сын подробно рассказал о помощи медведя в прекращении преследования. Потом поведал о мысли найти новое место для жилья, о встрече с людьми родственного племени, о возвращении в пустую обитель и о сражении за родную пещеру. Вана с задумчивым видом произнёс:

– У Зоуро была только сила в плечах, а теперь ещё появилась мудрость за спиной. Суро будет подсказывать, если молодой вождь ошибётся, принимая решение.

Прежний вождь, не опровергая услышанное, похвалил сына:

– Ты ещё молод, но поступил не по годам мудро!

Потом добавил, будто размышляя о ситуации:

– Люди этого родственного племени успели пережить горе и страдания, приносимые чужаками, но не ожесточились на всех

незнакомых им людей. Потому-то встреча прошла мирно, решили вам помочь. При этом ты прав, что принял решение соединиться с ними. Вместе мы сила. Сражение за убежище это доказало.

Свуро попытался противиться, когда Сонх стала делать ему очередную перевязку, но сын убедил отца, что именно ей и её врачеванию удалось вернуть к жизни почти бездыханное и полустывшее тело.

– Тогда я восхищаюсь лекаршей Сонх, – произнёс больной и протянул руку, чтобы коснуться ею щеки целительницы.

Увидев среди соплеменников Молха, больной спросил:

– А как оказался здесь ты? И куда ты исчез, в то время как мы задерживали рвущихся в жилище пливс?

До этого дня Молх втайне от других надеялся, что Свуро умрёт, не приходя в сознание. Но стараниями Сонх тяжело раненый воин обрёл не только дар речи, но и адекватное осознание действительности. А это не входило в планы труса. И он ответил на поставленный вопрос:

– Ты сам отправил меня догонять наших. Но враги прорвали вашу оборону, смогли бы догнать меня. Мне пришлось спрятаться и отсиживаться, пока они вернулись.

– Никуда я тебя не отправлял. Твоё копьё могло сразить ещё хотя бы пару штурмующих, – возразил Свуро.

– По-твоему, я лгу? Наверное, ты забыл о своём приказе.

– А по-твоему что? Считаешь, что меня в голову ранили? – возразил командир обороняющихся.

Молх сделал вид, что его обидели и слова Свуро, и забывчивость, и недоверие.

Зоуро и Тавк, усомнившиеся в объяснениях Молха ещё там, на подходе к перевалу, теперь и вовсе потеряли доверие к лгуну. Доводы Свуро оказались убедительны, а он сам выглядел вполне здравомыслящим. Друзья договорились незаметно приглядывать за подозрительным соплеменником.

Тихая размеренная речь собеседников вернула к осознанию действительности девушку, которая ещё прошедшей ночью бредила. Увидев себя в окружении врагов, она попыталась встать. Куно, оказавшаяся рядом, спокойно напутствовала:

– Бежать тебе некуда, девочка. Для всех пливс ты мертва. Если появишься среди них, тебя примут за духа, пришедшего из мира тьмы, чтобы забрать с собой ещё кого-то. Тебя сразу же убьют, чтобы ты не успела забрать кого-нибудь в мир мёртвых. И убитая ты не обретёшь покой. Твои кости и тело не отдадут рыру в качестве жертвоприношения, они достанутся Солнцу и птицам. Да, только воины и охотники достойны стать жертвой для рыра. Пришедшие привидения недостойны почестей. Ты ли не знаешь про это?

Раненая девушка дерзко озиралась, давая понять, что ещё сможет постоять за себя. Но никто не собирался делать ей что-то плохое. Сонх положила свою кисть на здоровую руку девушки так, как это можно было сделать только по-дружески. Она доверительно сказала:

– Ты, действительно, была между жизнью и смертью, когда тебя принесли на съедение. Сирт забрал тебя у Зоуро, чтобы я излечила раны. Как тебя зовут?

– Я – Куку.

Девочки, окружившие пришедшую в сознание воительницу, переглянулись с улыбками.

– Кукушка, Кукушечка, Кукушонок, – хихикнула одна из них.

В конопушках, с рыжими волосами, белянка с серо-голубыми глазами, девушка казалась безобидным созданием. Подозвав Сирта, Сонх кивнула в его сторону. Он улыбнулся.

Подошло время лечебных процедур. Куку попыталась сопротивляться, но Сирт нахмурился и покачал головой. Ни слова, но этого оказалось достаточно для дальнейшего повиновения девушки. К больной пришло ощущение того, что содержимое отвара добавляет сил. Ощутив это и понимая, что бежать некуда, девушка-пливс стала сговорчивее в том, что касается процедур.

Тогда же, но ближе к полудню, вблизи с пещерой неожиданно появились пятеро вооружённых копьями пливс. Мужчины-снипс уже ушли на охоту. Женщины стали вооружаться всем, что попадало под руку. Суро охладил их воинственность. Мальчишки с луками вышли на край уступа. Бег трусцой, не отнимающий силы, которые необходимы для сражения, продолжался.

Юные лучники, подпустив бегущих на расстояние выстрела, одновременно пустили стрелы к их ногам. Весть об опасности маленьких дротиков, летающих намного дальше копья, успела облететь округу. Для пливс, соплеменников тех, которые отступили ранеными, коварность стрел была очень наглядна и убедительна. Предупреждение было понято. Бег прекратился, копья приставлены к телам. Один из бежавших громко сообщил:

– Мы идём не с войной, а с просьбой. Нам нужен бон.

Наверное, это был не первый, но и не распространённый случай получения огня в те времена.

Суро не мог бы встать, но был готов вести переговоры. Прежний вождь вспомнил о забаве Зоуло и его друзей с куском льда, дающим огонь. Было это давно, ещё когда вождём был Бахро, но больной вспомнил тот небывалый случай с льдинкой из каменного блюда. Он дал знак одному из лучников, а тот положил лук к ногам и скомандовал:

– Будет вам бон! Один оставляй оружие и подходи к Суро. Больной не исключал коварства этих представителей соседней ветви человечества. Если бы они пришли все, то могли бы взять его в заложники или убить беспомощного. Но им нужен огонь, который обещан. К тому же пришёл один. Лучники держали его на прицеле, но в то же время следили, чтобы остальные оставались там, где стоят. Пришедший мужчина был немногословен:

– Я – Васку.

– Понятно, – ответил Суро. Тебе и твоему племени нужен бон. Сам бон передавать нельзя, ты это знаешь. Но мы дадим то, с помощью чего ты сам добудешь его для своих соплеменников. Приходи завтра утром. Тебе повезёт, если и этой ночью будет морозно. А сейчас уходи. И до завтра не попадайся на глаза нашим охотникам. Они не знают о твоих намерениях, могут и поквитаться за прежние нападения твоего племени.

– Племя не моё. Вождь просто послал меня. До встречи завтра, – сказал Васку перед уходом.

Чашу с водой на дне выставили на край уступа. Ночью, когда все крепко спали, послышался тихий шорох, разбудивший Тавка. В отсветах тлеющего костра он заметил Молха, крадущегося вдоль

стены вглубь пещеры. Было непонятно, куда и зачем лгун тайно отправился в столь позднее время. Прокравшись мимо спящих, Молх пересёк грот и пошёл к костру вдоль другой стены. Приблизился к Свуро. Тавк, будто спящий, повернулся на бок, подогнув ноги. Сделал это на случай, если Молх надумал умертвить Свуро. Тайное перемещение по гроту заметил и больной.

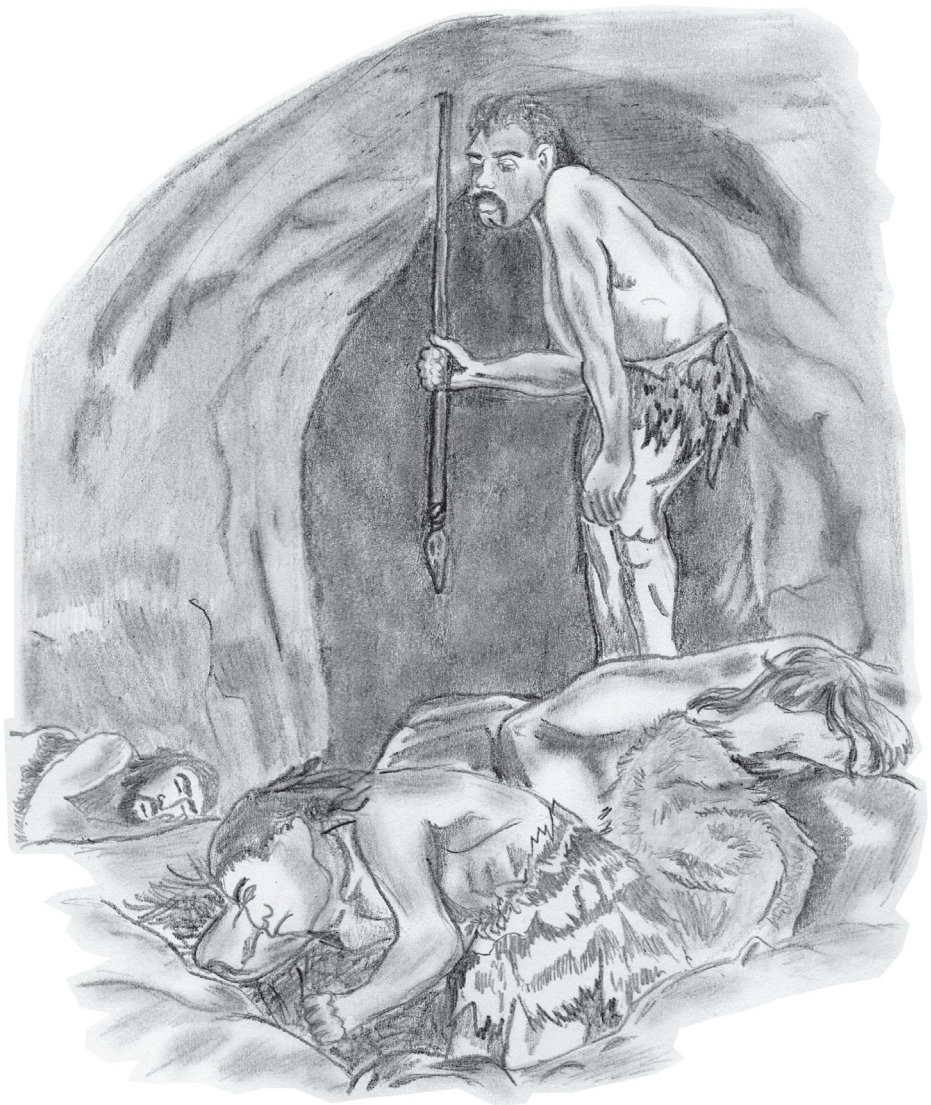
Сам Молх не мог смириться с тем, что Свуро выздоравливает. Он опасен, может окончательно разоблачить трусливый побег. О предательстве бывший вождь не знает, но вдруг вспомнит ещё что-то, подрывающее веру в него, Молха. Зоуро и так не доверяет ему. Но как избавиться от опасного разоблачителя?

Лук и стрелы – не то оружие, которым можно умертвить беззвучно. При ранении стрелой Свуро мог бы закричать или застонать, разбудить соплеменников в момент попытки убийства. Решил попробовать задушить. Ослабевший больной сопротивления не оказал бы, но издавать какие-нибудь звуки при удушении смог бы. Налечь всем телом, чтобы звуки были неслышными и задушить. За этим и приблизился потенциальный убийца. Помешали неожиданные движения Тавка. Нервы, напряжённые до предела, сдали. Пришлось тихо вернуться на своё место.

Утром после морозной ночи всё свершилось по уговору со Свуро. На встречу за пределами пещеры Зоуро пришёл не один. Не разворачивая шкуру, Саво неспешно собрал сухих травинок и мелких сухих веток, уложил их так, как в детстве. Потом предложил мужчинам повторить то, что сделал сам, проверив сухость заготовок, собранных просителями огня. Потребовал заменить несколько травинок на более сухие. Как нечто волшебное, достал линзу и передал её Зоуро.

– Готово! Смотрите и запоминайте, – сообщил новый обладатель льда.

Он, держа льдинку в руке, показал на солнце и на яркую точку от него на травинках. Люди пливс в полном непонимании сидели вокруг обеих заготовок будущих костров. Вдруг они почувствовали запах тлеющей травы, а следом увидели её воспламенившейся. От маленького пламени на траве разгорались и ветки. Взрослые люди, поражённые непонятным рождением огня, сидели едва дыша и не шевелясь, чтобы не убить слабое ещё пламя.

Ещё не осознавая, зачем это делает, Тавк предложил отчего-то суепящемуся Молху пойти и составить компанию дарителям огня.

– Ты чего раскомандовался? Кто ты такой? Ты не вождь и никто не оставлял тебя побыть вместо вождя. Хватит того, что выскочка Зоуро возомнил себя вождём, – взорвался отправляемый из пещеры соплеменник.

Этот диалог не добавил доверия к Молху. Позже, почти дословно, Тавк сообщил об инциденте молодому вождю. Поведал и о ночном происшествии. Зоуро сообщил другу, что отец видел ночные движения. Решил высыпаться днём, пока Молх на охоте.

Передав линзу поражённому невидалью косматому бородачу, Зоуро сказал:

– Бери, Васку, пробуй добыть бон сам. У тебя тоже получится сотворить чудо.

Бородач ощутил холод льда. То, что горячий огонь рождается из холодного льда, казалось ему невообразимым. Он держал линзу над травинками. Зоуро казался ему магом и чародеем. А волшебник подправил положение льдинки, обратив внимание на то, что точка должна быть маленькая и яркая. Трава вспыхнула. С выдохом пришельцев пространство наполнил радостный звук «бон». А чародей задул появившийся огонёк, предложив воспламенить траву снова. Получилось. Зоуро взял душегрейку одного из бородачей, завернул в неё холодную шкуру с линзой, вручил пришедшим с напутствием вернуть шкуру и рассказать о чуде на их стоянке. Потом спросил:

– Как чувствуют себя раненые?

Ответил Васку:

– Одного позвали предки. Другим плохо, холодно.

И немногословно добавил:

– Всем холодно.

– Идите отогревайте своих братьев, – посоветовал вождь, задержавший своих соплеменников с выходом на охоту.

Потом он добавил:

– Вот так-то, с просьбой, а не с войной надо было приходиться сразу. Все были бы живы. Воевать – это плохо. Надо договариваться.

Уходящие согласились, а Зоуро махнул рукой, показывая, что здесь никто никого не держит.

– Бесхитростные, как несмышлёныши... Кто-то из снисп в похожей ситуации соврал бы, мог сказать, что не знает ни о каких раненых, что все они пришли совсем из других мест, – добавил он, улыбаясь.

Когда дарители огня вернулись, Свуро сказал так, чтобы слышал не только Молх, который тогда оказался близко от племенного очага:

– Наверное, Молх прав. В суете сражения я мог забыть о приказе. Молх не мог покинуть место сражения без моего приказа.

При случае прежний вождь сообщил Тавку о хитрости. Признанием забывчивости он постарался усыпить бдительность Молха. Другого способа защитить себя от повторной попытки убийства он придумать не мог. Не спать ночи напролёт когда-нибудь не удастся. Тавк согласился с доводами о возможности повторного покушения. Он предложил незаметно протянуть между ними шнур. Завязав его на руке Свуро и на ноге Тавка, нападение не прошло бы, не разбудив молодого защитника прежнего вождя, ещё неокрепшего от ранений.

Свуро сообщил Зоуро и Тавку о том, что во время переговоров вспомнил о камнях, которые они нашли, а Куно и Колс потом спрятали. Но решил, что не только огонь, но и используемый племенем способ его получения передавать нельзя.

И только потом вспомнил, что не смог бы передать камни, так как не знает, где они. Из двоих, спрятавших огниво, в живых осталась только Куно. Но и она не вечна. Надо, чтобы она передала кому-то секрет камней. По требованию Зоуро, Куно сообщила о месте хранения огнива супружеской паре: Тавку и Сонх.

Кому-то из современников может оказаться интересным сравнение хозяев пещеры с недавними просителями, соплеменники которых приходили в качестве завоевателей. Самый высокий из увиденных неандертальцев – сантиметров на пятнадцать ниже самого высокого из денисовцев, рост которого был чуть больше ста восьмидесяти сантиметров. Но если коротконогому пливс

приставить ноги снисп, то, пожалуй, рядом с высоким денисовцем он не казался бы ниже его.

С точки зрения современника, хозяева жилища выглядели более стройными. Длины рук, ног и туловищ вполне вписывались в пропорции современного человека. Хотя цвет кожи для многих значения не имеет, но он отличался у представителей двух древних ветвей человечества. Этим признаком денисовцы напоминали современных тувинцев. Светлую кожу неандертальцев Алтая было бы трудно отличить от кожи современных коренных шотландцев.

Наблюдательные люди отметили бы и другие отличия. Светло-русые, как истинные арийцы, с серо-голубыми глазами разных оттенков, неандертальцы не шли в сравнение с кареокими и темноволосыми денисовцами. Цвет волос, от каштановых до чёрных, присущий денисовцам, передался далёким потомкам – американским индейцам, сибирякам, дальневосточникам, жителям Юго-Восточной Азии, аборигенам Австралии и Полинезии. Отличала людей соседствующих ветвей человечества, пливс и снисп, неприбранность, даже растрёпанность спутанных бород и волос на голове коротышек и жёсть прямых волос на голове с жидкой бородой у денисовцев.

Сближало аборигенов и то, что мужчины и женщины той далёкой поры не показались бы нам красавцами и красавицами. Причина оценки «красоты» аборигенов не только в тяжёлых, выдвинутых вперёд нижних челюстях. Выступающие вперёд крупные надбровные дуги ещё больше добавляли ощущения обрубленности низких пологих лбов и глубины глазниц. Из-за отсутствия подбородка губы казались ещё более крупными.

При улыбке или оскале из внушительного размера ртов виднелись крупные зубы. Они казались крепкими, но кариес не щадил и их. Отсутствие сахара в пищевом рационе тех и других всё-таки способствовало лучшей сохранности зубной эмали, чем у наших современников. Черепа и лица неандертальцев и денисовцев за счёт больших височных и затылочной костей шире, чем у современных людей. Но неандертальцы не только коренастее и шире в плечах. Их черепа крупнее, чем у хозяев этой стоянки. Головы

людей пливс значительно менее пропорциональны туловищам, нежели у любых представителей современности. Есть высказывания на этот счёт:

– Не позавидуешь их женщинам во время родов. У них и дети рождались под стать родителям, большеголовыми.

Девочка, отцом которой был денисовец, а мать неандерталка, известна науке. Она умерла в тринадцать лет. Предполагается, что дожила до взрослости. Значит, совместное потомство представителей этих ветвей человечества было жизнеспособно. Дети, рождённые от сапиенсов с денисовцами или с неандертальцами, науке неизвестны. Но это не означает, что они вовсе не существовали.

Известно также, что неандертальская ДНК присутствует в современных людях. В зависимости от регионов, её в нас от одного до двух процентов. Процент денисовской ДНК у народов Юго-Восточной Азии, у аборигенов Полинезии и Австралии достигает пяти процентов. Это ли не доказательство того, что отношения, приводящие к рождению детей, были не только между однородными группами людей.

Прямых потомков смешанных браков не обнаружили, наверное, потому, что найдено слишком мало останков неандертальцев, пригодных для получения достаточно полной ДНК. С денисовцами ещё сложнее. На территории России Денисова пещера – это пока единственное известное современникам место их проживания. Известна стоянка денисовцев на Тибете – на территории современного Китая.

У генетиков существует понятие: митохондриальная ДНК. Так вот, её, передающуюся по материнской линии, у современного человека нет. Предполагают, что женщина-кроманьонка, древняя представительница сапиенсов, не могла разродиться ребёнком, зачатый от неандертальца. Неандертальские гены пришли к сапиенсам от рождения потомства неандерталок и отцов-сапиенсов. Но это лишь предположение, недоказанная гипотеза.

Следующая ночь, несмотря на хитрость Свуро, не обошлась без приключений. Больной, ночью не смыкающий глаз, аккуратно потянул шнур и разбудил Тавка. В отблесках тлеющего очага

молодой воин увидел замершего у стены Молха. В его руке было копьё. Мгновенно в пещере громом разнеслось:

– Люди, просыпайтесь! Объясните мне. На кого охотится этот урод среди ночи?

Несмотря на то, что была глубокая ночь, взрослые жители пещеры проснулись. Кто-то сидел на своей лежанке, а некоторые даже встали. Зоуро предупредил:

– Теперь всем известно, кто охотится ночью. Если впредь с кем-нибудь что-то случится, то виновного искать никто не будет – он всем известен. А сейчас все ложимся досыпать. И ты, ночной охотник, тоже ложись.

Ни сам Суро, ни Зоуро, ни Тавк – никто не сказал соплеменникам о цели ночного охотника. Узнав истинную причину «охоты», люди могли покалечить или убить злоумышленника. А эти трое, знатоки сложившегося положения дел, надеялись, что ночная побудка с озвученным Зоуро предупреждением исправила вредного Молха.

Решив проблему безопасности отца, Зоуро приказал соплеменникам открыть выход из «дымохода». Объяснил, что, в случае нападения черс, можно будет частью людей удерживать оборону, а другая часть, пройдя через выход в завале, сможет неожиданно ударить сзади. При этом от наступления захватчикам придётся перейти к обороне на два направления. Сделав паузу, добавил:

– Противостоять воинству черс мы сможем, применяя то же оружие, которым они расправляются со своими противниками. Во всех известных случаях людоеды не подпускают противников на расстояние броска копья, расстреливают их с большего расстояния. Вывод простой – всё время, свободное от охоты и сна, используем на изготовление луков и наконечников для стрел, на тренировки в стрельбе. Дальнобойное оружие пригодится и на охоте.

Разобрав завалы из камней поменьше, воины с большим трудом отодвинули большую плиту, создали щель для прохода по одному. Чтобы проход оставался незаметен для посторонних глаз, его аккуратно заложили более мелкими камнями, оставив промежутки для дыма.

XXIX. ЛЮБОВЬ ПО-НЕАНДЕРТАЛЬСКИ

Удалённая от зимнего пристанища людей снисп река вскрылась к середине апреля. Снег оставался только в ложбинах, затённых хвойными деревьями. Раны от стрел на теле Куку успели затянуться. Шина, препятствующая подвижности ключицы, пока оставалась неснятой. Все лечебные процедуры остались позади.

Куку почти не вступала в разговоры с денисовцами-старожилами, мало времени проводила с новенькими девочками. Общение ей заменяли прогулки в одиночестве.

Задумчивая и отрешённая, выздоравливающая девушка воодушевлялась тогда, когда с охоты возвращался Сирт. Она не мешала, не лезла под руку, если шла разделка добытых зверей или что-то делалось сообща. Только тогда, когда новички пещеры оказывались около своего костра, Куку старалась примоститься поближе к Сирту. Не сразу, но на такую избирательность обратили внимание. Над любимчиком неандерталочки друзья стали подшучивать:

– Брюнет и рыжая. Парочка очень симпатичная. А какими красавчиками могут быть ваши дети!

– Смотри в оба. Эта может так поцеловать, что на виду одни пятки останутся. Губищи-то у неё с нашими не сравнишь, – предостерегала Лоу, подружка юной Вито. Вито – «очаровательная» – девушка Сирта.

И без шуточек, отпускаемых друзьями, парню не нравилось быть объектом повышенного внимания Кукушки. Но как объяснить ей, что она не в его вкусе, юноша не представлял. Похоже, что больше других именно Вито не хотела, чтобы её друг потерял голову, влюбился в эту сформировавшуюся девицу. Она тоже стала подсаживаться поближе к Сирту, но всегда с другой стороны от него.

Однажды девчонки подговорили соплеменников занять места рядом с Сиртом раньше, чем к нему подсядет Кукушка. Подойдя, она бесцеремонным движением руки попыталась отодвинуть мужчину, сидящего рядом с Сиртом. Он невозмутимо обернулся и спросил:

– Куку, у тебя что, куку совсем перемякнуло. Ты что делаешь? Она не поняла, что ею сделано не так, а в ответ на звучание своего имени сказала:

– Я – Куку.

При этом она здоровой рукой подхватила мужчину за подмышку так, что оторвала от сиденья. Такой наглости от больной, за жизнь которой все переживали ещё пару недель назад, не ожидал не только приподнятый ею мужчина. Он резко встал и заломил здоровую руку. Ту самую, которой его пятая точка была оторвана от опоры. Завернул руку так, что ранее не знавшая сопротивления Куку не смогла двигаться. Любое движение усилило бы болевые ощущения.

– Куку, тебе стало понятно, что ты здесь не главная? – спросила Лоу.

Широко открытые глаза девушки-неандерталки излучали злобу и ненависть, распространяющуюся на присутствующих. Сжатые челюсти напряжены настолько, что сочные с припухлостью губы не могли прикрывать крупные крепкие зубы. Казалось, что стоит Куку изловчиться, и она зараз перекусит ненавистную руку, делающую больно. Сквозь зубы, по-прежнему стиснутые, вырвался какой-то звериный рык. Мужчина нажал сильнее.

Девушке пришлось встать на одно колено. К боли она привыкла с раннего детства, а вот ощущение бессилия, смешанного с унижением, испытывала впервые. При всей воинственности и непокорности, женское начало, даже неандертальское, взяло верх – выступили слёзы. Нет, она не причитала, не подвывала и не просила послабления. Закалённая суровым неандертальским бытом, девушка плакала молча.

Женщина сказала мужу о несоизмеримости его действий:

– Может, не стоило с ней так грубо? Она же девушка.

Он, не задумываясь, ответил:

– Если эту девицу не остановить, то она ещё не такое начнёт вытворять.

– Веди себя так, как все. Знай, что кроме твоих хотелок есть желания других людей. Ты среди нас, значит, должна уважать наши обычаи, – спокойно напутствовала воинственную неандерталку юная Лоу.

– Идти против всех не получится. Мужчины могут постоять за себя. И за нас, любую из девчонок, постоит любой из них. Ты же не хочешь довести отношения до того, что тебе пришлось бы сломать и другую руку. Все видят в тебе девушку, вот он и не стал делать ещё больше, хотя мог. Знай, что любой из мужчин справится с твоей необузданностью даже тогда, когда обе руки у тебя будут здоровы.

Куку продолжала метать молнии, но чувствовалось – что-то изменилось в ней. Нет, не надломилось, а произошло смягчение грубой натуры. Мужчина отпустил руку. Сидящие расступились, дали понять, что девушка может сесть среди них. Она может почувствовать себя равной им. А незамужние девушки не претендовали на места рядом с кем-либо из представителей сильного пола. Освободилось место рядом с Лоу не случайно. Только она любила поговорить по душам. Обняв неандерталку, девушка по-дружески спросила:

– Почему ты хочешь быть рядом с Сиртом?

– Он у вас главный, значит, всех сильнее. Сирт равный Зоуро, иначе вождь не отдал бы меня вам. Если меня принесли для съедения, то только Сирт мог помешать этому. И он не остался в стороне, спас меня. Я обязана ему и готова идти с ним по жизни до дня, когда кого-то из нас не станет среди живых. Он подходит мне, а я подхожу ему, – ответила Куку.

– С чего ты взяла, что подходишь ему? Он выбрал Виту и считает, что она подходит ему.

– Это я выбрала его. Вита слабее меня. Я отодвину её. Его выбор ничего не значит – главное я и моё мнение, – запальчиво, с выдерживаемыми паузами между слов, ответила неандерталка.

– Мы другие люди, не такие как вы, дорогая девочка. У нас совсем другие порядки, чем у вас. Главный – это не только тот, кто возглавляет охотников и воинов. Мужчина у нас главный во всём. И в выборе своей половины на всю оставшуюся жизнь тоже он главный. Сирт свой выбор сделал.

– Всё равно мне нужен он – сильный, смелый и решительный. Когда мы нападали на вас, я видела, что даже Зоуро выполнял приказы, которые отдавал Сирт. Я хочу, чтобы мои дети были та-

кими же сильными и решительными, как Сирт. Он молодой, станет ещё больше и сильнее. Я не сомневаюсь, что он станет вождём.

– Так ты хочешь стать женой вождя и рожать детей для вождя? – поинтересовалась собеседница.

Сидящие у костра оставили обсуждение чего-то своего и, не мешая, вслушивались в беседу.

– Я хочу иметь детей от самого сильного. Много детей, – пояснила девушка-неандерталка.

– Пойми, Куку. Рядом с Сиртом место занято. Там нет места тебе. Останови свой выбор на ком-то другом. Твоё место с кем-то из пливс или снпс, но с другим. И у тебя выбор богатый. Подумай и пойми ситуацию, подруга.

– Я много думала, много знаю. Женщина пливс может иметь общих детей с мужчиной из пливс, снпс или черс. Я и с Сиртом смогу иметь детей.

Мужчиной черс, то есть грязный, девушка назвала представителя той разновидности людей, которых мы называем кроманьонцами. Неандертальцы и денисовцы ещё мало контактировали с новичками и не осознавали, что отличающиеся от них люди все не грязные, а имеют чёрный цвет кожи от рождения.

Река ещё буйствовала, но подходила к своему привычному уровню и ритму. Вода светлела. Пришла пора испытать рыбацкую удачу. Жившие раньше на берегу реки, люди Сирта привыкли к рыбе. Блюда из неё были первостатейным продуктом питания.

Быт аборигенов стал несколько иным, чем зимой. Мужчины охотники уходили на свой весенний промысел. Женщины с подростками с утра отправлялись собирать съедобные корешки. В пещере оставались мон и мин, Куно, Свуро, докторша Сонх да женщина с младенцем, из недавних рожениц, пришедшая с Сиртом.

Свуро выздоравливал. Его раны от повреждений копьями затянулись и не беспокоили. Немолодые уже кости руки срастались медленнее, чем ключица Куку. Он мог ходить не только по пещере, но и около неё, оставаясь под присмотром докторши. Прежний вождь не беспокоился за соплеменников. Зоуро успел проявить себя состоявшимся вождём. Не переживал он и за своё здоровье. Его он всецело доверил лекарше, знаниями и умением которой

восхитился в первые минуты после возвращения сознания. Выздоровливающими руками Свуро подносил старые коряги для очага. Те, которые мог поднять.

Если там, у прежнего дома присоединившегося племени, на рыбалке не было посторонних, то теперь рыбачить ходили все. Куку не отставала от новичков племени Зоуро. С помощью топоров из крупных кустарников выстроили в реке несколько стенок. По замыслу, рыба должна была останавливаться в образовавшихся уловах, отдыхать и кормиться. Куку не пыталась делать что-то напоказ. Выполняла доверенное ей добросовестно, наравне с другими. Здесь Сирт был всегда в поле зрения, мог видеть и оценить усердие той, которая добывается расположения.

«У них другие порядки, но они тоже люди, равнодушны к женской красоте», – теплила надежду аборигенка.

Куку считала себя красивой, хоть и видела несхожесть с людьми из другого рода-племени. Она продолжала добиваться того, чтобы Сирт заинтересовался ею.

Время, казалось, никого не торопило.

«Все занимались привычными делами вчера, делают то же и сегодня. И завтрашний день начнётся, пройдёт и окончится какими-то рутинными делами, если не произойдёт что-то невероятное. И так день за днём время катится, как солнце по небосводу в ясный день. Больные выздоравливают, малыши взрослеют, а взрослые старятся и уходят в мир тьмы. Но пока мы живы, мы должны давать жизнь тем, кто будет жить после нас. Надо жить и радоваться, иначе будет всё плохо», – думала перед сном девушка-неандерталка, опираясь на свой пока ещё небольшой жизненный опыт.

Иногда она долго подбирала слова и выражения, которыми не оперировала в повседневной обстановке.

На смену весне пришло жаркое, иссушающее лето. И оно продвигалось дальше к северу и выше в горы. Козлы и бараны покинули предгорья, перекочевали на горные пастбища альпийских лугов Алтая. Люди ждали, что скоро начнётся миграция крупных животных на север, где солнце не успело испепелить растительность – корм всех травоядных. За любителями сочных трав не-

отступно проследуют хищники, выбирающие момент отбить от стада очередную жертву неопытности или беспечности.

Дни шли, а с желанным Сиртом влюблённую Куку, как и прежде, ничто не сближало. Она не знала, как поступить, чтобы и для него стать такой же желанной, как он для неё. В один из вечеров девушка не сдержала чувств. Она подошла к стоявшему у костра Сирту и чувственно обхватила его ниже плеч. Юноша не ожидал объятий, а они оказались сильными, как у мужчины. Применив грубость, он оттолкнул девушку.

– Отстань ты, наконец, рыжая бестия! – вырвалось у сконфуженного любимого первобытной воздыхательницы.

Она заплакала. Вдруг резко наклонилась и поочерёдно показала на пальцы одной и другой ноги. Выпрямившись и приняв гордую позу, показала три пальца руки.

«Не мало», – без слов отметили девочки.

– Вот! Вот сколько мне зим! Я не ребёнок.

В доказательство своей взрослости она скинула душегрейку, а вслед за ней и шорты. Прокрутившись на месте несколько раз, всем своим видом показала гордость собой и своей внешностью. Лоу озвучила общее мнение:

– Созрела «вишенка».

Да, в девушке созрело всё. Сирт, не сомневающийся, что смотрины устроены именно для него, повернулся лицом к неандерталке и попросил:

– Оденься, Куку.

С чуть большего удаления, чем новички, сцену демонстрации взрослости наблюдал Зоуро. Он шёл к их костру, чтобы обсудить детали предстоящей скоро охоты – действовать надо было сообща и слаженно. Разведчики, уходившие от стоянки на день пути, сообщили, что стадо шерстистых носорогов, а вместе с ними большие и малые олени, стаи волков и гиен скоро пройдут мимо пещеры. Слаженность действий была бы очень кстати.

Зоуро и раньше видел раздетых девушек. Но юные упругие формы Куку не оставили его равнодушным. Более того, он подбирал слова, которыми можно было бы выразить восхищение этой красотой. Искал и не находил. Слова путались, казались не теми,

которые захотелось подарить слуху обладательницы красоты. В эти минуты Зоуро ощутил себя не вождём племени, а мальчишкой, ищущим слова для оправдания шалости или какого нелепого поступка.

А Сирт тем временем размышлял, как и что сказать влюблённой Куку, выплеснувшей к его ногам свои пылкие чувства. Ему не хотелось втаптывать в многовековую пыль пещеры эти светлые, исходящие из глубин души, ждущие взаимности, надежды и ощущения. Собравшись с мыслями, продолжил своё обращение к девушке:

– Куку, ты заслуживаешь замечательной и взаимной любви. Но я и ты – мы созданы для любви с другой и с другим. Будь счастлива с кем-нибудь. А я стать счастливым влюблённым смогу только с Витой. Прости, Кукушонок, но ты не можешь стать моим солнечным очарованием.

Зоуро осенило, что слова, которые искал он, сказаны другим молодым человеком, но не так, как их следовало преподнести замечательному созданию. И он, Зоуро, исправил ошибку:

– Куку, ты моё очарование. Ты мой Кукушонок! Моё солнечное очарование! Моё, ты понимаешь? Моё! Ты и только ты!

Ошеломлённая сказанным, Куку словно остолбенела. На какие-то мгновения она оказалась не в состоянии ни пошевелиться, ни сказать что-нибудь. Она хлопала рыжими ресницами, а её серо-голубые глаза, казалось, стали голубыми-голубыми, как небо весенним солнечным утром, лишённое даже малейшего облачка. Наконец дар речи вернулся к девушке:

– Зоуро, ты... неужели я нужна тебе? Ты самый-самый для меня! Я готова быть твоей долго-долго. У нас будут здоровые дети, много здоровых и сильных детей. Почему ты раньше не обращал на меня внимания?

– Так и ты, Кукушечка, своё внимание раньше обращала не на меня, – с улыбкой упрекнул девушку-неандерталку молодой вождь денисовцев.

Он обнял предмет обожания и повёл к своему костру.

Куно порадовалась, что семейное счастье Куку складывается так, как она и не мечтала. Пожилая женщина вспомнила, что в молодости мечтают все. И она жила не без мечты.

– Жалко, что жизнь складывается не по желаниям и мечтам, а вопреки им, – посетовала она.

Но почти сразу пожилая женщина вновь воодушевилась, вспомнив далёкое прошлое:

– Куку не первая и не последняя женщина пливс, которая даст жизнь детишкам снипс. У Свуро бабушка была тоже из рода коротьшек. И эти малыши непременно будут похожи на нас. Но не исключено, что у кого-то из этих детей глаза окажутся небесного цвета.

Девчонки, поразились тому, как быстро у Куку поменялись симпатии с Сирта на Зоуро. Сам же юноша, казалось, ничему не удивлялся:

– А что вы ждали от неё? Всё, на мой взгляд, просто. Неандертальская любовь! И в этих двух словах всё: настойчивость и мимолётность, преданность и безрассудство, ожидание своего бабьего счастья и стремление поскорее постичь его.

– Ну-ну, Сирт, много ты знаешь о бабьем счастье. Неандертальское, может быть, подходит под твоё определение, но не таковое вообще, – горячо возразила Вито.

– Так я о неандертальской любви, о том же счастье и говорю. Не цепляйся к словам. У нас всё будет проще, – заверил подругу юноша.

XXX. ЦЕНА ПРЕДАТЕЛЬСТВА

В повседневных хлопотах незаметно пролетело лето, в которое племя не потеряло кого-либо из охотников. Обилие мяса и растительной пищи, а в дополнение к ним свежий воздух и тепло лучей, способствовали росту здоровых малышей. Радостные люди возвращались в родной дом. Лишь Зоуро и его приближённые несли в себе озабоченность. За время отсутствия хозяев пещеру могли занять изгнанные из обжитых мест пливс. Могли её занять и непоседливые черс.

Посланная на разведку группа сообщила, что жилище свободно. Люди успели наладить привычный быт, когда через несколько дней, поздним вечером, в поле зрения оказалась группа людей

пливс. Ещё издали среди идущих к пещере стали различимы дети. Куно высказала догадку:

– Ещё одно племя лишилось не только жилья, но и большей части людей. Черс не просто людоеды, они истребители всех, кто не похож на них.

– Они истребляют тех, кто не может противостоять им. Не подпускают к себе на расстояние броска копья. Это доказывает, что победить их можно только вооружившись луками и стрелами. А копья найдут применение в ближнем бою, который тоже исключать нельзя, – возразил женщине Тавк.

Пливс шли налегке. Как все их предшественники, беглецы побросали всё, кроме детей. Их, от совсем маленьких до подростков зим в одиннадцать, осталось столько, сколько пальцев на трёх руках. Женщин шло на две больше, чем мужчин, принявших на себя основной удар преследователей. Но всех взрослых осталось столько, сколько пальцев на двух руках.

Приблизившись до расстояния полёта стрелы, пливс остановились. Зоуро подозвал одного из беглецов и вышел навстречу, за пределы пещеры. Подошёл Васку, уже известный жителям постоянного пристанища, проситель огня. Это ему Зоуро отдал тогда ледяную линзу.

На объяснение ситуации много времени не потребовалось – всё было ясно без слов.

– Чего же вы хотите от нас? – спросил вождь снипс подошедшего.

– Нас могут догнать и уничтожить всех, кроме детей. Мы знаем, что вы умеете воевать и сможете защитить и жилище, и нас. Мы поможем вам в защите от нападения черс. Без вас мы обречены если не на гибель от стрел, то на медленное вымирание.

Зоуро сказал, что ему надо посоветоваться с соплеменниками. Проблемой могла стать теснота в жилище, вмещающем уже увеличившееся племя. Но не оставлять же беззащитных людей под открытым небом в преддверии зимы. И старожилы пещеры, и её новые жители сошлись на том, что потеснятся, дадут приют несчастным беглецам. Противником приютить остатки племени пливс был только Молх.

– Они столько раз пытались завоевать пещеру, а теперь пошли на хитрость. Поселившись среди нас, они постараются избавиться от хозяев.

– Да. Непременно задушат или заколют копьями всех спящими, съязвил Тавк.

Оба вождя, бывший и настоящий, устремили взгляды на Молха. Только им была понятна реплика соплеменника, защищавшего Суро во время заживления ран. Попытка Молха воспрепятствовать поселению остатка племени людей пливс не повлияла на решение. Изгнанников из их родовой пещеры пригласили в жилище.

Первыми Куку увидели женщины. Они боязливо обходили бывшую соплеменницу. Наконец, одна из прибывших не выдержала и спросила:

– Ты дух Куку или живая?

– А ты поτροгай меня. Не бойся, я не укушу и не наброшусь.

Куку улыбнулась и это добавило смелости пришедшим женщинам. Убедившись, что стоящая перед ними тёплая, упругая и может улыбаться, повелили известное им:

– Мужики сказали тогда, что твоё место теперь в мире тьмы.

– Так оно и случилось бы, но вон тот снис по имени Сирт, – Куку указала рукой на юношу, – забрал меня, принесённую без сознания для съедения, травница выходила, а вождь потом взял меня в жёны. И вот я вынашиваю нашего ребёнка. Кем он будет, снис или пливс, для нас не важно. Главное, что будущий мон или мин будет нашим продолжением. Хоть у сниса порядки иные, чем у нас, жена вождя имеет прав не больше других, но меня это устраивает.

Молх, стараясь не выказывать своё волнение, тщетно искал выход из создавшегося положения. Уже тогда, когда пришельцы остановились, он видел, что это именно те пливс, которые искали в жилище камни для получения огня. Долго оставаться незамеченным или сделаться неузнаваемым ими одинаково невозможно. Так и не найдя выход и не придумав оправдания, которому соплеменники могли бы поверить, он мысленно готовил себя к разоблачению. Что оно принесёт, неописуемо волновало труса и предателя, но он не терял надежду, что соплеменники простят его.

Первым Молха заметил молодой воин Гурс, ставший вождём вместо погибшего при бегстве от черс. Не подыскивая слов, он удивлённо спросил:

– Как? Ты ещё жив? И тебя, трус, даже не покалечили за предательство?

То, что Молх трус, никого не удивило, но слово «предательство» резануло слух всем старожилам жилища. Зоуро попросил новосёла пояснить, при каких обстоятельствах тот познакомился с Молхом. Юноша рассказал подробности пленения спрятавшегося труса и его предательство. Подошедший Васку подтвердил сказанное первым рассказчиком, дополнив словами вождя, сказанными на прощание.

Тони, жена Молха, поступила неожиданно и молниеносно. Она выхватила оружие у стоявшего рядом пливс и... с рёвом:

– И этому ничтожеству я родила одного ребёнка и вынашиваю второго...

Переполненная ненавистью, она трижды безжалостно вонзила копьё в грудь и живот мужа прежде, чем смертоносное оружие кто-то вырвал из её рук. Собравшиеся не успели сообразить, чтобы помешать свершению правосудия. Но даже если и успели бы, то никто не стал бы препятствовать женщине, разум которой помутился от услышанной невообразимой правды о том, кому она доверяла себя и ребёнка.

Ночной «поход» по пещере вооружённого копьём мужа не произвёл тогда впечатления. Теперь в возбуждённом мозгу сложились все прошлые странности мужа, а сложившись, выплеснулись бурно и неожиданно для присутствующих. Свершив расправу, женщина с отвращением плюнула на оседающее кровоточащее тело. Даже хлынувшая изо рта кровь не вызвала в ней сострадания. Сонх констатировала:

– Пробиты органы дыхания и важный орган под грудью. Смерть его мучительная, хоть и недолгая.

Ко всем детям пещеры она обратилась со словами:

– Предатель больше всего делает своим родным. Правду о своей подлости не спрячешь. Приходит время и о предательстве узнают. И никому не уйти от неминуемой расправы.

Не знали люди каменного века ни понятия «стоимость», ни слово, означающее её мерило. Иначе, целительница Сонх сказала бы о цене предательства.

XXXI. СРАЖЕНИЯ С ЧЕРС

Быстрее всех освоились мон и мин. Уже на следующий день они играли со сверстниками так беззаботно и непринуждённо, словно родились в этой пещере. Детям постарше потребовалось чуть больше времени. Они замечали свои отличия от местных сверстников и несколько дней вели себя скованно. Быстрее их сошлись женщины. В немалой степени на это повлияло общение с Куку.

Общая охота сблизила между собой и мужчин. Побурлив, как река в половодье, жизнь в пещере быстро входила в нормальное русло. Но всеобъемлющее спокойствие не приходило. Ощущение настороженности не покидало жителей дважды пополнившегося племени. Не говоря об этом, взрослые, казалось, жили ожиданием нападения недавних преследователей племени пливс.

Люди пливс не пожелали осваивать новое оружие, полагаясь на надёжность копий. Все прибывшие вместе с Сиртом, способные защищать жилище и жизни соплеменников, осваивали луки и стрелы. Свободное от охоты время они посвящали изготовлению наконечников для стрел и тренировкам в меткости стрельбы.

В тот вечер охотники возвращались с тушей сохатого. Чтобы лесного великана было удобнее нести, тушу разрубили на три части: шею с головой, переднюю часть с грудиной и заднюю часть. Добытки, несущие трофеи на длинных шестах, могли сменяться другими соплеменниками, на ходу отдохнувшими.

Как выяснилось, предчувствие скорой вооружённой встречи с черс было не безосновательным. Гурс, что означало «бдительный», оправдал своё имя. Он, отдыхающий от ноши, ещё издали заметил группу черс, рысцой приближающихся к удачливым добыткам. Незамедлительно сообщил о преследовании вождю.

Зоуро не хотелось вступать в стычку, хоть количество лучников в его отряде было значительно больше числа преследующих. Он дал команду ускорить ход, чтобы успеть дойти до узкой поло-

сы леса. Там стволы деревьев стали бы защитой от обстрела. Черс, заметив, что охотники с ношей ускорились, побежали быстрее.

Зоуро на ходу осмысливал тактику отражения атаки. Когда полоса леса оказалась очень близко, черс оставалось пробежать совсем немного, чтобы их стрелы могли поражать отступающих. Вождь распорядился:

– Тавк, уводи людей. Я и Сирт задержим их.

На краю лесополосы путь преградил толстый ствол поваленного ветром кедра. Пока тяжёлые ноши переваливали через преграду, черс приблизились на расстояние выстрела. Они не заметили, что не все беглецы продолжили отступление. В образовавшейся толчее Зоуро с напарником незаметно для черс спрятались за поваленным стволом.

Пропустив соплеменников, Свуро оказался для стреляющих ближе всех. В него и были посланы все пять снарядов преследователей. Одна стрела пронзила край шеи выше левого плеча и прошла навывлет. Другая – упёрлась в плечевую кость правой руки. Ещё две стрелы попали в обе лопатки. Одна из стрел пробила левое ухо. Наверное, стрелок пытался наверняка поразить седовлавого в голову.

Свуро повезло. Стрелы не задели крупные сосуды и жизненно важные внутренние органы. Его подхватили, чтобы поскорее скрыться за деревьями. И тут же Сирт и Зоуро почти одновременно выстрелили в преследователей. Это оказалось неожиданностью, остановившей бег всех черс. Воспользовавшись замешательством, из засады выстрелили ещё раз. Терять кого-либо не входило в планы преследователей. Готовые отстреливаться, недавние преследователи в отчаянии выдернули попавшие в них стрелы и стали отступать.

Зоуро ещё до стрельбы предупредил напарника, что с одного места можно выпустить не более двух стрел. Потом надо незаметно перебежать-переползти и выстрелить из другого места. Так больше шансов не угодить под стрелы противников. Хоть черс и были готовы к защите, они не успевали прицелиться в перемещающихся стрелков, и снова вырвали попавшие в них стрелы. Ждать новых ранений не стали, пустились в бегство.

Азартный Сирт погнался за убегающими, но Зоуро предусмотрительно остановил его. Убегающие, поняв, что преследователей всего двое, могли от бегства перейти в наступление. Бой на открытом месте с пятью, даже ранеными, противниками был бы не в пользу снипс. Пропустив беглецов на достаточное расстояние, вышли из-за укрытия и собрали не только свои, но и вражеские стрелы.

Дальнейшее возвращение к дому прошло без приключений, но ощущение неотвратимости нападения только усилилось. Более всего Зоуро опасался нападения на оставшихся в пещере во время охоты тех, кто мог бы защищать родной дом. Надо было за два-три дня сделать запас пищи, необходимый на время пассивного ожидания нападающих.

Вождь не ошибся. Именно к вечеру третьего дня за холмом заметили сосредоточение войска черс. Число вражеских воинов, определённое разведчиками, доходило до числа пальцев на руках и ногах двух воинов. Было ли это одно племя или для покорения строптивых объединились два племени, было непонятно. При нападении выяснилось, что все подчиняются командам одного вождя. Получалось, что это одно племя, но оно больше, чем дважды пополнившееся племя защитников жилища.

Штурм пещеры мог произойти ночью. Нападение на спящих могло пройти с наименьшими потерями для нападающих. Однако ночь прошла в напряжении, но мирно. Ранним утром вождь распорядился невоенизированной части жильцов углубиться в тот проход, который ведёт к рыру.

Туно с частью лучников и всеми пливс, вооружённых копьями, вождь послал перекрыть вход в ту же часть пещеры, оставив свободным вход в ответвление. Группа Туно, не обнаруживая себя, должна была дожидаться момента, когда противники втянутся в грот, ведущий к «дымоходу». Потом они должны были ударить по нападающим сзади, преграждая путь к отступлению.

Тавк с другой группой должен был покинуть жилище на виду у противников, делая вид, что охотники ушли за добычей. Совершив отвлекающий маневр, все должны были немедленно

незаметно возвратиться и затаиться недалеко от выхода из жилища. При штурме они должны были пропустить неприятелей в пещеру, дать втянуться им за якобы отступающими хозяевами, а потом ударить сзади и, вместе с группой Туно, не дать черс покинуть поле боя.

Самому Зоуро с оставшимися воинами предстояло сбить темп натиска, заманить в грот и сдержать напор, когда окружённые противники попытаются пробиться в проход «дымохода». Одно из воинов он отправил установить зажжённый масляный светильник на заранее выбранное место. Там стена скалы не мешала распространению света в направлении входа в грот, но оставляла невидимыми тех, кто отстреливался бы из входа в «дымоход».

Обстрел наступающих начали с расстояния, равного дальности полёта стрел. Стрелы врезались в пространство и налетали на наступающих подобно пчелиному рою, больно «жалили», оставляя кровоточащие раны. Стреляя из-за укрытий, защитники наносили противникам раны ещё до штурма пещеры. Случилось как в пословице, «в родном доме и стены помогают». Сами они пока оставались недосыгаемы для вражеских стрел. Но это длилось недолго.

Кого-то из захватчиков летучие «подарки» успели настичь трижды, но некоторые оставались невредимыми. Натиск потерял стремительность, но черс напирала, не обращая внимания на потери. А без них не обошлось ещё на ближних подступах. И здесь, в закоулках пещеры, прущих напролом черс, из-за каждого поворота встречал град стрел. Черс отстреливались, но их потери были в разы больше потерь отступающих.

Подойдя к входу в грот, Зоуро приказал по команде выпустить рой стрел и, не медля ни мгновения, перебежать через грот, укрываться там за выступы прохода. Оттуда стрелами встречать заполняющих грот, но не давать им прорваться в проход. Уже в проходе защитников воодушевляли и настраивали наставления вождя на продолжение сражения. Стало понятно, что в черс в свете светильника можно бить прицельно, а наступающим предстоит стрелять наугад. В предстоящем ближнем бою в ход пойдут копыя. Черс привыкли к лёгким победам и пошли в бой только с луками

и стрелами. Есть у них ножи, и до них дойдёт, когда прорвутся сквозь копья.

Сначала группа Туно, а сразу вслед за ними и Тавк со своим маленьким отрядом стали расстреливать штурмующих сзади. Это оказалось полной неожиданностью для наступающих. Понимая, что они в ловушке, черс попытались пробиваться вперёд. Достигнув узкого прохода, черс не избежали столпотворения. Штурмовать с луками стало невозможно из-за тесноты.

А копья продолжали появляться из темноты и исчезать там же. Они кололи и кололи. Острые наконечники копий, управляемых сильными руками, дырявили одного за другим. Воины, напавшие сзади, тоже кололи столпившихся вояк, посылая копья будто во все не в людей, а в зверя, державшего всех в страхе быть истреблёнными.

Под натиском тех, кто были за плечами, люди черс не имели возможности отступить или увернуться от копий. Одни падали пронзённые, другие – топтались по ним, пытаясь прорваться и бежать подалее от места этого безумия. Ломались копья, хрустели переломанные кости, вопли и стоны, отражаясь от стен и свода подземелья, неслись по всем проходам.

Ножи завоевателей и защитников вонзались в тела, переполненные ненавистью к противникам и жадной собственной жизни. Казалось, что всё человеческое, накопленное сотнями и тысячами предыдущих поколений, кануло в небытие. Всеми двигало жестокое звериное начало, сопровождаемое нечленораздельным рёвом, злобным рычанием, инстинктивными движениями, похожими на конвульсии умирающего зверя.

Горстка оставшихся черс, окружённая и безжалостно убиваемая, со взглядами безумцев с ножами набрасывалась на преградивших выход. Кому-то удавалось вонзить своё оружие в намеренную жертву, но чаще этот удар перехватывался одной или парой свободных рук, а нож в другой руке хозяина жилища вершил приговор.

Без луков и стрел семеро черс прорвали окружение и помчались к выходу из пещеры. Хозяева жилища в пылу сражения растеряли луки и стрелы, не смогли проводить убегающих до даль-

ности полёта стрелы. Кто-то сохранил в руках копьё и помчался вдогонку. Кого-то из убегающих это более древнее, чем лук, оружие настигало, он падал, в агонии вставал и бежал дальше, снова падал, но уже бездыханный.

Только трое черс, неоднократно раненные, сумели покинуть место уничтожения их соплеменников. Они дали знать черс из других племён, что пора безнаказанного истребления непохожих на них людей уходит в прошлое. Теперь следует быть осмотрительными, готовыми к достойному сопротивлению и даже к полному истреблению нападающих.

Когда цунами воплей, несущихся мимо женщин и детей, укрывавшихся в дальнем проходе пещеры прекратились, все с опаской появились в жилом гроте. Воины с лёгкими ранениями, среди которых оказались Вынх и Саво, в образовавшейся куче-мале из воинов обеих сторон, разыскивали соплеменников, выносили их к племенному костру. С тяжёлыми ранениями вынесли Туно, Тавка и Зоуро. Сонх организовывала женщин на оказание раненым экстренной помощи, заключающейся в перевязывании кровотокащих ран. Некоторым требовалось составление сломанных костей. Их целительница оставила на потом.

Семерых снисп и двух пливс спасти было уже поздно – предки забрали их в мир тьмы. Утрата близких ожесточила женщин настолько, что они отказались перевязывать раненых черс. А тем ещё можно было помочь. Сонх не смогла убедить соплеменниц в необходимости помогать всем. Одна она смогла оказать первую помощь только четырём черс, которые подавали признаки жизни более активно, чем другие раненые. Тела трёх воинов, принесённых из самой гущи сражения, оставили на победное пиршество.

Остальных черс, с проколотыми внутренними органами, переломанными костями или вовсе едва подающих признаки жизни, вынесли за пределы пещеры. Было понятно, что за ними не придут. Мысль, что кто-то, двое-трое, очнутся и смогут уползти восвояси, никого не беспокоила. Было однозначно ясно, что с телами расправятся волки, лисы и хищные птицы. Потом на запах придёт медведь, сбегутся неприхотливые падальщики – гиены.

XXXII. «РАЗНОМАСТНОЕ» ПЛЕМЯ

За всеми ранеными Сонх ухаживала тщательно, но к черс она проявляла чуть меньшую заботу, чем к соплеменникам. Однако лечила и их, а они выздоравливали без каких-либо осложнений. Дуто, то есть сильный, один из выздоравливающих черс, сказал Зоуро:

– Теперь все черс, как вы нас называете, будут считать вас равными себе.

Вождь ответил на это словами:

– Нам без разницы, что теперь думают о нас черс. А ты должен знать, что мы сильнее их. Мы победили! Мы уничтожили почти всех меньшим числом, потому что мы ещё и умнее людей черс. Сами мы лишились воинов, число которых меньше, чем пальцев на двух руках. Это намного меньше, чем тех, кого мы вынесли на съедение хищникам. Что решил ты лично о своём будущем?

– Я буду рад считать себя одним из вас. Здесь много снисп, есть пливс, а теперь будем и мы, черс. Жаль только, что погибших противников вы не предали земле. По нашему обычаю их место в мире тьмы именно в земле.

Моти, то есть «простак», мысленно провёл сравнение. Когда пленили женщин и детей племён пливс или снисп, те безропотно становились членами племени-победителя. Теперь его с тремя соплеменниками самих постигла участь принятия решения о принадлежности племени победителю. И он сделал свой выбор в пользу жизни в неоднородной среде: среди снисп, пливс и черс.

Лута, то есть «правдивая», единственная женщина черс из тех, кто после боя пополнили племя победителей. Она оказалась очень благодарна Сонх и всему племени за то, что не только жива, но и выздоравливает. Не только сильная, но и по-своему привлекательная, она не осталась без внимания Булута, потерявшего в этом сражении свою избранницу из рода снисп.

Не все из побеждённых, выхаживаемых Сонх, приняли продолжение жизни в этом племени так оптимистично. Липо, что означало «преданный», исчез из пещеры с ещё не зарубцевавшими ранами. Не принявший поражение своего племени, он затаил обиду и злость.

Зоуро однажды пошутил:

– Если где-то недалеко от нас есть люди ещё одной разновидности, то нам не хватает только их.

Сонх высказала своё представление о разнице между людьми:

– Наверное, не только где-то рядом, но и на всей большой земле, людей других разновидностей нет. Пливс – светлые лицом, имеют мягкие светлые или рыжие волосы и голубые или серые глаза. Мы, сниспс – смуглые, с упругими и прямыми тёмными волосами, кареглазые. Черс – чернокожие, с чёрными вьющимися волосами и тёмными, как ночь, глазами. Я не представляю каких-то других людей. Не могут же люди быть синими, красными или зелёными?

Подобные высказывания тех людей каменного века можно было бы считать философскими, если бы имел место сам факт существования философии, как образа мышления людей того времени. Они ещё не пытались дать объяснение сути различий представителей ветвей человечества, но не могли не обращать внимания на эти отличия. И обращали, а отметив, делились наблюдениями с соплеменниками.

Но философские наблюдения и высказывания были не главным занятием Сонх. Она всю себя посвятила скорейшему оздоровлению раненых воинов. Избежавших хотя бы лёгких ранений среди воинов не нашлось. А получившим лёгкие ранения было непросто прокормить племя. К охоте подключились и те женщины, которые успели перейти к другим занятиям. К заготовке растительной пищи пришлось вернуться пожилым женщинам, которые до этого занимались пошивом одежды. Всё сдвинулось в этот период.

Оздоровление не терпело промедлений ещё и потому, что в любой момент могла возникнуть необходимость защиты жилища от какого-нибудь другого бездомного племени черс, пожелавшего получить для зимовки удобное пристанище. Сонх неустанно готовила лечебные снадобья, промывала ими раны, перевязывала, поправляла сбившиеся шины, наложенные в местах переломов костей.

Пожилые женщины и старшие девочки, освободившиеся от других работ, помогали ей в стирке мягких заячьих шкур, в сшивании новых шкур, используемых в качестве бинтов. Борьба за здоровье людей-соплеменников стала первостепенной

задачей всех представителей племени, независимо от цвета тел и от длины ног. Всеобщими усилиями полноценная жизнь вернулась ко всем раненым, кроме одного. Он ушёл в мир тьмы на третью ночь после сражения, так и не придя в сознание, став десятой потерей от того бесчеловечного боя.

К счастью, на пещерников никто не напал. Наверное, все черс успели заселиться на время зимовок. Может быть, какие-то их племена не вернулись, продолжили шествие за частью мигрирующего куда-то стада шерстистых носорогов.

Одни раньше, другие позже, вскоре все заняли свои привычные места в деятельности племени. Раньше всех ряды охотников пополнил Свуро. Он, получивший ранения накануне решающего сражения, не участвовал в побоище, хоть и рвался сразиться за пещеру. Но Туно, возглавлявший группу воинов, оказался непоколебим. Он заставил прежнего вождя выполнять распоряжение нынешнего – ждать окончания сражения, не выдавая место укрытия безоружных.

Осень, а за ней и зима прошли, как обычно. В ту зиму, после недолгого знакомства с характерами и склонностями друг друга, снипс Булут и черс Лута стали мужем и женой. Создали семью и двое снипс: Сирт и повзрослевшая Вито. Возникла семья ещё у одной пары: у пливс Гурса со снипс Тони. Гурс потерял обожаемую девушку при побеге от черс, а Тони сама лишила жизни мужа-предателя.

Обряд брачующиеся провели в один день. Накануне удалось добыть сохатого и пять волков. Когда варилось мясо, женихи с завязанными глазами угадывали свою суженую. С обонянием, присущим людям каменного века, определить избранницу из трёх невест было бы не трудно.

Чтобы сбить с толку женихов, Сонх приготовила отвары ароматных трав. Этими благоухающими жидкостями она опрыскала невест. Все они стали пахнуть одинаково – нежными ароматами перебивались собственные запахи невест, усложняя задачу поиска. Первым справился Сирт, Булут узнал Луту вторым, Тони шепнула Гурсу, а он с подсказки узнал свою суженую третьим. Обряд предполагал доказать, что муж сможет не только выследить зверя

и обеспечить пищей жену и детей, но и найти любимую по следам, если её вдруг выкрадут и уведут в другое племя.

Испытание прошли и невесты. По команде вождя они должны были взять суженого на руки и отнести в дальний угол пещеры. Крупная и сильная Тони подхватила юного Гурса и перенесла без видимых усилий. Лута, хоть и не так быстро, но принесла Булута вслед за Тони.

Труднее всех пришлось Вито. Возмужавший Сирт на пути к цели помогал любимой, отталкиваясь одной ногой почти всю дорогу. Это вызвало хохот соплеменников, но и такой результат был зачтён. Невесты доказали, что вынесут раненого мужа хоть с поля сражения, хоть с места неудачной охоты.

Было ещё кормление любимой, танец невест вокруг племенного костра с услаждением слуха словесными благозвучиями... Нет, это были ещё не песни, но мелодии услаждали слух, трогали струны грубой первобытной души. Праздник не был бы запоминающимся, если бы обряд бракосочетания начался и закончился только поеданием даже самого вкусного мяса, приготовленного в достатке и приправленного сушёными кореньями, грибами и ягодами.

Куку с улыбкой вспоминала свой свадебный обряд, когда она, пытаясь сразить красотой Сирта, нечаянно для себя сразила Зоуро. А этой зимой у неё и Зоуро родился мон. В подтверждение слов Куно, сказанных ею в день исполнения мечты Куку, малыш оказался голубоглазым, но похожим на снипс телосложением. Не коротышкой, как это могло бы быть. А ещё от матери ребёнок унаследовал цвет кожи и волос.

– Таких снипс у нас ещё не было, – произнесла Куно, обрадованная рождению необычного снипс.

Этот малыш получил имя при рождении. Его назвали Поур – необычный.

XXXIII. ВСЁ БЫЛО БЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНО

В то лето всякие напасти миновали наших пещерников. Всё шло, как обычно. В обозримом отдалении промышляли по несколько племён пливс и черс. Они так же переносили свои вре-

менные прибежища, следуя за мигрирующими стадами травоядных. Как и в предыдущие годы, для охоты и общения племя Зоуро объединилось с четырьмя племенами снипс, так же образовывали на стоянках городок из быстро разбираемых и собираемых чумов. Не стало меньше и клыкастых хищников, сопутствующих травоядным.

И тем летом объединённое воинство племён снипс рискнуло испытать удачу в охоте на мигрирующего гиганта – шерстистого носорога. И фортуна не отвернулась от смелых и опытных охотников. Огромное животное массой в три тонны рьяно отбивалось, но серьёзных увечий никому не нанесло. Сонх часть подкожного жира растопила и припасла впрок для заживления ран.

Всё было бы замечательно, если и появление в родном доме оказалось бы обычным. Однако, вопреки желаемому, возвращение не стало привычно спокойным. Разведчики, скрытно подобравшиеся на небольшое удаление от пещеры, сообщили, что жилище занято чужаками. Во входном проёме среди черс удалось заметить и женщин-пливс, пленённых ранее. Другого объяснения их обитания вместе с черс придумывать не стали. И вряд ли могло прийти на ум что-то более реальное, даже сильно постаравшись в придумывании других причин.

Солнце было на середине пути между полуднем и закатом. Охотники-новосёлы ещё не возвратились с охоты. Хозяева жилища, теперь уже бывшие, располагали временем, чтобы всё тщательно обдумать и подготовиться к необычным для них действиям. Следовало отвести невооружённую часть племени на безопасное расстояние.

На обозримом удалении от детей, престарелых, кормящих и беременных женщин Зоуро оставил двух женщин, которые, издали заметив приближение черс-истребителей, должны были бежать к пещере и сообщить о грозящей соплеменникам опасности. Такой способ заботы о безоружных высвобождал немалую часть воинов, требующихся для их защиты.

Зоуро не пришлось убеждать кого-либо в том, что новички ещё не успели обследовать всю пещеру, не знают о дымоходе. Нападение из глубины пещеры для новосёлов должно было стать боль-

шой неожиданностью. Вопрос возник о следующем шаге. Если все силы сосредоточить для удара, то можно вынудить черс-захватчиков покинуть жилище.

При этом часть их погибнет, часть получит ранения и не сможет помочь своим, а силы сравняются. Преследовать врагов на открытой местности – это значит, что понести потери равные с отступающими. Этот вариант освобождения жилища от незваных гостей пришлось отвергнуть. Туно предложил ударить одновременно с двух сторон. Одни из глубины пещеры, а другие – со стороны входа.

Зоуро отверг этот вариант. Он объяснил Туно и его сторонникам, что при штурме подступов к входу погибнет больше нападающих, чем обороняющихся, а это недопустимо. Надо было искать вариант более бескровный для своего племени. Нельзя было даже в мыслях допустить число погибших больше, чем при обороне жилища год назад. Воспоминание о том сражении натолкнуло Тавка на мысль поступить подобным образом. Этот вариант он и предложил:

– Меньшая часть воинов пройдёт по дымоходу и нападёт изнутри. За время неразберихи кого-то из врагов удастся обезопасить. Опомнившись, враги ринутся преследовать отступающих, подставляя себя под стрелы. Они, как тогда, набьются в широкий грот с узкими выходами. Вот бы ещё и осветить его, как в прошлый раз.

Сонх сказала, что есть топлёный жир, есть посуда, есть и жгуты для светильников. Освещение не будет проблемой. Тавк, воодушевлённый тем, что его идея не отвергается, а поддерживается, продолжил изложение плана действий. Получалось, что тем, кто останется за пределами пещеры, не придётся штурмовать вход, так как все ринутся преследовать отступающих. Возможное сопротивление женщин, оставшихся с детьми, большой опасности не составит.

Зоуро ухватился за ниточку мыслей Тавка и продолжил сам:

– Когда мы оттянем воинов из жилого грота в проход, остальные врываются в пещеру, сламывают сопротивление оставшихся у выхода черс и подтягиваются к гроту с черс, которые оказыва-

ются окружёнными. Всё остальное всем нам известно. Этот вариант самый приемлемый. Важно только в пылу атаки не врезаться вглубь обороняющихся черс. В толчее теряется свобода орудовать копьями. Именно копья не дают врагам сблизиться с вами, перейти к применению ножей и к рукопашной схватке. В рукопашную было бы очень трудно победить меньшим числом. Как они не подпускали противников на расстояние броска копья, так и вы не должны позволять им оказаться ближе, чем можно достать врагов, орудуя копьями. Ворвавшись в грот с воинами черс, ни в коем случае нельзя бросать в них свои копья. Брошенные, они обязательно возвратятся к вам самим, нанося раны или лишая жизней. Настройтесь на бой до полного истребления захватчиков.

Без лишних звуков по тропам, известным только им самим и диким зверям, все прошли к замаскированному выходу из дымохода. Затаившись, все стали ждать, когда черс придут с охоты. Пришлось ещё раз убедиться в том, как томительно ожидание. Особенно непросто было сдерживать малышей. Кто-то мог в неподходящий момент выскочить и выдать присутствие чужаков, каковыми для черс были снипс. Даже громкие детские крики могли услышать черс. Особенно вечером, когда звуки становятся более сочными и слышимыми на большем удалении.

Ждать пришлось нестерпимо долго. Черс в тот день охотились тремя группами, а пришли в разное время. Когда в пещере скрылись охотники первой группы, ненаблюдательный Туно был готов к осуществлению плана действий. Но даже Куку заметила, что охотников должно быть не просто больше, а намного больше. Зоуро предупредил нетерпеливых:

– Надо дожидаться, когда в жилище окажутся все черс. Иначе нам самим пришлось бы отбиваться на два направления, отражать ещё и натиск пришедших после нашего прорыва обороны в жилом гроте. Спешить не будем. Спешка навредила бы нам самим больше, чем нашим врагам.

Аккуратно, чтобы какая-нибудь глыба не сорвалась и не надделала шума, обеспечили доступ в тайный вход. Так же бесшумно по узкому извилистому проходу дошли до грота, места будущего основного сражения, зажгли и установили светильник. Зоуро ука-

зал место каждого в тесном проходе, где предстояло сдерживать натиск врагов сначала стрелами, а потом и копьями. Вождь не исключал, что дело дойдёт и до применения ножей.

– Надеюсь, что среди нас нет другого Молха, что ни один из нас не сойдёт со своего места, не даст черс шанса покинуть пещеру, минуя нас. Пещера наша, мы никого не звали занимать её. Пусть захватчики расплатятся за свою наглость по полной программе! Смерть и только смерть врагам! Помните, что враги будут делать всё, чтобы смять, убить нас, создающих им преграду. Первые три стрелы, а если успеем, то и больше, выпускаем по мужикам. Ни в коем случае не должен погибнуть ни один ребёнок. Иначе все матери мигом превратятся в самок кукто, разорвут любого с тигриной жестокостью.

Эти слова вождя настроили воинов на битву без жалости к врагам, к предусмотрительности и обдуманности своих действий, но не к трусости. О цене трусости и предательства помнили все. Никто из воинов не мог допустить в мыслях, чтобы стать предметом презрения взрослых и маленьких соплеменников, пережить позор. Оставив копья на указанных вождём местах обороны, пошли только с луками и стрелами.

XXXIV. ВОЙНА ДО ИСТРЕБЛЕНИЯ

Всё пошло по намеченному плану. Подкрались к гроту во время ужина тех, кто пришли с охоты последними. Мужчины, успевшие поужинать, предались сытой дремоте. Женщины-охотницы посвятили время общению со своими детьми. Днём их чада находились под присмотром престарелых наставников. По рассказам пожилых знатоков жизни дети учились той самой жизни, которая ждёт каждого по мере взросления.

Тех знатоков без всякой натяжки можно назвать педагогами каменного века, передающими следующим поколениям опыт, наработанный многими поколениями их предшественников. Но и постигая мир, дети оставались детьми, их тянуло к матерям, сучали без них. А матери и в каменном веке – это те, кто любит своих чад, не спит ночами, когда те болеют, с нетерпением ждут миг

встречи со своими отпрысками даже во время охоты или сбора съестного, приготовленного природой. Вот и теперь, после ужина, охотницы и собирательницы сидели в окружении маленьких продолжательниц своего рода. Мальчишки, подражая отцам и дядям, приняли горизонтальное положение, громко отпыхиваясь после сытного и обильного ужина.

Бесшумно пробравшись до последнего поворота, скрывающего освободителей жилища, Зоуро с соратниками выскочили из-за укрытия и выпустили по первой стреле. Оказалось, что большая часть матерей уже сидела настороженно, пытаясь понять причину шорохов, доносящихся из глубины пещеры. Но они не подняли панику, не сообщили об этом отдыхающим мужчинам, не потревожили их покой.

Только вторые стрелы привели мужчин в движение. Пока в руках некоторых оказались луки и колчаны со стрелами, нападающие успели выпустить по третьей стреле. Матери, прижимая к себе детей, не вставая, придвигались к стене жилища. Зоуро дал команду занять места в укрытии раньше, чем в них полетят ответные стрелы.

Двенадцать лучников, возглавляемых вождём племени снисп, участвовали в прошлогодней обороне жилища. Им не надо было напоминать тактику ведения боя. Впервые в группе Зоуро участвовали трое. Почти одновременно выпуская стрелы из-за укрытий перехода, все быстро откатывались до нового поворота. Там они встречали наступающих новым роem стрел. Нанося ранения врагам, сами почти всегда откатывались невредимыми.

Тавк с воинами ворвались в жилой грот, не встретив сопротивления. Женщины обхватили детей, словно пытались уберечь их всех, укрывая лишь собственными руками. Матери прикрывали рты детям, заревевшим от страха при появлении воинственных незнакомцев. Глазами, расширившимися от страха, среди ворвавшихся женщины увидели своих бывших соплеменников. Жилище заполнили просящие возгласы:

- Дуто, Моти, Лута! Это мы. Не убивайте нас!
- Васку, Гурс, Куку, пощадите хотя бы детей!
- Сирт, Лоу, защитите нас и наших детей! Вы же знаете, что мы здесь не по своей воле!

Тавк, оценил ситуацию. Безоружные просили о пощаде. Они могли напасть только для защиты детей. Он распорядился:

– Лута, Лоу, Куку, вы остаётесь для соблюдения порядка в жилище. Матери должны быть уверены, что их детям угрозы нет и не будет. Куку, ты здесь остаёшься старшей. Все подчиняются тебе, но не переусердствуй.

Дав команду: «Вперёд!», – он побежал и повёл соплеменников к месту сражения. Промедление могло стоить жизней обороняющимся друзьям. Только копьями были вооружены мужчины пливс. Остальные приготовились сначала применить луки и стрелы, а потом копьями отражать натиск воинов черс, рвущихся из пекла.

Отступающие в группе Зоуро едва успели пересечь грот, в него ворвались преследователи. И снова, как и в прошлом году, у выхода из грота образовалась толчея. Черс пытались сломить сопротивление. У снипс в ход пошли копья. Черс атаковали сначала стрелами, но здесь, в тесноте, с луками управляться стало очень сложно. В ход пошли ножи, но и ими достать обороняющихся оказалось невозможно. Раз за разом, один за другим, подпираемые другими, они наткнулись на копья, посылаемые в них сильными мужскими руками.

Напор стал ещё мощнее, когда в грот ворвались воины Тавка и стали расстреливать толпу в спины. Задние стали напирать на передних, едва не вталкивая их в обороняемый узкий проход. Стрелы летели в черс, обезумевших от злости и страха. Тавк приказал пливс с копьями занять места в центре грота. Предупредил о предостережении вождя не врезаться вглубь обороны черс, чтобы самим не оказаться окружёнными. Сражаться копьями около стен мешали бы теснота и сами стены.

В сплошной гул, несущийся по проходам подземелья, вносили лепту и прежние, и новые хозяева жилища. Стены и свод пещеры многократно отражали каждый звук. Вопли, стоны, рычания, подобные издаваемым дикими хищниками во время смертельных схваток отражались стенами, неслись по подземелью. Тот всеобщий рёв был сравним по мощи с вырывающимся из глоток самцов сохатых во время боёв за единоличное обладание самками. Всё усиливалось не только самим подземельем, но и возбуждённым сознанием сражающихся.

Каждый воин осознавал беспощадность противников. Договориться о чём-то в этот момент никто не собирался – бесполезность этого занятия в пылу сражения была очевидна всем. Визги отчаяния – вот то единственное, что можно было бы признать несущимся из недр человеческих организмов. Отголоски бури гневных эмоций долетали и до жилого грота.

Куку была жутко недовольна тем, что Тавк приказал ей остаться для обеспечения порядка в жилище. Её безудержная натура требовала выплеснуть переполняющую её злость на захватчиков жилища. На возгласы матерей, в том числе и бывших соплеменниц, она ответила:

– Мы пришли сюда, чтобы освободить вас...

Она хотела продолжить фразу словами «от этого жилища», но сдержалась. Тавк не зря предупредил её не переусердствовать. Без этого предупреждения женщину могло «занести» очень далеко. Сдержавшись, она заверила взрослых о безопасности всех, если кому-нибудь не вздумается бежать, чтобы помочь своим.

Приблизившись к одной из матерей, чтобы помочь в успокоении детей, поразилась неожиданной реакции одной из малышек матери-соседки той женщины, к которой она подходила. Девочка переползла за спину матери. Показалось неестественным то, что малышка выглядела мостившейся на каком-то возвышении. Лута обратилась к бывшей соплеменнице:

– Кого прячете? А ну-ка, расступитесь.

Когда обе женщины аккуратно отодвинули детей в стороны, за ними возник распластавшийся и прижавшийся к стене мужчина черс. Куку и Лоу взяли прячущегося на прицел, а сильная Лута, схватив за душегрейку, оторвала мужчину от земляного пола. Всплеску её негодования не было предела. Сдерживая себя, чтобы не расправиться с трусом в тот же миг, она кричала:

– Липо!? Ах ты крыса! Только посмотрите на него, прячущегося за детей! Где же твоя порядочность, трусливый предатель? Тебя здесь не только не убили, когда все мы год назад пришли завоёвывать эту пещеру, но ещё и вылечили. В «благодарность» ты не просто сбежал, не стал частью победившего племени, но ещё и привёл сюда новых завоевателей. Они воспользовались отсутствием хозяев, заняли жилище. А предупредил ли он бездомных прежде, чем повёл сюда, что хозяева пещеры умеют постоять за себя и своё жилище?

Этот вопрос она задала женщинам черс, а те, перебивая друг друга, рассказывали, что он вёл всех в жилище без хозяев.

– Эта неблагодарная предательская шкура подставила под истребление всех мужчин и женщин-воительниц приведённого сюда племени. Порвать бы тебя здесь и сейчас, но это сделают те, кто останутся в живых. Живи пока. Лута и Лоу, свяжите ему руки и ноги, чтобы не сбежал, дождался достойной расплаты за подаренное будто бы бесхозное жильё, – гневно осудила предателя Куку.

Липо беззвучно плакал. Он вспомнил расправу над его родным племенем и не сомневался, что Куку безошибочно предрекла судьбу воюющих черс и его самого. Никто не жалел его. Одна из черс оставила детей и набросилась на связываемого с гневными словами:

– Ты, шкура, подставил всех нас. Что теперь будет с нами и нашими детьми? Кто поверит нам в преданности победителям?

Другая женщина, отгаскивая напавшую, тихим голосом успокаивала:

– Не торопи события. Может быть, победят наши воины. Я видела, сколько хозяев было сначала и сколько их пробежало потом. Наших больше, и они вооружены не палками, а луками и стрелами.

Лута, слышавшая это, прицелилась в одну, потом в другую женщину.

– Сядьте и ждите. Да, торопить события не будем. Ответ, кто прав, даст время. И это случится уже скоро.

Долетающий от места побоища ор стал слышен в жилище приглушённое. И не потому, что звуки, издаваемые воинами, стали тише. Они извергались глотками так же громко, но число тех глоток значительно поубавилось. Бой продолжался, несмотря на потери. Не сумев пробиться в направлении Зоуро, воины черс старались прорваться в сторону Тавка. Обстрел стрелами с этого направления прекратился, но он продолжился со стороны Зоуро с друзьями.

Тавк с его лучниками мгновенно вооружились копьями. Копья ходили вперёд-назад, то глубоко проникая в мышечные ткани, то упираясь в крупные кости окружённых воинов. Иногда кому-то из черс удавалось ухватить древко копья и на несколько мгновений остановить нанесение им смертоносных уколов. Но в следующее мгновение оружие другого воина пронзало храбреца.

Когда сплошная стена спин черс разорвалась, стрельба без разбора прекратилась. Возникла опасность попадания в своих. Стрелять стали прицельно. К этому вынуждала и проблема экономии стрел – они заканчивались. Расстреляв все стрелы, бойцы Зоуро снова взяли за копья.

Окружившие пользовались копьями так мастерски, что пробиться сквозь них и применить нож не удавалось. Воинов черс охватил ужас. Они бросались вперёд, сжимая в вытянутой руке нож, но каменные наконечники пронзали одного за другим. Обороняющихся оставалось чуть больше десятка. Рядовой воин Гевол громко скомандовал, а его все услышали, несмотря на многоголосьй рёв:

– Все на колени! Бросайте ножи и вставайте на колени! Все признавайте победу наших врагов! Просите пощадить!

Оставшиеся воины упали на колени без оружия и взревели о пощаде. Это было так неожиданно, что на какое-то мгновение шок охватил даже Зоуро. Копья замерли. Вождь обрёл трезвость ума первым. Он оценил ситуацию и приказал:

– Все расступитесь, но будьте готовы применить оружие! Побеждённые, встаньте с руками на затылке. Тавк, возьми светильник и показывай дорогу к выходу из пещеры. Все, кого пощадили, медленно двигайтесь за Тавком! Не вздумайте геройствовать. Неверное поведение одного будет приговором для всех! Победители, за мной!

В полумраке, едва обозначающем стены, не делая резких движений, с удерживаемыми на затылке руками пленные медленно продвигались за Тавком. А он, лишь появившись в жилом гроте, скомандовал:

– Все оставайтесь на своих местах, если не хотите навредить соплеменникам.

Вошедший Зоуро приказал побеждённым встать около стены, противоположной той, вдоль которой сидели женщины и дети. Потом, оставив около себя пять воинов, распорядился:

Возвращайтесь. Там раненые. Среди них мой отец, наш Свуро. Сонх, перевяжи их.

Куку сообщила:

– Вот, вождь, это тот предатель, который не захотел жить с нами и привёл захватчиков в наше жилище. Оставлен для тех, кого он привёл на убой, как стадо баранов. Что ты намерен сделать с теми?

При этих словах она указала рукой на получивших пощаду.

– Они просили пощадить их, – ответил Зоуро.

– Чтобы они сбежали и привели сюда других завоевателей?

И воины, и их сидящие жёны почувствовали в негодовании Куку недоверие ко всем им. Одна из женщин, прижимая к себе детей, истошно закричала:

– Смерть предателю! Из-за него теперь не хотят верить нам. Убейте эту неблагодарную тварь! Убейте же его кто-нибудь!

Не смея сдвинуться с места, каждый из мужчин, приведённых с поля сражения, скрежетал зубами и злобно смотрел на ненавистного им Липо. Слова Куку поразили всех: и пленных воинов, и их жён. Они видели в предателе источник всех бед – своих и их соплеменников, многие из которых в сегодняшнем сражении пополнили мир тьмы. Гевол обратился к Зоуро:

– Он стал причиной твоих сомнений в нашей преданности победителям. Дай мне твоё оружие. Эта тварь не должна жить.

– Я и мои соплеменники должны верить в вашу преданность? Верить всем черс после предательства его, тоже черс, после вашего нашествия на наше жилище?

Женщины взвыли, видя неуступчивость вождя победителей. Одна из них выхватила у Лоу лук со стрелой и, не целясь, выстрелила в горло ненавистного ей предателя. Хрипы с вырывающимися кровавыми брызгами сопровождали каждый выдох Липо. Зоуро без слов передал Геволу своё копьё. Женщины криками просили:

– Убей его! Убей!

Когда Липо вёл племя в эту пещеру, он был для черс своим. И в наше время пользуются услугами «своего» человека, но в какой-то момент его самого, как говорят теперь, «сливают в унитаз». Слили и Липо.

– Кто не готов стать частью нашего племени? – спросил Зоуро.

– Мы все готовы стать частью вас, – сообщил Гевол. – Верно, люди?

– Верно! – разнеслись возгласы от стены пленных воинов, а им вторили такие же утверждения женщин, сидящих у другой стены.

Ни у кого не возникло даже тени сомнения в искренности сказанного. Только тогда Сонх перевязала вождя. В этот раз он отделался двумя лёгкими ранениями. В числе легко раненых оказался

Туно. Позже выяснилось, что среди сражавшихся с обеих сторон не нашлось ни одного, кого не отметила хотя бы одна стрела.

Часть жителей во главе с Вынхом искала своих раненых, переноса к стене соотечественников без признаков жизни. С этими можно было не торопиться. Тавк возглавил вынос раненых. Зоуро подбежал к носильщикам, надеясь увидеть отца. В первой группе его не оказалось. Он хотел бежать на поиски, ворошить кучи из тел, но Тавк остановил его, попросил оставаться вождем, приглушив сыновние чувства. Заверил, что живых выносят первыми, если Свуро жив, то и он скоро будет здесь. И его вскоре принесли.

Лишь тогда, когда сообщили, что идут за теми, кого призвали предки в мир тьмы, Зоуро разрешил пленным воинам идти и принести раненых соотечественников. Они пошли в сопровождении воинов-победителей во главе с Туно. Женщины вскочили с мест, чтобы поскорее оказаться на месте сражения и помочь мужьям, если они живы. Зоуро застопорил порыв – пояснил, что там они больше помешают, чем помогут.

Подошли и заполнили отвоёванное жилище те, кого на время боя оставляли за пределами пещеры. Малыши с любопытством рассматривали сверстников, жмущихся к своим матерям. К черноте взрослых соплеменников-черс дети этой пещеры уже привыкли, а чёрненьких детей видели впервые. Одна из прибывших девочек изумилась:

– Такие маленькие, а уже чёрные!

На мгновения это вызвало смех взрослых. Улыбнулись даже матери поразивших малышку детей. Но это были лишь мгновения. Испуганные женщины с нетерпением ожидали, кого принесут живыми и им можно будет помочь. А кому-то помощь уже не потребуется – они пополнят мир тьмы.

Сонх осматривала раненых, а другие женщины перевязывали раны, распаривали кору для наложения шин. Эти процедуры сопровождалась женскими воплями и причитаниями, когда обрабатывали раны тяжелораненых. Некоторые из женщин, матери у стены, внимательно следили за действиями хозяек пещеры, чтобы применить увиденное для помощи своим мужчинам.

Группа Тавка вернулась с шестью погибшими. Он поведал остальным, что битва до полного истребления унесла бы ещё несколько жизней, а общее число погибших могло превысить потери прошлогоднего боя. Но это было слабым утешением для тех, кто потеряли близких им людей. Рыдания вновь заполнили жилой грот. Кто-то порывался выместить зло на беззащитных женщинах, но вождь жёстко пресёк все попытки мести. Только теперь Зоуро смог подойти к самому возрастному воину. Сонх сообщила, что Свуро будет жить ещё долго. Сын обрадовался за отца, но сказал о решённом во время ожидания после боя:

– Всё, старина Свуро. Это был твой последний бой. Воевать, имея за плечами тридцать четыре зимы – это уже подвиг. Не горюй. На охоте твой опыт ещё пригодится. Хоть после выздоровления раненых всех охотников и станет больше, но и ртов прибавка немалая. И нельзя допустить, чтобы кто-то, большой или маленький, ложился спать с пустым животом.

Женщины черс выли, оплакивая погибших. Двенадцать раненых воинов черс вышли сразу после боя, получив пощаду. Одиннадцать других – вынесли тяжело ранеными. Семнадцать бойцов оказались бездыханными, их было уже не спасти. На удивление всем местным и пришлым, только что отревевшие хозяйки жилища стали успокаивать чернокожих горемык, хотя недавно были готовы покалечить занявших пещеру продолжательниц рода. Горе сблизило всех: светлых, смуглых, чёрных.

Зоуро обратился к Геволу:

– Организуй друзей и родственников упокоить погибших черс по вашим обычаям. Они храбро сражались даже тогда, когда лишились вождя. Знаю, что в той их храбрости есть и твоя заслуга. Если нужна помощь, мы поможем.

– Будет нужна. Так много мы ещё никогда не хоронили. Только теперь я могу представить, какое горе приносили наши победы тем, кому удавалось спастись от нас бегством. Хоронить будем завтра. Сейчас женщины пусть повоюют по умершим. А я и мужики определимся с местом захоронения. Или ты подскажешь?

– Пойдём. Я не знаю, где по вашим обычаям хоронить лучше, но предлагаю упокоить всех на священном для нас месте. Это ме-

сто нашего прежнего покровителя, рыра. Здесь ему приносились в жертву достойные – погибшие в бою или на охоте. Сюда он приполз умирать от ран, нанесённых тигром. Здесь было его чучело и здесь же то чучело в клочья порвали голодные волки. Это место должно подойти для упокоения достойных воинов черс.

– Хорошее место. Если хоронить здесь, под скалой, то всем в мире тьмы будет лежать удобно, – ответил Гевол. – Я слышал, что в ваших намерениях было наше полное истребление. Хорошо, что до этого не дошло!

– Ещё как хорошо! И мы обошлись меньшими потерями, и у вас остались не только женщины и дети – остались воины-охотники, которые скоро выздоровеют. А ещё осталось несколько старух, которые тише воды и ниже травы. Удивительные старухи – кроме воя по погибшим они не издали ни одного звука.

XXXV. ОБЫЧНЫЙ ГОД

И снова Сонх усиленно лечила раненых. Большинство женщин черс, которые раньше ходили на охоту, оказались в числе тяжело раненых. Даже мужчины завершающего этапа сражения, которых считали легко ранеными, не все могли удалиться на большие расстояния. Тем более, они не могли бы выносить добычу издалека. Снова возникла проблема обеспечения пищей увеличившегося племени.

Женщины, кроме кормящих матерей, забирали с собой подростков и уходили в поисках растительной пищи, а некоторые шли с мужчинами, вооружившись копьями, стали добытчиками мясной добавки к растительной, более доступной, пище.

За период от новолуния до полнолуния раны зарубцевались почти у всех. Часть воинов успела набраться сил и пополнила ряды охотников. Когда выздоровели все, жизнь пещерников вошла в нормальное повседневное русло. При этом стали замечать, что уходить на охоту приходилось все дальше и дальше.

Уже тогда Зоуро сообразил, в чём причина частых переселений племён черс. Их многочисленность за два-три года приводила к истреблению промысловой живности на расстоянии даже не

двух, а трёх дней пути. И охота на людей могла быть вынужденной мерой, для добавки в рацион питания. Но то могло наступать ранней весной. Летом черс охотились на людей уже по привычке.

Вождь распорядился заготавливать и сушить съедобные травы, корни, ягоды и грибы. Все это могло стать добавкой для насыщения весной, самой трудной для пропитания порой. Оказалось, что женщинам черс известны травы, грибы и корни, которые можно использовать в пищу, но о них люди снис не знали. О чём-то съедобном раньше не ведали люди черс. Теперь, объединившись, племя могло взять от дикой природы большее разнообразие продуктов.

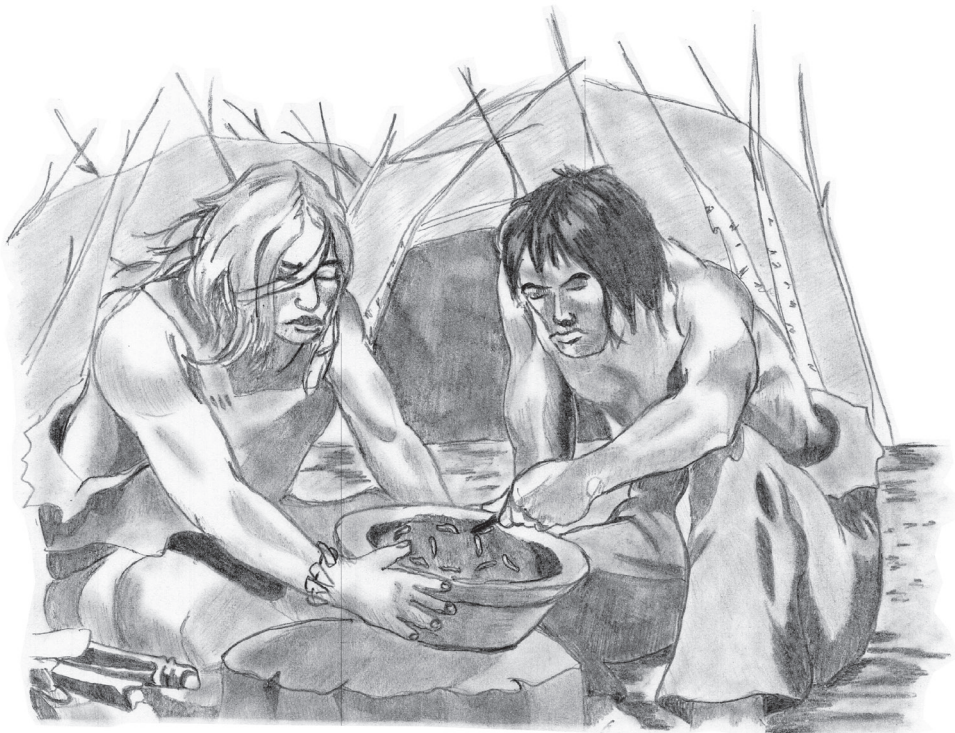
Черс удивились возможности делать продовольственные припасы. Так же, как снис в пору детства Зоуро, они жили сегодняшним днём. Зимой охотники значительно поубавили численность в табуне лошадей, добывали сохатых, маралов, коз, баранов, кабарог, почти полностью истребили волков. Что-то съедали, а остальное – замораживали и хранили под снегом. Чтобы припасённое мясо не растащили хищники, его пришлось круглосуточно охранять. Трижды на готовенькое приходили стаи волков, но большинство из них пополняли запасы, избавляя людей от поисков пищи где-то вдали.

Такой тесноты старожилы пещеры ещё не испытывали. А вот черс были привычны и к более стеснённым условиям проживания. Раньше многочисленное племя довольствовалось для зимовок любой пещерой, которая доставалась после изгнания оседлых обитателей. Здесь же они не только не ощущали тесноту, но и были довольны. Они радовались, что мужчин хозяева не истребили, а женщин с детьми не выгнали на произвол судьбы, приютили в жилище.

Зима, а за ней и весна прошли без особых эксцессов. Люди болели не меньше, чем в предыдущие зимы, но и не больше. Процесс оздоровления проходил успешно и у детей, и у взрослых. Новички племени раз за разом утверждались в безукоризненности лекарственных способностей врачевательницы Сонх. И у них самих имелись лекарства, но то были пожилые женщины, перенявшие чей-то опыт на склоне лет, менее знающие, чем травница из числа старожил.

Уровень прогресса новичков по большинству позиций оказался ниже, чем у снипс этой пещеры. Даже костяные иглы с высверленным ушком женщины черс увидели здесь впервые. Впервые мужчины из числа новичков принялись за изготовление топоров с отверстием для топорща. Культура и навыки одних усваивались другими. Главное достижение – лук и стрела – давно стали достоянием всех жителей этого подземелья. Люди могли обезопасить себя от истребления другим племенем.

Выполняя оглашённый вождём запрет, новички прекратили охоту на людей. Припасённых запасов пищи хватило бы до начала кочевой жизни, но с наступлением тепла хранить мясо становилось всё труднее. Оттаивая, оно стало портиться. С лёгким запахом разложения, с душком, мясо ещё можно было варить и есть. Того, которое сохранить не удалось было немного, но и с ним расставаться было жаль из-за трудности добычи на территории, которую успели опустошить.

В кочевой сезон начинали охотиться только своим племенем. Племена снипс поначалу опасались сблизиться со своими давними соратниками по охоте. Настораживали новички – люди черс. Никто не хотел иметь дела с людоедами. Луна успела сменить две фазы, прошла половина месяца, когда люди смогли убедиться в безопасности близкого присутствия черс, вошедших в родственное им племя снипс.

Постепенно, одно за другим, родственные племена образовали общий городок из чумов и приступили к совместной охоте на шерстистого носорога. Теперь, чтобы кого-то не постигла участь Бахро, зрения и обоняния огромного зверя лишали с помощью стрел. Оставаясь на большем удалении, чем прежде, когда орудовали копьями. Объединившиеся люди теперь лишали зверя органов чувств большим числом охотников, чем когда-то, гарантируя собственную безопасность и успех дела.

В остальном летняя охота и быт проходили в привычном ритме. Следуя за стадами, переносили стоянки, снова образовывая походные городки из соседствующих чумов. Переносилась и необходимая в походной жизни посуда.

Как и прежде, возвращались со стадом по направлению к родным жилищам. Но наши пещерники в этот раз не вернулись в родной дом. Ещё до возвращения Зоуро убедил соплеменников заселиться в то жилище, которое они нашли во время путешествия в пору его детства. Все, кто были в той пещере, рассказывали о преимуществах предлагаемого жилья. Оно более просторное, удалённое от приближающихся кочевников-черс, проветриваемое, как и их прежний дом. А обширные окрестности там богаты ещё не истреблённого никем зверья. Оттуда и до путей миграции стад сравнительно близко.

Чтобы не оставлять огниво тем, кто заселится или уже заселился в их пещере, вождь отправил Тавка, Туно и Саво забрать заветные камни. Именно Тавк знал о месте, куда они были спрятаны. Кто-то, Туно или Саво, по обстоятельствам, должен был отвлечь новых жильцов на себя, а другой – помочь Тавку забрать клад.

Единственным препятствием для переселенцев попасть в новое жильё, а потом выходить к маршруту миграции, могли быть

реки. Не все нынешние соплеменники умели плавать, не всем удалось бы преодолеть ширину бурных рек. Но Зоуро с друзьями знали, что детвора их племени, наслушавшаяся от педагогов рассказов о походах вождя в его детскую пору, изобрели плавсредства. На них мальчишки безбоязненно преодолевали водные преграды, не замочив даже пятки.

Это были плоты в два-три бревна, держащие нескольких сорванцов, довольно устойчивые от переворачивания. Вождь предложил строить пару широких плотов, чтобы рейс за рейсом перевезти на другой берег всех и всё. Не разучившиеся держаться на воде, преодолевали водную преграду вплавь. Кто-то, опасаясь, что сил может не хватить, плыли рядом с плотом, другие – совершенно самостоятельно. И возмужавшему за годы Вынху не требовалась теперь помощь Тавка.

Зоуро показал всем соплеменникам пример предусмотрительности. Он объяснил, что для возвращения к путям миграции стад им снова придется преодолевать реки. Чтобы можно было воспользоваться этими плотами, их надо привести к месту переправы, повыше от перекатов и порогов. Весной реки бурные, а сейчас, по спокойной воде, их провести легче. Чтобы готовые строения не унесло во время ледохода и не подхватило течением в половодье, их надо было втащить на берег. Обсуждать решение вождя или пререкаться с ним, как когда-то Молх, никто не стал.

Группа Тавка скрытно приблизилась к родному жилищу. Оказалось, что оно уже занято. Непоседливые черс, не зная, что зверьё в окрестностях истреблено почти полностью, обрекли себя на зимовку впроголодь. Но об этом знали только гонцы, прибывшие для возвращения клада. Спрятавшись от людских глаз на деревьях, мужчины наблюдали за вечерним возвращением охотников. Всех пальцев на руках наблюдателей едва хватило при счёте охотников.

Вступать в перестрелку было бы безрассудно. О бессмысленности такой затеи высказался бесшабашный Туно. У его друзей этот вывод созрел ещё раньше. Небезопасно было бы пытаться забрать камни завтра, когда охотники снова покинут пещеру. Матери, не зная о намерениях чужаков, ринулись бы защищать детей: своих и тех соплеменниц, которые покинут жилище.

Рискованно забирать клад и ночью, когда спят все, кроме часовых, если они будут выставлены. Группа ничем не выдала своё присутствие вблизи жилья – часовых могло не быть. Но и в этом случае пробраться мимо спящих и не разбудить кого-нибудь почти нереально. Все вспомнили «ночного охотника» Молха.

Саво предложил вариант, из всех наиболее приемлемый. Когда стемнеет, надо скрытно покинуть место слежки и пройти дальними тропами к выходу дымохода. Если дым будет выходить, то успех можно считать обеспеченным. В этом случае запахи чужих людей должны выноситься в дымоход, не долетать до жилого грота. Он и Туно, готовые стрелять в любого вбегающего, обезопасят Тавка.

Тайными тропами в темноте мужчины прошли к выходу из дымохода. Разобрать его, заложенный небольшими камнями после штурма пещеры, было не трудно. Один за другим втиснулись в оставленную щель при входе в подземелье, спустились по вертикальной части прохода, не спеша бесшумно дошли до места хранения племенной реликвии. А это оказалось совсем рядом с жилым гротом, за три поворота до него. После столь же аккуратного ухода мужчин новые хозяева могли бы обнаружить свежий раскоп. Или не обнаружили, так как его скрывала круглосуточная темнота подземелья. Вновь заложенный камнями проход так же не давал знать о посещении пещеры чужаками.

Идя налегке, не строя плотов для переправы, группа Тавка пришла к новому жилищу раньше соплеменников. Припрятав заветные камни, набрали мха и положили в укромное место. Разведя племенной очаг, хранители клада отправились на охоту. Подходя к жилищу, вождь раньше других заметил дымок, струящийся из пещеры. Первой мыслью, пришедшей в головы переселенцев, была о том, что их дом уже кем-то занят. Чтобы наметить пути решения проблемы, надо было выяснить численность жителей пещеры.

Наблюдения издали не давали ответа. Разведчики приблизились к выходу, но на уступе никто не просматривался. Это казалось странным. Непоседливая детвора должна была выскакивать

на обозримые места. Вынх предположил, что пещера пуста. Трудно было найти объяснение этому предположению при тлеющем костре, но другого мнения, объясняющего отсутствие движений, не нашлось. Вынх сказал:

– При отсутствии бесшабашного я исполню его роль – пойду и выясню, что к чему.

Вскоре он крикнул с уступа:

– Тавк, Лис и бесшабашный пришли раньше нас, развели бон и ушли. Ждите их с трофеями на перекус. Если часть из нас сейчас выйдет на охоту, то этим мы обеспечим полноценный ужин и завтрак всему племени.

Одни принялись обустроить жилище, другие отправились с Вынхом для добычи пропитания. Только теперь, оказавшись около носилок, люди заметили, что Куно мертва. Время отмерило ей сорок две зимы. Старейшая жительница успела увидеть новое жилище, но пожить в нём старушке не довелось. Пришлось бы с обустройством быта заняться и строительством места для упокоения – лабаза. Зоуро огласил своё решение:

– На новом месте всё будет по-новому. Всех, независимо от цвета кожи, упокоевать будем одинаково. Всех будем предавать земле. Провожая в мир тьмы, надо вспоминать о соплеменниках только хорошее. Хотя о Куно вряд ли кто-нибудь знает что-либо плохое.

Люди черс восприняли решение вождя обыденно, а вот снипс и пливс призадумались. Кто-то спросил:

– А что теперь будет с покровителем рода?

– Покровитель остался прежним – рыр. Но приносить ему людей в жертву мы не будем. Наши новые соплеменники убедили меня, что отдавать на съедение рыру тела достойных, воинов и охотников – это бесчеловечно. Когда покровитель окажется рядом с нами, будем задабривать его съедобными подарками. Пока нет живого, надо найти что-то природное: каменное, деревянное или ещё какое-то.

Нашли участок под стеной пещеры, где камень шёл вперемежку с песком. Он стал местом упокоения соплеменников. Куно оказалась на нём первой.

XXXVI. НОВОЕ ПОПОЛНЕНИЕ

Новая жизнь, обещанная вождём, не привнесла коренных изменений ни в организацию охоты, ни в собирательство, ни в воспитание детей, ни в игры детворы. Новым стал образ покровителя. Вместо живого, оставленного в преклонном возрасте в прежней пещере, поклоняться стали нарисованному на стене жёлто-коричневым мягким камнем. Его Туно изобразил таким, каким был прежний покровитель во время схватки с тигром. На рисунке рыр стоял на задних лапах, с разинутой пастью.

Казалось, что разъярённый зверь извергает громоподобное рычание. Одна передняя лапа поднята выше другой, словно ею он наносит удар по воображаемому противнику, не менее грозному и сильному, чем он сам. Единственным несоответствием изображённого медведя и реального, бросающимся в глаза любого, оказалась худоба покровителя. Об этом сказали художнику. Он очень расстроился, что изображение почитаемого животного не устраивает соплеменников.

Пришлось успокаивать друга, воплотившего неопределённую словесную идею вождя в предмет поклонения. Саво, хоть и с улыбкой, пояснил окружающим, что этот рыр перекочевал в обживаемую племенем пещеру сразу после зимовки в берлоге. К тому же, может быть, это самка, кормящая медвежат, появившихся на свет ещё в берлоге. С этим доводом согласились и стали одобрительно похлопывать Туно по плечам.

Одна из чернокожих девочек-подростков своими ладонями погладила руки, сотворившие красоту, потом её рука коснулась головы художника. Это не ускользнуло от взглядов окружающих, было расценено не только признанием таланта творца, но и обожанием его самого. Рисунок был выполнен в натуральную величину зверя и оставался виден в любое время суток и года. Он красовался за племенным костром, принимал разные оттенки при освещении то бело-желтоватыми языками пламени, то сизыми отсветами, крадущимися из головешек и углей, то снопом взлетающих под свод подземелья искр после подбрасывания в костёр очередной порции валежника.

Новыми и неизведанными были охотничьи угодья. С ними знакомились в процессе охоты и постепенно. Зоуро взял на заметку свой вывод об истощении угодий за три года. Но через три или через четыре года племени предстояло искать новое жильё и заселяться на новой территории. И те новые угодья смогли бы прокормить многочисленное племя тоже в течение трёх-четырёх лет.

Вождь мысленно искал выход из ситуации, к которой его предки не подготовили потомков. Живя вдвое меньшим числом, они тысячелетиями прокармливали себя и потомство, охотясь на несменяемых угодьях. При этом они почти не удалялись далее пары дней пути. Зоуро посещала мысль о разделении племени на два. Черс получили бы самостоятельность, из Геволы мог состояться неплохой вождь.

Но меньшая численность менее жизнестойка, может быть истреблена людьми черс, даже если противостоять им их же оружием. А стычки виделись неизбежными. Откуда-то от заката прибывали всё новые и новые волны непоседливых истребителей всего

съедобного, даже людей. Они осваивали территории, продвигаясь к востоку. Уединяться вдвое уменьшенным племенем, подобно тем пливс-отшельникам, означало бы подвергнуть соплеменников медленному вымиранию. О нём предполагала бабушка Хлут.

Зоуро пытался успокаивать себя тем, что за три-четыре года жизни в этой пещере он сам или сообща с племенем найдёт приемлемое решение. А пока он решил, что надо жить одной неделей семьёй. Полной успокоенности не наступало, но день за днём племя продолжало жить своей обыденной жизнью. Люди не только охотились, изготавливали новые топоры и наконечники, ели и спали. Молодые создавали семьи, люди постарше меняли своих партнёров, у тех и других появлялись дети, а к кому-то незаметно подкрадывался закат жизни.

Хмурым осенним вечером Зоуро, Тавк, Васку и ещё несколько соплеменников оказались от стоянки дальше обычного и были вынуждены заночевать. Их интересовали стада баранов, пасшиеся летом около горных вершин. Выяснилось, что хоть животные стали кормиться ниже, но ещё не скоро спустятся к ущельям, чтобы потом выйти из гор к сопкам.

Мужчины строили из веток шалаш и готовили ужин, когда из кустов рядом послышались негромкие женские голоса:

- Люди-и! Кто вы? Помогите нам.
- Спасите нас люди. Если нас догонят, то нам конец.
- Кто вы? Почему и кто за вами гонится? Да выходите же вы, – так же негромко позвал Зоуро.

С оглядкой назад вышла женщина, а следом девочка-подросток. Увидев Васку, представителя людей пливс, как и они сами, незнакомки обрадовались. Грубые одеяния, не успевшие высохнуть после дождя, прилипали к телам, но волосы успели просохнуть. Кроме Васку, остальные обитатели походной стоянки были представителями снипс. Женщина улыбнулась со словами:

– О, как давно мы не видели людей. Это, если не считать тех троих, которые нестерпимо надоели, а теперь уже ищут нас. Пливс не выходили на нас со дня заселения в нашем отшельническом жилье, а мальчишки и девочка снипс были так давно, что я уже не помню, сколько зим прошло с того лета, – поведала взрослая.

Девочка стояла озираясь. Ей хотелось чувствовать себя не чужой среди незнакомых людей, но она пока не могла довериться им, непохожим на пливс.

– Ровно столько, сколько пальцев на двух руках. Тогда к вам приходили мы. Но я не помню тебя. Запомнились Слос и бабушка Хлут. А ещё здоровяк Кочей, хоть видели его мы прибившимся к племени сниспс, – поведал Тавк о том посещении отшельников.

– Ой, Кочей. Он же сейчас разыскивает нас. Чонх и Зикс помогают ему в этом. В другой раз, это было прошлым летом, они пронохали весь наш путь, хоть мы тогда и плутали. Я и тогда была среди них единственной женщиной. Разве они могут прожить без бабы – ищут и теперь. Да был бы толк хоть от одного из них. Вот Ласи, она последняя, кому посчастливилось не только родиться, но и прожить столько зим, сколько пальцев на двух руках. Да, вспомнила, в ваш приход к нам я только что родила её. Остальных детей я либо теряла до рождения или они рождались, но рано уходили в мир тьмы, даже ещё не научившись ходить. Мою Ласи там с ними ждала такая же участь, как меня. Хочу, чтобы моя девочка была счастливой, как нарекли её, когда она прожила зим, как пальцев на одной руке. Тогда уже только это сочли счастьем.

– Какое у тебя имя и почему вас осталось так мало, – поинтересовался Зоуро.

– Я – Таки, то есть повитуха. Почему меня так называли, я потом расскажу. А осталось нас мало потому, что так распорядилось время. Одних положили болезни, другие пали на охоте. Слос, отец Ласи, упал со скалы и разбился, когда его сбил рогами баран. Мужики тогда окружили рогатика, вот он от безвыходности и ринулся на самого маленького. Тогда в племени было еще две женщины. Одна замучалась при родах. Я не смогла помочь ни младенцу, ни ей самой. А другая утонула. Её сбило течением и в струе долго несло, стукая головой о камни.

– Выходит, что Кочей вернулся к вам? – поинтересовался Тавк.

Постранствовал и пришёл. В ту зиму на охоте лесной кочей убил Куро. Тот был вождём. Вот наш Кочей и стал главным среди нас. Самого его мир тьмы не берёт, но племя сохранить он не может. При Куро были живы почти все из тех, кого вы видели тогда.

Во время ужина Васку по-отечески следил, чтобы Ласи ела без стеснения. Он упрекнул девочку:

– Ешь от пуза. Тебе уже столько много зим, а ты всё ещё как мальчишка. Ничего девичьего незаметно.

Девочка опасливо посмотрела на остальных мужчин. Зоуро заметил этот взгляд и тоже настоял налечь на еду, как дома.

– Дома у нас не всегда сытно. Не просто малым числом охотников добывать мясо. А если и добывают, то летом через несколько дней его противно брать в рот, не то, чтобы глотать. Даже от варёного нос выворачивает.

– Значит, ешь не как дома, а как в гостях, с улыбкой напутствовал девочку Тавк. – Ешь без оглядки на кого-либо. Через три зимы сможешь стать чьей-то женой, а какая из тебя выйдет жена, если плохо ешь. Знай, что мужики – не волки, на кости не бросаются.

Таки сквозь смех возразила:

– Бросаются, ещё как бросаются. Я тогда была не на много упитаннее, а нашёлся жених. Да и теперь мужики не обходят меня.

– Это от безысходности. Одна ты у них. Так что и тебе не мешает поправляться, – с тенью непонятной грусти отметил Васку.

Шалаш строили без учёта необходимости размещать гостей. Пришлось потесниться, выделить место для двух худеньких особ. Луки и стрелы предусмотрительно взяли с собой. Ночью могли напасть волки. О нападении людоедов пошутили, но тут же успокоили гостей, что те остались далеко и досюда дойдут нескоро.

Слабый ветерок раздувал пламя между двух колод в костре, не давая морозящему дождю потушить огонь. Ночью Васку что-то встревожило. Он бесшумно покинул шалаш. С наветренной стороны подозрительных запахов не ощущалось. Решил отойти в сторону и пройти вдоль лесной опушки за кустарник. Там должны ощущаться посторонние запахи, если кто-нибудь окажется между ним и шалашом. В том, что его отсутствие останется незаметным для тех «кто-нибудь», Васку не сомневался – людей в шалаше много, запахи от них смешались и исчезновение одного неощутимо.

Бесшумно, как может только рысь, мужчина оказался в намеченном месте. Опытный охотник не ошибся. В кустах на расстоянии броска копья от шалаша следопыт различил запахи трёх

человек. Темнота хмурой дождливой осени не позволяла увидеть кого-либо. Возвращаться к шалашу, чтобы сказать о посторонних вблизи ночного пристанища, он не стал. Не выдал себя и резким окриком, который разбудил бы спящих.

Тавк, сон которого оказался самым чутким, ощутил уход соплеменника, а возвращения Васку не следовало. Стало понятно, что всё неспроста. Он аккуратно разбудил Зоуро. Шёпотом перекинувшись несколькими фразами, разбудили остальных. Предупредили, что всем надо незаметно перебежать против ветра к ближайшим кустам. Тавк указал, откуда дует ветерок. Расчёт был на то, что «нюхачи» продолжают считать всех находящимися в шалаше.

Тавк озвучил посвист потревоженного бурундучка. Васку понял сигнал, догадался, что соплеменники знают о чужаках и успели принять меры. Оставалось ждать. Что задумали там, в шалаше, он не знал. Решил так же незаметно вернуться и выяснить план действий. Крадущегося по опушке леса, его заметили и свои, и чужаки. Один из мужчин, выслеживающих соплеменниц, встал в полный рост, чтобы метнуть в Васку копьё. Три стрелы вонзились в разные части тела и броска не получилось. С криками:

– Черс! Там черс. Они уже съели Таки и Ласи, а теперь охотятся на нас, – раненный преследователь без оглядки помчался подальше от смертельно опасного места. Двое других, пригибаясь, чтобы избежать ранений оружием черс, молча, рванули вслед за ним.

– Это был голос Кочей, – сообщила Ласи.

– Теперь они перестанут разыскивать нас, – радостно сообщила мать дочке.

– Теперь можно ложиться и досыпать. Надо только подложить в костёр, – подвёл итог сделанного Зоуро.

– Они знают, что стрелы – это оружие людоедов. Потому и приняли нас за черс. Отсюда их спешка убраться от гиблого места подальше и поскорее, – сообщил беглянкам о своей догадке Васку.

Зоуро сделал важное для него заключение о том, что ещё одно племя можно считать вымершим.

«Ещё живы Кочей, Чонх и Зикс, но продолжения рода у них уже не будет. Живы Таки и Ласи, но их продолжение пополнит его племя. Как не допустить повторения этой участи нашим сооб-

ществом? Как уберечься от безжалостного вершителя судеб? Да и только ли отдельные племена подвластны уничтожению временем. Именно время решает, кому жить, а кто должен исчезнуть, освободить лик земли».

Когда мать и дочь появились в жилище спасителей, Таки охватил ужас. Её глазам предстали несколько женщин черс. У испугавшейся даже возникла мысль, что её вместе с дочкой заманили сюда на съедение. Заметив испуг, Зоуро успокоил:

– Все, кого вы обе здесь видите – это люди нашего племени. Среди нас вам ничто не угрожает. Можете спокойно знакомиться и приступать к работе. Беритесь за то, что может делать каждая из вас... Рожениц, Таки, у нас пока нет, найди другое нужное дело, – добавил вождь.

Позже, когда Таки сошлась с женщинами, она рассказала:

– Не знаю почему, но мне, ещё совсем маленькой, нравилось смотреть на процесс родов. Я видела и непроизвольно запоминала всю последовательность действий повитухи. Она ничего не делала молча, постоянно разговаривала с роженицей, будто рассказывала ей, что делает сама и что надо делать матери будущего ребёнка. Повитуха была ещё крепкой старухой, но хвороба как-то внезапно забрала её. Все будущие роженицы остались без опытной наставницы.

– Но ты-то была, наверное, маленькая, если имя тебе дали потом, – нетерпеливо спросила Сонх.

– Мне тогда было шесть зим. В тот вечер или день ребёнок должен был появиться у женщины-первородка. А она от болей поджала колени к подбородку, будто собралась отойти в мир тьмы. Несчастливая роженица скрипела зубами, кричала что есть мочи и перекатывалась с боку на бок. Я сказала женщинам, чтобы роженицу уложили на спину, отвели ей ноги от груди и держали пошире. Потом совсем спокойно сказала: «Ну, родимая, давай поднатужься. Да не кричи ты, а то вся сила уходит в крик. Ну же, тужься. Ещё, ещё чуточку сильнее». Ребёнок появился сам. Его даже не пришлось вытягивать за головку. В тот же день меня называли именем Таки.

На неопустошённых охотничьих угодьях зима прошла безбедно. Летом племя прошло по пути миграции травоядных стад, а

осенью не вернулось в новую родную пещеру. Зоуро решил осуществить свою детскую мечту – узнать, куда девается часть копытных, не возвращающихся туда, откуда ушло весной. Расчёт был прост – если что-то не заладится, вернуться домой можно и позже обычного. И это случилось, когда Зоуро преодолел рубеж в двадцать зим.

Да, это произошло тогда, когда вождь был уже дважды отцом. У него и Куку подрастали два сына. Старший сразу получил имя Поур, то есть необычный, а младшему позже дали имя Сот, означающее «чрезмерно говорливый» или «болтун», как характеризуют ныне такого человека. На радость Тавка и Сонх, у них тоже родился сын, который позже получил имя Гизо – «осмотрительный». Жизнь продолжалась. Пополнение пришло и в семьи тех пар, которые праздновали бракосочетание в один день. Тяжелее других на свет появилась крупноголовая девочка у пливс Гурса и снипс Тони. Благо, что женщина снипс была не первородком и довольно крупной – Таки и Сонх успешно помогли рождению малышки.

Том II

БЕРИНГИЙСКИЙ ПОХОД

I. С ОГЛЯДКОЙ НА ВОЗВРАЩЕНИЕ

В жизни племени пришла пора окончания очередного лета и наступления осени. Когда стадо повернуло в обратный путь, люди продолжили идти в прежнем направлении. Внимательно осмотрев ближайшие окрестности, Зоуро объявил:

– Часть животных ушла дальше. Туда же пойдём и мы. Прошло дней меньше, чем пальцев на двух руках, когда животные были здесь. Мы скоро догоним уходящее стадо. Пройдёт дней не больше, чем пальцев на одной руке.

Сонх добавила:

– Если стадо не изменило темп хода.

Тавк возразил жене:

– Для ускорения темпа что-то должно подгонять стадо. Видимых изменений нет – ни новых следов крупных животных, способных спугнуть стадо, ни каких-нибудь опасных природных явлений не произошло.

Прошла почти половина дня, когда Зоуро понял, что ситуация с пропитанием складывается подобно той, которая была в детстве на момент возвращения от пливс-отшельников. Тогда он и его друзья догоняли успевшее пройти племя. Разница была лишь во временах года. В детстве они шли в самом начале лета, а теперь шли в его самом конце. Тогда непросто было обеспечить себя едой даже десятерым растущим организмам. Прокормить большое племя в подобной ситуации было бы нереально.

Не теряя времени, вождь отправил часть охотников вдогонку возвращающемуся стаду. Там добыть пропитание проще и выносить трофеи недалеко. Уже прощаясь с добытчиками, уходящими на промысел, пояснил:

– Вы догоните нас не раньше, чем завтра вечером. Запасайте добычи на пару дней. Больше не надо, чтобы не есть мясо с духом. Потом что-нибудь ещё добудем.

Ноши уходящих добытчиков разделили на всех взрослых. Племя пошло вперёд. Как и в детские годы Зоуро, местная живность разбежалась, чтобы не оказаться растоптанной копытами, растерзанной хищниками, отстреленной охотниками. Как и прежде, где-то перебежали от норки к норке суслики, кое-где, усердно работая лапами, куропатки выскребали что-то из полёгшей от копыт травы, собирали крохи злаков полевые мыши. А высоко в небе парила пара беркутов, зорко высматривая добычу.

Охотники, возвратившиеся к оставшейся части стада, без проблем добыли двух маралов. Отбивая добычу от волков, добавили к трофеям трёх клыкастых. Но этого было недостаточно, охота продолжилась. Им удалось пополнить список трофеев сохатым и изюбрем. Всё несъедобное для людей оставили волкам, укрыли мясо шкурами и с ношами отправились догонять племя. Неизвестно откуда налетевшие мухи неотступно следовали за ними весь день. Темнота и прохлада поубавили аппетит насекомых, но утром они снова не только облепили шкуры, но и набились под них, добрались до мяса. Пришлось промыть его в ручье и снова накрыть чистыми шкурами.

Племя, преследующее уходящее в неизвестность стадо, продвигалось шеренгой на расстоянии нескольких шагов друг от друга. Так увеличивались шансы подстрелить хоть какого-нибудь зверушку. Полуголодные люди сникли морально, но продолжали идти по вытопанной стадом осенней лесостепи. Они подбадривали друг друга, подгоняли детей, если те на что-то отвлекались. Всем было понятно, что чем быстрее они будут идти, тем скорее настигнут удаляющееся стадо, обильную кормушку для больших и маленьких соплеменников. Дети похныкивали от усталости, но взрослые не роптали, терпеливо сносили тяготы недоедания и непривычно быстрой ходьбы под немалым грузом ноши.

Палившее весь день солнце скрылось за горизонт. Отсутствие не только туч, но и облаков почти исключало вероятность ночного дождя. Чумы для ночёвки устанавливать не стали, а время

использовали для продолжения похода за стадом. Утром погоня продолжилась. Вскоре одна из женщин вслух высказала сомнение – не пора ли оставить затею с погоней и возвратиться в обжитое жилище. Другая женщина, из числа черс, возразила:

– Зажрались вы. Не знаете, как жить впроголодь, вот и захныкали при первой временной неудаче. У нас всякое бывало. Иногда даже охотники падали, обессиленные продолжительным голодом. Знайте же, что всё проходит и эта напасть тоже пройдёт. Надо только потерпеть.

Неизвестно, до чего дошёл бы этот диалог, если бы не вмешался Вынх, оказавшийся рядом и вставивший своё весомое слово:

– Пройдёт! Непременно пройдёт. А сейчас наберитесь терпения. Терпение и только терпение – залог любого успеха!

Ближе к обеду пошёл дождь. Сначала моросящий, он вскоре разошёлся до крупного и частого, внося дополнительные трудности с продвижением в мокрой одежде и с тяжелеющими от дождя ношами. Носильщики съестного, догоняющие племя, дождь сочли за благо. Дойдя до ближайшего ручья, они промыли всё мясо, прополоскали шкуры, избавив продукты от мух. Уже тогда люди связывали этих насекомых с появляющимися в продуктах личинками, с разложением съестного до зловония и болями в животе.

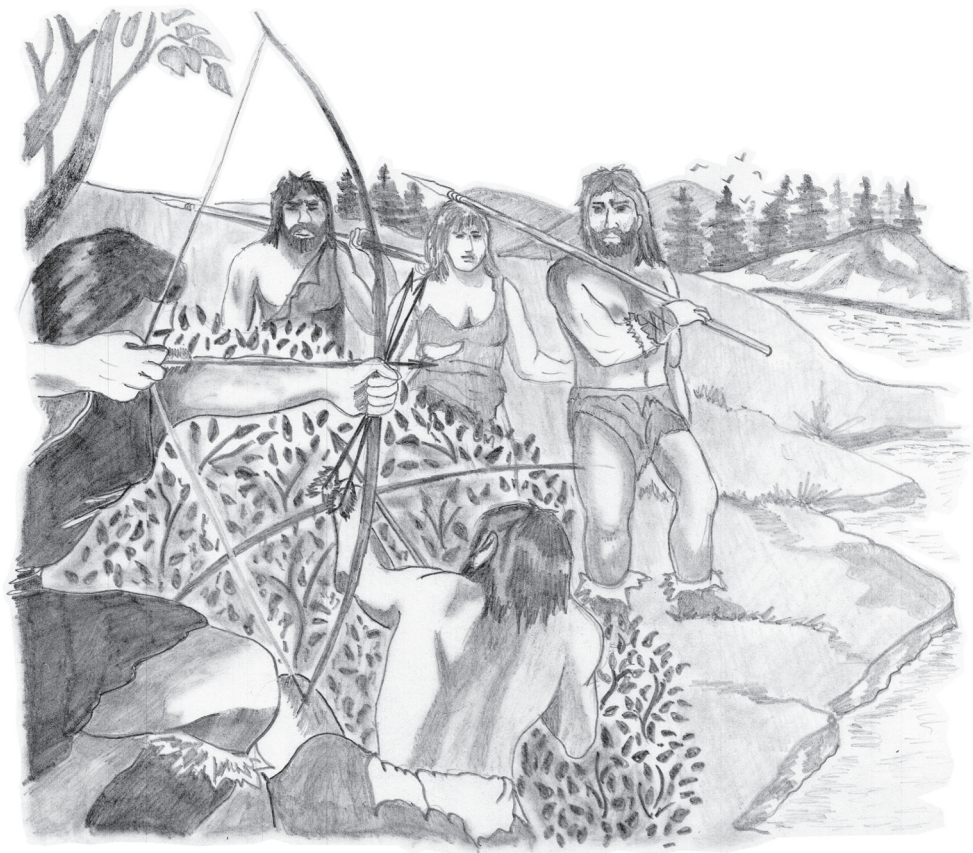
Как и предполагал Зоуро, носильщики пищи прибыли вечером. Изголодавшиеся люди, не откладывая на потом, приступили к готовке пищи. Не дожидаясь, когда нагорят угли и мясо прожарится, ели едва подрумяненное, пахнущее дымом костра. С долгожданным насыщением исчез ропот о желании возвратиться в родную пещеру.

Весь следующий день шёл осенний дождь, он утяжелял впитывающие влагу ноши, но уже не тяготил путников. Моральный настрой поскорее настичь идущее впереди стадо заставлял идти так быстро, насколько это возможно с детьми, походным скарбом и остатками запасённого мяса. А его должно было хватить ещё на целый день и на завтрак следующего дня погоня. По предположениям вождя, а с ним согласились опытные охотники, до того момента, как племя нагонит мигрирующие стада, оставалось один или два дня.

Утром пятого дня преследования доели остатки заготовленного ранее мяса. Встал вопрос, куда идти добытчикам – возвратиться к прежнему стаду или пойти по пути продолжающейся погони. Решение подсказало уходящее стадо. Оно преодолело водную преграду, продолжив шествие где-то на другом берегу.

Зоуро, Тавк, Вынх, Саво, Сирт, Гевол, Булут и Туно обсудили варианты дальнейшего продвижения. За рекой виднелись горы, тянущиеся вдоль побережья на видимом расстоянии. Стада переплыли и пошли вдоль берега дальше или вернулись по нетронутой ими траве? Однозначного ответа на этот вопрос дать не мог никто. Саво предложил подключить логику:

– Если эти копытные, а вместе с ними и хищники, не вернулись вместе с той частью стада, которую мы покинули, то сделали они

это не для возвращения по другому берегу. Наверное, они действуют так, как стада предыдущих лет. Ни в прошлом году, ни ещё раньше мы не видели возвращения той части животных, на которую убавлялось возвращающееся стадо. Значит, эти тоже пошли по другому берегу дальше.

– Логика у тебя каменная! – отметил Зоуро. – А если всё так, как считаем мы, то нам пока нет смысла переплывать на другой берег. Там нас снова ждёт погоня впроголодь. Здесь, продвигаясь по не вытопанной траве, добывать пищу будет легче. Нет необходимости спешить. Другие мнения есть? Послушаем и обсудим.

Все сошлись на неопровержимости логики Саво и согласились с мнением вождя: пока продолжать путь по этому берегу. О решении объявили всем соплеменникам. Вскоре в правильности избранного пути убедились и те, кому червь сомнений не давал покоя, заставлял лишь слепо повиноваться воле вождя и его приближённых.

Табун лошадей спокойно пасся на прибрежной равнине. Лошади и раньше не примыкали к мигрирующим животным, паслись отдельно от них. Если мигранты подходили близко, табуны уходили в сопки и там продолжали самостоятельную жизнь. Гуляли сами по себе, как сказали бы наши современники. Пара лошадей заметно не убавила численность табуна, но стала достаточной для пропитания племени в очередные сутки.

Вечером увидели мигрантов. Их и племя разделяла только река. Решили, что всем племенем утром пройдут ещё вперёд, а перед обедом приступят к строительству плотов. Однако, как это часто случается, действительность вносит свои коррективы в предварительные намерения. Незадолго до обеда племя оказалось в распростёртой степи. Древесная растительность около впадающего в реку ручья появилась только к вечеру. Сразу от устья ручья начался перекат со стремительным течением. Строить плоты пришлось ниже переката, аккуратно проводя брёвна вдоль берега.

За перекатом река остепенилась, разбилась на рукава. Пришлось строить пять плотов, чтобы без опасений преодолеть реку со всеми её островами. Строительство и переправа отняли пару дней. Но это почти не повлияло на результат погони. Стадо раз-

брелось по прибрежной равнине и, казалось, никуда не торопилось.

II. НОВОЕ ЖИЛИЩЕ

Установив чумы, приступили к привычному делу – охоте. Оказалось, что часто переносить жилища не нужно. Стадо то удалялось к отрогам гор, то снова возвращалось к реке, проходя между озёрами. Около спуска к одному из озёр Вынх обнаружил яму, успевшую зарости травой. Среди ровного места она выглядела необычной. Опытный следопыт прошёл к спуску и обнаружил вход в подземелье.

В том, что сооружение имеет искусственное происхождение, Вынх не сомневался. Брёвна по бокам прохода и над ним выглядели настолько старыми, что он не усомнился и в обвале, ставшем причиной ямы на поверхности. Входить внутрь было опасно. Соплеменники, с которыми он пришёл на рыбалку, уже спустились к озеру и звали его.

Не известив рыбаков о находке, Вынх рассказал о ней вождю. С ним и ещё несколькими друзьями сходили для исследования обвала. Лишь углубившись в проход, стали ясны не только рукотворность сооружения, но и его предназначение. Эта находка дала понять, какое жильё готовить для зимовки в новых условиях. Вопрос возник сам собой: «Откуда люди брали лес для строительства?» Докуда хватало взора, кругом простиралась степь. Только горы, до которых не так-то близко, могли дать древесину для строительства.

Стада не спешили покидать равнинный участок. Они то уходили на день пути охотника, то возвращались на места рядом с теми, где уже побывали. Никто не мог знать, как долго будут продолжаться хождения, на какой срок остановилось продвижение племени по пути к неизвестности. Завалившееся жильё давало повод для надежды, что зимовать можно будет здесь.

Среди степных трав Сонх безошибочно заметила подобию тех, которые видела в пещере пливс-отшельников. Крупные колося пригибали стебли почти до земли. Зная о применении зёрен в пищу, настояла на сборе стеблей для просушки, как это делали

пливс. Инструментов для сбора она у отшельников не заметила. Стебли, собираемые ладонью в пучок, она предложила срезать ножами. Собранное в снопы, переносили и устанавливали для просушки около чумов. Для хранения просушенных снопов и спасения их от осенних дождей соорудили вместительный чум.

Сбор урожая дикорастущего ячменя продолжался несколько дней не потому, что кто-то казался ненасытным. Никто не мог знать, надолго ли задержатся здесь стада и какой будет охота зимой. В озёрах множество рыбы давало людям разнообразие и добавку к пропитанию, но о зимней ловле переселенцы пока не имели представления.

Когда стадо переместилось к другому озерцу, обнаружили ещё одно строение. Обследовав, признали его пригодным для жилья предстоящей зимой. Одиннадцать крупных мужских шагов в длину и семь в ширину оно оказалось достаточно высоким – позволяло ходить, не пригибаясь даже самому высокому из соплеменников. Проход в три шага шириной и шесть длиной был чуть ниже, но это не воспринималось как неудобство. Вдоль обеих стен прохода в пазы вбиты крепкие кольца. На них люди что-то подвешивали, оставляя место для прохода.

В центре жилого помещения было место для костра. По углям сделали предположение, что жилище оставлено зим пять назад. Кто заселял его и как долго, гадать не стали. Вокруг костра оставлены камни, преграждающие путь разлетающимся углям, когда дрова горят с потрескиванием. О другом назначении камней догадались позже – они накапливали тепло от горящего пламени и отдавали его, когда костёр еле тлел.

Обратили внимание на то, что часть углей засыпана землёй. Прямо над костром зияло отверстие для выхода дыма. Из него и падала земля. Саво предложил соорудить из толстой коры стенки и засыпать их вокруг землёй. Для выхода дыма уменьшившегося отверстия должно было хватить, а толстый слой земли вокруг нужен для сохранения тепла. И подземный проход к жилищу сделан для сохранения тепла. В сильные морозы или при ветре можно завешивать выход из жилища не только с улицы, но и со стороны жилого помещения.

В отличие от первого строения, успевшего обвалиться, это выглядело добротным, надёжным. Построено оно однотипно с тем, но гораздо позже. Брёвна в два наката положены в подготовленную яму. Глубина ямы почти по грудь высокого мужчины. На третий ряд, из более толстых брёвен, накатаны брёвна для перекрытия. В самых толстых, лежащих над кострищем, прорублено отверстие – дымоход. Вся эта конструкция засыпана землёй от выкопанной ямы.

Зоуро восхитился предусмотрительностью строителей. Если бы яма была мельче, то понадобился бы ещё один бревенчатый ряд. При этом жилище сильнее возвышалось бы над поверхностью земли, а слой земли над перекрытием и у стенок оказался бы тоньше. Тонкий слой хуже удерживал бы тепло. Выяснилось, что к этому выводу пришли все, даже беспечный Туно.

На зиму требовались дрова. Пора, когда их можно было нарубить около пещеры, ушла в прошлое. Гора с лесистыми склонами, подступающими к самой воде, осталась в пяти днях пути от новой стоянки. Там можно было заготовить брёвна и плотом перегнать по реке. Перетянуть их от реки намного ближе, чем от лесистой горы за группой небольших озёр.

За время охоты чумы переносились редко. Стада продолжали кружить по степной равнине. За кустарником на дрова приходилось уходить всё дальше. И это при том, что для готовки пищи разводили один костёр для всех, а в чумах протапливали только перед сном. Зоуро распорядился перенести чумы на новое место. Оставив старшим Тавка, вождь не сомневался, что и чумы будут перенесены, и пищей жители стоянки будут обеспечены в достатке.

Сам вождь возглавил отряд дровосеков. Только приступив к рубке леса, осознали, как непросто было срубить вековые великаны для строительства жилья. Тогда же его посетила мысль, не дающая покоя в любую свободную минуту: «Почему, несмотря на вложенный в жилище огромный труд, оно было оставлено? Неужели зимой здесь голодно? Зима даст ответ, развеет сомнения, покажет, что к чему», – размышлял глава многочисленного семейства.

Сразу определились, что очень толстые деревья было бы затруднительно не только рубить для валки, но и волочить их к реке, а потом и от реки к стоянке. Заготовив более десятка деревьев, связали их в плот и аккуратно провели по перекату. На плот погружили ветви, обломавшиеся при валке деревьев и обрубленные, чтобы не препятствовали волочению. И они могли давать тепла не меньше, чем степной кустарник. Сообща с соплеменниками, оставленными для охоты, лесорубы перенесли к чумам ветки и подтянули несколько деревьев. Брёвна остальной части плота вытянули на берег для просушки.

Привели ещё три плота, когда решили, что заготовленного должно хватить на зимовку. Неумолимо приближалась зима. Дожди прекратились. На примыкающей к берегу воде озёр утром стали заметны полосы льда. Небо дышало прохладой даже днём, а снег не спешил покрывать промерзающий верхний слой почвы.

Невольно отметили разницу в ощущениях от местной погоды и от той, что была на прежних стоянках. Там от ветра защищала тайга, а здесь ему хватало места для того, чтобы разгуляться и безжалостно выдувать тепло тел из-под зимних одежд. Для экономии дров пришлось переселиться в новое жилище, более вместительное, чем чумы, в которых могли разместиться только близкие родственники. Пара дней ушла на протапливание помещения до комфортной для проживания температуры и просушки бревенчатых поверхностей.

Несмотря на неутрахающий ветер, дующий туда, куда ему вздувается, дым не задерживался в жилище, свободно уходил через дымоход. Свет от единственного костра едва проникал в дальние углы помещения. Пришлось для освещения установить жировые светильники. При шитье новой одежды и штопке поношенной женщины придвигались к огню костра или светильника. Нередко погода не давала разделать животное полностью. Тогда, выпустив содержимое внушительного живота, туши разделявали внутри жилища.

Были в строении места, предназначенные только для сна и отдыха. Там исключалась трудовая деятельность, но днём могла играть детвора. С наступлением холодов появилась возможность

делать запасы продовольствия. Стало понятно назначение кольев в стенах прохода. На них развешивали части туш, обеспечивая их сохранность от рыскающих хищников. Зимой, при занавешивании обоих концов прохода из спальни на улицу, в этой части жилища устанавливалась температура, позволяющая подмораживать хранящееся мясо.

Нам площадь помещения показалась бы пригодной для одной современной немногочисленной семьи. И тогда в землянке жила одна семья – одно большое племя. Настолько большое, что вместе с безымянными мон и мин численность перевалила за сотню человек. При этом, укладываясь спать, никто не роптал на скученность. Днём, когда взрослые уходили по своим делам, детворе хватало места и для подвижных игр, и для драк, причины которых в большинстве случаев были необъяснимы. Когда наступала пора относительного безветрия, дети постарше выходили играть на улицу. Ещё более старшие, как и в детстве Зоуро, воображали себя охотниками, могли уходить даже с ночёвками. Но у этих мальчишек не было надёжного огня. Огонь в походах они добывали с немалым трудом.

Однажды, уже после заселения в землянку, охотники на удалении увидели проходящее племя черс. В тот раз обошлось без столкновения, но никто не исключал, что другое бездомное племя может набрести на жилище и попытаться отбить его. Зоуро распорядился выкопать вокруг жилища ров, а вырытую землю уложить в вал. У проходящего по дну рва мужчины из-за вала было видно лишь плечи и голову.

Ров и вал могли стать надёжной защитой при обороне. Захватчики же должны были наступать по ровной и открытой степи, легко досягаемыми для стрел обороняющихся. Вождь сообщил, что если запастись хорошо хранящимися продуктами, то можно держать оборону несколько дней. Теряя воинов при наступлениях, захватчики будут вынуждены уйти ни с чем. Сонх подсказала, что если племя окажется в окружении, то без воды долго не продержится. Тогда же прокопали ров и валы от жилища к озеру. Имея доступ к воде, надеялись выдержать длительную осаду, если она когда-нибудь случится.

III. ВЬЮГА

Охота оставалась благоприятной до наступления первых весенних дней. Зимой ветры уносили в лесистые горы почти весь падающий снег. Животные без особого труда добывали корм. С потеплением снегопады стали настолько мощными, что ветры не успевали уносить весь падающий снег. Его слой неумолимо увеличивался. Передвигаться по нему пришлось в снегоступах. Для травоядных стали пригодными лишь редкие сопки со скудной кормовой растительностью. Животные стали покидать место зимовки, освобождая территорию для более неприхотливых и трудолюбивых травоядных. Ими оказались табуны лошадей.

Поздней осенью, когда озёра сковал лёд, рыбалка не прекратилась. Пока температура воды была терпима, люди рыбачили бреднями. Потом рыбаки стали заплывать на лёгких плотках, сплетённых их ветвей и трав, оставляли бредни с поплавками в воде, подобно небольшим сетям. Когда часть поверхности озера, а с ней и сеть оказались подо льдом, пришлось прорубать лёд, чтобы извлекать сеть.

Позже догадались обходиться двумя прорубями и травяным шпагатом, привязанным к одному краю сети. Через одну прорубь вытаскивали сеть с рыбой, в другую – уходил шнур. Для установки сеть шнуром подтягивали к той, второй проруби. Чтобы каждый раз не долбить постоянно утолщающийся лёд, проруби стали прикрывать ветвями и стеблями трав, присыпая снегом.

Зимой рыба использовалась для разнообразия питания, но весной она шла наравне с мясом, добываемым в меньших количествах. Необходимость рыбалки вождь объяснял просто:

– Трава – не мясо, ею пузо не обманешь. А от рыбы сил, как от мяса. Сильные ещё и болеют меньше.

Безошибочный вывод из этого краткого монолога не могли сделать только несмышлёныши – мин и мон.

В тесноте и полумраке, но всегда обеспеченные едой и обогретье теплом племенного очага люди жили размеренной жизнью. Одни уходили на охоту, другим приходилось брёвна размельчать на дрова, пригодные для поддержания в жилище комфортных условий, а кому-то просто не сиделось в наскучивших стенах полу-

землянки. Этими непоседами были, конечно же, мальчишки. Они, вооружившись луками и стрелами, прихватив копыя, уходили в поисках конских табунов.

Наметённый зимой снег, спрессованный ветрами так же плотно, как прикатанный колёсами современных машин, успевший подтаять под первыми тёплыми лучами, он уже не препятствовал ходьбе без снегоступов. Мальчишки уходили от стоянки на день пути и больше. В хорошую погоду отсутствие непосед не волновало взрослых.

В пору, когда зима ещё крепка и бескомпромиссна в спорах с весной, погода оказывалась непредсказуемой. Нередки случаи, когда на смену яркому солнцу и безоблачному небу приходили беспросветные тучи. Случалось, что погода, от безоблачной до беспросветной, менялась за два-три часа. Уходящих в самостоятельные походы мальчишек неоднократно напутствовали на случай неожиданной метели.

И в тот раз вьюга подкралась незаметно. Налетевший сильный ветер быстро нагнал снеговые тучи. Начавшаяся было метель, поднявшая и погнавшая снежные массы над самой поверхностью земли, быстро превратилась во вьюгу. На летящую в неведомую даль позёмку тучи посылали свежие снежные хлопья. Хлопья подхватывались позёмкой, свежий и старый снег смешивались, с завыванием и свистом в вихре уносились куда-то.

Видимость сократилась до расстояния в несколько шагов. Мальчишки быстро потеряли ориентир. Валто, то есть «убедительный», был главой компании. Вместе с ним в снежную круговерть попали четверо его друзей. Десятилетний мальчишеский вожак остановился, чтобы поделиться со сверстниками планом дальнейших действий.

– Вьюга налетает то с одного, то с другого направления и не может служить ориентиром. Видимость никакая и тоже нет ориентиров. Затянули мы со своей безопасностью, не наметили какое-нибудь пристанище. Сейчас надо держаться вместе. Нас, как пальцев на руке. Никто не должен ни отстать, ни уйти вперёд. Для этого держимся за руки. Надо найти хоть какое-то укрытие от ветра, хотя бы куст. Ясно, что мы уже заплутали.

Куда идти на поиски, сейчас нам пока всё равно, – убеждал дружкой вожак.

– Совсем не всё равно. Надо пробиваться к своим, – возразил Келт, получивший имя за постоянное несогласие с любым собеседником.

– Успокойся, Келт, выслушай, не перебивай. Твоё мнение мы обязательно слушаем. А сейчас я предлагаю идти по ветру. Так мы сэкономим силы. Если посчастливится, то набредём на какой-нибудь куст. Под ним и переждём снежную кутерьму. Искать жилище пока бесполезно. Можно находиться от него на расстоянии нескольких шагов и пройти мимо. А теперь говори ты, если можешь предложить что-то стоящее, – обратился Валто к Келту.

– Чего говорить? Ты прав. Только спасёт ли нас куст?

– Куст и нас под ним вьюга будет заметать снегом. Под снегом ветра не будет, значит, тепло не будет выдуваться. Надо только не потеть. В сухой одежде под снегом будет тепло, – пояснил Валто. – Или кто-то забыл, что говорили делать взрослые, чтобы не замёрзнуть во время вьюги?!

Никто не мог бы сказать, как долго шла шеренга взявшихся за руки мальчишек. Они попадали и на места, откуда снег сдуло, но оказывались и в таких местах, куда снега намело. Тогда брести становилось труднее. Участки сменяли друг друга, а долгожданного куста всё не было. В какой-то момент Келт недовольно пробурчал:

– Ну вот, снова в сугроб забрели.

Байс, шедший рядом, выразил недовольство:

– Ни для кого нет сугроба, а ты для себя нашёл.

– Стойте! Все стойте! Кажется, Келт сейчас набредёт на куст, он рядом с ним, и если не остановимся, то мы можем пройти мимо куста, – задыхаясь от усталости, проговорил Валто.

Келт действительно чуть не прошёл мимо куста. Только остановившись, сквозь завывание вьюги расслышал неприятные звуки дребезжания веток, едва заметных на расстоянии чуть дальше кончиков пальцев вытянутой руки. Заплутавшие путешественники быстро подгребли нанесённый сугроб к кусту и сели, прижавшись друг к другу.

– Запахиваем одежду плотнее, чтобы снег не проникал к телу, – посоветовал Пунх.

– Мерзлявый прав. Если снег набьётся под одежду и начнёт таять, то точно замёрзнем, – поддержал друга Байс.

Друзья не представляли, как Пунх перенесёт длительное неподвижное сидение в снегу. Этого мальчика постоянно знобило даже дома. Оттого и получил он своё выразительное имечко. К тому же здесь, в степи, с разгулявшейся снежной круговертью, с каждым порывом ветра улетучивались частички тепла, такие необходимые для поддержания мальчишеских жизненных сил.

Вдруг Валто с силой толкнул Сыфта со словами:

– Не спи, засоня. Мы не дома, а сейчас не лето. Здесь можно уснуть и не проснуться.

Недовольный тем, что его тревожат по пустякам, Сыфт немного развернулся. Наверное, спросонья он просто отвернулся от назойливого побудщика.

– У тебя что, бестолковка совсем соображаловку потеряла? Не спи, замёрзнешь, а нам потом ледышку в твоих одежках домой на себе нести придётся, – возмутился Келт, недовольный беспечностью друга.

– Да проснись же ты, сонная муха. Мы здесь не в прятки играем. Это там ты втихушку мог спать, когда уже всем приходилось искать тебя. Ну и имечко дали тебе! С другим именем, глядишь, и сам был бы другим. Не спи, а то я тебя так двину, – сердился Пунх.

– Это не он такой от имени, а имя такое, потому что сам он такой. Сначала был он, а потом появилось имя, – с улыбкой поправил Валто.

Байсу надоели уговоры, и он высказал своё согласие:

– Двинь, Пунх, двинь. А я с этой стороны добавлю.

Два толчка успевших обозлиться мальчишек, растормошили спящего. Он, не скрывая обиду, забурчал:

– Вам что? Завидно стало, что я сплю? Не завидуйте, а усаживайтесь удобнее и тоже спите.

– Сейчас-то ты точно всех убедил. Если у тебя и была когда-то думалка, то теперь на том месте бестолковка торчит, – негодовал Байс.

– Оставьте его, пока он не сбежал от нас разобитый. Без нас он точно замёрзнет. А здесь мы время от времени будем тормошить его. Главное, что мы все вместе, – подытожил Валто.

Пока пытались разогнать сонливость Сыфта, сугроб плотной шапкой укрыл всех. Оставались не завьюженными маленькие отверстия, через которые едва циркулировал вдыхаемый и выдыхаемый воздух. Мальчишкам стоило немалых усилий, чтобы избавиться от снега между лицами – сделать разговоры доступными для нормальной слышимости. Келт ощутил, что ему становится жутковато даже при сидящих рядом друзьях. Он попросил:

– Не молчите все сразу. Хоть кто-нибудь говорите. Молча, не заметим, когда уснет последний из нас. Я очень хочу проснуться, если даже и усну нечаянно. Точнее, хочу, чтобы кто-то разбудил меня.

– Теперь я буду говорить. Когда остановлюсь, в разговор вступаешь ты, Пунх. А после Байса все вместе снова будим Сыфта, – распределил очерёдность разговоров Валто.

– А о чём говорить? У меня ноги мёрзнут, – сообщил Пунх.

– На твои огромные ноги подойдёт обувка только с ног Байса. К тому же он у нас закалённый, посидит и в твоих холодных шкурах. А ты погреешь свои ноги в его теплых. Вот только как вам переобуться, чтобы не запустить в обувку холод и не нагрести туда снега? – задал риторический вопрос Валто.

Пришли к общему мнению, что, не разрушая сугроб над головами, надо утрамбовать его около себя так, чтобы появилось место для переобувания. Мерзлявый и закалённый одновременно сняли обувь с одной ноги и переобулись. То же повторили с обувью на второй ноге. Пунх радостно сообщил:

– Тепло, как у костра дома!

– А мне не холодно и в твоих прохладных обувках. Скоро они нагреются и можно будет обменяться, когда снова замёрзнешь, – обнадёжил друга Байс.

Говорить по одному не получалось. Всегда сказанное касалось кого-нибудь из сидящих молча, а тому приходилось отвечать собеседнику. Келт напомнил остальным пленникам вьюги:

– Пора будить Сыфта. Может быть у него, как у Пунха, ноги уже замёрзли, а он спит и не чувствует.

Все принялись тормошить засоню. Просыпаясь, он успел упереться головой в сугроб. Вьюга ворвалась в нагретый закуток. Она по-прежнему бесновалась. Казалось, что снежная круговерть вообще не собирается даже стихать, а не то, чтобы когда-нибудь прекратиться. Подействовало ли освежающее действие колючего, словно ледяные иглы, снега или то, что мальчишка успел хорошо поспать, но Сыфт взбодрился. Осмотревшись по сторонам, Келт с грустью произнёс:

– Неизвестно, как долго сидели, а ещё сидеть-не пересидеть.

– Был вечер, а сейчас, наверное, уже утро. Вьюга не стала спокойнее, но ощущение такое, будто стало чуточку светлее, – ответил другу Валто и предложил начинать всё сначала – зарываться в сугроб.

Сидеть пришлось не просто долго, а нестерпимо долго. Едва успели очутиться в сугробе с головами, у Пунха снова замёрзли ноги, а Сыфта одолел непробудный сон. Когда его снова разбудили, он пожаловался на ощущение голода. Все сидели с этим чувством уже давно. Мысль о голоде назойливо и неотступно сверлила мозг, а сам голод ворошил пустые внутренности, требуя немедленного заполнения урчащей пустоты хоть чем-нибудь.

Вспомнили, что на случай неудачной охоты или невозможности развести костёр, все брали в дорогу вяленое мясо. Кто-то не удержался и подкрепился ещё в пути, а вот Сыфт к своему дорожному пайку едва притронулся. Он и предложил друзьям перекусить тем, что у него осталось. Сухое мясо, лишённое влаги, медленно ели вприкуску со снегом.

Мальчишки потеряли счёт переобуваниям и побудкам спящих по очереди. Даже вылазки от «нагретых» мест для разминок были не дважды и не трижды. Вьюга не унималась. Не обошлось без предложения Келта не ждать, а пробиваться к своим. Байс показал другу кулак. В мохнатке он выглядел внушительно и вразумительно. Но для лучшего понимания, и не только Келта, мальчишка предупредил друзей:

– Будешь хныкать, получишь так, чтобы другим не захотелось идти домой. Метель когда-то закончится. Хочется есть, но мы потерпим. Вместе и время коротать проще. А уйти сейчас на поиски своих – это отправиться в мир тьмы. И это не зависит от того, по одному или все вместе пошли бы мы.

После долгих сомнений дежурство доверили Сыфту. Поверили другу, что он успел выспаться. К тому времени Пунх и Байс обменялись обувью. Ничто, кроме неудобства, не беспокоило. На немеющие от неудобных поз позвоночники внимания не обращали. Но незаметно для себя Сыфт заснул.

Первым проснулся Валто. Разбудил всех, включая и дежурного. Сколько времени проспали все, – никто не знал. Наверное, общий сон был непродолжительным. Даже ноги мерзлявого не успели ощутить холод. Проснувшись, он перво-наперво попробовал пошевелить пальцами рук и ног. Не сразу обратили внимание на

то, что на смену заунывным завываниям пришла тишина, а слой снега выглядел светлее, чем раньше.

Рассерженные за безответственность на Сыфта, каждый из сидящих «наградил» засоню парой подзатыльников. В темноте часть их припечаталась к лицу. Обиженный мальчишка вскочил, чтобы бежать. «Лучше одному убежать в пургу, чем терпеть побои», – в горячке крикнул засоня.

Резкими движениями слой сугроба сорван над всеми сидящими. Глаза самопроизвольно сомкнулись от слепящего солнца. Его тут же закрыла тучка, но это ничуть не повлияло на воспрянувших духом мальчишек. Они радовались, что вьюге пришёл конец, что можно возвращаться домой. Животы требовали немедленно наполнения чем-нибудь съедобным.

На обратном пути заметили пасущийся табун лошадей. Чтобы рыскающие вокруг волки не угнали мирно пасущееся мясо, мальчишки решили подогнать лошадей поближе к жилищу. В хлопотах прошёл остаток дня, но никто не напомнил о собственных животах, ежесекундно требующих наполнения. Дома выяснилось, что они отсутствовали три дня и две ночи. И за всё это время у них был единственный и скудный перекус.

IV. ОТПОР В ЧИСТОМ ПОЛЕ

Большое племя благополучно пережило четыре зимы и лета. Осенью, как когда-то они сами, в их владения пришло племя черс. Новосёлы установили свои чумы на небольшом расстоянии от обжитой землянки. О воинственности новых соседей говорил уже тот факт, что, кроме людей черс, на степную равнину прикочевали и остатки покорённых ими племён снипс и пливс. Пришлось несколько охотников оставлять для защиты жилища и находящейся в нём части племени. Некоторое время племени жили мирно.

Но всё привычное когда-то заканчивается и начинается что-то иное. Однажды, не утруждая себя размышлениями о последствиях, отряд охотников-пришельцев напал на группу старожиллов этой местности. Зоуро с другой группой охотился на небольшом удалении, за одной из соседних сопок. Тавк, руководивший груп-

пой охотников, заметил приближение воинственно настроенной толпы и отправил с сообщением двух молодых воинов к Зоуро.

Он решил отвести группу в направлении Зоуро, не вступая в сражение. Отступление противников воодушевило воинственных наступающих. Они привыкли, что снипс и пливс спасаются от них бегством. В этот раз отступление выглядело очень стремительным. Отряд черс не мог приблизиться до расстояния полёта стрелы. Гонцы, бегущие налегке, успели скрыться за сопкой. Отступающий отряд приближался к сопке с другой стороны.

Тавк надеялся, что получивший известие о нападении Зоуро поведёт свой отряд по следам прибежавших гонцов и сможет настичь охотников на людей. И не ошибся. Увлёкшиеся погоней степняки-новички не заметили, что сами стали объектом погони. Тавк дал команду отходить к местам, которые могли бы стать укрытиями при обороне. К этим укрытиям следовало отходить отстреливаясь, чтобы поубавить скорость натиска, дать возможность группе Зоуро приблизиться к их преследователям.

Новички очень удивились, что чуждые им люди воюют их оружием – луками и стрелами, а не только копьями. Но принять единственно верное решение помешала инерция мышления. Они всегда побеждали непохожих на них людей, значит, победят и сейчас. Увлёкшиеся преследованием, черс не заметили, что оказались между двух огней.

Душераздирающие крики запугивания противников, похожие на звериный рёв, заполнили пространство вокруг сражающихся. Тактика снипс с обстрелом напавших черс с двух сторон позволила нанести многократные серьёзные ранения большей части чересчур самоуверенных напавших воинов. Недавние преследователи, получив ранения сзади, стали уходить от сопки, оставаясь под двухсторонним обстрелом. На месте начала сражения двое из отряда черс остались лежать неподвижно. За ними никто не возвращался. Наоборот, охотники на людей обратились в бегство. Двое с более тяжелыми ранениями отстали от беглецов. Настигая их, Зоуро крикнул:

– Бросайте оружие и вставайте на колени. Бросайте и вставайте – это даст вам возможность остаться в живых.

Беглецы не могли поверить в пощаду, не представляя жизнь в чьём-либо плену, и всё-таки исполнили волю победителей. Несколько вооружённых охотников-воинов, получивших в перестрелке ранения, сопроводили обезоруженных пленников до жилища. Там, чтобы не сбежали, их связали по рукам и ногам.

Пленникам оставалось ждать своей участи. Несколько мальчишек взяли палки и принялись избивать ненавистных захватчиков, пользуясь беззащитностью связанных. Взрослые сделали вид, что не сразу заметили мальчишескую расправу. Решили, что враги заслужили такое к ним отношение.

Победители не стали преследовать беглецов. Они продолжили прерванную охоту и возвратились домой в обычное время. Сонх к тому времени осмотрела раны соплеменников, а потом и пленников. Все раненые получили необходимую помощь, доступную в те далёкие времена. Зоуро приказал развязать пленных. Бесцеремонно подхватив их за одежды, провёл вдоль толпящихся около жилища соплеменников. Он напутствовал пленённых:

– Вот, посмотрите. Среди нас не только люди снипс и пливс, объединившиеся против завоевателей. Наши ряды дважды пополняли и люди, похожие на вас. Вот они, здесь. Они стали нашими, оказавшись побеждёнными. Идите и скажите своим, что с нами лучше жить дружно. Предупредите, что вы последние, кого мы пощадили. У нас нет нужды брать кого-то в плен. Битва будет до полного истребления. И не потому, что нам нужно мясо убитых врагов. Мы не людоеды. Но никто не уйдёт от нас, как сегодня. Отправим в мир тьмы всех, кому захочется воевать с нами.

Пленные с трудом верили в то, что их отпустили. Но с ещё большим трудом осознала та правда, с которой они столкнулись впервые. По представлениям черс все, кто не похож на них самих, недоразвитые, пригодные только для размножения, недочеловеки. Здесь же были неглупые воины, статные продолжательницы рода и вполне обычные дети. И они опровергли общепринятое убеждение черс в собственной непобедимости. У этих людей хватило сил и ума, чтобы победить. Общность взглядов на племя противников сдружила парней. Они оба пережили свою четырнадцатую зиму, но ещё не были связаны семейными узами.

Всё было неожиданно, но обоим отпущенным пленникам понравились эти храбрые и доброжелательные люди. Они не подобрали тех, кто успел расстаться с жизнью, подтвердив этим слова вождя, что они не людоеды. С такими рассуждениями раненые дошли до своих соплеменников. Намного раньше прибежали беглецы с поля боя.

Говорить о том, какие хорошие люди живут по соседству, было бесполезно. Поняв ситуацию, эти двое решили промолчать о напутствии вождя-соседа. Но решение молчать не шло ни в какое сравнение с решением их вождя. Он, узнав о поражении, отправил гонцов в два соседних племени. О намерении тех вождей он должен был узнать завтра вечером. Вопрос был лишь в том, два племени придут на помощь или одно из них. Наказать недоразвитых в назидание другим было единственным желанием вождя племени черс и всех его соплеменников.

Всё племя жило нестерпимым желанием наказать тех, кто посмел противостоят им, людям черс, хозяевам жизни. В эйфории ожидания расплаты на двух паренёков, прибывших сникшими, никто не обращал внимания. Сочли, что их мучают боли от ран, но при этом ни одна из травниц не попыталась облегчить их страдания.

– В племени победителей нас мальчишки отдубасили, но взрослые и лекарша оказались человечнее, чем здесь наши, – посетовал другу по несчастью Клус, то есть «быстроногий».

Оба тайно даже друг от друга переживали, что люди, подарившие жизнь им самим, не пожелавшие преследовать их соплеменников, пришедших с войной, очень скоро поплатятся за свою доброту. Не доверяя никому, каждый из них решил ускользнуть из родного племени, чтобы предупредить соседнее племя.

Ноух, получивший имя за доброе отношение к другим, покинул стоянку первым. Клус, не знавший об исчезновении друга, сбежал чуть позже. Он оправдал имя, данное ему племем, прибежав первым. Но едва начав свой рассказ, увидел второго беглеца тоже с оружием. Светало. Сомнений не было ни у Зоуро, ни у его соплеменников. Сегодня вечером одно из племён черс пополнит ряды вчерашних побеждённых. Встречать большой отряд в степи нельзя. Надёжнее держать оборону под прикрытием вала.

Женщинам Зоуро дал команду в срочном порядке резать и вялить мясо. Оставлять запасы зерна, грибов, ягод, рыбы, хранящиеся пока в чумах для заготовленных припасов, было небезопасно. Нельзя было допустить, чтобы всё припасаемое для зимы досталось врагам. Утром охотники ушли за добычей. Хотелось запастись мясом на пару дней. И это у них получилось.

Подошедшее подкрепление рвалось в бой. Оставили раненых и, не дожидаясь подхода ещё одного племени, пошли вершить возмездие. Солнце зашло за горизонт, но видимость была ещё хорошая, когда вдали появилась нестройная толпа мстителей. Зоуро приказал всем безоружным скрыться в помещении и строго-настрого запретил выходить оттуда.

Вооружённые заняли места во рву, рассредоточившись так, чтобы не мешать друг другу. Охотники знали, какие места у животных более болезненные и кровоточащие. Вождь напомнил, что бить лучше в шею или грудь. Тем, кто боится промахнуться, посоветовал метить в живот. Напомнил и о том, что лобную кость каменный наконечник пробивает не всегда глубоко, но это самое надёжное место для выведения противника из строя.

Раненые беглецы либо не успели рассказать об оружии соседей, либо их просто не стали слушать. Люди двух объединившихся племён черс приближались к племени, возглавляемому Зоуро. Шли так, будто торопились отужинать человечинкой. При этом они старались просто не опоздать к моменту дележа. Эти люди привыкли к мысли, что могут стать уязвимыми для копий противников. Но это всегда бывало так близко, что через мгновение противник оказывался смятым воинами, значительно превосходящими обороняющуюся толпу своей численностью.

У. ПОВОИЩЕ

– Пора, – сообщил Зоуро.

Плотный рой стрел полетел в толпу наступающих. Перезарядив, почти не целясь, послали второй рой стрел. Только после этого наступающие прониклись пониманием, что встреча с предполагаемым кормом оказалась неожиданной. А из крепости летела

третья порция стрел. И это произошло уже тогда, когда завоеватели даже не успели приблизиться на расстояние броска копья.

Вождь племени, прибывшего для помощи в расправе, дал команду отходить. Но другой вождь такой команды не дал. Возникло временное замешательство: одни воины остановились, а другие – продолжили наступление. Одни обороняющиеся при этом стреляли в бегущих противников, другие – в топчущихся на месте от неопределённости. Наконец-то и до второго вождя дошло, что молниеносный штурм не получился, пора отходить и подбирать раненых. Пока отходили, пятась и отстреливаясь, получили ещё по три порции стрел.

Видя свои потери, отступающие не имели представления о потерях защищающегося противника. Опыт предыдущих сражений подсказывал, что в среде обороняющихся должны остаться единицы, крохи от бывшего племени. Не учли самоуверенные вояки и того, что в этот раз они стреляли не по всей обозримой поверхности тел неприятелей, а только по головам, быстро исчезающим и появляющимся в самых непредсказуемых местах.

До наступления звёздной ночи, пока враги были хорошо различимы, удалось отбить ещё две атаки. Стемнело. Зоуро распо-

рядился, чтобы женщины быстро приготовили много жировых светильников. Если их зажечь, то света от них должно было хватить до рассвета. Получив желаемое, вождь приказал зажечь пока только пять. Установленные в ров, источники света едва освещали вал. Нападающие заметили это и решили, что теперь им будет лучше видно высывающиеся головы. Об истинном предназначении светильников они не догадывались.

Зоуро рассказал приближённым о плане дальнейших действий. Он напомнил всем, как светильник в гроте пещеры помог им. Теперь, в момент начала очередного штурма, предстояло бросить светильники на такое количество шагов от вала, сколько пальцев на двух или трёх руках. Все поняли задумку вождя и выполнили точь-в-точь.

Атакующие не помышляли о том, что будут хорошо видны неприятелю. Сами же обороняющиеся лишь на короткое время высывали головы из-за вала для прицельного выстрела. Освещение появилось уже тогда, когда штурмующие приблизились к валу на расстояние выстрела. Стрелы не щадили никого. В ход шли уже те, которые во время передышек извлекали из вала. Некоторые из стрел наступающих, пролетев чуть выше вала с обороняющимися, вонзались на противоположной стороне линии обороны – в вал за землянкой.

Женщины принесли бойцам по куску мяса, чтобы те могли подкрепиться в перерывах между атаками. Противники шли сюда с надеждой, что очень скор победный ужин, а теперь были вынуждены сражаться на пустой желудок. Голод придавал им злости, но не сил, не давал сосредоточиться на атаках, счёт которым потеряли все: и наступающие, и обороняющиеся.

Отбит очередной натиск. Каким он был по счёту – никто не считал. Собрав стрелы противника, пришли к выводу, что стрелять надо ещё более прицельно. Туно предложил немыслимое:

– Можно захватить стрелы чужаков. Когда они будут отступать, погнать их так, чтобы они, убегая, не успевали подбирать лежащих. Раненым ни луки, ни стрелы сегодня уже не пригодятся. Не понадобятся они и тем, кто ушёл в мир тьмы. Их луки и нам не нужны, а стрелы подойдут в самый раз.

– Туно, ты такой же бесшабашный, как и в детстве, – возразил Тавк.

– Другого варианта разжиться стрелами, у нас нет. Рискованно, но попробовать стоит. Туно, подбирай быстроногих и щуплых: в таких врагах будет труднее попасть. Людей должно быть не больше, чем пальцев на двух руках. Выскакиваете с криками, а мы вас поддержим своим рёвом. Пока там сообразят, что за ними гонятся не все, вы успеете сделать своё дело. Только без задержек, ни на что не отвлекайтесь, забирайте стрелы у всех лежащих. У тех, которые лежат давно, должно быть много стрел, – напутствовал вождь.

Отбита ещё атака и осуществлена дерзкая вылазка. В ней сам Туно получил ранение в плечо. Он хорохорился, но вождь отправил друга к Сонх, которая у входа в жилище оказывала помощь раненым. Кому-то, наложив повязку, разрешала продолжить участие в обороне, а кого-то для долечивания отправляла вглубь жилища. Туно вернулся в строй. Раненым противникам помощь могла быть оказана только на их стоянке.

Враги поменяли тактику. Они рассредоточились на группы и пошли в наступление по всему периметру вала. Пришлось разделиться на группы и обороняющимся. К тому времени успели поделить трофейные стрелы, можно было не экономить их. Но это не означало того, что можно стрелять бесцельно – каждый снаряд должен был найти свою жертву. И эта атака не принесла успеха мстителям. Оставив на подступах к валу ещё нескольких воинов, черс отступили на безопасное расстояние.

Светильники догорали, но надобность в них отпала. Отражая ещё невидимые лучи, небо на северо-востоке посветлело, разгоняя тьму, стоявшую на поле боя. Перед восходом солнца ряды атакующих пополнились третьим племенем. Зоуро быстро оценил сменившуюся ситуацию. Он приказал старшим мальчишкам, до этого игравшим в охотников, выходить в ров с луками и стрелами. Попросил и раненых пополнить ряды обороняющихся. Только тех, кто способны не только отстреливаться, но и покинуть поле боя к моменту решительной схватки на копьях и ножах. С копьями раненых воинов вышли и сильные женщины, не растерявшие

навыки владения копьем, приобретенные во время былой поры охоты.

Прибывшие долго совещались. Наверное, они выработывали тактику очередного штурма. Третье племя пришло позже не потому, что было слишком далеко. Его вождь не сомневался в том, что два племени совместно справятся с кучкой недалёковидных противников. Ему и его воинам останется только добить раненых, поделить детей и женщин и не опоздать на победное пиршество.

Получив сведения о неудавшихся атаках, вождь подал новую идею наступления. Вскоре обороняющиеся заметили, что противники выстраиваются в узкую колонну, по пять-шесть человек в ряду.

– Если они таким образом побегут к нам, то места раненых тут же займут бегущие следом за ними. Мы не успеем положить всех стрелами, придётся отражать атаку копьями. Мальчишек и раненых, вооружённых луками, не должно остаться во рву. Ваше место при рукопашной схватке в землянке. Нам не нужны бесполезные жертвы. Всем понятно? – спросил Зоуро.

Получив утвердительный ответ, вождь приказал им ждать команду для отхода в жилище. Предупредил, что отходить надо будет при достижении противниками расстояния броска копья. Строго-настрого запретил бросать копья, чтобы не оказаться при встрече только с ножами. Ближе всех к входу в землянку поставил раненых. За ними расположились мальчишки. Следующими должны были покинуть поле сражения женщины, чтобы не дать врагам ворваться в жилище с беспомощной частью племени. Только после этого во рву оказались бы защитники, способные встретить врагов копьями.

Перестроения обороняющихся противники не заметили. Не имели представления они и о численности «строптивной кучки» за валом. Полагали, что после стольких атак там остались немногие. Стремительность сломит сопротивление без особых проблем. Оба войска были готовы к бою, когда Зоуро предупредил, что никто не должен прозевать момент стремительного прыжка со дна рва при смене лука на копье. Иначе там и останется, придавленный падающими атакующими.

И началось! Не отвлекаясь на стрельбу, воины врага бежали в темпе, который могли выдержать. Пока они подбегали, защитники успевали выпустить по четыре-пять стрел. Раненые сбавляли темп, их не обгоняли, а сваливали и кого-то даже затапывали. Потеряв при наступлении около десятой части соплеменников, нападающие оказались на валу. Вооружившись копьями, выскочить из рва успели все, кому предстояло встретить врагов.

Раненые, дети и женщины едва успели скрыться в жилище. Вход в него заслонили женщины с копьями. Часть нападающих ринулась к входу в жилище, но опущенные шкуры на входе мешали проникновению стрел в жилище при стрельбе из луков. Когда кто-то из смельчаков попытался раздвинуть преграду для стрельбы, его тут же насадили на несколько копий. Таких несчастных потом оказалось столько же, как пальцев на руке. Женщины, защитницы своих детей, внесли свою лепту в общее дело обороны.

Воины, обороняющиеся за рвом, встретили натиск врага с копьями в руках. Стрелять из луков в них стало невозможно, а задние ряды непрерывно напирали и напирали на передние. Те, поражённые смертоносным оружием, падали в ров. На их месте оказывались новые и новые нападающие. На них тоже напирали, а новым передним доставалась та же участь, что и их предшественникам.

Постепенно штурмующие растянулись вдоль рва, но защитники жилища не оставляли их без внимания, также встречали копьями. Одну группу защитников попытались окружить превосходящим числом воинов, Это ослабило позиции нападающих на другом участке сражения. Оттуда ринулись соплеменники оборонявшихся защитников стоянки. Они напали на окружающих сзади. Бой на ножах прекратился, едва начавшись.

Сражение отодвинулось ото рва на несколько шагов. Туда же сместились и лучники, преследователи женщин. Чтобы не попасть под стрелы, Зоуро развернул своих воинов так, чтобы лучники оказались за спинами нападающих. Стрелять в спины своим те не стали. Зато мальчишки, услышав крики, удаляющиеся от входа, сначала осторожно вылезли, а потом, осмотревшись, умудрились послать в спины лучников по две-три стрелы и исчезли за шкурами.

Разъярённые враги с луками бросились вдогонку, чтобы наказать дерзких мальчишек, но через щель между шкурами получили ещё по одной стреле, теперь уже в грудь. Туно набросился на окружающих с таким рёвом, что его невозможно было не поддержать. Наверное, этот общий рёв и обратил незваных гостей в бегство. Зоуро запретил преследование, посчитав, что бегство – лишь хитрый манёвр в ходе сражения.

Быстро, насколько это могли сделать уставшие воины, освободили ров от трупов и раненых. Всех положили поверх земляного вала. Кто-то при перекладывании стонал, а стоны были слышны и их отступившим соплеменникам. Стрелять в сторону рва нападающие уже не решались, чтобы не умертвить своих раненых. Они о чём-то совещались. Что они затевают – об этом можно было только догадываться. И Зоуро крикнул пришельцам:

– Вас пришло сюда три племени! Осталось одно и то неполное. Мы можем положить вас всех. Или кому-то это непонятно? Если хотите жить и обеспечивать пищей ваших родных, то пусть вожди подойдут ко мне без оружия. Или вы хотите, чтобы ваши родные вымерли от голода?

– Я иду без оружия, – послышалось из толпы отступивших.

– Подходи. Почему один? Остальные не хотят идти или довели разговор со мной тебе одному?

– Я – Рехло. Два других вождя где-то там.

Подошедший показал на ров и усеянное телами пространство около него. Зоуро знал, что имя собеседника означает «вспыльчивый». Потому и сказал:

– Привести сюда своё племя и заманить два других мог только вспыльчивый вождь. Если хочешь, чтобы три племени остались жить, а не вымерли, мы готовы дать вам возможность забрать раненых воинов. Кого-то из них удастся вылечить, они пополнят ряды охотников. Тех, кто ушёл в мир тьмы, тоже можете забирать. Мы людей не едим. Нам хватает и силы, и храбрости без съедения противников. В силе и храбрости моих воинов ты мог убедиться во время сражения.

– Да, все сражались отважно, даже дети.

– Когда повстречаешь себе подобных, передай им, что мы умеем воевать. В нашем племени не только люди снипс, но есть пливс

и черс, как ты. Тогда мы могли полностью истребить всех нападавших, но щадили. Готовы пощадить и вас, очередных завоевателей. Передай, что с нами лучше дружить. Мы могли бы стать родственными племенами, если кто-то из ваших девушек пожелает перейти в наш стан, а из наших – в ваш. У нас выбор большой: есть светлые, смуглые и чёрные.

После паузы продолжил:

– Не мне решать, но подумай, может быть, после этого поражения вам всем стоит объединиться. Вместе выжить будет легче. Так что ты решил? Или тебе надо с кем-то посоветоваться? Если обойдёшься без советов, то сообщи, что мы всех пощадим. Дай команду выносить своих и остальных пришлых. Пусть подходят без оружия. Часть моих воинов останутся с луками. Это чтобы никому не вздумалось шалить.

Группы Зоуро и Рехло работали одновременно. У Рехло в группе были представители всех трёх племён. Если поднимали кого-то из черс-оборонявшихся, передавали хозяевам стоянки со словами: «Ваш». Так же поступали и хозяева, если пливс или снипс оказывался из числа пришедших на разборки.

Посчитали безвозвратно потерянных воинов. Из племени Рехло их оказалось на два больше, чем пальцев на двух руках. У пришедших с ним и сражающихся ночью – на два больше, чем у Рехло. Среди них оказался и вождь. У прибывших утром – на одного меньше, чем пальцев на двух руках. Вождь третьего племени был ещё жив, но Сонх после осмотра сообщила, что жить ему или не жить – решит время, несмотря на наложенные повязки. Хозяева потеряли на одного больше, чем пальцев на одной руке. Среди них оказался Булут – один из замечательных друзей детства вождя.

Лишь десятая доля обороняющихся не получила ранений. Остальные защитники получили ранения различной степени тяжести, но не смертельные. Среди них оказался и Зоуро. В дополнение к погибшим в этом бою, о двух раненых лекарша сказала, что едва ли выживут. Выжил один из них.

Клус и Ноух, сражавшиеся на стороне обороняющихся, ещё до подсчёта жертв сообщили Зоуро о том, что раненого вождя, пришедшего третьим, лучше оставить лечиться здесь. Иначе он

не выживет. Рехло даст команду отправить его в мир тьмы, чтобы командовать большим племенем единолично. Ему не нужен соперник. После перевязки этого раненого не выносили из землянки до ухода пришельцев. Защитники дома, а все вышли именно на защиту своего дома, заметили в своих рядах новеньких. Хоть в пылу атак не было времени глазеть на парней, но не остались незамеченными и храбрость, и преданность племени, подарившему им жизнь.

Кто-то из местных мальчишек сложил камушки в две кучки, в каждую по числу погибших. После подсчёта ушедших в мир тьмы Зоуро подозревал Рехло и показал на кучки со словами:

– Теперь ты видишь подтверждение моих слов о том, что мы умеем воевать. В одной кучке наши ушедшие в мир тьмы, а в другой те, кто пришёл воевать с нами.

Женщины и девушки помогали Сонх обрабатывать раны, а Рехло, изредка бросая на них взгляд, сказал:

– Ты прав и в другом. У тебя действительно разные и интересные девицы. Охотники у нас теперь будут бесценны, как бон, а девицами можно будет обмениваться. Породнимся, – крикнул напоследок вождь, уводящий соплеменников и остатки пришедших им на помощь воинов, несущих на себе дорогих им раненых соплеменников. Погибших похоронили недалеко от вала на краю поляны.

Когда вождь третьего племени выздоровел, он решил забрать своих соплеменников и соплеменниц. Надеялся пополнить свои ряды и теми, кто потерял своего вождя, героически павшего при штурме неприступной крепости. Зоуро предложил отправить в стан врагов Ноуха и Клуса. Те должны были сообщить соплеменникам Реса о выздоровлении вождя, который готов принять и возглавить их стан.

Зная своих бывших соотечественников, парни обходили их стороной, с ними не делились новостью. Сказали, что Рес придёт не один, а под защитой воинов Зоуро. Сообщили, что к ним могут примкнуть и люди того племени, чей вождь пополнил мир тьмы. Кто-то из примкнувших к Рехло сообщил о предстоящем появлении Реса и его намерении.

Рехло собрал воинов своего племени и приказал обезоружить всех примкнувших к нему после сражения. Но было поздно. Зоуро, появившийся на расстоянии полёта стрелы, скомандовал:

– Рехло, не совершай глупостей. Рес забирает своих и тех, кто пожелает уйти в его племя. Пусть люди уходят с миром. Иначе, не станет тебя и части твоих воинов. Остальные достанутся победителю. Думай: стрелять или не стрелять, отпускать с миром или воевать.

Подобного ультиматума Рехло никогда ни от кого не слышал. Если бы это было сказано кем-то, а о воинских способностях самого вождя и племени он бы не знал, то обязательно принял бы решение наказать наглеца. Но в его памяти была свежа картина недавнего сражения. На стороне Зоуро оказались бы и соотечественники Реса. Принять бой в этот раз – означало потерять всё, включая и собственную жизнь. Он только сказал:

– Люди Реса могут быть свободны. Остальные – поступают на своё усмотрение – идут к Ресу или остаются со мной.

Из тех остальных к Ресу перешли восемь женщин с их семьями. Остальные, примкнувшие к Рехло раньше, остались при нём. Так с помощью вождя-старожила и его воинов, недавно разбивших тройственный союз племён черс, Рес воссоздал своё племя. Подойдя к Зоуро, вождь не сдержался от проявления захлестнувших его чувств.

– Будет непросто обойтись малым числом охотников. Но выживем все: и мы, и они. Раненые наберутся сил и здоровья. Подрастают мальчишки. Скоро и из них сделаем опытных охотников. Я и мои люди благодарны всем вам за помощь в избавлении от Рехло. Как видишь, нашлись недовольные его властью и в родственном нам племени, – отметил Рес.

VI. НОВЫЙ ПЕРЕХОД

Пятая зима в землянке подходила к концу. Именно в пору, когда из-под наметённых снежных заносов животным добыть корм становилось всё труднее, а сопки пройдены по несколько раз, стада стали покидать этот степной участок. Племя могло бы оставаться

в обжитом пристанище – табуны лошадей, волки, зайцы, рыба и прочая местная живность прокормила бы жителей землянки. Но Зоуро не терпелось узнать, куда откочёвывают стада зимой.

Он мог увести соплеменников на новое место и в конце лета, как привёл сюда в прошлый раз, но решил не откладывать поход на потом. Объяснял своё решение просто:

– Если животные идут куда-то, значит, там корм лучше. Если стада задерживаются там так же, как здесь, то лучше охотиться на богатых угодьях, а не перебиваться здесь, чем придётся.

Вынх однажды попрекнул друга детства:

– Ты становишься таким же непоседливым, как черс. Известно, что ждёт нас там. А совсем точно то, что там нас никто не ждёт. На новом месте снова придётся защищать своё жилище. Это, если успеем соорудить его там. А если не успеем, то бой придётся принимать в чистом поле, где у нас не будет преимуществ.

– Не успеем, если пойдём осенью. А вот откочевав сейчас, за лето точно построим. Знать бы только, докуда пройдут стада за лето, – задумчиво ответил вождь.

Прибрежная степь почти не отличалась от той, которую покинуло племя. Такое же множество небольших озёр, те же горы, то отдаляющиеся от большой реки, то приближающиеся к ней. Иногда полоска пастбищ с озёрами сужалась до половины дня пути охотника. Основная часть огромного мигрирующего стада уже прошла здесь. Небольшие стада находили пропитание на этих узких полосках степи, но надолго не задерживались, шли куда-то дальше.

Большая река, укрытая ледяным одеялом, разрываемая множеством больших и малых островов на протоки разной ширины и протяжённости, продолжала свой стремительный бег от полуденного положения солнца. Поросшие лесом и кустарниками горы не привлекали мигрирующих животных. Близость гор использовали кочующие охотники для пополнения охотничьих трофеев лесной живностью.

Солнце уже стало светить по-весеннему. Образовавшиеся зимой плотные снежные наносы по утрам превращались в наст. Этот природный белый асфальт хорошо держал волков, иногда

проламывался под людьми и не выдерживал тяжести даже небольших копытных, до крови прорезая шкуру между копытом и коленом. Далеко убежать от преследователей животные не могли. Они становились лёгкой добычей степных хищников и первобытных охотников, способных стрелами поражать свои жертвы с расстояния, значительно превышающего дальность броска копья.

Как и летом, чумы переносили не каждый день. Кто-то из друзей Зоуро даже советовал остановиться на одной из нешироких степных полос между большой рекой и лесистыми горами. Продолжающие кочевать небольшие стада травоядных, близкая лесная живность и рыба, добываемая в мелких озёрах и в речных протоках – всё могло бы без проблем обеспечить пропитание на месяц-другой.

Внял ли вождь советам друзей или на этот счёт у него появились другие соображения, но племя остановилось. Большая река, которую мы называем Обью, успела поменять направление, неся воды к закату. Лёд на протоках и озерцах приобрёл голубоватый оттенок. Стала заметна скученность мигрирующих стад. Только оказавшись в паре дней пути от новой стоянки, охотники обнаружили реку, преградившую путь стадам.

Неширокая преграда – это то, что теперь называют рекой Чумыш. Своё копьё для метания мужчина в самых узких местах мог бы перебросить на другой берег. Но весенний игольчатый лёд застопорил движение. Инстинкт подсказывал животным, что лёд ненадёжен, можно провалиться. К тому же выводу пришли и люди, идущие за стадом. Они-то знали, что провалиться и оказаться в воде на реке опаснее, чем на озере. Течением может затянуть под лёд, а это уже навсегда. Стать кормом для рыб никому не хотелось.

Когда на реке прогремел ледоход, обнажилась голубизна вод и на озёрах. Они стали видны более отчётливо. Исчезла белизна снега, делающая окрестности однообразными. Теперь вокруг голубоватых водных поверхностей степь представила взорам разнообразие трав с множеством оттенков зелени. Тогда и обратили внимание на озерцо, формой напоминающее изогнутую щуку. Теперь оно зовётся Кукуйским.

– Построить жилище между концами дуги было бы очень выгодно для нас, – сказал Зоуро. – Само озеро было бы преградой

для штурмующих. Плавать умеют пока немногие. Рискнувших атаковать нас вплавь, будет легче поразить из луков. Их стрелы будут перелетать через воду, но от них можно соорудить заграждение. Грунтовая вода здесь очень близко от поверхности. Если вырыть ров, то жилище окажется неприступным.

– Близость воды не только благо для нас. Весной и во время дождей вода будет выступать из-под пола в жилище, делая его непригодным для проживания людей, – подметил Вых.

– Да, углубляться, как делалось кем-то при строительстве прежнего жилья, здесь нельзя. Придётся возводить стены в рост человека. А утеплить их можно будет землёй из рва, который предлагает выкопать Зоуро, – заверил друзей Саво.

Брёвен, толщина которых оказалась по грудь среднего мужчины, удалось срубить только два. По склону горы их скатывали. По ровной степи и катить, и волочить их оказалось очень тяжело. Использовали для транспортировки строительной древесины и озеро. Но это был участок втрое меньший, чем по равнинной суше. В остальном было легче. Более тонкие брёвна, по пояс мужчины, пошли для продолжения строительства.

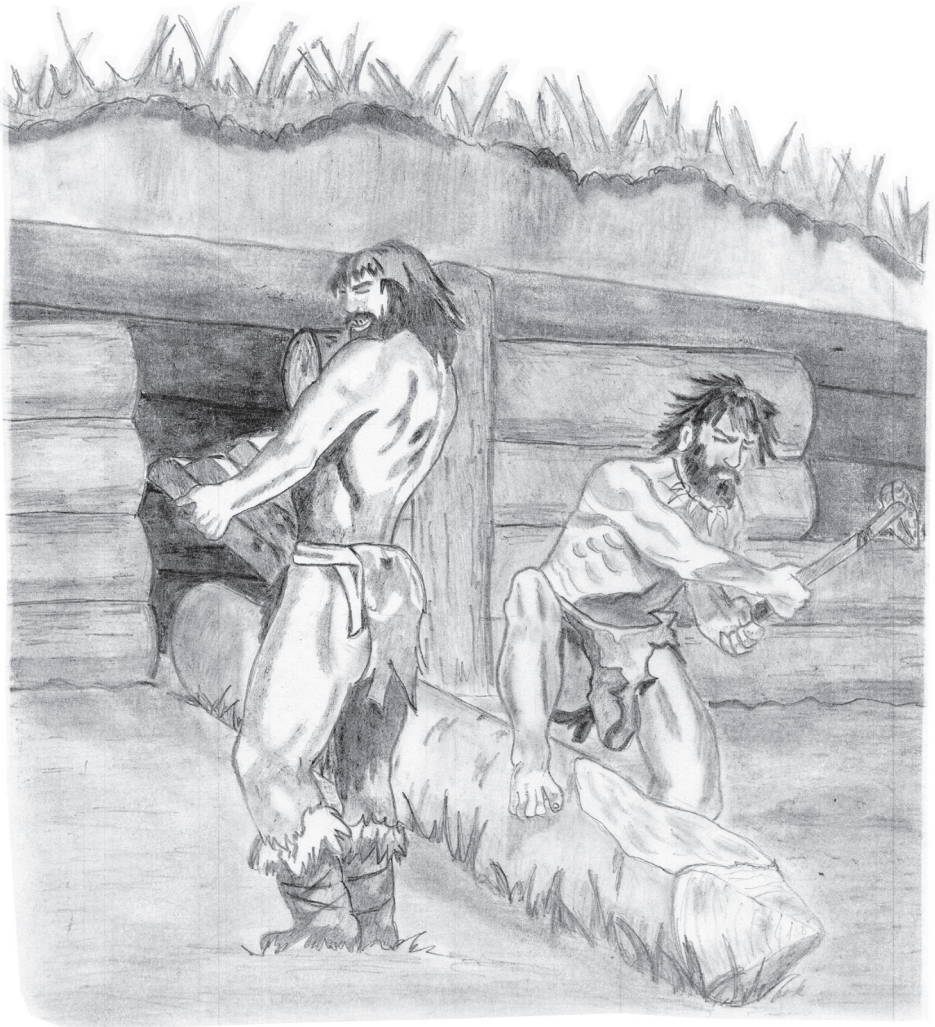
Стены с дверным проёмом и отверстиями для окон, по одному на трёх направлениях, выложили ещё в начале лета. Тогда же накатали брёвна-перекрытия, проделав в них два отверстия для выхода дыма. Жилище получалось по ширине таким же, как предыдущее, но на пять шагов длиннее. В местах окон брёвна выровняли, чтобы плёнкой из мочевого пузыря шерстистого носорога закрыть оконные проёмы.

Ров копали таким, чтобы не всякий мог перепрыгнуть через него даже с разбега. Чтобы стенки не осыпались, их делали наклонными, но выбраться из рва без посторонней помощи или опоры на собственное копьё было невозможно. В пылу атаки толкаемые задними, передние воины должны были падать на дно, скрываемое слоем воды. Бревенчатые стены и потолок жилища с земляным слоем по бокам и сверху стали зимой надёжной защитой от длительных морозов. Вместе же жилище, ров и дуга озера стали надёжной крепостью.

Как и предполагал Зоуро, летом и осенью часть стад откочевала. Вслед за теми мигрантами прошли три племени черс.

Охотники одного из них стали преследовать группу охотников под руководством Туно. Бесшабашный от рождения, в этот раз он поступил рассудительно. Всем восьми соотечественникам он приказал рассредоточиться так, чтобы нападающие оказались окружёнными.

Почувствовав опасность окружения, люди черс прекратили бег на расстоянии, превышающем дальность полёта стрелы. Они

положили на землю луки и колчаны со стрелами. Один из них громко сообщил:

– Давайте встретимся мирно, без оружия.

Сошлись без оружия. Всё тот же воин повёл разговор:

– Мы увидели вас, людей непохожих на нас, и решили поохотиться. По тому, как вы рассредоточились, стало ясно, что воевать вы умеете. К тому же, у вас не только копья, но и стрелы. Наверное, мы повстречали племя, сумевшее разбить союз трёх племён? Кто из вас Зоуро?

– Зоуро – наш вождь. Здесь командует Туно, – сообщил Вынх.

– Если даже бесшабашный сумел укротить наш пыл, то что можно ожидать от вождя!? – восхитился один из недавних нападавших.

– Слава о вашем умении воевать осталась там, где вы были. Но ещё она будет идти впереди вас. Вряд ли кто-нибудь отважится оказаться вашим противником, – заключил воин, предложивший перемирие.

Много племён прошло мимо за пять лет стоянки племени Зоуро у дугообразного озера. Всегда это были племена черс. Наверное, Зоуро первым из снипс отважился пуститься в странствие к неизведанным землям. Ещё долго, не боясь угрозы обвала, можно было бы жить в жилищах, построенных племенем.

Но тяга к странствиям звала сменить оседлую жизнь на кочевую, пойти за мигрирующими стадами...

VII. НОСОРОГИ ПРОТИВ МАМОНТОВ

Переселение произошло в двадцать девять зим Зоуро. Он был ещё полон сил. Подойдя к реке, которую мы называем Иня, решили остановиться. Место для сооружения крепости оказалось выгодным настолько, что лучшее представить было невозможно. Около места впадения реки в большую реку далеко в берег врезалась глубоководная курья. Ещё три небольших озера почти полностью перекрыли участок от курьи до малой реки. Наверное, раньше здесь было второе русло впадающей реки, а суша была островом.

Часть старицы пересохла. Длина её пересохшей части менее пятисот шагов. Для огромного племени прокопать в старице ров большого труда и времени не составило. Территории образовавшегося острова длиной более двух километров и шириной более километра было достаточно для безопасного пребывания там всех жителей племени.

Установив чумы, племя приступило к рытью рва. Богатая живностью местность позволяла отвлекать для охоты незначительную часть мужчин. Ширина рва делалась недоступной для его преодоления в прыжке. Углублять, стоя в воде, не удавалось. Рытьё прекращалось, когда копатели оказывались в воде чуть выше колен. Вал, образовавшийся после рытья рва, едва доходил до плеч мужчины среднего роста. Но и это являлось преградой, способной сбить темп наступления.

Для входа на обитаемый островок оставили нетронутой полосу суши шириной в десяток шагов. Лишь по завершении сооружения рва приступили к заготовке брёвен для строительства жилища. Степь простиралась до ближайших гор. Лес покрывал ложбины отрогов Салаирского кряжа. Деревья оказались не такие высокие и толстые, как на Алтае, но пригодные для строительства жилища.

К Ине брёвна проводили по ручьям. Сплав по воде облегчал транспортировку. На реке строительный материал связывали в плоты, а на них укладывали крупные сучья для дров. Плоты подводили к рукотворному островку. Предвидя подъём грунтовых вод, пол углублять не стали. Всё строение: бревно за бревном, ряд за рядом возводили непосредственно на степной ровной поверхности. Сложность строительства заключалась в том, что для более длинного жилища, чем прежде, короткие местные брёвна продольных стен приходилось сращивать.

Тихими вечерами у племенного костра люди делились своими наблюдениями и воспоминаниями. Даже Туно отметил, что при удалении племени от полуденного положения солнца деревья становятся всё ниже, тоньше и растут только в ложбинах. Успевшая повзрослеть Ласи добавила, что и разбросанные по степи кустарники стали более редкими. Запасаться ягодами стало труднее.

Вкуса многих ягод, которыми в детстве питалась она, её дети не знают и вряд ли узнают. С грибами та же ситуация. Сонх дополнила наблюдения с позиции знатока лекарственных трав:

– Многие ягоды и травы там были лечебными. Теперь надо испытывать лечебные свойства тех растений, которые растут здесь. Наверное, на изменение растительности повлияли погодные условия. Здесь и дожди реже, и ветры сильнее, и зимы будут какими-то другими. К этой погоде приспособились те растения, которые мы видим. Но и среди них есть как лечебные, так и вызывающие боли. Никто не обратил на это внимание, но стоит отметить, что здесь у людей стали реже болеть суставы. А старых соплеменников меньше не становится – люди стали жить дольше.

Тогда в раздумья вслух, нахлынувшие на друзей, неожиданно и непонятно почему, Вынх внёс бодрость, изменив настроение собеседников. При немногословности сказанного им те слова действовали так же, как глоток родниковой воды под палящим солнцем:

– Главное для всех нас не грибы и ягоды, а мясо и рыба. Здесь нет рысей, барсуков и сохатых. Неизвестно, спустятся ли с гор стада козлов и баранов, но здесь появилась другая живность: от мелких грызунов до крупных травоядных. Сегодня за рекой паслось стадо таких громадных животных, в сравнении с которыми даже огуп кажется малышом. Здесь мы сможем обеспечить себя мясом в любое время года.

За рекой начиналась Кузбасская котловина. Только там Вынх и сопровождающие его охотники впервые увидели шерстистых мамонтов. Очевидцы охотно подтвердили слова возглавлявшего их бывалого охотника о необычайной величине невиданных животных. Сказали они и о том, что страшно даже представить, как гиганты будут защищаться сами и защищать друг друга.

Зоуро строго-настрого запретил охоту на гигантов. Объяснил, что сначала надо хорошо изучить повадки этих зверей, наметить действия всех и каждого во время охоты. Он сам ещё не видел великанов и не мог представить, как можно было бы справиться с одним из них и не навлечь на людей гнев остальных животных. То, что остальные пугливо разбегутся, увидев в беде собрата, казалось нереальным.

Охоту и даже наблюдения за повадками новичков пришлось отложить до окончания строительства жилища и завершения заготовки дров на предстоящую зиму. Наконец-то и эти работы закончились. Племя вошло в ритм обычной жизни, главным занятием в которой вновь стала охота.

Неожиданно для всех в жизнь переселенцев вошло разнообразие. Прибыла делегация из племени Реса. Вождь, признательный Зоуро за сохранение собственной жизни и за помощь в возвращении соплеменников под его руководство, решил продолжить контакты со справедливым и некровожадным вождём. В сопровождении его самого и четырёх воинов стоянку посетили три девушки. Они оказались слишком молоды, чтобы пополнить ряды охотников. Но сопровождающие мужчины пояснили, что в таком возрасте девушкам проще расстаться со своим племенем и легче вжиться в новое для них общество.

Вместо своих спутниц Рес хотел получить трёх девушек, но постарше. И это было всем понятно. Его новые соплеменницы могли бы сразу пополнить ряды охотников, а ещё и стать жёнами кого-то из соплеменников, поскорее пополнить племя новорождёнными. Обмен девушками подразумевал будущее родство племён. В ближайших потомках каждого из племён потекла бы кровь породнившегося племени.

То, что с появлением новых членов племени рождается более здоровое потомство, Зоуро было известно с детства. Не учёл он только того, что смешение кровей постепенно отдаляет людей от исходной ветви. Денисовцы, вступая в брачные отношения с неандертальцами и кроманьонцами, претерпевали постепенную ассимиляцию.

Не исключено, что более многочисленные кроманьонцы поглотили и денисовцев, и неандертальцев. Потому и дошли до нас лишь участки ДНК тех, вымерших ветвей человечества, а не они сами.

Обмен невестами на той стоянке Зоуро состоялся ещё дважды. Это были представители других племён, пожелавшие не только дружить, но и породниться с племенем умелых и храбрых воинов. Каждый раз уходящим «женихам» давался наказ ни в чём не при-

теснять новых соплеменниц, беречь их, заботиться о них и их потомстве так же, как о рожденных и выросших в их родном племени.

Утром следующего дня, после первого обмена невестами, Зоуро с группой Вынха и подкреплением переправился на другой берег. Они успели добыть двух кабарог, когда заметили семь переплывших к ним шерстистых носорогов. Охотники предположили, что это стадо молодых самок. Для самцов предпочтительнее одиночество, но иногда и они собираются в небольшие стада. В стадах с самками их можно повстречать во время миграций и в период спаривания. То были бы случаи другой поры года.

Зрение носорогов слабое, но очень тонкое обоняние дало знать им о приближении других животных. Люди заметили приближающееся стадо гигантов, которое видели вчера. Те тоже почувствовали стадо представителей другого вида. Самка-вожак издала трубный звук и пошла вперёд, помахивая хоботом.

От стада отделилось ещё три самых крупных особи, которые тоже издавали трубный рёв и недружелюбно помахивали хоботами. Две взрослых самки остались на тот случай, если детёнышам потребуется защита. Малышей-первогодков, их оказалось три, самки хоботами подвели под брюхо. Разновозрастные мамонята постарше столпились по сторонам от взрослых и между ними. При этом самые крупные мамонята оказались перед теми, которые были значительно меньше их самих.

Люди с любопытством наблюдали за приготовлениями к встрече, которая не предвещала мирного исхода. В связи с различием в росте носорогов и мамонтов, принявших вызов, было трудно представить исход поединка. Одержат ли победу семь носорогов над мамонтами, или эти четыре громады сметут препятствие, встающее на их пути, однозначно никто предположить не мог.

Группы «поединщиков» сближались. Наступление носорогов сопровождалось громкими звуками, напоминающими богатырский храп и свирепое хрюканье кабанов. Не визг, а именно хрюканье. Издаваемые прерывисто каждой особью, они слились в непрерывный храп, напоминающий ещё и скрежет металла. Но о металле и о его скрежете люди каменного века ещё не имели даже малейшего представления.

Для понимания серьёзности намерений шерстистых носорогов было достаточно и тех сравнений, которые можно применить, описывая их воинственные звуки. Трубный гул мамонтов на мгновение заглушал храп противников, но носороги тупо наступали на врагов, не пустившихся в бегство. Это было непривычно для них, разгоняющих даже стаи грозных хищников. Злоба на дерзнувших принять бой копилась в существах, ранее не знавших равных себе противников.

Организованность мамонтов наталкивала наблюдателей на мысль, что гигантам уже доводилось встречаться с сородичами сегодняшних коротконогих путешественников в их владения. На это указывал и один из бивней вожака, обломанный ранее в одном из сражений.

Сблизившись до сотни человеческих шагов, мамонты остановились, а носороги лавиной понеслись на врагов. Крепость переднего рога каждого мчащегося животного не вызвала сомнений

ни у нападающих, ни у наблюдателей. Этот мощный нарост был длиннее, чем мужская рука. Уверенности придавало и численное превосходство над соперниками. У ослеплённых яростью животных короткие ноги замелькали так быстро, что скорость бега оказалась не меньше, чем у лошадей, спасающихся бегством.

Случилось так, что все семеро неслись на принявших бой мамонтов. Гиганту с обломанным бивнем пришлось противостоять трём огромным меченосцам. Атакующие мчались лавиной, отставая один от другого не более чем на полкорпуса. Гигант встречал их с низко опущенной головой.

Казалось, что рог коренного нападающего войдёт точно в лоб, если этому не помешает огромный бивень, вставший на пути. Да и сможет ли эта костяная дуга сдержат натиск хотя бы одного из свирепых четвероногих, управляемых в тот миг единственным инстинктом – смести живое препятствие, посмевшее встать на пути?

Перед самым ближним носорогом оказалась левая нога. В другую ногу должно было вонзиться грозное оружие другого нападающего. От этих двух ударов гигант мог упасть на колени. Удар в лоб должен был стать третьим, завершающим. Животное с обломанным бивнем представлялось наблюдателям самой вероятной жертвой.

Мгновения отделяли начало атаки от встречи с обороняющейся гигантской четвёркой, но их хватило, чтобы предстоящая картина сражения пронеслась в воображении очевидцев мчащейся грозной лавины. Картину дополняла четвёрка других носителей мощнейших нерукотворных пик, мчавшихся ещё на двух гигантов. При ударах грозного оружия по ногам соперников ожидалось неминуемое падение на колени трёх мамонтов из их четвёрки. Обездвиженные, они стали бы жертвами безжалостной расправы.

К мысли о неминуемости гибели гигантов подталкивала их неторопливость, даже медлительность, кажущаяся неоправданной в данной ситуации. Были непонятны и действия гиганта, оставшегося свободным от нападения. Расправившись с тремя соперниками, носорогам не составило бы труда лишить жизни последнего защитника самок с детёнышами.

Действительность не заставила наблюдателей долго ждать развязки боя. Мамонт с обломанным бивнем приподнял левую ногу, словно опасаясь удара по ней.

«Возможно, животное помнило о ране, нанесённой по этой ноге в предыдущем сражении», – предположили охотники, наблюдавшие за ходом битвы.

Приподняв голову и хобот, гигант успел ответить сбившимся в кучу сородичам трубным рёвом. В тот миг, когда голова носорога достигла ноги гиганта, но ещё не коснулась её, огромная стопа опустилась. Часть многотонной массы доисторического животного безжалостно и своевременно придавила нападающее животное. Только что протрубивший хобот со всего маха хлестнул по толстой шее меченосного животного, метившего во вторую ногу.

Носорог отлетел в сторону, словно шар перекаати-поля, иногда наблюдаемый в степи ранней весной во время бури. Свободный от нападения мамонт нанизал упавшего на бивень, пронзив его насквозь. Мотнув головой, сбросил двухтонный груз и наступил на него весом своей туши. Носорога, пытавшегося протаранить лоб гиганта, тот своим обломанным бивнем пронзил насквозь. Бивень вошёл в тело так легко, словно был острым, а шкура носорога была совсем не похожа на ту броню, которую не всегда пробивало остриё каменного наконечника охотничьего копья.

Свободный от нападающих мамонт успел смертельно ранить одного из нападавших на его сородича, державшего оборону рядом. Другого носорога оборонявшийся хлестнул хоботом. Носорог при этом устоял на ногах и по инерции промчался мимо. Двум другим носорогам удалось ранить одного гиганта. И вновь помог мамонт, свободный от нападающих. Он пронзил бивнем ближайшего соперника, а его компаньон, получив весомую оплеуху хоботом, был отброшен в сторону. Скучившаяся часть стада хором издавала трубные звуки в случае, когда сражающиеся с трудом справлялись с противником, подбадривая своих бойцов и напоминая им об опасности, грозящей их малышам.

Задира, промчавшийся мимо, резко развернулся и, как таран, в тупой злобе нёсся к гиганту, не успевшему после ранения встать с колена. Удар в заднюю ногу повалил великана. В тот же миг ги-

гант с обломанным бивнем, единственный из мамонтов, мгновенно успевший развернуться, нанизал обладателя самого большого рога на свой целый бивень. Опустив пронзённую тушу на землю, огромное животное принялось безжалостно топтаться по своей жертве.

Носорог, отброшенный хоботом в сторону, резко развернулся. Мгновения ему хватило, чтобы оценить ситуацию. Все его собратья были повержены, а невиданные ранее громадины с ожесточением топтались по бесформенным кучам из мяса и костей, едва прикрываемых шкурами. Ещё один резкий разворот, и единственный носорог изо всех сил помчался прочь.

Два мамонта принялись хоботами помогать раненому собрату подняться на ноги, а один погнался за убегающим противником. Он не мог не заметить, что отстаёт от преследуемого, но продолжал бег. Наверное, делал он это для остротки на будущее, давая понять, что безнаказанное злодейство в отношении его и собратьев должно стать для всех немислимым.

Трубный рёв вожака остановил преследователя и заставил его вернуться. Оставив место месива из бесформенных туш, бойцы приблизились к оставленным сородичам, которые встретили героев своеобразным трубным рёвом. Взрослые особи, которые только что были охранниками молодежи, в знак признательности сначала плавно скрестили хоботы с подошедшими собратьями, а потом свили их так, что те стали похожи на скрученную толстую верёвку. Но гиганты тут же легко распутали свои хитросплетения.

Зная силу и мощь носорогов, и видя, как бесцеремонно расправились с ними новые гиганты, Зоуро строго-настрого запретил охоту на любых собратьев победителей этой схватки. Люди племени знали о новых встречах слишком мало, а для победы над такими дружными воинами нужно было не только изучить привычки и повадки своих соперников, а знать о них почти всё.

По дальнейшему поведению новых знакомых стало очевидно, что они травоядные – ничего хищнического в гигантах не просматривалось. Стадо оставило побеждённых врагов и не проявило интереса к судьбе недавних забияк. После нанесённых ран и топтания по поверженным тушам обнаружить кого-то из носорогов живым было бы нереально.

Зоуро высказал сожаление в связи с тем, что уйма изуродованного мяса пропадёт, не принесёт пользы племени, а достанется хищникам и падальщикам. В голодные времена из растоптанного месива охотники могли выбрать ещё что-то, но в жизни племени такая пора была в прошлом и могла бы быть не в ближайшем будущем. Взяли на мясо наименее повреждённые части туш. Набралась половина от всей массы разделанных животных. Чтобы унести всё, пришлось послать гонцов за подмогой. Пригодными для хозяйственных нужд оказались и шкуры.

Давно заметили то, что в болотистых местах подо мхом даже жарким летом сохраняется лёд. Такие природные холодильники племя использовало для хранения излишков скоропортящихся продуктов. В этот раз запасов было так много, что пришлось использовать холодильники в нескольких местах. Чтобы запасённая пища не досталась хищникам, места складов продовольствия пришлось не просто накрывать мхом, но и заваливать нарубленным в округе кустарником.

Большие и сильные животные поразили воображение очевидцев схватки. Даже детёныши выглядели большими в сравнении с их сверстниками других видов животных. Непроизвольно, как-то само собой, родилось название, характеризующее новых знакомых дикой природы. Если большой шерстистый носорог – это огуп, то огромное, не менее шерстистое и более величественное животное было признано главным в дикой природе. Рогуп – вот единственно верное обозначение у древних людей гиганта, известного нам как мамонт. Звук «р» означал признание великанов главенствующими в природе.

Тогда же нашлось имя и мальчишке, прожившему шесть зим без имени. Несмотря на короткие ноги, доставшиеся ему от матери-коротышки, он был на полголовы выше своих сверстников. Он так крепко стоял на ногах, что повалить его мог не всякий мальчишка, достигший девяти зим.

Небывалой устойчивости ног соответствовала и сила в руках. Мальчишки, достигшие девяти зим, стали брать силача на охоту. И он действовал, как равный юным добытчикам. Свободно взвалив на плечо одну из только что подстреленных и в спешке не

разделанных кабарог, он уходил от стаи волков, преследовавших удачливых охотников. Другие мальчишки отражали нападение хищников, пополнив трофеи двумя клыкастыми. Со своей ношей мальчишка-крепыш не расставался до дома, хотя друзья и предлагали ему отдохнуть, передав кабаргу кому-то из них.

И раньше взрослые пытались дать имя этому необычному мальчишке. Его хотели назвать кочеем, но было ясно, что известный путешественникам Кочей не смог бы сравниться с соплеменником без имени, когда бы он, мальчишка, превратился во взрослого и оказался в расцвете сил. Не прижилось и имя Огуп. Тупая злоба, присущая тем мохнатым животным, не шла в сравнение с осмысленными действиями мальчика-здоровяка. Сила и незлобивость нашли отражение в имени, которое присвоили новым гигантским мирным животным. Рогуп – так стали называть маленького силача.

VIII. ОХОТА НА ГИГАНТА

В отношении мальчишек Зоуро вёл себя не так, как когда-то Суро. После девяти зим юные соплеменники становились охотниками, но не вполне полноправными. К каждому подростку вождь приставил опытного наставника. Занимаясь своим делом во время охоты, взрослый в любой миг мог и был обязан предостеречь пылкого и азартного подростка от рискованных действий.

Тем летом приступили к взрослой охоте Сот, второй сын Зоуро, и Гизо, сын Тавка и Сонх. Место Гизо было рядом с Зоуро. Не только отец подростка обратил на это внимание. Никто не сомневался в том, что именно этого маленького соплеменника вождь готовит на замену себе. Мальчишка в свои одиннадцать зим, осмотрительный, как когда-то и сам Зоуро, был предводителем сверстников в играх поры детства, успешно организовывал друзей для познания окружающего мира. Подросток метко стрелял, был смелым, крепким, как мох влагу впитывал в себя наставления. Не своих сыновей, а сына Тавка Зоуро видел будущим вождём большого племени.

Битву гигантов с носорогами наблюдал и Гизо. Поражённый бескомпромиссностью поведения сражающихся гигантов,

подросток пытался представить себе, как люди могли бы справиться с кем-то из них. Неопытность в охоте пока не позволяла ему наметить какой-нибудь приемлемый план действий. Битва с носорогами всем показала слаженность действий умных животных, их взаимовыручку в трудные мгновения схватки с противниками.

Успокаивало то, что люди – это не носороги с их тупой яростью. Люди могут и должны найти наименее опасный способ охоты на гигантов. Дальнейшие наблюдения убедили людей племени, что пасутся животные на расстоянии прямой видимости друг от друга. На водопой они ходят друг за другом, строго соблюдая иерархию, установленную в семейном сообществе.

Длительные старания по придумыванию способа наиболее безопасной победы над гигантом оказались безуспешными. Действиям, необходимым при охоте на носорога, препятствовал сильный и очень подвижный хобот. И носорог своим огромным рогом нередко сбрасывал взгромоздившихся на его спину охотников. Мамонт, изогнув туловище, мог достать хоботом даже противников, взобравшихся на его спину по задним ногам. О силе гибкого органа великана напоминали отлетавшие при ударах массивные носороги, нападавшие к тому же на огромной скорости.

Узнать, где у гигантов находятся наиболее уязвимые места, можно было бы только во время схватки с великаном. Люди знали, что при поражении в сердце – победа самая быстрая, но ни стрелой, ни копьём до сердца такой громадины не добраться. Где находится сердце мамонта, охотники представляли по расположению его у других животных.

Было непонятно и то, как отлучить от стада одно животное. При ранении одного из них гнев остальных гигантов был неизбежен. Люди видели погоню мамонта за уцелевшим носорогом и сделали вывод: даже если разбежаться в разные стороны, спастись бегством удалось бы далеко не всем охотникам.

Изучая повадки этих степенных животных, заметили, что без надобности никто из них не идёт напролом сквозь встречающиеся заросли. Рогупы обходят их. У Гизо созрела идея, что изгородью можно задавать направление движения гигантов. Своей до-

гадкой подросток поделился с вождём. Решили без промедления проверить это предположение.

Сложность заключалась в том, что мамонты не ходили на водопой по какой-то определённой тропе. Каждый раз они подходили к воде ближайшим путём. Пытаться как-то направить этих животных в нужное место было не менее опасно, чем напасть на семейство этих великанов. Нужно было ждать, когда животные привыкнут к близости людей, перестанут воспринимать их в качестве источника опасности.

День за днём группа охотников следовала на небольшом удалении от стада, постепенно приближаясь к отдельным животным. Сначала трубные звуки предупреждали диких сородичей о близкой опасности, но через какое-то время стадо свыклось с присутствием двуногих, не причинявшим им какие-либо неудобства при насыщении. Но замечая приближение людей, огромные животные всё-таки отходили от своих преследователей. Люди при этом старались действовать так, чтобы не привести гигантов в ярость и не оказаться растоптанными ими.

Добившись от мамонтов терпимости в связи с неожиданным соседством, люди на пути к воде соорудили несколько небольших изгородей. Гизо оказался прав. Великаны, потеснённые людьми к искусственным сооружениям, не разломали творение разума и рук двуногих спутников. Подойдя к переплетениям ветвей, изменили направление движения и прошли вдоль изгороди. Оставалось придумать, что ещё надо сделать для удачной охоты.

Ещё одна группа охотников, которой руководил Туно, вела наблюдение за другим стадом в паре дней пути от стоянки. Несколько дней изучения повадок этой группы животных не дали ничего нового. Животные вели себя так же, как и в уже известном стаде. Неожиданное появление охотников ранее неизвестного племени изменило их планы. Чужие охотники не стали ждать, когда стадо подойдёт к их стоянке. Они стали постепенно приближаться к стаду, давая великанам привыкнуть к присутствию посторонних.

Туно и его соплеменники не стали скрываться от чужаков. Те, увидев представителей другой ветви человечества, спросили, от-

куда они. Узнав, что стоянка Зоуро рядом, охотники не проявили агрессии, спокойно продолжили своё дело. Денисовцы спросили, что они собираются делать дальше. Ответ оказался неожиданным:

– Когда гиганты привыкнут к нам, мы аккуратно подгоним их ближе к своей стоянке, где уже приготовлена яма для одного из них.

Дальнейшие расспросы показали, что Туно излишними. Возвратившись домой, он поделился с Зоуро новостью о встрече. Паэлы сложились в голове вождя. Надо приготовить ловушку на участке наиболее вероятного нахождения стада через несколько месяцев. Необходимо соорудить яму. Если к этому месту подвести два забора, то по образовавшемуся коридору животные сами придут к ловушке и попадут в неё.

Казалось, что нет нужды заботиться об охоте на зверей. В природных холодильниках была уйма мяса носорогов, на которых даже не пришлось охотиться, рискуя жизнью соплеменников. Но племя во главе с вождём уже имело жизненный опыт, подсказывающий о необходимости планирования предстоящей деятельности.

Предположили, что было бы легче устроить ловушку вблизи от места хранения мяса, чтобы не переносить его на большое расстояние. Попытка не увенчалась успехом. Под болотом, укрытым мхом и удерживающим тепло подобно шкуре, оказалась мерзлота. Люди племени не предполагали, что впервые встретились с вечной мерзлотой, но и просто мерзлота подтолкнула бы их к принятию другого решения.

Вспомнили, что соседнее племя сооружает ловушку вблизи своих жилищ. Но их стоянка на приличном удалении от пастбища гигантов, на которых охотятся люди черс.

– Чтобы стадо можно было подогнать поближе к своей стоянке, там корм травоядных великанов не должен быть съеден или вытопан, – предположил вождь.

На достаточном удалении от берега реки пришлось строить забор, мешавший мамонтам пастись на территории предполагаемой охоты. В случае удачи можно было бы на плотках перевезти мясо к местам хранения на своём искусственном острове.

Рытьё ямы, из которой огромный зверь не смог бы выпрыгнуть, отняло времени больше, чем предполагалось. Со временем, потраченным на рытьё рва, заготовку древесины, строительство жилища и плетение забора, незаметно пролетело лето. Даже с мясом других животных, добываемым для разнообразия, давно закончились припасы мяса носорогов, а завершению сооружения ямы не было видно конца.

Приближалась зима. Яму, глубина которой превышала человеческий рост, пришлось оставить до весны. Чтобы зимой вьюги не замели её, а весной от растаявшего снега там не образовалось болото, сооружение прикрыли молодыми стволами деревьев и корой. Весной отгрести с покрытия снег не составило большого труда.

Отсутствие мяса мамонтов не заставило голодать племя опытных охотников. Припасённая летом растительная пища была лишь добавкой к добываемому мясу, разнообразием рациона питания. Основным источником мясной пищи были табуны лошадей. По-прежнему без суеверий и пренебрежения подалось волчье мясо. Зимой охотники успешно промышляли в лесу.

Зоуро думал, как весной ускорить процесс углубления ямы. К изобретению способа ускорения копки он привлек всё племя. Глубина ямы не позволяла выбрасывать со дна землю так же эффективно, как в начале копки. Цепкий ум Гизо нашёл выход.

Подросток предложил соорудить из шкур то, что мы назвали бы мешком. Наполняя мешок на дне ямы, его можно поднимать на поверхность с помощью волосяных верёвок. В мешках можно было относить землю подальше от ямы, чтобы гора свежей земли не всполошила идущих по коридору животных.

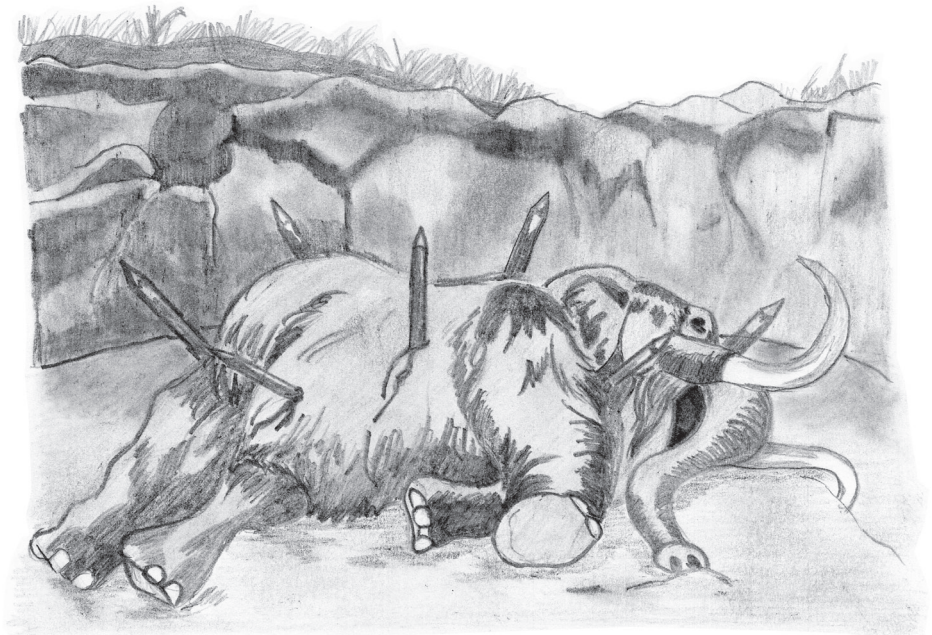
Долго ждали, пока грунт отойдёт от зимнего промерзания. Наконец-то яма, глубиной почти в три человеческих роста, готова. На дно вкопали части заострённых древесных стволов – колья, о которые падающий зверь должен был пораниться. Сооружение прикрыли тонкими древесными стволами и корой. Конструкция легко удерживала людей, накрывших кору слоем дёрна.

К широкой горловине коридора из плетений стадо подогнали так, что первым оказался ещё не повзрослевший самец. В сужив-

шейся горловине животные не стали обгонять друг друга. Мамонт, шедший первым, наступил на край ямы. Земля под ногой осыпалась. Подталкиваемое гигантами, идущими следом, животное не успело отпрянуть назад. Нога пошла вглубь, в пустоту. При падении, продавив грудью бревенчатое перекрытие, мамонт упал вниз головой. Нанизанный туловищем на прочные кольца, при ударе о дно ямы, он к тому же сломал шею.

Гигантские сородичи, пытаясь помочь, сломали и растоптали заграждения около ямы. Они толпились вокруг ловушки, призывно трубили в ожидании, что упавший отзовется. Пришло время, когда умные животные поняли, что жизнь ушла из несчастного собрата. Все оставили его. То, что совсем недавно было полно сил и жизни, превратилось в бездыханную тушу. По кольям кровь продолжала стекать на дно ямы, впитываясь в песок.

Первый опыт охотников оказался удачным. Даже не пришлось добывать жертву ловушки. Тяжёлый коллективный труд был сполна вознаграждён обилием мясных запасов. Никто не сомневался

в том, что молодой самец окажется вкусным, а хватит его до перехода луны из половинки в круглую. Мы бы сказали проще: «Мяса хватит на полмесяца, если племя будет питаться только им».

Разделявать в тесноте ямы тушу было неудобно, так что извлекать её на поверхность пришлось по частям с помощью верёвок. Природные холодильники обеспечивали сохранность скоропортящегося продукта на протяжении всего лета. Какой будет охота на новом месте в конце зимы, люди уже знали. Но и это знание не давало повода для людского расслабления. Охота на других животных и сбор растительной пищи продолжилась, что позволило существенно разнообразить рацион питания. Эта яма использовалась по одному разу и в следующие лета. При этом менялись лишь покрытие, часть кольев в яме и участок изгороди.

IX. В ПЫЛУ ОХОТЫ

Люди спокойно доживали четвёртую зиму на облюбленной ими стоянке – вождю исполнялось тридцать четыре. Несмотря на возраст, он был крепок, умело управлял племенем, и в этом умении с ним вряд ли кто мог сравниться во всей округе. Непревзойдённый военачальник непобедимого племени! Многие племена, убедившиеся в силе этого племени, стремились породниться с ним, гарантируя этим защиту от нападения на своё племя. Пойти войной на племя Зоуро никто не собирался, но сооружение, защищающее от вражеского нападения, ежегодно поддерживалось в исправности.

Частые сильные ветры переносили выпавший снег в таёжные распадки, а на открытой равнине он утрамбовывался так, что люди свободно передвигались, не проваливаясь. Даже под тяжестью носорогов и мамонтов образовывались ямки, в которые человеческая нога помещалась лишь по щиколотку. Для охоты это было очень удобно. Резким движениям мешала одежда. Она сковывала тело, но с этим приходилось мириться.

Немалое неудобство спрессованный снег доставлял животным. Для добычи пищи лошади и олени копытами пробивали толстую корку слежавшегося снега, а носорог, словно плугом, ро-

гом пропахивал ледяную толщу. Он оставлял след, похожий на борозду, усыпанную пожухлыми листьями и стеблями степных трав. Нелегко доставался животным зимний корм. Изменилось и их поведение, отличающееся некой нервозностью и беспокойством, и вместе с тем большей сплочённостью, чем летом.

Летними месяцами, когда стада мигрировали, животные замечали только хищников, выслеживающих свои жертвы. На людей они почти не обращали внимания. Даже, когда шла охота на одного из собратьев-носорогов, рёв раненого животного не особо раздражал остальных пасущихся. К весне животные стали теснее собираться группами, паслись скученнее.

В тот раз их оказалось в стаде четыре. Заманить в сторону от основной группы одно животное не получилось. Было решено пока не лезть на рожон, оставив затею с добычей тяжеловеса на завтра. Оказалось бесспорным, что не только бывалым охотникам племени предстоит охота одновременно на всех четырёх носорогов. А сегодня решили разбиться на две группы и отыскать стадо кабарог или табун лошадей. В этот день удача сопутствовала обеим группам.

Гизо и Сот успели стать опытными охотниками и действовали без наставников. Среди взрослых добытчиков, но пока под присмотром Вынха, выходил на промысел Рогуп, доживший до десяти зим. Мальчишка действовал осмотрительно, но ребячий азарт и пыл могли привести его к необдуманному шагу.

Оказавшись вблизи небольшого стада, Зоуро распределил охотников на каждое животное. Туно, Саво, Сирт и он сам возглавили группы. Договорились, что с животными-гигантами смогут справиться, лишь ослепив их и лишив обоняния, но действовать нужно всем организованно и одновременно. Вокруг подслеповатых травоядных, пасущихся на удалении сотни шагов друг от друга, рассредоточились люди, знающие свои обязанности, готовые к действиям. Вынх и Рогуп охотились в группе Зоуро.

Стрелы, попавшие в глаза и нос пасущихся носорогов, взбесили животных. Злоба погнала зверей на причинивших им боль, на тех, кто был готов орудовать топором, взобравшись на спину зверя. Животные неслись в яростной погоне, ориентируясь на звуки

убежавших от них охотников. Казалось, что они не обращали внимания на тех, кто не жалел сил, прорубая толстую шкуру и спеша навсегда остановить бег животного-гиганта...

Никто не замечал, что творится в это время в соседних группах. Каждый вносил свой посильный вклад в победу, выполняя поставленную задачу. Вынх, как настоящий всадник, восседая на спине зверя, крепко держался за его шерсть, нанося при этом смертельные удары, когда вдруг его подопечный оказался на пути разъярённого носорога. Мальчишка не оглядывался и, убегая, не смог бы спастись от несущейся на него громады. Зоуро мгновенно оценил обстановку.

В несколько прыжков вождь оказался рядом с убегающим. Резко дёрнул неопытного охотника за руку, отбросил его в сторону и, распластавшись на снежной корке, неожиданно почувствовал, как громадный рог оказался между его ног. В мгновение ока подкинутый в воздух свирепым животным, Зоуро резко опустился на шею зверя.

Тот почувствовал наездника, мотнул головой так, что Зоуро пролетел расстояние, которое больше его собственного роста раз в шесть. Приземлившись, он упал на подставленную руку, а потом ударился о наст плечом. В горячке он не обратил внимания ни на боль, ни на своё состояние. Отметил лишь то, что мальчишка спасён. Вскочив на ноги, тот успел запустить своё увесистое копьё, которое пробило шкуру и вошло под позвоночник мчавшегося животного.

Носорог развернулся стремительно, так что один из охотников не удержался на спине зверя и, упав, оказался растоптанным ногами тяжеловеса. Гибель опытного соплеменника и усилившаяся собственная боль привела вождя к потере сознания. В пылу охоты никто не заметил его отсутствия в рядах атакующих. К счастью, слабеющее животное металось на удалении от пострадавшего, сгруппировавшегося в комочек на утоптанном снежном одеяле.

Его отсутствие заметили, когда общая цель была достигнута – бронированный тяжеловес упал и уже не мог подняться для продолжения расправы над стадом двуногих существ, посягнувших на его жизнь. Чуть позже на шкуре носорога, быстро снятой со-

вместными усилиями, раненых соплеменников привезли домой и передали для лечения Сонх.

В группах Туно и Сирта часть охотников отделалась ранами и лёгкими увечьями. Саво, возглавлявший охоту на самое изворотливое животное, мгновенно ушёл в мир тьмы. Его, пытающегося вскарабкаться на спину жертвы, животное придавило рогом к холке, поломав рёбра и превратив в месиво все внутренности воина. Оставшись без вожака, почти все охотники этой группы получили различные травмы. К счастью, ранения оказались для них не смертельными.

По пути следования домой Зоуро несколько раз приходил в сознание и снова терял его, когда шкуру протаскивали по какой-нибудь из многочисленных кочек наметённого на траву сугроба. Рядом с вождём лежал соплеменник из числа черс, который получил сильное увечье обеих ног. Зоуро сообщили, что всех четырёх огупов завалили, разделали, а мясо везут на шкурах или несут домой. Когда сознание окончательно вернулось к вождю, он увидел тех двоих, которых соплеменники бережно несли на себе. Охотника из своей группы он знал, а узнать второго пострадавшего не удавалось – кроме грудной клетки, было неузнаваемо изуродовано лицо.

Охота, которая могла быть удачной, оказалась трагичной. Две жизни, прервавшиеся без времени, хоть и вполне естественно, тяготили вождя. О втором, ушедшем в мир тьмы, он узнал после процедуры врачевальницы. Зоуро скорбел, потому что лишился ещё одного друга детских игр и подростковых походов, манящих в неизведанное.

После осмотра раненого вождя Сонх сообщила:

– Рука со сломанной ниже локтя костью заживёт быстро. А вот косточка, идущая от плеча к груди, срастается долго. В любом случае, без фиксации обоих переломов нам не обойтись. Руководить на охоте тебе доведётся совсем не скоро.

– Не это главное, Сонх. Важно, что пострадал не зря. Из Рогупа вырастет сильный охотник, который принесёт племени огромную пользу. Я сам уже на склоне лет. Скоро отойду от охотничьих и воинских дел, перейду в наставники мон и мин. Суметь бы стать

таким, каким был наш учитель Колс. А полномочия руководства охотниками придётся переложить на Гизо, – согласился с Сонх вождь и добавил в раздумье. – Пора ему брать бразды правления в свои руки. Не все сразу, но пора.

Фраза, брошенная как бы между прочим, не выходила из сознания. Мысли сверлили мозг, не давали уснуть даже тогда, когда все утомонились, а жилище наполнилось своеобразными звуками его обитателей, безмятежно отдыхающих после тяжёлого трудового дня.

«Да, дорогой Зоуро, подходит время и твоего заката. Всё в мире рождается, потом растёт и хорошеет, крепчает и достигает расцвета сил и изящества. А потом настанет пора тихого увядания, когда участие в охоте или защите дома становится непосильным и неоправданно опасным. Тогда, чтобы не быть обузой для соплеменников, каждый занимается тем, на что способен ещё. А это передача опыта, накопленного за годы жизни.

Коротка жизнь, но вовсе не бесцельна – мы рождаемся для того, чтобы дать жизнь тем, кто будет продолжать людской род после нас. Итак, из поколения в поколение. И каждые следующие продолжатели рода должны быть приспособлены к тяготам жизни не хуже их отцов и дедов. Только так они смогут противостоять всему, что будет давить на их плечи и умы. Соплеменникам моего поколения повезло – мы живём сами, даём жизнь мон и мин, продолжаем род людей снипс. И нам не грозит вымирание, исчезновение из этого мира, как тем пливс-отшельникам, которых покинули последние женщины – Таки и Ласи», – размышлял раненый вождь.

Х. БДИТЕЛЬНОСТЬ

Ещё два года люди жили в привычном для них жилище, надёжно обеспечивающем безопасность. Гизо получил все полномочия вождя большого племени и стал зваться Гризо. Рогуп в его двенадцать зим возмужал так, что ростом и силой не отличался от мужчин. И он, и все соплеменники не сомневались, что это ещё не предел его роста и сил.

Переселение под руководством молодого вождя началось в первые дни потепления. Шли вслед за удаляющимся стадом, сооружая временные стоянки для жилья. К моменту вскрытия рек животные и люди прошли немалое расстояние. И вот продвижение кочующих стад почти прекратилось – они вышли на подрастающий свежий и сочный корм. Обилие небольших озёр давало возможность утолять животным жажду, не выходя на берег протоки большой реки.

Остановилось и племя. Временные жилища, чумы, растянулись вдоль неширокой протоки, за которой просматривалось великолепие острова. Мальчишки не утерпели и переплыли водную преграду. Оказалось, что за холмом, возвышающимся в центре островка, есть ещё одна протока, более узкая, чем около стоянки. Низменные места этого необитаемого клочка суши и острова за ним украшали буйные травы, чередующиеся с цветущими ягодными кустарниками.

На затенённом склоне холма кое-где шелестели молодой листвой низкорослые осины и берёзы. В направлении от солнца было ещё одно возвышение, соединённое с центральным холмом небольшой возвышающейся грядой. Пологий склон того возвышения подходил к протоке. Принесённые большой водой ветви и травы указывали границу наибольшего подъёма воды. Верх выступающей гряды и оба возвышения раньше не затапливались.

«Островок может стать местом стоянки, если мужчины построят жилище на нём», – размышляли старшие из исследователей.

О своих наблюдениях детвора рассказала взрослым. После охоты Гризо побывал на островке. Небольшое возвышение отодвинуло границы обзора прилегающей местности во всех направлениях. Это исключало возможность внезапного нападения на жителей островка.

Молодой вождь посоветовался с возрастными соплеменниками, и уже на следующее утро Зоуро, Тавк и Вынх посетили заинтересовавшую их землю. Серьёзной проблемой могло стать для людей строительство жилья из-за отсутствия здесь древесины, пригодной для укладки стен и возведения перекрытия. Осины и берёзы

в счёт не шли. Строили всегда из стволов хвойных деревьев, кедра и лиственницы. Выход один – заготавливать лес в горных распадах и сплавливать его по реке.

В сторону восхода солнца горизонт обрывался лесистой возвышенностью. К тому дню охотники уже знали, что от большой реки к возвышенности путь преграждает огромное болото. Найти проход по болоту трудно, но возможно, а вот каким способом доставлять заготовленный лес к месту строительства, никто не знал. Вспомнили недавние дни кочевой жизни. Там, выше по течению большой реки, горный массив вдвое ближе, чем от нынешней стоянки. До него недалеко. Обходя речные изгибы, налегке можно добраться за два дня пути.

Зоуро и Вых, уже не участвующие в охоте, возглавили группу лесозаготовителей. Подошли к месту, где лесной массив на возвышенности хорошо виден с берега. Наш современник сказал бы, что до него от реки менее десяти километров. Продвигаясь ближе к лесистой возвышенности, вышли на небольшую речку. Зоуро отметил, что по ней заготовленные брёвна можно будет сплавливать до большой реки. Вых уточнил, что с учётом неизбежных многочисленных изгибов этой речки, сплавливать лес до неё предстоит на расстояние втрое больше, чем прошли от большой реки напрямую.

Пока продвигались вдоль берега, всё было привычно и предсказуемо. Неприятную новизну ощутили люди, когда вошли в лес. Полчища кровососов – от еле различимого глазом мокреца до слепней разных мастей и размеров – набросились на вспотевшие тела. Ежедневно, с раннего утра до позднего вечера, пока шла работа по заготовке древесины для строительства, не находилось спасения от кровожадных извергов.

А комары не спали и ночью. Из лесорубов и сплавщиков леса, спящих после трудового дня, они высасывали столько крови, что еле взлетали. Места, где побывали жала или челюсти кровожадных, люди расчесывали до корост. Особенно ненавистной была мошка. Она забивалась в труднодоступные места под одежду и, вырывая кусочки кожи, впрыскивала в тело токсины, вызывающие жжение и нестерпимый зуд.

Как валить деревья, лесорубы знали не понаслышке. Но то было при заготовке древесины на дрова. Здесь же пришлось рубить стволы самых толстых деревьев. Медленно, неспешно шла тяжёлая работа, продвигая людей к заветной цели. Заготовили древесину для стен и перекрытия жилища, не забыли про бревенчатую переправу через речную протоку. Часть заготовленного оставили на дрова. Пополнить запас дров можно было из берёз и осин, растущих на их острове.

Мысль о необходимости сооружения переправы пришла Зоуро. Чтобы не преодолевать протоку вплавь, тем более с добычей, нужно построить водный мост, который станет хорошим подспорьем всем. По словам Зоуро, пара самых длинных брёвен могла бы с лёгкостью перегородить протоку. Связав их, можно будет какие-то участки дополнить более короткими и менее толстыми стволами.

Немалую трудность доставила транспортировка брёвен к речке. И сплав древесины оказался не шуточным делом. Узкая, делающая крутые повороты, несущаяся по мелям перекаатов речка, будто противилась действиям сплавщиков. Пропускать по реке пришлось по одному бревну. На перекатах рыли углубления, в которые направляли бревно за бревном. В трёх местах берег с крутым поворотом срезали, а на двух крутых изгибах вершины самых длинных стволов приходилось выносить на сушу, чтобы бревно вписалось в поворот.

Сплавом руководил Вынх. Это он разделил на группы соплеменников, определив им объём работы на определённом повороте реки. Отдельная группа должна была доставлять древесину от места рубки к речке. Остальные должны были сопровождать брёвна по сравнительно ровным участкам, с последующим креплением брёвен к берегам перед выходом в протоку большой реки. Позже Зоуро освободил от рубки часть своих подопечных, отправил их вязать стволы в плот. Остальные, закончив рубку, помогли друзьям в сплаве остатков заготовленной древесины.

Плот вязали в протоке большой реки. И привели его в протоку, но уже около своего островка. На сплав по большой реке и протокам ушло несколько дней. Наш современник сказал бы, что

расстояние сплава составило километров восемьдесят. На всю транспортировку потребовалось меньше труда и времени, чем для доставки по вчетверо меньшему пути, по болоту.

Лесорубы и сплавщики делали своё дело, охотники – своё, а остальная часть трудоспособного населения – своё. Одни рыли на незатопляемом участке северного холма углубление для жилища, другие – оборонительную траншею вдоль берега, около самого узкого места протоки. Именно там захватчики могли бы штурмовать защищающихся островитян.

Когда плот разобрали, а брёвна закатали на берег для просушки, часть лесорубов приступила к сооружению моста через протоку. Шпагатом из конского волоса измерили ширину водной преграды. Оказалось, что Зоуро был точен в своих предположениях – двух из наиболее длинных брёвен на перекрытие участка от берега до островка хватило с небольшим запасом.

К этой паре подвели ещё два хлыста, но уже не вершинами, а комлями друг к другу, а к ним – пару, но вершинами, как в первой паре. Надёжно связав хлысты и подперев их на одном берегу, другой край всей конструкции оттолкнули от берега острова. Слабое течение в протоке стало отдалять от людей свободный конец будущего перехода. Другой край конструкции стал наезжать на противоположный берег.

Концы стволов уже коснулись берега за протокой, а течение продолжало напирать на брёвна, продвигая их концы по земле. Возникла опасность, что движение не прекратится и мост снесёт. Всем строителям перехода через протоку Зоуро приказал перебежать по движущемуся мосту и там упереться в хлысты копиями, пытаясь остановить движение.

Усилия не пропали даром. Движение брёвен прекратилось, а толпы радостных соплеменников с возгласами, не скрывая победных эмоций, ринулись навстречу друг другу. Все сошлись на середине моста. Сильные руки строителей перехода и береговых укреплений тискали встречных, продолжая выкрикивать несвязные звуки, выражающие беспредельную радость. Так бывало только после ощущения достигнутой нелёгкой победы над опасным врагом.

Когда страсти улеглись, Гризо с озабоченным видом обратился к Зоуро, которого молодой вождь продолжал считать своим наставником:

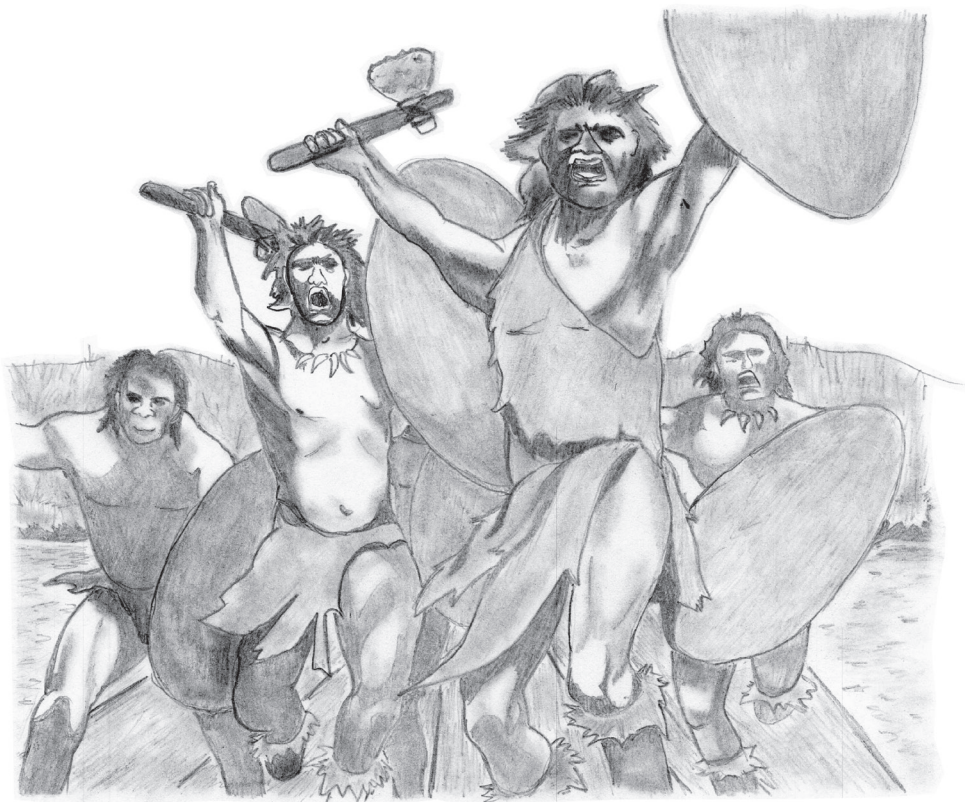
– По мосту будет удобно переходить через протоку, переносить добычу. Это хорошо! Но по нему смогут прорваться наши враги. А это уже плохо. И плохое – весомее хорошего.

– Если мы додумались до конструкции перехода, сумели построить его, то придумаем и тактику обороны. Над этим подумают все, а потом выберем самый надёжный вариант. Время пока терпит. В крайнем случае, можно перерубить верёвки на середине перехода. Тогда течение разорвёт мост пополам, прильёт брёвна к берегам протоки. Вот так-то! – ответил изобретатель небывалой конструкции, не скрывая гордости за найденное решение.

Совместное умственное напряжение оказалось достаточно плодотворным. Из всех предложений выбрали идею Тавка. Предстояло из шкур носорогов выбрать самые прочные места. А это на спине и на примыкающем к ней участке шеи. Он предложил вырубить из каждой шкуры клочок, который смог бы прикрыть туловище и голову. Намочив, следовало придать заготовке немного округлую форму шерстистой стороной внутрь. Потом клочок предстояло высушить. Получившаяся «броня» стала бы непробиваемой и стрелами, и копьями с каменными или костяными наконечниками.

Люди племени не догадывались, что одними из первых придумали щит, держать который можно было за длинную и прочную шерсть. Сделав для пробы три, поняли, что в свободной руке может быть не лук и даже не копьё, а топор или нож. Щитом можно напирать на противника, оттесняя его обратно или в стороны. Изготовив «бронированные» средства защиты в количестве, равном числу пальцев на трёх руках, распределили их между самыми сильными воинами. В их число в свои двенадцать зим попал и здоровяк Рогуп.

Несмотря на занятость, надо было строить жилище и продолжать рыть оборонительную траншею. Часть мужчин активно готовилась к обороне. Все были уверены, что встречать врагов придётся на мосту. Здесь, на узком переходе через протоку, одно-

временно атаковать смогли бы трое-четверо. Остальным нападающим пришлось бы продвигаться, напирая на передних.

Одни островитяне, вооружившись лёгкими палками, имитирующими топоры, играли роль нападающих, другие – со щитами и палками, тоже вместо топоров, сдерживали натиск. Тренировки разжигали воинственный азарт настолько, что удары наносились безжалостно. Единственное, чего избегали воины, это ударов по голове. При учебных сражениях на топорах увечья и даже смерти были бы неизбежны – таковым был накал страстей и обороняющихся, и нападающих.

Сразу же выяснилось, что нападающие, сбитые щитами в воду, будут выбираться на мост и продолжать натиск. Тогда вслед за линией воинов со щитами встали их соотечественники с длинными палками, имитирующими копьё. Для смягчения ударов конец

«копья» обматывали кусками шкур. Тех, кого удавалось столкнуть с моста, «добивали» этими подобиями копий. Получивший удар на воде должен был плыть к берегу, покинуть место сражения. Враги, даже умеющие плавать, сбитые в воду, после нанесенных ударов не смогли бы выплыть.

Предусмотрели и другое. Обороняющиеся с копьями оказались бы уязвимы для стрел лучников, не поместившихся на переправе, стреляющих с берега. Задачей лучников-островитян было истребление стрелков нападающих противников. Находящиеся в окопе были бы менее уязвимы для стрел захватчиков. Не менее важно было и выбивание врагов из толпы напирающих, оказавшихся на мосту. Боковые раны не смертельны, но и после нескольких попаданий стрел воин не смог бы продолжать бой.

Самым слабым местом островитян оказалась оборонительная траншея. В некоторых местах её глубина была немного выше пояса или чуть мельче. Были участки, где траншея прерывалась. Никто не хотел копать убежище для отсутствующих, находящихся на лесозаготовке и сплаве. Гризо ратовал за подготовку оборонительного рубежа каждым своего.

Каменистый грунт начинался сразу за слоем дёрна. Копать было тяжело. Благо, что мирная обстановка позволяла не сильно напрягаться. Надежда всё успеть до возможного нападения не покидала людей и тогда, когда сплавщики привели плот. По настоянию Зоуро, сообща и между дел всё-таки прокопали неглубокие канавы, соединяющие участки траншеи. Без опасения быть подстреленным, продвигаться по таким подобиям окопов можно было только ползком.

Жизнь текла напряжённо, но своим чередом. Группе мужчин под руководством Туно предстояло наметить пути прохода по болоту, чтобы можно было добывать и выносить копытных, пасущихся на сочных травах. Охотники лежали и неподвижно сидели на чуть возвышающемся холмике, на краю болота, наблюдали за небольшим стадом кабарог. Они старались запомнить места следования потенциальной добычи.

Где-то животные проходили по сухому грунту, заросшему густым болотным разнотравьем, а где-то гуськом продвигались

по затопленным территориям, погружаясь по холки. Мужчинам в местах тех проходов могло быть ниже пояса. Всё вселяло уверенность в то, что охота на этой огромной полузатопленной территории будет неизбежно удачной.

Время подходило к обеду. Пора было покидать наблюдательный пост, подкрепиться где-нибудь у ручья, но что-то не отпускало наблюдателей, влекло полюбоваться природным великолепием. Лишь Рогуп, которому завораживающее зрелище быстро наскучило, отвлёкся, посмотрел в сторону.

– Черс. Охотники черс. Они увидели нас и бегут сюда, – взволнованно выпалил юноша.

– Да. Пасущихся копытных, скрытых водой и травой, они видеть не могут. Их добычей должны стать мы, люди, непохожие на них, – продолжил мысль Туно.

– Уходим отсюда и поскорее, – беспокожно протараторил Поур, старший сын Зоуро.

Он рождён на десять зим раньше Рогупа, оценил обстановку менее эмоционально:

– Их столько, сколько пальцев на двух руках. Нас вдвое меньше. Исход боя был бы не в нашу пользу. Надо отходить.

Туно приказал всем уходить в болото. Выйти из него можно было только под стрелы охотников, набегающих на людей. Чтобы не увязнуть в трясине, выломали по небольшому стволу чахлах болотных берёзок. Держась за них, как за шпагат, были готовы выручить Туно, идущего впереди всех, если он вдруг попадёт в топь. Черс ринулись вдогонку по болоту, но их пыл мгновенно остыл, когда первый из них увяз в трясине. Единственная, долетевшая стрела ранила Поура, замыкавшего отступление.

Рогуп сменил уставшего Туно, но стал отставать Поур. Рана в бедро давала знать о себе. Раненый воин продолжал идти за соплеменниками, уже не держась за тоненький ствол берёзки. Когда отставание стало заметным, Рогуп вернулся со словами:

– Не дам утонуть в трясине! Не оставлю на съедение людоедам!

Он подхватил изнемогающего соплеменника, а другой рукой продолжал держаться за страховочную берёзку. Иногда глубина была по горло, приходилось немного возвращаться и искать удоб-

ный проход. Все потеряли счёт времени, пока шли по топям и зыбям, чередующимся с полосками суши. Выбывающиеся из сил, они взяли курс к реке.

Когда болото оказалось позади, измождённые люди упали на нагретую солнцем сухую землю. Хотелось хоть немного передохнуть, распластавшись под ласковыми лучами солнца. Но Туно, не смотря на врождённую бесшабашность, был неумолим.

– Охотники, двигаясь по сухой степи, могут быть где-то рядом или даже впереди нас. Нельзя ни расслабляться, ни терять время, надо спешить, чтобы сообщить своим о подходе воинственного племени, – заявил он.

Туно и Рогуп подхватили раненого. Ещё одного из охотников он оставил около себя, чтобы сменяться, помогая раненому. Одного из друзей отправил на стоянку с вестью о приближении людоедов.

ХІ. У ПЕРЕПРАВЫ

Отряд людоедов, уже другой, оказался недалеко от возвращающихся охотников, когда они подходили к мосту. Там уже выстроились все, кто работал на строительстве жилища или углублял траншею. Охотники ещё не знали об опасности, которая грозила их племени. Четвёрку своих, спасающихся бегством, пропустили. Гризо послал несколько мальчишек, чтобы они незаметно переплыли протоку и встретили возвращающихся с охоты соотечественников, предупредили их о чужаках, жаждущих поживиться человечиной.

Ринувшиеся в погоню за малочисленной группой, черс успели подбежать к мосту на расстояние полёта стрелы. Эти переселенцы ещё не слышали о смешанном племени, которым управлял вождь по имени Зоуро. Не знали они и об умении людей воевать храбро, не имели представления о воинском таланте вождя. Тем более они не могли знать о том, что Зоуро отошёл от руководства племенем, передав дело Гризо.

Нападавшие видели, что стоящие на мосту люди держат перед собой шкуры, но не поняли их предназначения. Не обратили внимания на деревянное мостовое сооружение, представшее их

взорам впервые. Они видели только недочеловеков, одних из тех, с которыми они и их предки безжалостно расправлялись всегда, сколько помнят себя. В пылу погони черс не заметили у спасающихся не только копий, но и луков, о существовании которых у этих противников они даже не догадывались.

Рвущихся к мосту людоедов встретил густой рой стрел островитян. Атака не просто сорвалась. Её результатом стали двукратные, а для некоторых черс и трёхкратные ранения. Помогая друг другу, завоеватели отступили на недосягаемое для стрел расстояние. Для охотников на людей отпор островитян был настолько неожиданным, что защитникам крепости не пришлось стрелять из укрытий. Траншея стала чем-то вроде козыря в рукаве, сохранённого для будущей схватки. То, что атаки повторятся, защитники недостроенной крепости не сомневались.

Нападение совершил передовой отряд, посланный вождём для добычи съестного. Остальная часть племени, включая старцев и малышей, шла следом. Люди несли всё, что свойственно кочующим переселенцам. Встретив израненных соплеменников, переселенцы пришли в ярость, стали похожи на пчелиный рой.

Негодовали все. Гневу не было предела: как им посмели противостоять те, кого они не считали полноценными людьми? Желание наказать строптивых немедленно овладело ими. Оставив всё, что могло бы затормозить бег приближения к непокорным, воины ринулись вперёд, чтобы отомстить за нанесённое унижение.

Их не останавливало ни то, что их соперники додумались и соорудили невиданную ранее переправу, ни искусное владение луком, ни заграждение защитников моста, спасающее их от стрел. Было одно нестерпимое желание – наказать, расправиться, уничтожить недостойных жить и продолжать род себе подобных.

С вершины центрального холма отряд стремительно приближающихся воинов островитяне заметили на значительном удалении. Никто не сомневался в том, что черс бегут мстить за своих раненых и за попытку противостоять им, хозяевам жизни. Для защитников недостроенной крепости новое нападение не стало неожиданностью – они были уверены в том, что агрессивный ответ за унижение скор и неотвратим.

Защитники, вооружённые топорами и непробиваемыми для стрел щитами, встали за стыком бревенчатого моста. За ними, присев на корточки, заняла оборону небольшая группка женщин с копьями. Лучники укрылись в траншее. Не вооружённые соплеменники отошли к недостроенному жилищу на холме, куда не могли бы долететь стрелы противников.

Головы, торчащие из окопов, не привлекли внимания нападающих, не сбавляющих темп бега даже на мосту. Они видели только небольшую кучку противников на узком переходе, которую предстояло смять одновременно. Черс будто не замечали ранения, получаемые кем-то из них от стрел недочеловеков, трусливо прячущихся на острове. Толпа завоевателей ринулась на мост.

Гризо, неуверенный в собственной способности возглавить действия соплеменников в столь неординарной ситуации, крикнул:

– Зоуро, бери командование на себя!

– Ты справишься, вождь! Я помогу, если в этом будет необходимость, – ответил опытный командир племени.

Ответ слышали все. В защитников он вселил уверенность в способности их необстрелянного командира привести всех к победе с наименьшими потерями. Кто-то из противников уже слышал имя Зоуро, но в связи с чем оно произносилось, задумываться не стал – азарт отмщения гнал вперёд и только вперёд.

Женщинам на мосту пришлось упереть копыя в щиты, чтобы лавина не снесла мужчин, на которых пришёлся главный удар. Помощь женщин дала возможность действовать топорами, а не упираться обеими руками в щит. Но помощницы оказались не защищёнными от стрел, летящих с берега. Получивших ранение соплеменников сменяли новые, не менее воинственные сородичи.

Как и предполагалось во время тренировок, осаждающие задние напирали на передних, стесняя их действия. А топоры защитников безжалостно опускались и опускались на головы и плечи людей черс, заседающих с неизменным пылом. Люди черс, раненные окопными стрелами, оттеснялись на края моста своими же, напирющими сзади. А те, не удержавшись, падали в воду и, уносимые течением, тонули.

Метр за метром завоеватели оттесняли островитян. Многие из раненых черс оказались сдавленными напиральной массой. На их безысходные крики сородичи не обращали внимания, топтались по упавшим соплеменникам, пытаясь смять преграду.

Защитники, стоящие во втором ряду со щитами в руках, протиснулись вперёд своих товарищей, уставших орудовать топорами. Вступившие в бой с новыми силами, люди Гризо стали сталкивать противников в воду, а женщины добивать копьями, всех цепляющихся за мост. Поверженных течением относило от перехода, и они, не умеющие плавать, пополняли ряды ушедших в мир тьмы.

Крики, вырывающиеся из глоток от избытка эмоций, злобы и ненависти к противникам, заглушали стоны раненых. Все звуки сливались в сплошной шум, который трудно было сравнить с рёвом, издаваемым животными дикой природы. Ни трубный зов слонов, ни хрюкающие звуки носорогов, ни ржание табуна лошадей, испытывающих ощущение смертельной опасности – ничто не было похоже на сплошной гул, издаваемый разъярёнными воинами.

Когда защитники оказались на стыке брёвен, Сот, второй сын Зоуро, выполнил приказ, отданный ему ещё на острове: перерубил верёвки, скрепляющие брёвна моста. Течение медленно сносило части переправы, образуя промежуток. Едва удалось заставить обороняющихся островитян перепрыгнуть через увеличивающийся проём. Но вслед за ними успело перепрыгнуть и несколько противников. Мгновенное усилие, и всех их столкнули в воду. Нападающие с отчаянными, злобными криками были вынуждены отступить, но нескольких передних воинов напиральная толпа по инерции столкнула с расходящейся части моста. С помощью луков, поданных утопающим, двоим воинам удалось спастись, но спасающим это стоило дополнительных ран.

Половинки моста течением прижало к берегам протоки. Стрелы, свободно перелетающие через водную преграду, продолжали впиваться в нападающих, редко достигая защитников, находящихся в окопах. Нападавшие кочевники отступили на безопасное расстояние. Число получивших смертельные ранения топорами и

копьями, утонувших и затоптанных в штурмовой атаке превысило количество пальцев на трёх руках. Ещё больше воинов получили ранения.

Островитяне были видны, но недосыгаемы. Никто не мог предсказать, что племя потерпело поражение от тех, чьи собратья всегда были лёгкой добычей, едой для людей всех черс. Это вызвало ещё большую ярость, но выплеснуть злобу не представлялось возможным. Подходила часть племени, несущая нехитрые пожитки переселенцев: посуду, шкуры и жерди для чумов, зимнюю одежду и обувь.

Вместе с носильщиками шли старики и дети. Все недоумевали, – как могло случиться такое, что охотники оставили племя без ужина, не добыв даже самую малость из вкусной двуногой живности. Голодными люди не остались. Помогло болото с пасущимися на нём копытными.

В глазах черс недосыгаемость островитян выглядела и обречённостью для спасающихся. Не знали люди черс, что противники могут преодолеть протоку вплавь. Однако умение плавать не гарантировало беспрепятственное обеспечение островитян пищей. Во время охоты группа могла повстречаться с противниками, численно превосходящими их. Уходить на охоту всем охотникам, оставляя беззащитную часть племени, было опасно. Вдруг какая-то часть врагов умеет плавать.

С небольшого взгорка на островке стоянка черс просматривалась отчётливо. Да, черс, установив чумы, обосновались рядом с островком. И им действия островитян были видны не хуже, чем их противникам. Незаметными оставалась деятельность тех, кто заходил за гряды, едва возвышающуюся над побережьем.

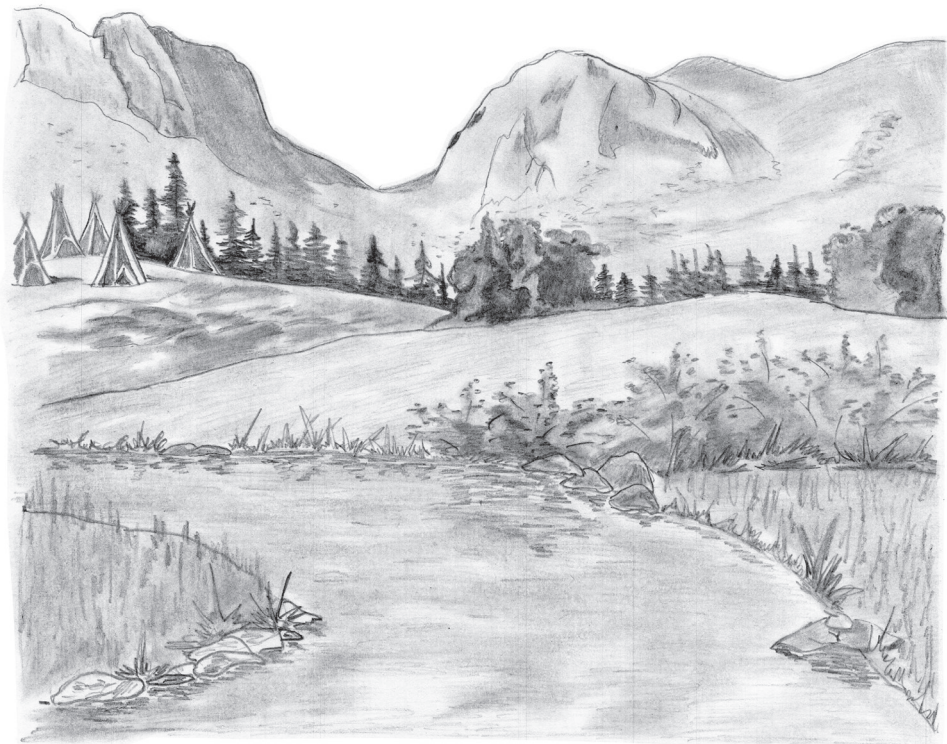
– Они хотят взять нас на измор, – высказал предположение Гризо.

– Пусть думают, что им это удастся. Не надо разубеждать их в этом. Пусть они надеются на то, что возьмут нас истощёнными, неспособными обороняться. Вот только придумают ли они способ попасть на остров? И как скоро это случится, – пока неизвестно. В любом случае, нашим охотникам придётся уходить на не просматриваемую сторону нашего островка. Там можно пере-

плыть через узкую протоку и, удалившись по большому острову, попасть на берег для охоты на огромном болоте. Обратный путь, хоть и с добычей, трудности не составит. Вопрос лишь в том, как изгнать наших врагов. Думайте, друзья, – подытожил Зоуро.

Наступила первая осадная ночь. Светящимися языками, взлетающими к небу, костёр островитян посылал огненный привет осаждающим. День сменился ночью дважды. И оба раза охотники не попали в поле зрения друг друга. Спешно приходилось брать от природы всё меньшие съестные припасы. Спасали запасы растительной пищи и сушёного мяса, заготовленные на случай неудачной охоты в период ранней весны.

Идею дальнейших действий подал тот, от кого этого никто не ожидал. Тёмным вечером, когда племя угрюмо наблюдало за силуэтами у костра за протокой, Сот сказал так тихо, что его услышали только сидящие рядом Тавк, Зоуро и Гризо:

– Мы не дождёмся их ухода с нашей земли, если не прогоним их сами. Они смирились с тем, что не дают нам возможность оказаться за протокой. Надеются, что мы вымрем. Наверное, они не знают о том, что мы умеем плавать. Иначе, у них были бы выставлены воины, наблюдающие за нами днём и ночью. Надо незаметно переплыть реку и неожиданно напасть на них. Они потеряли часть воинов при штурме. Другая часть залечивает раны. Нападать надо сейчас, пока не вылечили раненых.

– Вот так болтун, – не сдержал удивления Тавк. – Идея заманчивая, но что будет после нашего неожиданного нападения? Они очень скоро обретут возможность оценить своё положение, примут меры для отражения нашей атаки. Придётся сражаться на открытой местности.

– Надо не дать им опомниться. Действовать на истребление. Не щадить даже женщин, которые, как волчицы, будут защищать детей. Нужно напасть неожиданно, посеяв повсюду панику. Тогда и на открытом месте мы понесём меньшие потери, чем они. Вот только бы знать, как это сделать правильно, чтобы не ошибиться, – задумчиво произнёс Гризо, ухватившийся за идею Сота.

– У них чумов на два меньше, чем пальцев на двух руках. Если мы днём переплывём реку там же, где выходили на охоту, то успеем и отдохнуть, и просушить свою одежду. Она не будет стеснять движения. Просохнут и заготовки для сальных факелов, – неспешно размышлял Зоуро.

Тавк не смог утерпеть и, ухватившись за нить рассуждений, продолжил скороговоркой:

– Молодые и быстроногие воины бесшумно проберутся к костру, запалят факелы и быстро разнесут их к каждому чуму. Горящие жилища создадут панику. Все будут высказивать, спасаясь от пожара. Кто-то даже забудет взять оружие. Вот таких-то завоевателей, не понимающих, что происходит, мы и будем истреблять. Надо только закрепить за каждым воином осаду на определённый чум. Будем колоть копьями, рубить топорами всех выбегающих из жилищ.

– Самый крепкий сон у всех незадолго до рассвета. Вот тогда и надо напасть. Днём приближаться к стоянке опасно, а по темноте

мы незаметно подойдём до расстояния броска копья. Когда рассредоточимся около каждого чума, тогда наступит пора факельщиков, – озвучил завершение стратегии Гризо.

– Всё останется в тайне не только от врагов, но и от наших соплеменников, если Сот не предаст племя, не разболтает. Его болтливость и хранение тайн – вещи почти несовместимые, – подметил Тавк.

– Я говорю лишь о том, о чём можно. А это тайна. К тому же она не только ваша, но и моя, если вы не забыли, – обидчиво произнёс Сот. – Можете не сомневаться, я буду молчать, как камень.

После завтрака островитяне заметили на противоположном берегу необычную возню. Оказалось, что враги по всей округе вырубают кустарник и подносят его к протоке.

– Завтра они закончат рубку, свяжут кустарник в плоты, а ночью будут готовы напасть на нас. Переправляться под ливнем стрел не просто, но протока узкая, преодолеть её быстро, с малыми потерями. Наши окопы – это не траншеи, как на прежней стоянке. Через узкий ров они перепрыгнут без труда. Надо опередить их. Действовать по нашему плану завтра будет поздно. Днём тоже нельзя. Вот и получается, что сегодняшняя ночь – это самое время для нападения на людоедов, – сообщил Гризо посвящённым в план нападения.

Хранители тайны сообщили воинам, что надо по одному незаметно перейти или обогнуть гребень и собраться там. На месте сбора посвятили всех в план действий. Оставили группу на случай, если часть плотов будет уже готова, а противник решится переправиться уже этой ночью. Объяснили, что надо быть готовыми и к такому повороту событий. Выбрали факельщиков.

Здесь же назначили лучников, которым предстояло обойти стоянку и встретить плотным потоком стрел тех, кто попытается убежать от разящих топоров и копий в темноту. Пытающихся переправиться или сплыть по протоке, решили лишить этой возможности. Плоты, если они будут готовы, предстояло поджечь и отправить в плаванье без хозяев.

Предупредили о необходимости действовать быстро и бесшумно. Сошлись и во мнении о том, что нападение на вспыхнув-

шие чумы должно сопровождаться всеобщим рёвом, ввергающим врагов в панический страх.

Для создания видимости бедственного положения племени и усыпления бдительности врагов Гризо крикнул во время трапезы на том берегу:

– Люди черс! Мы все голодны. Наши дети просят есть. Дайте мяса, чтобы накормить хотя бы слабеющих детей.

Его услышали за протокой. Реакция на просьбу оказалась ожидаемой. Взрослые и дети прыгали вокруг костра, размахивая кусками мяса, улюлюкая на все голоса. Полагая, что островитяне съели все припасы, люди племени черс дразнили, как им казалось, изголодавшихся непокорных. Они предвкушали свою скорую и лёгкую победу.

Ночью, не отступая от намеченного плана, островитяне совершили нападение. Немалая часть воинов, выскакивающих из жилищ, полегла на месте. Женщин, схвативших в охапку самых маленьких детей и окружённых старшими, воины со щитами оттесняли к реке. Докричавшись, предупредили соплеменников, чтобы они не стреляли в пленных.

Встретив плотным ливнем стрел выбегающих из чумов противников, приказали всем лечь. Пообещали, что жизнь женщин, детей и стариков в этом случае будет сохранена. Чумы, со всем нехитрым походным скарбом внутри них, догорали, когда небо на стороне восхода едва заалело. Разоружив тех немногих, кто имел оружие, всем побеждённым приказано было сесть на берегу.

Гризо ещё не развил своё красноречие. Он громко объявил:

– С вами будет говорить прежний вождь племени людей снисп, пливс и черс. Его имя Зоуро.

Только теперь, успев оказаться в плену, завоеватели вспомнили былины о непобедимом племени, которое возглавляет мудрый человек снисп, по имени Зоуро. Придав большее значение именованному созвучию, услышанному при штурме моста, не пришлось бы потерять в этих двух сражениях половину воинов-охотников, не испытать унижение пленения.

Зоуро и в этот раз поступил мудро. Он потребовал указать на вождя пленных. Того незамедлительно отделили от сбившихся

в кучу побеждённых и учинили над ним казнь. Потом всем было предложено подумать о своей участи и сообщить о своём решении. Слова закалённого победою вожака воинов были простыми. Речь оказалась краткой, но бескомпромиссной:

– Ваш вождь был бездарным существом. Проиграв первое сражение, он не увёл оставшихся людей подальше от опасности, а проявил безрассудство. Оно и повлекло гибель другой части ваших соплеменников и ранение многих из вас. Его убрали, чтобы не слышать слова бездаря, цепляющегося за власть, даже после поражения. Вы, оставшиеся без вождя, можете пополнить наши ряды. Всем вместе будет проще обеспечить соплеменников питанием, противостоять нападению под командованием других бездарных вождей. Но ваше право выбрать нового вожака и жить с остатком племени самостоятельно. Сейчас вождь Гризо скажет о своём согласии или несогласии взять вас к себе. А вы думайте. Хорошо думайте.

Задумался и Гризо. Он, предоставив слово своему наставнику, надеялся, что Зоуро сам решит участь пленных.

«Но как бы поступил он сам, если бы был вождём и сейчас? После прежних сражений, не считая победу над союзом трёх племён, наша численность увеличивалась за счёт побеждённых. Достигло ли уже тогда число людей в нашем племени того предела, после которого больше – это не значит, что лучше?» – размышлял молодой вождь.

И Гризо сказал своё мнение:

– Мы без проблем жили и без вас. Проживём так же при любом раскладе. Не стали мы и воевать до полного истребления напавших на нас извергов. Хотя могли сделать это. Нам не нужны ваши смерти. Все люди, независимо от цвета волос, глаз и кожи, невзирая на длину ног, рождены для того, чтобы жить. Живите и вы. Как и Зоуро, я не лишаю вас права выбора. Вы можете остаться с нами, но в праве и уйти. При этом я предупреждаю – больше никогда не вставать на нашем пути. Время, когда непохожие на вас люди были для вас не более чем пищей, прошло. Именно потому, что мы не глупее, а умнее вас, победили не вы, а мы. Мои соплеменники, скажите, готовы ли вы потесниться, если нас станет больше?

Островитяне высказали согласие на укрупнение своих рядов. Оставалось услышать, какое решение приняли люди, получившие пощаду. Только теперь они приступили к обдумыванию того, как им жить дальше. До того все внимательно слушали Зоуро и Гризо. Ещё раньше их поразило, что никто не рвался собирать убитых для победного завтрака. Подкупало и то, что воины, только что бывшие противниками, не держат зла на завоевателей, а готовы потесниться, вместе коротая продолжительную зиму. Теперь победители предоставили им право выбора.

В их племени побеждённые воины и их родственники не имели никаких прав. Часть из них должны были убить для пополнения победного завтрака, обеда или ужина, а кого-то, по усмотрению вождя, оставляли для пополнения племени. Стало понятно, что легенды о мудрости и непобедимости Зоуро – не пустой вымысел. И молодой вождь набирается мудрости от своего наставника. С такими не пропадёшь. Посоветавшись, люди приняли решение пополнить и без того немалое племя.

В этой схватке погиб друг Зоуро Туно. Он получил смертельное ранение, обстреливая врагов из окопа. Стрела противника пробила лобную кость и вошла в мозг. Другому другу прежнего вождя, Сирту, выбегающий из чума воин топором раздвоил череп. Жестокое сражение и бессмысленные потери с обеих сторон... Безжалостность действий островитян была оправдана самой ситуацией: либо они победят, либо окажутся пищей для враждебного племени.

Таковыми были времена и нравы той поры. Не было ни сторонней силы, ни всевышнего разума, способного предотвратить схватку не на жизнь, а на смерть. Некому было остановить кровопролитие, граничащее с взаимоуничтожением, направить жизнь по пути созидания.

XII. МАССОВЫЙ МОР

Битва, случившаяся в разгар лета, не вселила в людей разных племён неприязни или озлобленности. В процессе решения общих проблем рождались взаимные симпатии, люди сближались. Первостепенным делом признали восстановление моста. Но нель-

зя было откладывать надолго и строительство жилья. Чтобы не испытывать тесноту, решили продлить жилище на длину среднего ствола дерева. Снова возникла необходимость в заготовке леса.

Части моста, прибитые течением к противоположным берегам протоки, развернули на воде и провели выше по течению. Переплыв на плоту от островка к берегу, аккуратно подвели ко второй половине. Части удачно состыковали и прочно связали их, как когда-то. Мост устойчиво занял своё место.

Пока лесорубы и сплавщики вершили свои дела, часть оставшихся старожилов и новосёлов островка занимались выравниванием основания жилища на длину запланированной пристройки. На подготовленной части приступили к укладке нижних рядов бревенчатых стен. Другие соплеменники в срочном порядке рыли широкий окоп, который стал бы препятствием для нападающих. И только обилие промысловых животных позволяло отвлекать для охоты небольшую часть сильных и сноровистых рук большого племени со здоровым аппетитом каждого едока.

Строительство полуземлянки было завершено, когда землю покрыл снег, и на его таяние уже никто не надеялся. Трое суток ушло на просушку и прогрев жилища тремя кострами внутри него. Для вентиляции открыли оба выхода. Второй выход сделали для удобства. В случае если зима окажется очень суровой, второй выход предполагалось утеплить и им не пользоваться.

Когда весенний ледоход снёс вмёрзший в лёд мост, из ситуации сделали вывод. Заготавливать и сплавлять древесину для моста сочли более сложным занятием, чем разборку его осенью и сборку весной из брёвен, сохранённых от сноса при ледоходе и паводковыми водами.

К счастью и островитян, и проходящих племён, при вожде Гризо войн больше не было. Однажды передовой отряд проходящего племени погнался за группой Сота. Не сумев настичь убегающих, воинственные переселенцы оказались вблизи протоки. Увидев несчётное количество тех, под чью защиту бежали их соперники, преследователи без промедления покинули берег. Тогда мигрирующее племя прошло мимо, прижимаясь к кромке болота, избегая встречи со столь многочисленным воинством.

Земля слухами полнилась и в те далёкие времена. От человека к человеку, от одних кочевников к другим расходился слух об огромном племени на острове, которое лучше обходить стороной. Для острастки распространялись небылицы, будто на победный ужин островитянам едва хватает половины обычного кочующего племени.

И жило бы племя без особых забот и хлопот, если бы не случилось то, что повлияло на слаженную, выработанную поколениями жизнь. Настала пора, когда охотники стали замечать странности в безмятежно пасущихся стадах животных. Травоядные выглядели вялыми, чаще ложились отдыхать.

Казавшиеся слабыми, они стали более лёгкой добычей. Не находя объяснений вялости своей добычи, люди с удовольствием охотились на них, несмотря на размеры добываемых туш. Связать поведение животных с их болезнью не догадывались. Так как мясо добытых животных употреблялось в пищу после варки или обжаривания на костре, болезнь животных не передавалась людям.

Однако вскоре, уже в то лето, заметили неладное и среди людей. Сначала только охотники, а позже женщины и подростки, собирающие съедобную растительность, стали испытывать недомогание. Слабость и головную боль сменяло повышение температуры, сопровождающееся ознобом. Позже подступала тошнота, появлялись боли мышц и ломота костей. Когда доходило до обмороков и припадков, бессильными помочь становились и лекарши, две дочери Сонх, перенявшие от неё все тонкости врачевания.

Болезнь, прекратившаяся с наступлением зимы, возобновилась весной следующего года, когда из-под сошедшего снега появилась прошлогодняя трава. Стали замечать, что люди заболевают после присасывания к телу маленьких букашек. На их появление и существование долго не обращали внимания. Зуд, возникающий на месте прикрепления к телу этого маленького кровососа, казался не заслуживающим внимания. Но в отличие от насекомых, которых легко убить хлопком ладони, эта мелкая ползучая тварь имеет прочное покрытие и остаётся неуязвимой при любых попытках избавления от неё.

Некоторые люди из-за перенесённой болезни превращались в паралитиков, другие – лишались рассудка, а многие уходили в мир тьмы. За два тёплых сезона люди потеряли третью часть соплеменников. Гризо стал суеверным. Вождь предполагал, что болезнь настигла племя из-за чрезмерной оседлости. Он наметил очередной переход в самом начале весны, когда морозы уступят место ласкающему солнышку. Осуществлять планы пришлось уже новому вождю.

Гризо не унаследовал от родителей тягу к познанию неизведанного. С момента строительства жилья миновало двадцать зим, когда он передал руководство племенем сыну Поура, молодому Зоуло, обратив его в Зоуро. Да, внук предыдущего вождя оказался не менее любознательным, чем его дед. Цепкий ум и сметливость мальчишки помогали обогащению жизненного опыта. Со своими неутомными сверстниками он обследовал окрестности уже родного островка, как когда-то дед, в годы своего детства, изучал пещеру и мир вокруг неё.

Оказалось, что за островом, по которому скрытно от осаждающих противников уходили на охоту и для внезапного нападения, есть другой остров. Дня мальчишеского хода не хватило для преодоления длины этой уединённой от мира суши. Ширина острова втрое меньше его длины, но и это немалое расстояние не только для мальчишек. Тогда Зоуло предположил, что племя могло без проблем прожить на нём до наступления зимы, даже если бы довелось оказаться в длительной осаде.

Особо не вникая в пути миграции стада, отметили, что уже за пределами огромного болота при дальнейшем продвижении животные уходят от большой реки куда-то к восходу солнца. Обжив островок, старший Зоуро, ощущая груз преклонного возраста, уже не рвался исследовать новые дали.

Зимы и лета сменяли друг друга, а племя не спешило покидать обжитое место. На нём простились с опытными наставниками молодёжи и неразлучными друзьями, ушедшими в мир тьмы: Вынхом, Геволом, Тавком и знаменитым вождём – Зоуро.

Болезнь не миновала и Гризо. Хоть лекарши и удалили впившуюся смертоносную букашку, своё пагубное действие эта мелочь

свершила. Тогда-то, ещё пребывая в сознании, вождь назначил своим приемником Зоуло – младшего. Племя восприняло назначение как должное. Опытные охотники выразили готовность помогать молодому вождю, если в этом возникнет необходимость.

Младший Зоуро считал своим долгом неукоснительно выполнять намерения наставника. В жизни племени начались приготовления к новому кочевому периоду. Надо было собрать запас продовольствия: засушить мяса и растительной пищи, чтобы не бедствовать в период строительства жилья на новом месте.

Предполагая, что носителей болезни принесли на себе животные, мигрирующие летом, люди пытались избавиться от смертоносных букашек, перекочевав до обнажения занесённых снегом трав. Никто не знал, как называются эти букашки и болезни, порождаемые ими. Для людей той далёкой поры маленькие посланники мира тьмы остались безымянными. Это теперь мы называем носителей болезни клещом, а болезнь – энцефалитом. Ни прививок, ни действенных лекарств от энцефалита у древних людей ещё не было.

ХІІІ. ТРИДЦАТЬ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ ДО НАШЕЙ ЭРЫ

Столетия слагались в тысячелетия, а жизнь продолжалась. Племя, состоящее из представителей разных ветвей человечества, продолжало свой эволюционный путь. Браки или недолговременные связи, имеющие только возрастной запрет, приводили к смешению ДНК людей, создающих союзы разнополых личностей.

В тридцатом тысячелетии до нашей эры стоянка потомков разномастного племени, о котором идёт повествование, оказалась на Афонтовой горе. А это уже левобережье Енисея. Более точно – это на территории современного Красноярска. Отождествить часть многочисленных костных останков археологических раскопок стало возможным, восстановив цепочки ДНК находок-артефактов.

Было бы наивно предполагать, что это будут геномы денисовских людей, не содержащие определённых звеньев ДНК давно

вымерших неандертальцев и предков людей современного типа, кроманьонцев. Эти привносимые в генофонд звенья накапливались от поколения к поколению, замещая участки первичных наследственных денисовских ДНК-цепей.

Кроме смешанных браков представителей одного племени, нередко оказывались и брачные союзы с людьми соседних племён. Люди пливс были наиболее оседлыми в сравнении с людьми других ветвей человечества. Не подлежит сомнению и факт, что люди снипс менее мобильны, чем черс.

С удалением племени от родины предков, Алтая, в соседних племенах стала преобладающей ДНК людей черс. Это было основной причиной частичного перерождения коренных снипс. Генетически, по крови, они всё более стали походить на людей черс.

С изменениями генетического кода от смешения кровей на изменчивость внешности активно повлияла и природа. Длительная сибирская зима и полчища летних кровососущих насекомых заставляли почти круглогодично носить одежду. Кожный покров стал получать солнечных лучей меньше, чем у жителей более тёплых регионов. Организм стал вырабатывать меньше меланина, который ответствен за тёмный цвет кожи. На протяжении жизни человека изменения незаметны, но за тысячелетия кожа становилась более светлой, даже у черс.

Наверное, предки мигрантов, оказавшиеся на Афонтовой горе, были менее мобильны, чем люди племени старшего Зоуро. Они реже меняли места длительных стоянок или мигрировали совсем близко. Только этим можно объяснить то, что за тринадцать тысячелетий племя продвинулось километров на шестьсот, перемещаясь почти точно к восходу солнца.

Время накладывало отпечаток не только на внешность людей, но и на окружающий их мир, природу. За эти тысячелетия заметно похолодало. Неумолимо приближался пик ледникового периода, хоть до него было ещё очень далеко, если в качестве мерил времени брать продолжительность человеческой жизни. Каждое поколение проживало отмеренный ему срок, не замечая изменения климата – процесс похолодания был медленным, неощутимым в мгновениях человеческой жизни.

Люди даже не представляли, что когда-то в этих местах были сплошные леса. Останки деревьев-великанов успели превратиться в почву. Равнины и сопки к тому периоду каменного века стали однообразными. Кедровый стланик, невысокий кустарник, колосящиеся летом травы и зеркала неглубоких весенних болот, образующихся от таяния снега – вот что представлялось взорам в ту далёкую от нас пору. А снег едва покрывал полёгшие от осенних ветров травы, утрамбовываясь теми же ветрами.

Защитить от зимней стужи, которая несравнима с современными морозами, могли бы капитальные строения. Но о строительстве полуземлянок с древесными стенами люди успели за-

быть. Если бы и сохранилось предание о таких жилищах, то не нашлось бы древесины для строений такого типа.

За лето верхний слой нетронутой почвы протаивал на глубину менее полуметра. Для строительства жилищ снимали слой за слоем, что позволяло снять грунт чуть глубже колена взрослого мужчины. До верха земляного вала получившуюся ровную площадку по периметру обкладывали каменными плитами, заполняя промежутки землёй. В вал вгоняли бивни мамонтов, рога носорогов, северных оленей и маралов. Крепя одно к другому, выстраивали остов чума. Шкуры после их плотной укладки в несколько рядов надёжно удерживали тепло, исходящее от очага в центре жилища. Ими же прикрывали земляной пол чума.

Уже давно люди той далёкой поры коротали зимы именно в чумах. При переселении приходилось нести с собой не только увеличившееся число шкур, необходимое для постройки племенных пристанищ, но и материал для остовов переносных жилищ, бивни и рога. Порой даже каменные плиты приходилось приносить с немалого расстояния.

Не владея техникой математических вычислений, люди пришли к выводу, что при постройке для племени жилищ большего диаметра требуется шкур и рогов меньше, чем для маленьких, но на то же число жителей. Поэтому размеры строений достигали в диаметре десяти мужских шагов, а число жителей в них доходило до двадцати.

Чтобы угли не разлетались, вызывая пожар в чуме, очаг обкладывали камнями, которые отдавали накопленное тепло, когда огонь в очаге еле тлел. Топливом для обогрева жилища служили ветви тундрового кустарника. В основном это была берёза, похожая на вечной мерзлоте на кустарник. Были и кусты осины, ивы. Это топливо женщины и дети заготавливали летом и укладывали в кучи. Зимой просохшее топливо доставляли к чумам. Большим подспорьем были сучья, палки и даже стволы деревьев, принесённые Енисеем с верховий и прибитые волнами к берегу.

Да, у истоков полноводной реки, которые располагались значительно южнее лагеря стояночников, даже в ту пору росли деревья. Но и тундра не была однообразной. Едва начинал протаивать

верхний слой почвы, всё вокруг наполнялось разноцветьем трав, а на иве появлялись радующие глаз мохнатые жёлтые комочки.

Несмотря на вечную мерзлоту почвы, заготавливать мясо впрок люди не разучились. Делать холодильник в год освоения стоянки стало сложнее. В рост человека удавалось углубиться лишь к концу третьего лета. Чтобы в хранилище не накапливались талые воды, его выкапывали на пологом склоне, делая в земле жёлоб для стока.

Шло время, но поколение за поколением скрупулёзно впитывало опыт предков предыдущих тысячелетий. Одни традиции трансформировались, другие оставались неподвластными времени. Не изменилась и традиция получения имён мин и мон. Как и их предшественники прежде, дети в чём-то успевали проявить себя, надеясь стать обладателями особых имён. Так как быт людей племени особых изменений не претерпел, то и действия детей, их поведение и имена оставались созвучны тем, которые носили предшественники за несколько тысячелетий до них.

Среди жителей стоянки на Афонтовой горе были Чонх – «хмурый», Тавк – «неугомонный», Вынх – «молчун», Зикс – «тихий», Чакт – «весёлый», Туно – «бесшабашный», Свуно – «ловкий», Моти – «простак». Не обошлось без имён, характеризующих повадки животных: Саво – «лис, хитрец», Сулух – «волк, злыдень». В прилегающей местности из-за смены климата давно не встречались тигры. Ушло в историю имя Кукто – «тигр, жестокий», но ему на смену пришло другое – Ваф. Так называли степного зубра. Но Ваф – это не только зубр, а ещё и «беспощадный». Это сильное животное было безжалостным к своим противникам.

Давно никто не получал имя Поур – «необычный». От смешения людей снипс, пливс и черс рождались метисы, к которым все привыкли. Наверное, необычным был бы ребёнок, который, как когда-то сказала Сонх, был бы синим, красным или зелёным.

Не оказалось среди имён и Ласи, что означало «счастливая». Это вовсе не означало, что счастье обходило племя стороной. Скорее, объяснение в другом – не было очень несчастных, в сравнении с которыми кто-то из девочек оказался бы счастливее. Такое было давно у людей вымирающего племени пливс-отшельников, о которых афонтовцы не могли ни знать, ни помнить.

Менялись представления о девичьей красоте, но не изменялись имена носителей той красоты: Сия – «красавица» и Вито – «очаровательная». Не исчезли и имена, отражающие особенность поведения человека, граничащую с пороком: Лоу – «говорливая» и Сот – «болтун». Суть имён одна, отличается лишь принадлежностью к полу – девочке или мальчику.

Все люди каменного века ценили силу, уважали или боялись носителей той силы. Кроме уже отмеченного имени Ваф, в племени был Огуп – человек очень сильный, но не блестящий особыми умственными способностями, как и носорог. Был и Рогуп – сильный и покладистый, как мамонт. Пвус – «здоровяк» и Булут – «крепыш» относились к разряду мальчишек, а позднее и мужчин, обладающих силой большей, чем у среднего мужчины того времени.

Именно Булут был тогда вождём племени. Кроме немереной силы, в нём сочетались организаторские способности и ум, позволяющие находить правильные решения в неординарных ситуациях. Племена черс, живущие здесь, на Афонтовой горе, между собой почти не враждовали. Люди снипс и пливс, на которых в былые времена предки афонтовских черс имели обыкновение охотиться, давным-давно остались где-то далеко-далеко. Эти черс о тех давних соседях своих предков не имели представления. Ушло в прошлое и людоедство. В случае неудачной охоты на животных люди племени Булута, в чём-то не такие как все, не воспринимались пищей для их соседей. Почти исключалась кровопролитная война до полного уничтожения племени. Отпала необходимость возведения оборонительной крепости.

Трудолюбие, выносливость людей, обилие промысловых животных и умение делать запасы позволяли им жить, не зная голода. Почти не зная, так как периоды неудачной охоты случались у людей той поры. Обычно же необозримые стада северных оленей, табуны лошадей и ослов, семейные группы маралов, носорогов и мамонтов, стада степных зубров, песцы, зайцы, лисы и волки были предметом охоты, а всё добытое подвергалось варке, обжариванию на костре, сушке для хранения на случай неудачной охоты.

XIV. ТРИ ПЛЮС ДВА

С зубрами впервые повстречались прадеды прапрадедов тех, кто пришёл осваивать новые территории – наших афонтовцев. Могучие двурогие копытные давно были известны и местным животным – тем, кто пришли сюда раньше. Казалось, что между великанами существуют неписанные законы мирного сосуществования. Случайно встретившись, растительноядные гиганты не враждовали друг с другом, еды хватало на всех. Благо, места для пропитания было достаточно во всех направлениях.

И всё-таки не обошлось без казусов. Пвус с соплеменниками во время охоты стал свидетелем неординарного события. Группа носорогов, наверное, мигрировавшая из дальних мест и никогда не встречавшаяся с зубрами, не захотела уступить позиции приближающемуся стаду зубров. Надежде на мощный рог и богатырскую силу каждого носорога была противопоставлена большая численность, острые рога и немалая сила коренастых и более рослых степных бродяг – зубров.

Носороги оставили без защиты разновозрастное потомство. Пять взрослых самцов и самок пошли в наступление. Зубры оказались предусмотрительнее. Потомство остались охранять две опытные самки. Пять других самок, главный в стаде самец и три ещё не отделившихся от сородичей молодых самца выдвинулись навстречу угрозе. Пятеро против девяти решили в сражении оспорить своё первенство.

Похоже, что зубры уже имели опыт подобных встреч с сородичами носителей огромного рога. Они не сгучились, как это бывало при нападении волчьей стаи. Непримиримые и рьяные, но менее опытные, молодые самцы оказались в первом ряду. Между ними остались промежутки, в которые мог свободно пройти любой обладатель мощного рога. Три самки зубров заняли позиции за молодыми братьями, немного сместившись в стороны для большей видимости происходящего. Оставшиеся альфа-самец и две самки встали в третью линию обороны, так же обеспечив себе обзор.

Почти одновременно, мешая друг другу, носороги ринулись на впереди стоящих молодых зубров. Увидев лавиной несущихся

на них тяжеловесов, молодые обороняющиеся отскочили, пропуская неприятеля мимо. По инерции носороги оказались перед сильными и опытными самками. Два молодых самца, бросившись следом за неприятелем, успели нанести колюще-режущие удары противникам. Один из них пронзил круп врага, другой вонзил острый рог в спину, повредив позвоночник животного. Это не остановило подранков, но заставило их сбавить темп бега. Третий зубр догнал мчавшегося мимо него тяжеловеса, пронзив рёбра носорога.

Две самки следующей линии обороны загнали свои рога в бока подранков. Вонзив оружие в шею, одна из них приподняла незадачливого нападающего. Ударом в бок подоспевший молодой зубр повалил тяжеловеса, опиравшегося лишь на задние ноги. Не ощутившая препятствия, пара носорогов пронеслась дальше. Их встретили зубры третьей линии обороны. Главный самец стада зубров наклонил голову так низко, что носорог, налетев на него, ощутил оружие врага в своей груди. Сам же он не мог применить свой огромный рог. Две самки третьего ряда расправлялись со своим противником. Молодой самец оказался рядом с носорогом, приподнятым вожаком стада, поставленным на задние ноги. Подоспев к расправе, он пытался сбить неприятеля с ног.

Изловчившись, соперник вонзил своё смертоносное оружие в грудь молодого и малоопытного неприятеля, повалив его. В толчее боя поверженный зубр мгновенно оказался затоптанным не только чужаками, но и сородичами. Запах свежей крови ещё больше ожесточил противников. Но количество переходило в качество. Уже трое из трёхтонных гигантов, поверженных на землю, отбивались ногами и рогом.

Молодой зубр, расвирепев, бросился к незащищённой молодежи носорогов. Догоняя одного за другим, вонзал рога в подростков, а более взрослые из них тщетно пытались обороняться. Раненые, но не поверженные носороги, видя расправу над детёнышами, оставив поле сражения с зубрами, помчались наказать обидчиков их детей. Один из них возглавил бегство молодежи. Другой тяжеловес, вогнав рог в пах обидчика, подбросил его так, что тот, совершив

подобие кульбита, упал на спину. Тут же полутораметровый рог вонзился в шею. Попытка броска поверженного зубра сорвалась – шея не выдержала мощного рывка и веса зубра. Минуты жизни молодого вояки оказались сочтены.

Победителю не пришлось торжествовать. Зубры оставили изуродованных врагов и напали на убийцу их молодого сородича. Рассвирепевшие, они рогами разрывали противника и тогда, когда он перестал подавать признаки жизни. Из трёх носорогов, оставленных на месте прежнего побоища, один нашёл силы для того, чтобы встать и покинуть место бескомпромиссного сражения. У него не возникло желания напасть на потомство зубров, охраняемое взрослыми особями. На его уход зубры не обратили внимания. Они упивались своим могуществом, продолжая разрывать поверженного тяжеловеса. Не погнались зубры и за тем противником, который уводил молодёжь подальше от смертельно опасного места. За две жизни зубров носороги заплатились тремя собственными. Две плюс три – такая вот арифметика случилась той давней порой на виду у охотников, поражённых необычностью поведения животных-великанов.

Совершив месть, зубры продолжили насыщение. При этом они повели себя совсем обыденно. Ничто не указывало на недавнюю свирепость и бескомпромиссность схватки могучих соперников. Кроме жертв этого побоища. Люди подошли к поверженным животным. Было непросто выбрать что-то съедобное из месива растерзанного носорога и растоптанного зубра, но туши двух носорогов и зубра оказались почти такими, какими могли быть при обычной охоте многочисленного племени.

Пвус отправил на стоянку Чакта и Моти. Для разделки туш было достаточно и присутствующих охотников. Донести тяжёлую мясную ношу до стоянки, оказалось по силам только совместными усилиями всех соплеменников, кроме мон, мин и старцев. Ледник для хранения скоропортящегося продукта после той безопасной для людей охоты переполнился. Вечером, дополняя друг друга, очевидцы рассказывали подробности схватки могучих животных, не пожелавших искать компромисса.

XV. ОХОТА НА ЗУБРОВ

Не остались незамеченными людьми племени и многократные случаи волчьей охоты на зубров. Когда ничто не угрожало пасущимся копытным, хищники то сближались друг с другом, то расходились на небольшие расстояния. Если большая волчья стая оказывалась в поле зрения степных великанов, стадо сбивалось в круг. В центре скучившихся могучих животных оказывалась молодь, неспособная противостоять опытным и коварным клыкастым.

Казалось, что волки рассредоточивались вокруг стада хаотично. В какой-то части их осадный круг оказывался не таким плотным, как в другой. Но и при такой расстановке осаждающих кровожадных хищников стаду приходилось ожидать нападение с любого направления, по всему кругу обороны.

Волки не стояли на месте. Они, то ускоряясь, то замедляя свой бег, двигались по кругу. Обороняющиеся животные взглядами провожали очередную группу хищников, а на месте прошедших в круговерти появлялись новые и новые клыкастые. Казалось, что от такой вращающейся картины головы зубров должны были закружиться, а сами они могли пропустить момент нападения. Наверное, и у волков могло сложиться впечатление, что в круговерти могучие животные потеряют бдительность. Но вряд ли хищников посещали подобные мысли. Скорее, они действовали так, как им подсказывал выработанный многими поколениями инстинкт стайной охоты.

Время осады всегда накладывало отпечаток на жизненные силы и поведение животных. Наступал момент, когда один из волков совершал стремительный бросок к сгруппировавшемуся стаду. Его тут же поддерживали соседи по окружению. Остальные клыкастые в эти мгновения продолжали бег по кругу, не давая окружённым зубрам прийти на помощь тем сородичам, которым пришлось отражать атаку. На громоподобный, напоминающий бычий рёв разъярённого стада зубров накладывалось непрерывное злобное рычание бегущих по кругу волков. Иногда пространство пронизывалось истошным визгом клыкастого, вспоротого полуметровым рогом зубра.

В самое острое мгновение атаки один из волков, минуя атакуемых гигантов, пробивался внутрь оборонительного кольца, чтобы напасть на беззащитную молодь. Но и там находились способные противостоять нападавшему. Случалось, что прорвавшийся к молодежи волк птицей вылетал за осадный круг, оказавшись подхваченным ещё растущим рогом зубра – детёныша. Силы подрастающего зубра было достаточно для такого мощного броска.

Были и такие волки, которые успевали вонзить зубы в шею великана, повисали на нём в надежде повалить свою жертву наземь. Кого-то из атакующих стряхивало с себя само раненое животное, а кто-то оказывался подхваченным рогами других богатырей-зубров.

Но и тогда в подранка тут же впились клыки других членов стаи, прорывая шкуру, нанося раны, увеличивающие кровопотерю. Разъярённое стадо отпугивало нападавших, заставляло клыкастых злодеев отбежать, наблюдать за происходящим с безопасного расстояния. Тех волков, которые после ранений не могли отползти от места сражения, безжалостно топтали, подбрасывали вверх и снова топтали. В проявлении мести участвовали даже те, кто только что оставался под родительской защитой.

Успокоившись, стадо покидало поле боя, а стая набрасывалась на останки погибших сородичей, если раненые зубры отходили прочь. Но и в таких случаях хищники не отпускали пасущееся стадо за пределы видимости. Знали, что кто-то из подранков, обессиленный большой потерей крови, упадёт. Пасущиеся зубры не станут долго охранять упавшего собрата; удаляясь, они продолжают насыщение. Вот тогда-то для уцелевшей части стаи наступал час пиршества!

Но такая волчья охота наблюдалась зимой, когда хищники сбивались в стаи до тридцати особей. Летом в охоте на рогатых богатырей участвовали, как правило, по три пары взрослых обладателей сильных клыкастых челюстей. Собраться большим числом летом волки не могли – каждая пара охотилась в своих владениях, а их жертвами становились животные, которые были мельче могучих зубров.

Летом тактика клыкастых оказалась отличной от зимней. Они, избегая сближения друг с другом, появлялись между великанами,

находящимися на определённом расстоянии друг от друга. Иногда волки, притаившись, лежали в траве, чтобы не привлекать к себе внимание потенциальной жертвы. Будто бессловесно стоворившись, в какой-то момент все хищники-охотники оказывались между стадом и наиболее удалённым одиноко пасущимся животным.

При внезапном нападении великан не мог противостоять сплочённой волчьей стае. Нападение не обходилось и без жертв нападавших, но клыкастые, оставшиеся в живых, успевали свершить главное дело хищников – вспарывали шкуру на шее, что приводило к обильной кровопотери. Чтобы не вступать в схватку с приближающимися разъярёнными сородичами раненого зверя, волки разбегались в разные стороны. Выместив зло на раненых извечных врагах, стадо оставляло погибающего собрата лишь тогда, когда из расстающегося с жизнью тела прекращались все звуки. Тогда же наступала пора пиршества для победителей.

И зимой, и летом, если люди оказывались наблюдателями сцены сражения, у волков до пира не доходило. Двуногие охотники приближались к месту побоища вместе с волками. И люди, и хищники считали, что все жертвы суровой схватки копытных с клыкастыми бродягами тундростепи – это именно их добыча. Их и только их. Происходило новое сражение. Сблизившись с волками, охотники не всегда могли применить стрелы. Вооружённые топорами и копьями, люди и тогда выходили победителями, а их охотничьи трофеи пополнялись несколькими волками.

Считалось большой удачей, если волки помогали заполучить огромную тушу. Из туши, более тонны живого веса, в пищу шло не только мясо и внутренности, но и содержимое вкусных мозговых костей травоядного животного. Потомки реликтовых степных зубров той поры, хоть теперь и меньших размеров, известны нам как европейский зубр и разновидности американского бизона.

Случай воспользоваться трофеями волчьей стаи выдавался нечасто, а есть хотелось ежедневно и не один раз в день. Изучив повадки обладателей острых рогов, уже предки афонтовских стояночников отважились охотиться на этих крупных и изворотливых животных. Случайно они обнаружили у зубров уязвимое

место, помогающее в большинстве случаев избежать жертв соплеменников. Этим обстоятельством пользовались и охотники племени Булута.

И в ту летнюю охоту, не предвещавшую ничего особенного, люди терпеливо выжидали момент, подходящий для нападения на одного из крупных двурогих травоядных. Как волки, они то неподвижно замирали, лёжа, то переползали или перебежали на более удобное для слежки места, постепенно оттесняя от стада одного из зубров.

Возглавлял охотников тогда вождь племени Булут. Свуно, и став взрослым, оправдывал своё имя, оставался ловким. Ему вождь поручил бить в уязвимое место гиганта. Стрелам лучников предстояло лишить животное зрения и обоняния. Охотники, не

привлекая внимания пасущихся животных, осторожно занимали выгодные позиции. Часть животных, состоящих из пяти взрослых особей, насытившись, беззаботно улеглась, усердно пережёвывая жвачку.

Наверное, отбитое от стада животное решило предаться жвачке рядом с сородичами. Оно не успело развернуться, когда стрелы, выпущенные по команде вождя, поразили глаза, впились в ноздри тяжеловеса. Свуно, не дожидаясь напоминаний, в три прыжка преодолел промежуток, отделявший его от зубра.

В следующее мгновение он уже восседал на холке животного, мчавшегося подобно смертельно напуганному рысаку лошадиного табуна. Держась за шерсть, наездник ножом наносил удар за ударом. Животное, почувствовав наездника, пыталось избавиться от него. Зубр на огромной скорости метался по кругу, делая резкие повороты, подбрасывал зад, мотал головой, пытался сбросить ношу рогами.

Стремясь не свалиться, Свуно не мог вогнать нож в уязвимое место. Уже не менее десятка копий вонзились в разных местах огромного туловища, а три из них успели отторгнуться мощными мышцами, выпав из кровоточащих ран. Вот тогда-то, когда животное пыталось совершить резкий разворот, наезднику удалось вонзить своё оружие в нужное место и на необходимую глубину.

Мощное животное мгновенно оказалось, словно парализованным. Ноги его подкосились, а туловище, продолжая совершать разворот, завалилось на бок, лопаткой придавив ногу наездника. При попытке встать, зубр вновь завалился, а не успевший увернуться наездник оказался прижатым к земле грудной клеткой тяжеловеса. Весом животного сдавило охотника, кости его грудной клетки не выдержали. Крики нестерпимой боли прекратились, когда при очередной попытке встать крупной костью травоядного копытного накрыло череп стремящегося выжить охотника. Это стремление оказалось последним в жизни Свуно.

На могучий рёв подранка стадо откликнулось совместным зловещим рёвом. Оно мчалось в надежде помочь собрату, попавшему в беду. Никто из охотников-соплеменников даже не пытался помочь несчастному. Все в спешке покидали место недавнего поедин-

ка их друга с мощным животным – туда устремились собратья животного, пытавшегося встать, но каждый раз падающего. Не зная названия органа, охотники каменного века поражали мозжечок животного, лишая жертву их охоты опираться на ноги. Да, иногда на охоте случалось и так, как со Свуно в его последнем поединке.

Наверное, понимая, что их сородичу больше никто не угрожает, стадо постепенно успокоилось, рёв его сначала перешёл в мычание, а потом вовсе прекратился. Потеряв много крови, перестал биться и смертельно раненый зубр. Не тронутые охотниками животные продолжили насыщение, удаляясь от места смертельной бойни. Перевалив тушу через спину, извлекли тело изуродованного Свуно. Горе от утраты сильного охотника, которого в этот раз удача обошла стороной, не остановило соплеменников. Как и полагалось, они приступили к разделке туши.

XVI. ПРОСТОРЫ И ИХ ОБИТАТЕЛИ

Летом люди охотились на своей стороне, недалеко от большой реки. Пологие и невысокие сопки спускались отвесно лишь у самой реки. Они, возвышающиеся над равниной, и сама равнина изобиловали травами и кустарниками, привлекая стада травоядных. С вершины любой из сопки заинтересованному взгляду открывалось великолепие окружающей тундростепи. Особо не останавливая внимание на красотах, люди находили безмятежно пасущиеся стада.

Часто на удалении одно от другого люди видели даже два стада. Тогда у них был выбор, а всё зависело от того, какие животные попадали в поле зрения в том конкретном случае. Где-то, не опасаясь нападения волчьих стай, безмятежно паслись великаны, признанные и людьми, и животными хозяевами бескрайних просторов. Даже с молодью, их численность редко превышала число пальцев на двух руках. Но и этого носителям могучих бивней было достаточно, чтобы противостоять любым противникам, превосходящим их числом.

Избегая контактов с более могучими жителями бескрайних просторов, уединившись, бродили небольшие семейные стада

шерстистых носорогов. Иногда кто-то из них отвлекался на докучавших стаду волков. Отпутнув хищников, животное продолжало насыщение. Отбежав на несколько шагов, клыкастые не теряли надежды вспороть шею одного из детёнышей меченосцев. Его покрывала не настолько толстая броня, как у родителей. Волки продолжали выслеживать жертву с чуть большего расстояния.

Стада зубров не могли чувствовать себя столь же безопасно, как мамонты. Они были более уязвимыми, чем носороги. Даже небольшие летом, волчьи стаи всегда требовали от могучих травоядных готовности защитить свою молодь и себя от нападения кровожадных хищников.

Семейки сохатых, маралов, кабарог и других копытных, опасаясь волков, паслись вблизи одной из групп великанов. В случае опасности нападения хищников они отступали и оказывались в окружении тех, кто мог постоять и за себя, и за незваных гостей. Иногда волкам удавалось преградить путь к отступлению, не дать семейке уйти под защиту крупных травоядных. Тогда для защиты в ход шли рога самцов, а при необходимости и копыта.

Травы, колышущиеся на ветру, летом напитывались влагой протаявшего слоя почвы. Своим летним теплом солнце отвоёвывало у вечной мерзлоты слой грунта на глубину до полуметра. Этого было достаточно не только травам, но и кустарниковидным деревцам, кедровому стланику. Заросли, стелющиеся над поверхностью или возвышающиеся от почвы на три человеческих роста, располагались в ложбинах, богатых влагой. Корни не уходили глубоко, питая деревца живительной приповерхностной влагой.

Близость стланика была небезопасна для травоядных, независимо от их собственного роста. Именно в таких местах водились медведи. Осенью эти крупные животные довольствовались кедровыми орехами. Летом для набора веса косилапым обычно хватало ягод и семян диких злаков. Но даже тогда в звере могла просыпаться хищническая сущность: он нападал на травоядное животное, подошедшее непростительно близко к коггистому богатырю.

Особо опасным медведь был весной. Исхудавший за время зимней спячки, он становился более лёгким в беге, но ничуть не

слабее, чем в пору максимальной упитанности. Недостаток растительной пищи заставлял животное искать, чем можно поживиться. Хозяин территории не давал спуска и тем сородичам, которые покинули свои владения и забрели к соседу. Обычно такое случалось в пору весенних паводков на реках, заливающих берлогу на низине.

С виду неповоротливый и медлительный, медведь на небольшом участке пути не отставал от марала. Цепкость когтистых лап позволяла хищнику без проблем оказаться на спине своей жертвы, даже мамонта, а от мощных челюстей не могла спасти даже броня носорога. В те мгновения зверь, ранее казавшийся травоядным, проявлял неоспоримые качества хищника.

Давность прошедших тысячелетий не позволила людям племени знать о том, что у их далёких предков медведь был покровителем, почитался и взрослыми, и детьми. Здесь этот зверь был обычным промысловым животным. Так было и в той очередной охоте, ничем не примечательной для племени.

Обнаружив любителя кедровых орехов, охотники группы Тавка с громкими криками медленно наступали на медведя, выгоняя его из зарослей стланика, оттесняя на открытое место. Там на лесного богатыря обрушился рой стрел. Сначала зверь пытался отмахнуться от впивающихся в него почти невесомых снарядов. Одни из них вырывались из тела, оставляя после себя кровоточащие ранки. Другие стрелы обламывались, а наконечники, оставшиеся в теле, мешали и причиняли боль.

Потом полетели метательные копья. Разъярённый подренок набросился на возмутителей спокойствия, причиняющих боль. Вынх оказался объектом того нападения. Он с силой вогнал своё оружие пониже междуглазья нападавшего, но это ещё больше разозлило животное. Медведь одним взмахом лапы не только выбил древко копья из рук охотника, но и сломал его. Часть копья осталась торчать из основания носа, а наконечник повредил носоглотку. Ещё мгновение, и Вынх оказался сбитым с ног ударом лапы. Он по воздуху пролетел расстояние, большее собственного роста.

Медведь не набросился на свою жертву. Ему пришлось отбиваться от других охотников. Окружив медведя, мужчины и жен-

щины с силой вгоняли копьё в тело беснующегося зверя, не выбирая мест, потом выдёргивали своё оружие и вгоняли его снова и снова. Даже ломая некоторые копьё, зверь не мог приблизиться к своим обидчикам – вновь и вновь на пути возникали копьё других охотников.

Вынх в горячке сражения не обратил внимания на боль. Тогда он не почувствовал её. Лишившись копьё, охотник ворвался в гущу друзей с топором. Когда окружённый зверь оказался спиной к нему, со всей силушки рассёк бедро лесного силача. Но и эта рана не принесла медведю значительного вреда. Только максимально вложившись в удар топором, Вынх почувствовал боль в области груди. Как потом выяснилось, медведь, приложившись, с лёгкостью сломал сопернику два ребра.

Туно удалось вонзить своё оружие в грудь вздыбленного медведя. Только этот удар стал смертельным для лесного богатыря. Но и повалившись на бок, зверь продолжал неистовствовать. Он, как землеройная машина, всеми лапами срывал дёрн с травой и кустарником вокруг себя, продолжал реветь и рычать, показывая, что ещё силён и опасен для любого, кто попал бы в его сильные лапы.

В той схватке охотникам повезло. Случалось, что добыча вкусной медвежатины стоила жизни кому-то из соплеменников. Следует учесть, что во времена наших афонтовцев медведи, обитатели тех мест, были значительно крупнее. Самых крупных бурых медведей современности можно встретить на Камчатке, но и их рост лишь с натяжкой можно сравнить с ростом медведей каменного века.

Изменчивость природы вносила коррективы не только в быт людей, но и в способы охоты. Из рассказов старцев афонтовцы знали об охоте на мамонтов с помощью ям. Рыть их в вечной мерзлоте пришлось бы не одно лето, каждый раз делая длительные перерывы для того, чтобы почва протаяла.

Как и при добыче зубров, в охоте на мамонтов старались использовать уязвимые места. Вогнав нож в мозжечок, добивались падения гиганта, неспособного потом встать и следовать за стадом. Вонзив множество копий, разбежавшиеся в разные сторо-

ны охотники наблюдали из-за кустов за происходящим. Стадо, окружившее подранка, убедившись в неспособности помочь сородичу, отходило от него. Тогда оставалось добить лежащего тяжеловеса копьями и топорами. На неистовый рёв от причиняемой боли стадо возвращалось, а охотники вновь разбежались, стараясь не привлекать к себе внимание гигантов.

Судьба истекающего кровью великана была однозначна – мясо переносилось, а его большая часть укладывалась в природный холодильник. Не все вкусные внутренности попадали к соплеменникам. Частично что-то, обласканное пламенем костра, съедалось охотниками на месте разделки.

Крупные кости не разбрасывались вокруг стоянки. Они использовались для строительства остовов новых чумов или для ремонта уже имеющихся. Так же поступали и со шкурой, утепляя ею какое-либо из имеющихся жилищ или используя для покрытия нового чума.

Пейзажи, созерцаемые с детства, не удивляли и не восхищали повзрослевших жителей. Но любознательность мальчишек и девчонок звала познать неведомый им мир. Лишь получив имена, осознав свою значимость среди окружающих, детвора стремилась расширить кругозор не только посредством рассказов старых жителей, повидавших немало на своём веку. Хотелось увидеть и ощутить новизну ранее неведомых им сторон жизни.

Вооружившись луками с самодельными стрелами, взрослея, дети уходили от стоянки всё дальше. Изготовленные ими примитивные наконечники стрел крепились не всегда надёжно, но стрелы, выпущенные из детских луков, были способны поражать птиц и некоторую наземную живность – волков, песцов, лис, зайцев. На них и охотилась детвора, не рискуя нападать на кого-то из более крупных животных. Удачи, а вместе с ними и неудачи позволяли познавать повадки животных, включая и тех, на кого юные охотники пока не решались посягнуть.

Бродя по окрестностям, находили грибные и ягодные места, заросли кедрового стланика, рыбные озера. Невысокие деревца были легкодоступными даже девочкам, которые сдружились с путешественниками мальчишками. Осенью, когда орех вызревал, не-

поседы вносили свой весомый вклад в заготовку запасов вкусной и питательной пищи на весь зимний период. Соорудив бредни из трав, дружная компания обеспечивала соплеменников рыбой.

Непоседы были предоставлены сами себе, и действовали соизмеримо своим детским возможностям. Их не заставляли быть добытчиками. Всё делалось для ощущения каждым своей значимости в обеспечении благополучия племени не только в день сегодняшней, но и в последующие времена, которые не всегда изобиловали пищей.

Походам не препятствовали ни весенние разливы рек, извиляющихся между холмами, ни летний зной, ни затяжные осенние дожди. К моменту перехода в разряд взрослых охотников подростки успевали освоить прилегающую территорию в несколько дней неторопливых странствий. Годом к десяти подростки решались на плотях покорить большую и быструю реку, чтобы получить представление и о тех местах охоты, куда взрослые уходили по установившемуся зимой льду.

XVII. КАМЕННЫЕ ВЕЛИКАНЫ

Да, на правобережье летом племена не промышляли. В этом не было нужды. Обилие растительной пищи, созданное самой природой, позволяло обеспечивать жителей стоянки прибавкой к мясному рациону в день сегодняшний и делать припасы на зимний период. Мясные блюда, приготовленные с лета, не раз выручали племя в холодные зимние вечера.

Табуны лошадей, стада зубров, семейные группы мамонтов, шерстистых носорогов, сохатых и маралов мирно паслись на большом расстоянии друг от друга, недалеко от людской стоянки. Нередкой охотничьей добычей считались и волки, и до поры миролюбивые увальни – медведи. Все звери отличались особенными повадками поведения и имели свои, характерные только им, способы защиты от двуногих хищников.

Люди каменного века являлись именно хищниками, берущими у природы столько, сколько необходимо для безбедного существования племени. Охотники к тому времени приобрели особые

навыки совместной охоты, которые традиционно передавали от предыдущего поколения к последующему, нарабатывая что-то своё, новое, приемлемое в изменяющейся стихии.

Когда реку сковывал лёд, а его укрывало снежным одеялом, ежедневными походами охотники натаптывали на реке тропу. Теперь можно было добывать пищу в правобережных горах, уходящих вдаль от самого берега. Здесь ложбины и глубокие распадки, заросшие кедровым и пихтовым стлаником, спасали от пронизывающего ветра, беспрепятственно гуляющего зимой между сопками левобережья.

На подвластных ветрам склонах гор снега почти не было. Копытные животные без труда проламывали снежную корку, питались высушенными на корню травами. Точно так же современные домашние животные поедают зимнее сено, заготовленное для них запасливыми хозяевами. И всё с той разницей, что диким животным корм для себя всегда приходилось и приходится добывать самим. Здесь не встречались мамонты и носороги, редкими гостями были табуны лошадей.

В поисках добычи охотники иногда набредали на медвежью берлогу. Такая находка особенно радовала добытчиков, если берлога оказывалась на их пути в самом начале зимы. Тогда медведь не успевал растрагить накопленную за лето массу увесистого тела. Соблюдая меры предосторожности, сообща взять богатый дикой природы было для охотников делом чести.

На травянистых склонах в любую погоду паслись стада зубров. Кое-где появлялись бараны и козлы с гаремами. Заметив опасность, изворотливые животные ловко поднимались на скалы и по ним уходили от своих преследователей. Люди могли дотянуться до беглецов стрелами, дожидаться, когда обескровленное животное сорвётся и упадёт к их ногам. Но если в роли преследователей оказывались волки, то им оставалось только злобно и заунывно завывать, внося разнообразие в вой вьюги.

На очередной охоте вдоль подножия скал молодой охотник Моти вдруг обратил внимание друзей на возвышающееся вблизи каменное изваяние:

– Посмотрите на скалу. Какая схожесть!

Он не сказал, на что или на кого похож поразивший воображение каменный выступ. Людская цепочка сначала замедлила движение, а через мгновение и вовсе остановилась. Какого-то особого воображения не требовалось, чтобы в части каменной глыбы увидеть волка. Это теперь один из «столбов» в окрестностях Красноярска имеет название «Пёс». Тридцать тысячелетий до нашей эры людским воображением был создан «волк».

Зикс стал первооткрывателем другого каменного изваяния, удивительно похожего на птицу. Не сдержавшись, он воскликнул:

– Бирк! Птица! Как настоящая!

Из глубокого распадка охотники увидели не просто скалу. Воображение создало нахохлившегося от холода беркута. Глубокие трещины в камне, припорошенные снегом, усиливали схожесть с настоящим беркутом. Казалось, что светлые полосы разделяют крупные перья крыла, ещё не успевшие сложиться после приземления или разошедшиеся при чрезмерном нахохливании. Наверное, с той поры немного изменилось в положении частей скалы.

И ныне она носит то же название, только с добавкой слова «Малый». Тогда охотники не заметили «Большого Беркута», потому и не возникло определяющего слова.

Однако и после этой находки люди не особо всматривались в то, что природа создала для созерцания и любования. Их больше интересовали те животные и птицы, которые потом могли бы пойти в пищу. И они находили то, что искали. Глубокий снег, наметённый ветрами в распадки, скрывал корм травоядных, заставлял животных выходить на открытые и обдуваемые ветрами склоны.

Там чувствовали себя вольготно не только животные, но и охотники. Можно было преследовать добычу без снегоступов, сковывающих движение, мешающих маневренности во время нападения на объект охоты. Часто приходилось охотиться группами. Одни, кому не очень везло, довольствовались козлом или бараном, другие находили более крупных животных, обеспечивая племя свежим мясом. Не обходилось без дней, когда приходилось брать из «холодильника» мёрзлое мясо, припасённое в дни былой, удачной охоты. Особо нетерпеливые тут же, не отходя от мерзлого холодильника, ели сырую строганину.

На свою охоту подростки не ходили за лёд. Там они могли бы помешать взрослым. Юные охотники добывали посильную для них живность на своём берегу большой реки. Лисы и песцы хитры и почти недосыгаемы, а зимние волчьи стаи напористы и сами не прочь поживиться человечинной. От охоты к охоте опыт юнцов возрастал, а живность, ускользавшая прежде, становилась охотничьим трофеем. Кроме зайцев, лис, песцов добычей становились козы, бараны и даже лошади.

На другой берег старшие из мальчишек рискнули перебраться летом. В тот раз плот, сооружённый из нескольких стволов небольших деревьев, пополненный ветвями кустарника, надёжно выдержал семь человек. Они и отправились в рискованное путешествие на противоположный берег реки. Старшие из друзей, теперь уже повзрослевшие и пополнившие ряды взрослых охотников, тоже бывали в юности на противоположном берегу. Бывали там мальчишки и до тех юных путешественников. И все мальчи-

шеские посещения правобережья случались только летом, чтобы ни в коем случае не стать помехой главным добытчикам пищи.

Главным в группе был Чонх – «хмурый». Не выказывая эмоций, этот паренёк делал всё без спешки, был осмотрительным и рассудительным. Умение не попасть впросак в незнакомой ситуации позволяло друзьям всецело довериться своему вожаку. Решение Чонха редко оспаривалось кем-либо из сверстников. Именно его идею построить плот и переплыть на нём на другой берег воплотили подростки.

Вырубленные шесты очень скоро оказались бесполезны для отталкивания от дна. Пришлось грести ими, как вёслами. Большая вода весеннего паводка ещё не отбушевала. Быстрое течение сносило плот всё дальше от родной стоянки. Обжитый берег медленно удалялся, а приближение противоположного было незаметно. Но подростки не сомневались, что он достижим. Для этого необходимо только поднапрячься.

И они гребли, не жалея сил и не теряя надежды на успех в преодолении водной преграды. В ещё не посветлевшей воде увидеть дно удалось при глубине в рост юных пловцов. Тогда же стало возможным применение шестов для отталкивания от речного дна. Близость берега и радость сближения с ним придала юношам дополнительные силы. Плот прошуршал по прибрежному галечнику, упёрся в берег, развернулся течением и прижался боком к кромке сухих камней на желанном берегу. Чтобы на обратный путь не строить что-то новое, вытянули примитивное плавсредство так, что в воде осталась лишь его половина.

Удаляясь от реки, подростки сразу обратили внимание на большую крутизну и высоту гор, существенно отличающуюся от сопки левобережья. Там только у самой воды были почти отвесные спуски. Вместо равнин между сопками здесь горы отделялись друг от друга глубокими и неширокими ложбинами. В некоторых из них по дну, в зарослях пихтового и кедрового стланика, протекал прячущийся от людских глаз ручей.

Идти по густому мелколесью, заполненному скудной однообразной растительностью, было неудобно. К тому же деревца препятствовали обзору окружающего пространства. Вышли на склон

горы. Разнотравье, впитывающее из почвы влагу и обласканное легким солнцем, колыхалось при малейшем ветерке, играло оттенками зелени стеблей и листьев. Оно ещё не дотягивалось до колен путников, не мешало ходьбе. Отдельные кусты черёмухи радовали глаз белизной цветения, а ветерок разносил по округе приятный аромат нежных, кажущихся невесомыми, белоснежных лепестков.

Луг уводил воображение подростков в неведомую даль, пространство которой заполняли нагромождения каменных глыб. Увлёкшиеся поиском живности юные охотники не сразу заметили форменную необычность некоторых скал. Желание добыть к обеду животное невольно отвлекало от любования красотами природы. Только насытившись обжаренными кусками мяса подстреленной козочки, все путешественники стали обращать внимание на местный пейзаж.

Над мальчишками, обедающими у догорающего походного костра, возвышалась скала, напоминающая голову старика. Байс первым заметил это сходство и поделился наблюдениями с друзьями. Подростки отходили вправо-влево, приближаясь к каменному истукану, отдаляясь от него. С какого-то ракурса сходство усиливалось, с другого – уменьшалось. Теперь эта необычная скала носит имя «Дед».

Зимой они слышали от взрослых о существовании каменных глыб, похожих на волка и на беркута. Решили разыскать и эти необычные скалы. После многодневных странствий по территории, которая ныне входит в национальный парк «Красноярские Столбы», путешественники набрели на очередную необычную скалу, показавшуюся им похожей на огромную лягушку. Она будто приготовилась к прыжку на свою жертву, спеша захлопнуть пасть после того, как жертва окажется внутри. Этот «столб» современники называют «Жабой».

Нашли мальчишки и «Беркута», но, как потом выяснилось, не того, о котором рассказывали отцы. Этот был похож на гордую и сильную птицу, державшую туловище почти вертикально, с высоко поднятой головой. Сильная птица взирала на пространство где-то далеко впереди. Главный летающий хищник, известный

мальчишкам не понаслышке, предстал увековеченным в камне, поразил воображение путешественников. В современном виде-нии это «Большой Беркут».

Детвора не разочаровалась из-за того, что находка не подходит под описание старших соплеменников. Валто высказал догадку, что найден другой беркут, а того, о котором рассказывали зимой, ещё стоит поискать. Странствуя, они сначала отыскивали изваяние, схожее с волком. Позже им повстречалась та скала-беркут, о которой они слышали в племени.

Возвращаясь к реке, путешественники набрали ещё на одну скалу, напоминавшую замершую птицу, готовую взлететь в любой опасный миг. Увиденное природное чудо заставило забыть обо всём на свете, обострив воображение мальчишек.

В повседневной жизни на неё никто из охотников не обратил бы внимания. Серая, она не выделялась красотой. Небольшая – не могла быть добычей для пропитания. Встретившись с такой невзрачной, незаметной птичкой, отходили от неё – ничего особенного, малопривлекательное земное существо. Но не в этот день: каменная птица – запечатлённая природой красота, завораживала подростков, вновь и вновь притягивая к себе их взгляды.

Мальчишки поразились не только внешнему сходству скалы с голубем. Удивительный скальный камень оказался не таким, как те, что встречались раньше. От него можно было без особых усилий отделить небольшие куски. Слаящаяся скала возвышалась почти у самого берега, а осанка каменного голубя указывала на то, что взгляд был устремлён куда-то за реку, словно там он искал свою подругу. «Голубка» – современное название этого «столба».

XVIII. ЭПИДЕМИЯ

Всё случилось неожиданно-негаданно и не мгновенно, а постепенно, с незаметным началом. Именно поэтому на болевые синдромы отдельных охотников не сразу обратили внимание. Расстройства кишечника у людей случались и раньше. Благо, что среди девочек каждого поколения в племени всегда находились те, кто с интересом изучал целебные свойства трав. Кто-то постигал

науку врачевания более успешно, а кому-то не удавалось удержать в памяти назначение травяных снадобий или связать симптомы болезни с методами лечения.

В тринадцать зим около взрослой травницы оставалась одна, способная продолжить врачевание соплеменников. Даже в случае, если девочка уже имела имя, её нарекали именем Сонх – «травницей». Когда хвороба приняла массовый характер, младшей из травниц было шестнадцать зим, а старшей – около тридцати.

Полные сил и энергии, женщины были готовы помочь любому, нуждающемуся в их помощи. Для этого им хотелось побыстрее установить первопричину заболевания. Обыденное расстройство кишечника могло быть вызвано употреблением в пищу чего-то бесполезного для человеческого организма. Но когда и где это бесполезное попало в желудок человека – для всех оставалось загадкой. Полагаясь на опыт, выработанный множеством предыдущих поколений, из рациона питания больных в этом случае исключали мясную пищу.

На отсутствие экстренности в поиске причины возникшей болезни соплеменников накладывала отпечаток пора. Именно в то время, когда солнце начинало пригревать по-весеннему, обычно и происходили вспышки кишечных заболеваний. Ещё не выяснив причину, женщины приступили к лечению. В борьбе с диареей всегда помогал отвар жимолости с известным сочетанием целебных трав. Обильное питьё этих снадобий всегда приносило своё исцеляющее действие.

Той ранней весной это не помогало. Вместе с больными травницы старались выяснить, почему заболевают именно охотники. Пить что-либо за пределами стоянки, как бывало в летнюю жару, они не могли. Оставалось одно: причиной хвори могла быть только еда. Восстановили события, происшедшие за несколько дней до эпидемии, и поняли, что охотники, подгоняемые голодом, возвращаясь без добычи, набрасывались на строганину.

Самой вкусной была медвежатина. Медведь был добыт во второй половине лета. Тогда от него взяли заднюю ногу, а остальную часть туши поместили в общий для всех холодильник. К весне жирное мясо косолапого топтыгина оказалось

освобождено от добытого позднее. Оно и стало соблазном для насыщения голодных охотников, в нетерпении ожидающих предстоящего ужина.

Обе целительницы внимательно осмотрели оставшуюся часть медвежьей туши. Не заметив ничего подозрительного, они слой за слоем срезали несколько тонких пластов. И полученная строганина ничем не отличалась бы от обычного мяса, если бы не мельчайшие чёрные вкрапления, обнаруженные в каждом из срезаемых пластов. Вот эти крапинки и показались им подозрительными.

А время шло. Обычная тошнота, сопровождаемая разжижением стула, превращалась в кровавую рвоту. Старшая из двух Сонх, желая глубже вникнуть в проблему, положила пласт подозрительной медвежатины на дно каменной тарелки, попросив больного наполнить её рвотными массами.

Травница поставила «бульон» на небольшом удалении от костра, наказав, чтобы никто из соплеменников даже не приближался к тому небезопасному месту. Через пару дней в «бульоне» вывелись личинки. Сонх пригласила всех жителей стоянки и объяснила, что эти маленькие белые черви с чёрными головками появились в строганине. Запрещено было есть сырое мясо, если человек не хочет, чтобы его поедали такие же твари, вырастающие в организме после съедения такого деликатеса.

И сами маленькие червячки, и то, что они съедают часть человека изнутри – всё это, наглядностью сказанного, оказалось убедительным до неопровержимости. Кто-то предположил, что медвежатина могла подпортиться летом, когда была плохо укрыта от тепла. Тогда вспомнили, что иногда мясо летом портится настолько, что запах не исчезает из него даже после варки. Но от того мяса никто не заразился, не заболел.

Сонх-младшая не оставила реплику без внимания. Пояснила, что именно варка делала мясо безопасным, если оно на тот момент уже было заражено. Старшая травница отметила, что не всякое, пролежавшее какое-то время мясо может быть заражённым, и не всё свежедобytое мясо бывает безопасным, не содержащим носителей болезней.

– Наверняка, есть и такая мелкая зараза, которую невозможно рассмотреть, но и она, попадая в организм, размножается, растёт и разрушает его, – добавила авторитетная целительница.

Выявить причину заболевания немаловажно. Это могло остановить дальнейшие заболевания ежечасно и на будущее. Но главным делом оставалось исцеление тех, кто уже заболел. Кто-то горячий, как камень около тлеющего костра, метался в бреду. Кожа таких больных покрывалась зудящимися прыщами. Больных часто охватывал озноб, сопровождающийся крупной дрожью. У некоторых возникала и усиливалась отёчность лица, появлялись уплотнения в пахах, подмышках, под нижней челюстью.

Сегодня это назвали бы признаками увеличения лимфоузлов. Тогда такого понятия и термина не существовало, но серьёзность последствий не ставилась под сомнение. Число соплеменников, сражённых болезнью и ушедших в мир тьмы, сравнялось с количеством пальцев на двух руках, а действенного снадобья подобрать не удавалось.

Кроме трав и ягод, помогающих избавить больного от обычной диареи, травницы готовили отвары из берёзовых почек, кедровой и пихтовой хвои, плодов черёмухи, ольховых шишек и даже мухомора. Смешивая компоненты, обеспечивали слабую концентрацию заведомо ядовитых жидкостей. Помогало ли что-то конкретное или от полного набора препаратов – было неясно, но людям становилось легче.

Уход соплеменников в мир тьмы прекратился, однако у двух больных начались осложнения – мышцы ног и рук за время болезни стали слабыми настолько, что выздоравливающие от главного недуга не смогли не только ходить, но и самостоятельно садиться. Успела вскрыться ото льда большая река, когда сила вернулась в мышцы людей, пострадавших от болезни. По советам целительниц, быстрейшему становлению охотников в строй помогли сильные тренировки мышц.

Жизнь племени нормализовалась, а опыт целительниц пополнился. Никто не исключал того, что, сильно проголодавшись, кто-то нарушит запрет – наестся сырого мяса. А это могло бы привести к новой вспышке смертельно опасной болезни, о которой

хотелось поскорее забыть. Придумывать название неведомой ранее хвори не возникло желания даже у многоопытных травниц.

Сложно сказать, это поколение афонтовцев или их потомки первыми покинули обжитые места. Неизвестно, что именно: тяга к путешествиям, воинственность прибывающих кочующих племён, уход промысловых животных или какая-то другая причина, но что-то заставило племя оставить стоянку, дававшую и забравшую жизни соплеменников многих предшествующих поколений и их самих.

XIX. СТОЯНКА НА УСТЬ-КОВЁ

Сложно предположить, каким путём шло племя к месту очередной длительной стоянки. Не исключено, что где-то на пути следования оно останавливалось, а там проживало несколько поколений. Это даже наиболее вероятно. Двигаясь за мигрирующими стадами, люди где-то преодолели широкую и быструю реку Енисей, переправившись на другой берег.

Это могло случиться зимой, когда реку сковывал лёд, способный выдержать даже мамонтов. Но кочующие стада и люди могли преодолеть водную преграду и летом. Тогда животные форсировали бы реку вплавь, а люди с их походным имуществом – на плотах. В любом случае, травоядные в местах переправы собирались в большие стада, а это давало возможность жить безбедно одновременно не одному племени.

Стоянки людей той поры обнаружены на обоих берегах реки в окрестностях сёл Луговское, Язевка, Порог, Пискуновка. Это сёла на современной карте Красноярского края, около Казачинского порога на Енисее. Известно, что сенсационных находок, связанных с возможностью выявления ДНК, на этих стоянках пока не обнаружено. Именно по этой причине не приходится утверждать, что наши бывшие афонтовцы какой-то период времени жили и охотились в этих местах. Но, как знать, быть может, что при миграции на правобережье Енисея они перешли именно в этих местах.

Продвигаясь за стадами, люди дошли до Ангары. Широкая, она стала существенной преградой и для стадных животных, и для

людей. Оставалось одно: продвигаться вдоль берега этой реки. Временные стоянки сменяли друг друга, пока людям не приглянулось место впадения в Ангару реки Ковá. Принесли ли это название реки люди древнейших стоянок с Алтая или так реку стали называть позднее, – остаётся загадкой. Но это русифицированное звучание слова на языках коренных алтайцев и хакасов означает «след от упавшего зверя на снегу».

На стрелке правобережья Ковы и левобережья Ангары, на ровной площадке, возвышающейся над водой около десятка метров, археологи обнаружили длительную стоянку первобытных людей. И мы будем называть стоянку так, как её нарекли археологи современности – Усть-Кова. Культурные слои этой стоянки, самые удаленные от поверхности и от нас, имеют возраст около трёх десятков тысячелетий. В слое, который датировали двадцать пятым тысячелетием до нашей эры, обнаружены материалы с ДНК, сходной той, которая была в образцах на Афонтовой горе.

Похожая, но не идентичная. И этому находится объяснение. За период, минувший со времени проживания на прежней длительной стоянке, продолжались брачные отношения не только среди соплеменников, но и среди людей соседних племён. А они, в большинстве своём, были потомками кроманьонцев – людей черс, как называли их предки бывших афонтовцев и их предки – люди снипс и пливс. Доля ДНК людей снипс и пливс со временем становилась всё меньше. Некоторые из звеньев исходной цепочки замещались ДНК, принадлежащей людям черс.

Изменения внешности людей черс, пополнявших племя, происходили от светловолосости и светлокожести пливс, от длительного проживания в Сибири, климат которой не шёл в сравнение с африканским. Кожа тех жителей стоянки, которые несли в себе максимум наследственности людей черс, стала смуглой. Цвет её едва отличался от цвета кожи людей снипс. Волосы, как и у их предков, в давние времена появившихся на Алтае, оставались вьющимися и более тёмными, чем у снипс. У самих снипс не изменился цвет кожи, волос и глаз. Они оставались кареглазыми, смуглыми, с прямыми и жёсткими тёмно-русыми, близкими к чёрным, волосами.

И, как всегда на новом месте, людям пришлось обустроить свою стоянку, строить мерзлотный холодильник. На требование к устройству жилья накладывал свой отпечаток суровый климат. Двадцать пять тысячелетий от нас был максимум оледенения. Его граница доходила до устья реки Подкаменная Тунгуска. Стоянку Усть-Кова от ледника отделяла полоса тундростепи шириной в триста пятьдесят километров. Если бы у людей той поры были термометры, они фиксировали бы температуры за минус пятьдесят по шкале Цельсия.

Как и их предки, люди сооружали вместительные чумы. Так же, как в былые времена, выравнивали площадку будущего пола, но на мерзлотный слой сначала укладывали дёрн. За неимением вблизи оскольчатых камней разрушающихся скал, края чума обкладывали крупными речными окатышами. Их скрепляли глиной. К невысокому валу камней с наружной стороны подгребался слой грунта, снятого при выравнивании пола.

Дальше в ход шли крупные кости и рога животных. Часть их приносили с прежних обжитых стоянок. Другую часть получали от животных, добытых вблизи места строительства. Что-то подбиралось с поверхности земли. Мышечные ткани погибших ранее животных объедались хищниками, их останки успевали истлеть, а кости, рога и бивни были пригодны для строительства. Шкуры, уложенные на остов чумов в несколько слоёв, дёрн на полу и шкуры поверх него, очаг, выложенный из камней – всё обеспечивало тепло, необходимое при зимовке в сибирских условиях той ледниковой поры.

На ощущение охотниками суровости климата накладывало отпечаток и отсутствие высоких гор. Ветер беспрепятственно гулял между невысокими сопками, обдувая их пологие склоны. Казалось, что атмосферная вода вымерзла почти полностью, пополнив собой многометровые толщи ледника. И зимой снег покрывал землю тонким слоем, даже в широких ложбинах между сопками.

Летом снежный покров стаивал, пропитывал тонкий слой почвы, давая влагу травам и тундровым кустарникам. На то, что в этих местах когда-то росли хвойные деревья-великаны, не было ни малейшего намёка. За тысячелетия похолодания, которое слу-

чилось из-за надвигающегося ледника, те великаны давно превратились в прах, в тонкий слой почвы. Летом дожди не были ливневыми, а осенью – затяжными.

В течение всего лета растения пускали корни дальше вглубь, забирая влагу, появившуюся от таяния мерзлоты. Непродолжительного лета не хватало для вызревания семян всех растений. Некоторые сорта трав постепенно сменялись более скороспелыми растениями. Их семена приносились на просторы тундростепи птицами из других мест.

Травоядным хватало как летних, сочных, так и пожухлых зимних трав. Обилие травоядных привлекало хищников, размножившихся в невероятных количествах. Всем хватало пищи, несмотря на суровость климата. Хватало промысловых животных и большому племени людей, поселившемуся на мысу между двух рек.

Разнообразие добываемых зверей пополнилось дикими кабанами. Значительно меньших размеров, чем шерстистые носороги, они оказались столь же бескомпромиссными к своим противникам, как их дальние шерстистые родственники. Они тоже действовали подобно живому тарану. Нет, они не нападали на мамонтов и носорогов, но, войдя в раж, не уступали в силе и напоре северным оленям и маралам, оказывающимся на их пути. Мощная шея и выступающие из верхней челюсти клыки позволяли самцам этих животных ощущать собственную безопасность даже вблизи пары волков.

Рыси и вовсе охотились поодиночке. Хитрость и коварство этого хищника редко распространялись на кабанов, пасущихся семействами. Встречи этих обитателей Приангарья можно считать исключением из правил ещё и потому, что кабаны редко заходили в заросли стланика, а рысь почти не покидала их. Иногда случались встречи кабанов с бурым медведем.

Часть бурых медведей ушла на юг, скрываясь в отступающей хвойной тайге, а другая часть приспособливалась к изменяющимся условиям окружающей среды. В период максимального похолодания на территории Среднего Приангарья единственными представителями хвойной растительности оставались только можжевельник и стелющиеся до земли пихтовый и кедровый стланики.

XX. О МИШКАХ И НЕ ТОЛЬКО

В ту пору такое могучее животное, как бурый медведь, было не единственным представителем семейства медвежьих. С севера отступали от ледника белые медведи. Живя на берегу океана, предки этих опасных хищников, кажущихся увальнями, питались его дарами. Умеющие нырять на большую глубину с длительной задержкой дыхания, они без проблем питались рыбой и нерпами.

Здесь, окружённые большими пространствами суши, были небольшие и не промерзающие до дна, но богатые рыбой озёра. Отступая от ледника по рекам, нерпы по большой весенней воде заходили в озёра. Они, дышащие лёгкими, селились около полыньи. На них, малоподвижных, надувало сугроб, а тонкий лёд в месте лёжки протаивал, позволяя нырять за добычей рыбы.

Летняя рыбалка белых медведей не ограничивалась озёрами. Рыбаки дикой природы приспособились добывать пропитание в небольших реках. Однако крупным животным, в дополнение к добываемой рыбе, пришлось охотиться на сухопутных животных. Нерпы водились не во всех озёрах, промышлялись крайне редко как медведями, так и двуногими хищниками.

Зимой реки и озёра сковывал ледяной панцирь. Лишь на озёрах удавалось сохранять небольшие полыньи, дающие возможность нырять. Наверное, инстинкт заставлял мишек избегать подлёдной рыбалки на реках. Течение могло отнести нырнувшего рыбака далеко от полыньи, не дать доплыть до неё с имеющимся запасом воздуха в лёгких.

В сильные морозы и эти клочки открытой водной поверхности, полыньи, за ночь покрывались льдом. Медведю приходилось бить лапой, разрушая намёрзшую ледяную корку. Если это не помогало, то животное когтями процарапывало на льду множество глубоких борозд. Лапой или собственным весом медведь проламывал лёд, обеспечивая себе доступ к рыбе.

Весной, когда река Кода и её притоки разливались от тающего снега, почти все равнинные озёра соединялись с проточными водами, пополнялись рыбой. Самцы белых медведей сходились с самками только в пору спаривания. Именно эта пора у разно-

полых богатырей дикой природы обходилась без кровопролитий. Остальное время самка живёт с подрастающим потомством, а самец ведёт отшельнический образ жизни.

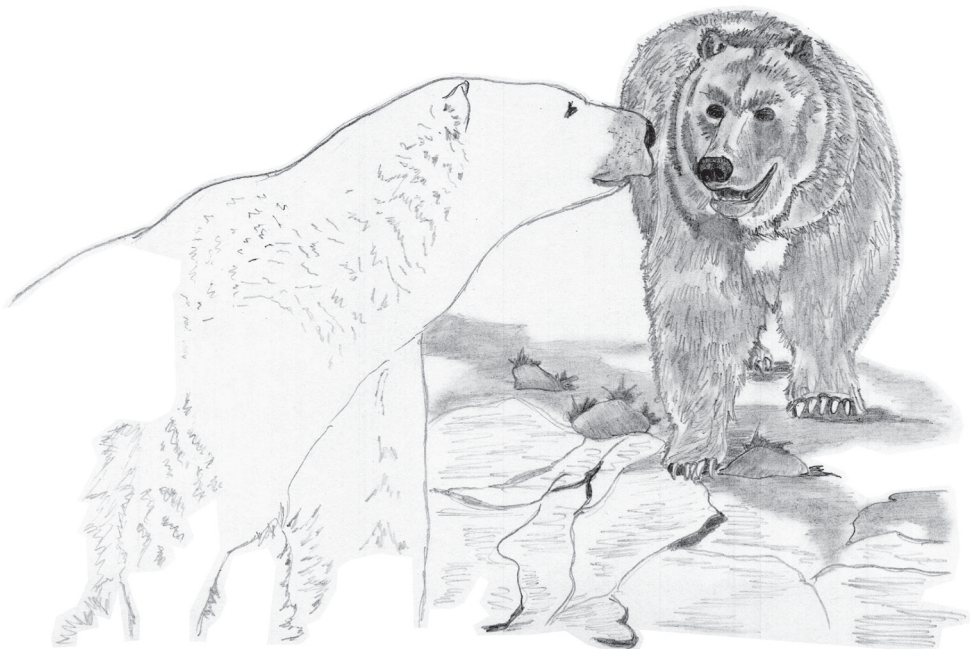
Водоём, подходящий по размерам и рыбным запасам, давал самцу пропитание на весь зимний период. Выбрав заснеженное место, самка белого медведя делала берлогу и залегала в спячку. Там студёной зимой она приносила потомство, а покидала берлогу в апреле вместе с медвежатами. И теперь, и в былые времена в одном помёте самки обычно два медвежонка. Реже их три, а у мам-первородок – один.

Более чем за двадцать пять тысячелетий дно озёр успело заилиться, прибрежные отмели заросли травой, а небольшие озёра превратились в болота. В среднем течении реки Кода и ныне сохранилось множество болот – следов былых озёр ледникового периода. Одни из них имеют названия, другие – безымянные. На небольшом удалении от устья Ковы, где была стоянка племени, из множества тех древних озёр сохранилось одно – озеро Океан.

Случалось, что на территорию старожила приходил мигрант, потеснённый бесконечным ледником или выгнанный из обжитых мест другим, более сильным представителем вида. Иногда встреча заканчивалась жестокой схваткой за место под солнцем. Чаше, ощущая силу соперника, более слабый медведь был вынужден искать новое место для пропитания. Если на соседних озёрах полыней уже не было, изгнаннику приходилось переходить на мясную пищу, охотиться на местных травоядных обитателей. Зимой цвет шерсти позволял оставаться незаметным даже на близком расстоянии.

Летом, когда природа обновлялась, а белый медведь ещё не успевал определиться с новым участком и озером для пропитания, случались встречи белых медведей с бурыми собратьями. Они были более редкими, чем у белых с белыми, хотя и те можно считать не частыми. Во встречах однополых особей отстаивалось или завоёвывалось место обитания.

Иное случалось при встрече разнополых мишек дикой природы. Если встречам сопутствовала пора спаривания, то после оплодотворения на территории оставалась самка, а самец уходил

в поисках нового места охоты и проживания. Брачные отношения медведей разного цвета происходили независимо от того, кто из них какого цвета. Самкой могла быть белая особь, а самец – бурый. Но могло случиться и так: – белый самец и бурая самка.

И в наши дни не только в зоопарках, но и в дикой природе случаются рождения медвежат-метисов. Потомство белой матери и бурого отца называется гролар, а белого отца и бурой матери – пизли. И те, и другие метисы частично наследуют внешние черты обоих родителей. Отличить их по окрасу практически невозможно. Все медвежата-метисы при рождении имеют желтоватый оттенок шерсти. При взрослении шерсть темнеет, но остаётся значительно светлее, чем у бурого родителя.

Жителей Усть-Ковы особо не интересовала причина необычного окраса некоторых медведей. Им нравилось медвежье мясо. Много мяса в одной туше, независимо от цвета шкуры. Охотники знали, что с виду неповоротливый зверь способен умело постоять за себя, успевая дать отпор по всем направлениям. В противостоянии мохнатому богатырю помогли могучие когтистые

лапы и мощная клыкастая пасть. Никому не хотелось попасть «под раздачу» оплеух, но в азарте схватки избежать этого удавалось не всем.

В порыве противостояния с рыром не было времени смотреть по сторонам: внимание каждого было обращено на медведя, способного в любой момент нанести смертельную рану. Однако, не смотря на сутолоку, стали замечать, что Ваф во время борьбы с сильными животными всегда оказывался за чьими-то спинами. Он давал разгуляться силушке лишь тогда, когда обескровленное животное уже не могло наброситься на кого-то из своих соперников.

– Что это? Трусость? – гадал каждый, подметивший необычное поведение сильного и опытного охотника.

Однажды Гизо не сдержался и обратил внимание Зоуро на чрезмерную осторожность Вафа. Да. И в этот период жизни племени вождём был обладатель имени, принадлежавшего каждому третьему-четвёртому поколению вождей. Зоуро решил присмотреться, прав ли молодой охотник.

Гизо не ограничился обращением к вождю. Он рассказал о своём видении ситуации другим охотникам. Они согласились с доводами, но сами не знали, как исправить ситуацию. Только один объяснил, что никому не хочется попасть под увесистые кулаки Вафа, обличая его в трусости. Противостоять силачу могли бы Огуп или Рогуп, но неизвестно, как среагировал бы на известие каждый из них.

Только после разъяснения об опасности быть побитым здоровяком Гизо заподозрил, что даже Зоуро опасается сказать правду трусливому силачу. Тогда-то наблюдательный юноша рассказал о подозрительном поведении соплеменника Рогупу. Тот, как и вождь, пообещал присмотреться к действиям Вафа, не оставив без внимания сказанное. Схватка с очередным зубром убедила Зоуро и Огупа, что подмеченное соплеменником – не оговор сильного охотника.

Когда охотники разбежались от подранка, опасаясь испытать на себе злобу разъярённого стада, Рогуп подошёл к Вафу со словами:

– Ну что, трусишка, уберёг свою шкуру? Не подпортил тебе её твой дикий тёзка?

Наверное, Ваф давно предвидел вопрос, который не стал для него неожиданностью. Тогда же созрел и ответ на него. Не учёл трусоватый охотник, что задан он не кем-то из многих, более мелких соплеменников, а здоровяком, под стать ему самому. Не учёл, а потому и набросился на обличителя. Рогуп догадался выбить копьё из рук «вздрыбившегося» противника. Отбросив своё оружие, встретил набросившегося силача не менее увесистыми кулаками.

Сбежавшиеся соплеменники растащили дерущихся, сами отдавая при этом их злобных тумачков. Рогуп смахивал ладонью кровь из-под носа, Ваф с трудом открывал рот из-за повреждения нижней скулы. Оба оставили друг другу по несколько синяков на лице, груди в области рёбер и на руках. Обличённый трус расправился бы с кем-то легко и просто, обратив бой в «избиение младенца». Но в этот раз мужчинам пришлось прерывать схватку равных соперников.

Оба порывались избавиться от повисших на них соплеменников, чтобы продолжить выяснение отношений. Из обоюдных выкриков все поняли, из-за чего разгорелся весь сыр-бор. Обвинения в трусости посыпались одно за другим. Оказалось, что уже многие неоднократно замечали недостойное поведение Вафа во время охоты, но не решались высказать нелицеприятное мнение о нём.

Зоуро приказал прекратить ор. Он распорядился отпустить поединщиков, надеясь на их благоразумие. Вождь обратил внимание Вафа на одинаковое мнение о нём почти всех соплеменников. Не остались в стороне от высказываний и женщины, стоящие на охоте в одном ряду с мужчинами. Не только вождь, а в нужный момент ещё и судья, высказал своё мнение, отметив, что поступать так недостойно для любого мужчины, а здоровяку прятаться за спины других и вовсе непростительно. Потом с сожалением признал свою вину в том, что раньше не обратил внимания на недостойный охотника факт, а узнал от подчинённого, что только сегодня убедился в правдивости услышанного им накануне этой охоты.

XXI. ОДНИ, СОВСЕМ ОДНИ

Услышав нелицеприятное мнение о себе, Ваф не захотел принять его – не позволяла гордость. Решил, что вполне проживёт без этого сборища хиляков. Вернувшись на стоянку, дождался, когда придёт Вито. Жена ушла с женщинами собирать съедобные коренья. Она не успела узнать о происшедшем на охоте, безропотно приняла решение мужа оставить стоянку, поселиться отдельно от всех.

Лишь собирая вещи в дорогу, узнала от соплеменников о причине скороспешного решения мужа. Со слезами на глазах Вито уговаривала мужа не покидать племя. Оскорблённый самолюбивый охотник был непреклонен. Тем же вечером двое взрослых и четверо детей покинули обжитую стоянку. Ваф ушёл выше речного порога, а там, соорудив из кустарников плот для вещей, переправился на другой берег.

Только самых маленьких удалось перевезти на другой берег вместе с вещами. Жене и двум старшим детям пришлось преодолеть холодную, по-весеннему разлившуюся реку вплавь, держась за плот. Ночевать пришлось под открытым небом. Если бы семья покинула стоянку утром, то родители успели бы соорудить для ночлега временное убежище, но глава семейства не захотел ждать наступление утра.

Утром Ваф вместе с женой наловил рыбы на семейный завтрак. И этот, и много следующих дней ушли на поиски крупных костей, рогов и бивней животных, которых когда-то смерть застала в этих местах. Добыча крупных животных в одиночку или даже с женой была немислимой. Приходилось довольствоваться найденным материалом. А вот со шкурами для зимнего чума проблема пока не решилась. Глава семейства надеялся решить её до наступления осенних холодов.

Несколько шкур Ваф хотел прихватить, покидая стоянку. Добровольный уход со стоянки в умах соплеменников приравнивался к изгнанию, а изгнанникам ничего не полагалось. Племя позволило взять только две шкуры – для того, чтобы дети спали не на холодной земле и могли укрыться от ночной весенней прохлады.

Прошло несколько дней. Муж упорно изучал тропы животных. Натоптанное множеством копыт, они вели со склонов Ковинской Сопки к водопою. Вито оставила детей под присмотром старшей дочери. Сама она, собирая съедобную растительность на речном берегу, дошла до племенного пристанища. Люди, не покинувшие стоянку по причине старости, сжалились над ней и на плоту переправили ещё две шкуры. Ноша большей тяжести была бы для женщины непосильной.

Муж, увидев жену, произнёс укоризненно:

– Могла бы и больше принести. А две или даже дважды по две шкуры и на полчума не хватит. Завтра бери больше.

Наверное, он судил по своей силе, не учёл, что Вито – женщина и к тому же беременная.

– Ты и впрямь думаешь, что мне каждый день будут давать всё, что нам нужно, да ещё и в любых количествах? – дерзко спросила женщина.

Обозлённый не только на соплеменников, но и на жену, посмевшую дерзить, Ваф выкрикнул:

– Мы здесь по их вине, значит, они должны давать, чтобы мы не бедствовали.

– Никто не выгонял нас. Ты сам покинул племя из-за своей гордости. Выходит, что никто нам ничего не должен. А для благополучия мужчина должен не на берегу сидеть, а охотиться. Наловить рыбы, и я с детьми смогла бы, – возразила жена.

Эта фраза переполнила чашу терпения гордеца. И он не сдержался. Сильно избитая мужем, Вито два дня еле передвигалась по местности и не смогла бы дойти до их прежней стоянки. Но то было в отсутствие семейного тирана. Выплеснув злобу на жену, с топором и копьём, муж покинул обживаемое пристанище. Жена и дети решили, что отец пошёл добывать мясо.

Ваф дошёл до свежей тропы, хорошо натоптанной стадами разных копытных. Следы, неосмотрительно оставленные им во время прежних посещений, особо не напугали животных. Они проходили по тропе и к водопою, и обратно на пастбище. Этот факт вселил уверенность в том, что животные будут проходить по этому пути и после следующих посещений охотником этого места.

Спустившись к реке, нарубил самых толстых кустарников, заготовил колья по числу пальцев на двух руках. Поднявшись до выхода тропы из узкого распадка, прочно установил колья под разными углами. Расчёт был на то, что более высокие острия кольев могут вонзиться в грудь зубра, а другие – в грудь более низких животных. Определив направление ветра, залёг в ожидании зверя.

Он не знал, когда именно стада спускаются к водопою. Неизвестным было и то, какие животные пойдут к водопою первыми. В любом случае надо было пугнуть спускающееся к воде стадо, когда оно окажется в узком распадке, чтобы травоядные понеслись вниз по тропе и не обратили внимания на установленные колья.

Солнце ушло за сопку на противоположном берегу, а стада продолжали где-то пастись или спокойно пережёвывали жвачку, не спеша на водопой. Не были они на тропе и во время подготовительных работ. Оставалось одно – продолжать ждать. Переход к водопою казался невероятным в ночное время, но охотник не покидал место слежки. Он был готов погнать животных в любое время их прохода по тропе, даже ночью.

Лежать без движения утомительно, а прогуливаться – неосмотрительно. Можно было не заметить приближения стада. Животные могли издали учуять многочисленные следы опасного двуногого врага и обойти это место. Незаметно для себя охотник заснул. Напряжение не покидало его даже во время сна.

Ему снилось, что он участвует в охоте племени на мамонта. На той охоте он действовал героически. Вонзив копьё в пах великана, он, опершись на торчащее древко, проворно взлетел на спину животного. Там, опасаясь хобота и огромных бивней, безжалостно орудовал топором, стремясь повредить позвоночник, добиться паралича задних ног своей жертвы.

Топор раз за разом с размаху вонзался под шерстистую шкуру, а животное продолжало бегать вокруг возбуждённого семейства, не желая падать. Соплеменники что-то кричали ему, а он продолжал наносить удар за ударом в участок спины, выбранный впопыхах. Трудно сказать, как долго длился сон и какова была его кон-

цовка. «Смельчак» не досмотрел сон до конца, а потому не узнал, как соплеменники оценили его героизм.

– Нет уж. Не дождётесь, чтобы я катался на спине гиганта. Найдите другого отважного. Мне хватит и того, чего натерпелся во время сна, – бурча, выказывал недовольство воображаемым соплеменникам тот, который только что геройствовал.

За сопкой, откуда должно пойти стадо, стояла предрассветная тишь. Лучи невидимого солнца едва окрасили краешек неба, касающийся сопки, бледно-лиловым цветом. Кусты всё более отчётливо выделялись на фоне картины степи, опоясавшей сопку до самой вершины. Утренняя прохлада взбадривала тело, полное сил и неистраченной энергии. Любованию природой не было бы предела, если б не острое ощущение голода. Казалось, что внутренности безжалостно пожирают себя. На отдохнувшее за время сна тело неумолимо надвигалась вялость, а все ощущения стала сковывать апатия, вызывающая безразличие ко всему происходящему.

Организм неотступно требовал наполнения утробы хоть чем-нибудь. Ваф вспомнил, что ни перед ссорой с женой, ни после того он не ел. От завтрака на рассвете вчерашнего дня, к тому же всего несколькими рыбёшками, прошла уйма времени. Для насыщения пришлось бы оставить место слежки.

Мужчина не знал, стоит ли это делать. Искать где-то на берегу съедобные корешки? Но ещё бы знать, какие из них пригодны в пищу. Это известно только женщинам и девочкам, которых взрослые берут в места поисков. На дичь охотиться с копьем бесполезно, а лук и стрелы остались на месте будущего семейного пристанища.

Семейка маралов показалась на горизонте около полудня. Впереди шёл самец. Он горделиво нёс рога с множественными отростками. По ним Ваф без затруднений определил возраст вожака – на два года больше, чем пальцев на одной руке. Дальше шли три самки с малышами текущего года рождения, а за ними две самочки двух лет отроду. Замыкал цепочку животных самец-второгодок, ещё не изгнанный из стада.

Охотник затаился, чтобы не выдать своё присутствие малейшим шорохом. Несмотря на боковой ветерок, вожак ощутил при-

сутствие знакомого ему человеческого запаха. Он насторожился и дальше пошёл, осматриваясь по сторонам. Наверное, не мог понять, откуда может прийти опасность. Другие члены небольшого семейства тоже учуяли посторонний запах, скучились около вожака, который в любой момент был готов дать команду к бегству.

Молодой марал, шедший последним, был от засады на расстоянии, превышающем двойной полёт копыа, а вожак находился в трёх-четырёх прыжках от выставленных кольев. Именно тогда охотник решил, что пора действовать. Выскочив из засады, он стал громко кричать и размахивать копыём. Напуганные животные крупными прыжками понеслись вперёд. Вожак заметил преграду и отвернул от неё. Под напором задних животных передние самки и их малыши неслись напрямую, на смертоносную преграду.

Два кола оказались сбиты малышами, которых самки пропустили вперёд – острия кольев оказались выше роста маралят-первогодков. Ещё четыре кола, настроенные на рост зубров, были сбиты самками, мчащимися напролом. Но одна из них со всего маха напоролась на кол. Маралиху подбросило, когда кол пробивал кость грудины. Несмотря на толщину и крепость, орудие охоты надломилось на выходе из груди. Обломок волочил по земле, стуча по коленям раненого животного, продолжающего стремительное бегство.

Молодой самец, чтобы не столкнуться с задержавшейся на мгновение самкой, отвернул от неё и промчался мимо установленных человеком препятствий. Но и одного животного было бы достаточно. Оставалось дожидаться, когда кол выпадет из груди подранка, а кровь хлынет из животного. Обескровленное, оно упадёт и останется только добить его.

Не дожидаясь падения, Ваф с душераздирающими криками понёсся по распадку к основанию склона. Он, почти не отворачивая, пронёсся между оставшимися торчащими кольями. Маралиха успела заметно отстать от других членов маральего семейства. Те, добежав до воды, пустились вплавь. Их не испугали ни валуны с бурлящей около них водой, ни вода, словно кипящая, вздыбливающаяся пульсирующими валами, ни почти отвесная каменная круча, встающая на пути сразу за водной преградой порога.

Нельзя было допустить, чтобы раненое животное пустилось вплавь – оно могло не выплыть. Попад в очередной водоворот, маралиха могла разбиться о торчащий или скрытый в воде валун. Ослабленное животное могло не справиться с течением, оказалось бы поглощённым беснующимся потоком. Дальше тушу животного перекатывало бы течением по дну.

Охотник, не жалея себя, нёсся по склону, стараясь принудить животное отвернуть от воды, продолжить бег по берегу. Но подранок, добежав до воды, не задумываясь, бросился в поток, надеясь уйти от преследователя. Плыть – не бежать. Это гораздо медленнее. Охотник выбежал на берег и на пике охотничьего азарта метнул копьё в удаляющееся животное.

Бедой Вафа стало то, что он не промахнулся, попал в позвоночник уплывающего подранка. Мгновение спустя маралиху поглотил клокочущий водный поток. Работая передними ногами, животное дважды находило силы вынырнуть и набрать воздуха. Без помощи задних ног, парализованных при повреждении позвоночника, вынырнуть в третий раз было не суждено. Вода скрыла неудачный охотничий трофей навечно.

Спустившись за порог, Ваф долго нырял, надеясь увидеть проплывающую тушу. Или её успело пронести течением раньше, или тушу на дне прижало к одному из валунов, или она, невидимая для человека, двигалась медленно и не успела доплыть до ныряльщика, но все усилия с нырянием в холодную воду остались безрезультатными. Выбравшись на берег, охотник нашёл одно объяснение своей неудачи. Он предположил, что тушу пронесло ближе к одному из берегов, а не там, где он нырял.

Голодный и невероятно уставший, отец уединившегося семейства вернулся в свой необжитый лагерь. Жена и дети не бездействовали. Они обеспечили рыбой всех членов семьи. Подавая мужу поджаренного на камнях налима, способного насытить голодного мужчину, жена не сдержала эмоций:

– Что, дорогой наш охотничек, проголодался? Не кормит тебя бережок даже вдали от людских глаз?

Злой на бесследно уплывшую добычу, продолжающий злиться на соплеменников, с которыми пришлось расстаться, он не

выдержал словесного издевательства со стороны жены. Слова своей женщины он воспринял именно издевательством. Сорвавшись с места, где ожидал подачу кушанья, он подскочил к жене и нанёс ей удар кулаком. Женщина упала, ударившись головой об один из камней. Не обращая внимания на падение, не задумываясь о последствиях, мужчина пинал и пинал мать притихших детей.

Устав от избиений, поднял с камней предназначавшийся ему завтрак-обед и пошёл от стоянки. Удаляясь, даже не обернулся, злобно бросив:

– И ты не особо старалась во время моей охоты. Ни одной шкуры не прибавилось. Надо ещё посмотреть, кто сидит, когда другие не смотрят.

Его не интересовало, почему жена не добавила к сказанному ею ни одного слова, почему не возразила вслед уходящему мужу. Он был уверен в том, что наконец-то воспитал строптивую жену, научил её не говорить мужу то, чего он не заслуживает или просто не желает слышать. О том, что он сам может быть виновным в чём-то, мужчина и подумать не мог.

Он слышал хоровой рёв детворы, бросившейся к лежащей на камнях матери, но не захотел видеть, как дети льнут к ней. Что к нему самому у них отношение прохладное, он знал, но никогда не пытался как-то приблизить своих кровиночек. Считал, что мужчина не должен опускаться до ласк, присущих женщинам. Это превратило бы его самого в женщину.

Ревущая детвора ползала по неподвижной матери, обнимала родное существо. Зия, что означает «заботливая», тихо плакала в сторонке от остальных, не приближаясь к телу матери. Она, старшая из детей, понимала, что отец лишил жизни их мать. Когда дети, видя, что мать не реагирует на плач, подошли к сестрёнке, она обняла их всех. Не вытирая собственных слёз, девочка пояснила несмышлёнышам:

– Нашей мамы больше нет. Отец убил её. Она покинула мир живых, чтобы оказаться в мире тьмы. Отец ушёл от нас. Теперь мы остались здесь одни. Совсем одни, без взрослых.

XXII. МНОГО-МНОГО МЯСА

Братишки и сестрёнка прижались к той, которой своими лапками предстояло заменить малышам мать.

Зия тихо сказала:

– Мы не сможем предать тело мамы земле. Давайте хотя бы просто укроем её шкурой.

Во время всеобщего плача девочка напряжённо думала, как им жить дальше. Если отец и вернётся, жить с ним придётся в страхе. Там, в племени, было много мест, куда они могли исчезнуть, если отец начинал вымещать на них злобу. Там за них заступалась мама. Часто за неё вступался кто-то из сильных мужчин. Они, собственные дети, были для отца всегда только захребетниками, объедалами. Ими же будут и здесь, если отец вернётся.

«А не избавится ли он от своих детей, как от мамы... Здесь-то заступиться за нас некому», – размышляла Зия.

Успокаивая детвору, сказала:

– Надо идти к людям. Там нам не дадут страдать от голода. А мамину ласку буду давать вам я. Идёмте.

Младшую сестрёнку несли по очереди – она и братик, который моложе её, Зии, на две зимы. А она, в свои восемь зим, нашла самообладание, чтобы решиться заменить маму своим младшеньким. Идти пришлось по совершеннейшему бездорожью. Часто приходилось прижиматься к скале, чтобы не упасть в бурлящий поток, несущийся у самых ступней, а иногда и бьющий по икрам ног. Ситуация усугублялась тем, что в верховьях реки прошли ливни, вода в реке прибыла. Казалось, что даже животные обходили стороной это опасное место.

Преодолевая страх, с величайшей осторожностью прошли каньон, где почти отвесные скалы высились над головами. Передохнуть смогли лишь там, где скалы отступили от воды и укрылись крутыми земляными валами. Опасность быть подхваченными стремительным потоком осталась позади. Отступил страх и у маленькой сестрёнки. Она запросила есть. Пришлось уговаривать её подождать. Всем даже пришлось показать малышке свои пустые руки и пространство вокруг, подтверждая, что еды здесь нет.

Они подходили к стоянке по другому берегу от неё. Неширокая Кова позволяла разглядеть лица неожиданно появившихся детей. На большем удалении всех узнали бы по силуэтам. Обитатели стоянки выяснили причину возвращения детей без родителей. Плыть по большой воде, чтобы вернуться с детьми, старики не отважились. На том берегу услышали, отчего плачет малышка – просит еды. Отправили вплавь двух мальчишек. Во рту каждого было по куску мяса на кости. Этого хватило утолить голод всем вернувшимся.

Только взрослые, вернувшись с охоты, узнали все подробности произошедшего перехода и его причину. Часть из них забрала маленьких и переправилась на берег стоянки. Другая часть в сопровождении Зии прошла до места убийства. Дочка отметила, что мать лежит в той же позе, в которой её оставили. Только шкура теперь укрывала её как-то не так, по-другому. Других шкур на недостроенной стоянке не оказалось. Их унёс Ваф. Возвратившись и откинув шкуру, убедился, что место жены теперь в мире тьмы. Ни предавать тело земле, ни поправлять покрывающую труп шкуру он не стал. С тем и ушёл. Мужчины построили из кустарника плот, уложили на него тело и, удерживая сооружение за верёвку, аккуратно повели по порогу.

Только возвращаясь с плотом, заметили маральи следы, выходящие из воды. Заинтересовала необычность места переправы. Если животные отважились пуститься вплавь в пороге, то что-то неординарное принудило их к этому. Решили, что выяснят это завтра. Солнце зашло за сопку ещё тогда, когда начался сплав плота. Спешили управиться с делами до сгущения темноты.

Подойдя к галечной косе ниже порога, Глизо заметил торчащий из воды заострённый кол. Ничто не намекало на то, что когда-либо остриё было в земле – водой смыло не успевшие засохнуть частицы почвы. Воображение всех взбудоражила не только свежая затёска острия кола, но и то, почему он торчит на отмели, а не прибит к косе у самых камней. Байс быстро преодолел неширокую протоку и сообщил, что кол надломлен, а его конец торчит из маральей груди.

Если бы вместо кола торчало копьё, вопросов не возникло бы. Но кол – это что-то новое. Такого способа умерщвления живот-

ных усть-ковинцы ещё не знали. Рана оказалась совсем свежая, значит, мясо пригодно в пищу. Надо было стащить тушу с отмели на глубину, чтобы течением её принесло к стоянке.

Пустить такое количество мяса в самостоятельное плавание было бы неосмотрительно – могло затеряться в мутной ещё воде. Плыть рядом, чтобы не терять из виду, не позволяла холодная вода. Пришлось отвязать верёвку от плота, который сплывал бы по успокоившемуся течению, оставаясь всегда на виду. Глизо с верёвкой оказался рядом с Байсом. Привязав один конец к ноге, вдвоём стащили тушу с отмели на глубину. Другой конец взял Байс. С ним он поплыл к берегу со стоянкой.

Так плот и неожиданный охотничий трофей оказались около селения. Там плот переправили на свой берег и, по обычаям племени, проводили тело женщины в последний путь. Хотя захоронение проходило в темноте, особых трудностей оно не составило, так как верхний слой почвы успел прогреться – мерзлота отступила на необходимую глубину.

Кол, вонзившийся в грудь, казался необычным явлением не только Зоуро, вождю племени, но и старикам, повидавшим в жизни всякое. Выяснилось лишь то, что животное утонуло из-за паралича задних ног, вызванного повреждением позвоночника. Как было намечено вечером, утром несколько охотников пошли в полог. Шли по своему берегу, убеждённые, что не пройдут место переправы маралов.

Оказавшись там, откуда маралы отплыли, заметили натоптанную тропу. По ней животные спускались со склона сопки. За счёт распадка, просматриваемого чуть выше, здесь спуск был менее крутым, чем на всём обозримом пространстве. Не наступая на тропу, чтобы при проходе по ней не вызвать у животных излишней настороженности, поднялись и вошли в распадок.

Необычная картина предстала во всей красе. Несколько кольев валялись на склоне, а чуть выше – три стояли наклонно воткнутыми в землю, обращённые в сторону подъёма склона. На сбитых орудиях охоты осталась не успевшая отлечь маралья шерсть. Ещё не зная, как были наклонены упавшие колья, по шерсти определили, что два сбиты маралятами-первогодками. Ещё четыре –

взрослыми животными. Было ясно, что и им не хватило роста, чтобы оказаться нанизанными на острия кольев-ловушек. Не оставалось сомнений и в том, что кол в груди утонувшей маралихи и эти, торчащие из земли и упавшие, недавно являлись звеньями единой ловушки.

Размышляя, сообща пришли к выводу, что охотники, устанавливали колья, не зная, какие животные ходят на водопой. Тропа была натоптана так, что отдельных следов рассмотреть не удалось. По ним-то узнали бы о проходивших животных и эти следопыты, и те неизвестные охотники. Аккуратно убрали и торчащие, и сбитые колья, чтобы стада спускались к водопою безбоязненно, не травмируясь. Непуганых животных добывать было бы удобнее.

Закончив исследования, не найдя ответов на заинтересовавшие вопросы, добытчики мяса отправились на охоту. Этой группе повезло не меньше, чем другой, отправившейся в поход вблизи побережья большой реки, Ангары. Одни возвратились на стоянку с лосихой, а другие – с молодым зубром. За сытным ужином продолжилось разгадывание непонятных событий.

Фес, то есть «рассудительный», предположил, что такой способ охоты могли придумать трусы, опасющиеся прямого столкновения с сильными животными. Келт, как всегда, не согласился с мнением Феса. Он был уверен, что такой способ охоты могла придумать малочисленная группа. Чем меньше людей, тем сложнее добытчикам в прямом столкновении с крупным и сильным животным.

И Келт, и Фес рассуждали так, предполагая немногочисленность неизвестной группы охотников. Это означало бы то, что на угодьях племени охотится какое-то чужое племя. Но тогда тем добытчикам было бы далеко переносить трофеи к своей стоянке. Рядом с этой других стоянок никто не видел. Кем же могли быть те охотники – оставалось загадкой.

Наиболее похожей на правду показалась версия бывшего охотника Валто. Он обратил внимание на недостроенный остов чума там, где нашли тело Зии. Единственный мужчина, а не небольшая группа охотников тоже мог прибегнуть к помощи кольев. К тому же среди соплеменников Ваф зарекомендовал себя

трусом. Оба отмеченных обстоятельства не противоречили доводам Феса и Келта.

Сошлись на том, что это трусливый Ваф придумал способ одиночной охоты. Да и только ли одиночной? И многолюдное племя может воспользоваться изобретением, при применении которого охотиться безопаснее, чем идя напролом. Сошлись на том, что налететь на колья могли только мчащиеся, охваченные страхом животные. Маралов Вафу удалось напугать.

Удалось бы обратить в бегство мамонтов! Но прежде предстояло отыскать стадо этих великанов, как-то подогнать гигантских животных ближе к стоянке и заставить их пастись, не покинуть пастбище. Всё это для того, чтобы потом не переносить мясо на большое расстояние. К тому же, подход к воде должен быть так же стеснён с боков крутыми склонами или валунами. На всём прибрежном склоне Ковинской сопки более удобного спуска к воде не нашлось.

Другого способа охоты на великанов тундростепи люди не представляли. О том, что далёкие предки усть-ковинцев загоняли мамонтов в заранее приготовленные ямы, никто не знал. Даже преданий не сохранилось об охоте на не успевшем тогда промёрзнуть грунте. Копать в вечной мерзлоте яму, из которой не смог бы выскочить сильный великан дикой природы – никто не мог допустить даже в мыслях.

В поисках стада мамонтов охотники набрали на табун лошадей. Решили опробовать новый способ охоты на этих животных. Лошади неохотно шли к роковому для них спуску. Сконцентрировавшись с одной стороны, на виду у табуна, люди не давали животным отходить в нежелательном направлении. Действовать приходилось на удалении. Слишком близкое приближение к табуну могло спугнуть травоядных, заставить их пуститься от преследователей галопом в непредсказуемом направлении. Преследование пасущегося табуна продлилось трое суток.

Сухой паёк, взятый на время преследования, заканчивался, когда табун оказался вблизи спуска, заранее преграждённого кольями. Взяв лошадей в полукольцо, люди терпеливо ждали, когда лошади устремятся на водопой. Близость воды почувствовали и животные. К полудню начался спуск. Сомкнувшись так, как позволяли разме-

ры склона под табуном, охотники, крича и размахивая топорами и копьями, ринулись за испуганно убегающими животными.

Действительность превзошла ожидания. Было ли это оттого, что установленных кольев оказалось втрое больше, чем у Вафа, оттого ли, что табун значительно многочисленнее семейки маралов, но с кольями в груди к воде мчалось, как потом выяснилось, шесть лошадей. Учили преследователи и ошибку исчезнувшего соплеменника – не стали метать копьё в плывущих подранков. Знали, что со столь глубокими ранами лошади далеко не убегут, завалятся где-то рядом.

Они не ошиблись. Следуя по следам скрывшегося за сопкой табуна, на небольшом удалении друг от друга нашли шесть животных. Из груди первой найденной жертвы торчали три кола. Ещё у двух было по два. Дальше всех умчались те лошади, которые напорлись каждая на свой единственный кол.

Дикие скакуны были ещё живы, но сил встать и продолжить побег уже не нашлось. Их пришлось добить. Разделка туш была делом обыденным, а вот способ охоты – нов и привлекателен. Ни единого увечья у людей за время трёхдневной охоты! Весомым оказался и результат. Большая часть мяса предназначалась для мерзлотного холодильника.

Усть-ковинцы ничего не знали тогда о глобальном оледенении, но всё чаще ветер стал налетать со стороны ледника, принося холод. Успела пожухнуть и частично опасть листва с кустарников. На невысоких деревьях кедрового стланика давно созрели шишки. Неугомонная детвора под присмотром женщин успела собрать дары природы. Именно в ту пору стадо мамонтов оказалось вблизи удобного спуска к реке.

Только стволы кедрового стланика могли быть использованы в качестве кольев для охоты на мамонтов. Было жаль лишаться деревьев-кормильцев, но желание заполучить много-много мяса победило. Наклонный частокол кедровых кольев, в рост гигантов, установленный в несколько рядов, перегородил тропу.

Охотникам оставалось осторожно указать стаду нужное направление. Используя тактику охоты на лошадиный табун, подвели гигантов к спуску с тропой. Устроив невероятный гам позади стада, размахивая копьями, помчались к перепуганным животным. На вожака стада напирала сородичи, а он, отделённый от преследователей телами остальных членов стада, не мог оценить степень опасности.

Опустив голову, громадное животное помчалось вниз по тропе. Но, словно вспомнив о своих обязанностях, вожак высоко поднял голову с хоботом и призывно протрубил клич опасности, зазывая всех следовать за ним. В это время три огромных кола вонзились в объёмную грудь. Они сломались и не могли остановить мчащегося гиганта. Продолжая движение, он налетел на два кола второй линии. Падая, телом сбил нацеленное на великанов оружие, ударив под основания кольев.

Ещё один молодой самец нанизался на два кола, обегая упавшего сородича стороной. Вожак, несмотря на ранение, поднялся и продолжил бегство. Оба подранка, как таран, расчистили путь

остальным членам стада. Рассмотреть, сколько мамонтов ранено, в суматохе погони было невозможно. Задержавшись, не досчитались кольев на два больше, чем пальцев на одной руке. Догадаться о количестве подранков никто не мог.

Как и в случае преследования табуна лошадей, преодолевшего водную преграду в пороге, людям пришлось огибать порог. На пути преследования нашли пять окровавленных кольев, выпавших из ран. Первым упал вожак. Из его груди торчали два обломка. Это означало, что другое животное, или оба подранка, избавившись от смертоносных снарядов, идут с открытыми ранами. Троице из охотников пришлось остаться, чтобы защитить добытое мясо от хищников, остальные продолжили преследование.

Кровь убегающих животных, падавшая на траву, уже успела стухнуть. По крупным кровавым следам дошли до второго животного. Ослабленный кровопотерей, молодой организм продолжал жить. Обезумевшее от боли животное пыталось сопротивляться. Заходя к подранку со спины, добились его копытами. Испуганное стадо успело покинуть и этого сородича. Часть охотников осталась для разделки туши, другая – вернулась к первой жертве.

Такой удачной охоты усть-ковинцы ещё не знали. Несколько раз за мясом приходили все, кроме самых маленьких детей и слабых стариков. Холодильник принял всё мясо. Много-много мяса! Вкусных внутренностей двух гигантов хватило до появления на стоянке следующих трофеев.

Способ охоты, придуманный трусоватым Вафом, использовался ещё много лет в охоте на другие стада животных. Раз в году холодильник вбирал трофеи этих безопасных для людей охот. Несколько раз жертвами охот были мамонты. Но для продолжения традиции требовалось много кольев. Все сохранившиеся орудия охоты приберегались до следующего года.

XXIII. ПОХИЩЕНИЕ

Время шло. Оно никуда не спешило и не подгоняло куда-либо людей племени. О трусливом Вафе вскоре перестали вспоминать. На берегу ближайшего крупного притока большой реки посели-

лось другое племя. Стоянку людей на противоположном берегу ниже, по течению большой реки, не сочли необычной.

Менее многочисленное племя оказалось более однородным. Там почти не было потомков людей пливс. Возможно, что они в каждом следующем поколении стали всё меньше походить на своих светлокожих, рыжеволосых и голубоглазых предков. Не нашлось там и людей снпс, с грубыми, темными и совсем не вьющимися волосами, кареоких и смуглых, какими были большинство усть-ковинцев.

Когда большую реку сковывал лёд, усть-ковинцы охотились на озёрах, приютивших белых медведей. Эти охотничьи уголья не пересекались с местами охоты тех новичков, которые заселились и жили за льдом от них и на другом притоке. А те охотники иногда переправлялись через большую реку, чтобы испытать охотничье счастье за противоположным берегом. Во время некоторых таких забегов на чужой берег случались встречи добытчиков из соседних племён.

Промысловых животных хватало всем и тяжб при неожиданных встречах не происходило. Однажды зимой Зоуро и его люди, пройдя группу озёр и не обнаружив там медведя, решили пройти дальше обычного. Шли, стараясь не отдаляться от большой реки, в сторону, противоположную течению. Они были уверены, что за их исконной территорией людей нет, а уголья ничьи. Если там добудут зверя, то не с чужих угодий, а с ничейных.

Действительность не оправдала ожиданий. Оказалось, что выше по течению реки, у места впадения ещё одного притока, есть стоянка. Судя по нескольким встретившимся охотникам, племя было достаточно однородным, как и племя ниже Ковы. У совместного костра, когда обогрелись и сняли подобия башлыков, молодой охотник Бул, из числа повстречавшихся, не сдержал удивления:

– Как ты похож на нашего Вафа! Будто брат ему и по матери, и по отцу. Только тот был крупнее.

Бин, к которому обратился Бул, действительно был братом Вафа. После ухода со стоянки старшего брата младший очень переживал за него, а узнав об убийстве жены Вафа и малых детях,

брошенных на произвол судьбы, возненавидел беглеца. С той поры прошло шесть зим. Забытое представилось Бину так, будто Ваф был в племени вчера. Родная кровь откликнулась на известие о брате в прошедшем времени. В том, что Бул назвал Вафа своим соплеменником, не противоречило родству с ним.

Предполагаемый брат спросил: «Где же Ваф теперь?» Полились слова сожаления о том, что сильный, но слишком осторожный охотник утонул прошлой зимой, когда доставал из проруби раненого медведя. Тот, «не понимая, что его пытаются вытащить», так хватил Вафа лапой, что он ушёл под воду и больше не вынырнул.

После выяснения, давно ли чужак прибил к тому племени, пропали все сомнения. Да, погиб именно тот Ваф, который оставил о себе плохую память в родном ему племени. Тогда же охотники соседней стоянки узнали о том, что племя воспитывает четверых детей Вафа, потерявших и мать. Чтобы не очернять память ушедшего в мир тьмы, об убийстве извергом своей жены люди умолчали.

Зия узнала о смерти отца на следующий вечер, после возвращения охотников. Ни у неё, ни у братишек с сестрёнкой известие сожаление не вызвало. Только младшенькая из детей не помнила сцены избиения и убийства матери, но из рассказов старших знала об этом.

Сестра, взявшая опеку над сиротками, заботливо относилась к ним, оберегая покой. Ей от отца по крови передалась мощь, хоть и чуть меньшая, чем у сильных мужчин, а от матери – красота. Красоту малышки заметили вскоре после рождения. Она могла бы получить имя Вито, то есть «очаровательная», но оно уже принадлежало матери. Потому-то, чтобы избежать путаницы, девочку позднее назвали Зией.

Если бы племя было менее многочисленным или добыча мяса доставалась бы с большим трудом, то в свои четырнадцать зим девушка могла смело пополнить ряды охотников. Тогда Бол мог бы увидеть Зию уже при той первой встрече. Но всему своё время. А пока юноша отметил то, что необычная внешность женщин соседнего племени весьма привлекательна. Симпатии хо-

лостяка к женщинам не остались незамеченными мужчинами обоих племён.

– Смотри, но не просверли взглядом замужних женщин, – предупредили юного охотника.

С этой шуткой группы разошлись каждая в свою сторону. Добряк Ноух молча, но с гордостью отметил красоту женщин и девушек своего племени. Он даже порадовался, что Болу не довелось увидеть Зию. В неё тот влюбился бы, несомненно! Но это только к лучшему. Очаровательную Зию любит он, Ноух. Эта девушка должна достаться ему, а не какому-то черс с именем Бол.

– Имя всегда говорит о характере или внешности человека. Значит, тот молодой охотник завистлив. Но какой смысл завидовать кому-то, если то, чему завидуешь, не принадлежит тебе. У меня имя достойное, – рассуждал Ноух, бормоча себе под нос.

Почему-то доброта юноши не привлекала Зию. Девушка не обращала внимания ни на помощь, которую он оказывал ей, ни на неустанное внимание. Большинство из его сверстников успели обзавестись семьями, но не он. И её ровесницы почти все стали жёнами. Некоторые даже готовились стать мамами. Лишь Зия казалась равнодушной к представителям сильного пола.

Может быть, она помнила отношение отца к её матери и боялась разделить её участь... Возможно, чувства пока обходили её стороной. Девушка всегда оставалась одинаково холодна к обращённому на неё вниманию. Не заметив взаимности чувств, юноши женились на других. Не нравились Зие и более старшие мужчины, которые были бы не прочь сменить свою спутницу на молодую и красивую.

После встречи на охоте Бол не находил себе места. До конца зимы состоялось ещё несколько встреч охотников соседних племён. Желание обзавестись женой, непохожей на соплеменниц, подталкивало на рискованный шаг. Захотелось увести девушку из чужого племени. Или выкрасть её, если та не захочет пойти добровольно. В середине лета он, подговорив шестерых крепких мужчин, совершил кражу. Это не противоречило обычаям племени черс.

Дойдя до ручья, берега которого заросли кустарником, мужчины переплыли на противоположный берег на сооружённом ими

плоту. На нём же предполагалось переправить на свой берег и похищенную девушку. Разыскивать стоянку разномастного племени не пришлось – вышли на неё, продвигаясь по берегу большой реки.

Осмотр стоянки вселил уверенность в том, что сильный пол на охоте. Старик и две старухи присматривали за непоседливой ребятиной. Ни старые, ни малые не интересовали похитителей. Женщины и девушки в это время должны были где-то собирать съестные коренья. Но где? Незаметно обогнув стоянку, скрытно пошли по берегу притока. Вскоре оказались в узком каньоне. Вода в нём, будто в котле над костром, клочкотала на разные голоса. Стало не просто непривычно, но и страшновато. Кто-то даже предложил вернуться и ждать возвращающихся добытчиц около стоянки.

Бол упрекнул соплеменников в трусости, сославшись на то, что даже женщины и девушки привычны к этой стихии, безбоязненно ходят туда-сюда каждый день. Сборщицы занимались своим делом недалеко от развалившегося остова, построенного когда-то Вафом. Укрывшись в густых зарослях, черс наблюдали за ними. Женщины мирно перекидывались фразами. От них спрятавшиеся мужчины не чувствовали никакой опасности. Оставалось наметить жертву похищения.

По случайному совпадению, ещё не обговаривая план действий, все наметили для похищения одну девушку, Зию. Надо было дождаться, когда она окажется ближе других к похитителям. Все сборщицы постоянно перемещались по поляне около реки. Чем-то, похожим на нож, каждая рыхлила дёрн, добывая съедобные коренья. Это могли быть заострённые прутья кустарника.

Сборщицы оказались так близко, что стали ощущать запах людей черс. Прячущиеся ранее не обнаружили себя, что говорило о недобрых намерениях. Сборщицы стали работать с оглядкой и более скученно. Откладывать нападение было нельзя. Сочли, что подходящий момент настал. Толпой похитители набросились на Зию.

Девушка внутренне была готова к чему-то неожиданному. При появлении мужчин, с гиканьем оказавшихся рядом, она успела выпрямиться и вонзила своё орудие в плечо ближайшего незна-

комца. Не теряя времени, полоснула по животу другого нападавшего. Остальные успели до боли скрутить Зие руки, вырвать острый предмет, вызвавший ранение соплеменников. Оказалось, что при рыхлении девушка пользовалась не заострённым прутом, а каменным ножом.

Женщины приказали девочкам оставаться там же, но держаться всем вместе, а сами бесстрашно набросились на вероломных незнакомцев. Трое из защитниц, получившие ранения, стали расправляться с подранками Зии и двумя другими похитителями. Но силы были неравными, и нападавшим всё-таки удалось похитить девушку.

Предусмотрительность женщин удержала их от преследования сильных вооружённых мужчин, которые могли нанести смертельное ножевое ранение девушке. Могли бы лишить жизни жертву похищения, успев скрыться быстро и незаметно в случае погони. Кому-то пришла мысль, что надо выяснить, откуда взялись эти воры.

Мужчина с распоротым Зией животом мучился от нестерпимой боли. Позже выяснилось, что обороняющаяся девушка повредила нападавшему пришельцу не только кишечник, но и печень. В мучениях он не представлял опасности для окружающих.

Его оставили жить. Подручными средствами принялась помогать Сонх, обезболивающей и останавливающей кровотечение соплеменницам. Как потом выяснилось, ножи нападавших не коснулись внутренних органов пострадавших женщин. У всех ранения были неглубокие – углублению оружия воспрепятствовали кости грудной клетки.

Сия, младшая сестрёнка Зии, достигла возраста в восемь зим. Её в сопровождении двух подруг отправили разыскивать охотников, чтобы сообщить им о случившейся беде. Девочкам сказали, что защитники находятся где-то недалеко за Ковинской Сопкой. Преодолевая подъём, маленькие гонцы не жалели сил – надо было сообщить о беде как можно скорее.

С хребта, тянувшегося от вершины сопки, дети увидели возвращающихся охотников, закричали им и замахали руками. Их, переполненных нескрываемым возбуждением, заметили. Зоуро

оставил несколько человек для переноски трофеев, а сам с большей частью группы побежал навстречу зовущим на помощь. Поравнявшись, вождь на ходу выяснил, в чём дело.

Узнав об одном живом пленнике-противнике, поспешил выяснить, куда утащили Зию. Да, пленница упиралась, не хотела идти, но её, со связанными руками, тянули и подталкивали трое мужчин, не давая упасть, чтобы не терять время на подъём. Они знали, что её соплеменники-мужчины постараются организовать погоню, но о похищении станет известно только после их возвращения на стоянку. Значит, не раньше вечера.

Соблюдая осторожность, прошли порог, стороной обошли стоянку. Зию, выбившуюся из сил при сопротивлении, подталкивали для следования всё дальше от родной стоянки. Превозмогая боль в кистях рук и локтях, перетянутых верёвкой, девушка сдерживала движение беглецов. А те, предполагая погоню, шли, почти не оглядываясь. Им не было нужды возвращаться к оставленным соплеменникам. Никто не сомневался в том, что озверевшее бабё в живых не оставит никого.

Все взрослые давно обогнали уставших девочек. Увидев своих защитников, женщины замахали руками и закричали, давая знать, где они находятся. Но с возвышенности их заметили ещё раньше. По спуску неслись, не разбирая, куда ставить ногу при очередном шаге, не дожидаясь тех, кто приотстал. Все спешили поскорее настичь похитителей их Зи.

В раненом сразу узнали знакомого парня, засматривающегося на женщин чужого племени.

– Бол? Так это ты здесь? – удивился Зоуро.

Юноша признался, что выкрасть девушку – это его затея.

– За красавицу Зию не стыдно уйти в мир тьмы. Я слышал, что ваши женщины так окликали нашу пленницу, – сообщил раненый.

Потом тихо добавил, что и без него, умирающего здесь, красавица не будет одинока на его родной стоянке. Жених найдётся без промедления. Им может стать даже кто-то из похитителей. Последние слова были сказаны с явным сожалением.

XXIV. ПОГОНЯ

Теперь мужчины знали, в каком направлении надо вести преследование. Солнце успело зайти за сопку, когда началась погоня за вороватыми беглецами. А те довели Зию до предусмотрительно оставленного плота. Чтобы при переправе живой трофей необычной охоты не свалился в воду, девушку привязали к плоту. Выбежавшие из-за поворота преследователи увидели плот, причаливающий к противоположному берегу далеко впереди. Увидели, несмотря на то, что смеркалось.

То, что похитителей увидели, радовало. С упирающимся трофеем продвижение будет более медленным, чем при беге налегке. Но теперь, чтобы не обнаружить себя, бежать приходилось не по чистому галечнику, а по спутывающей ноги траве, пригибаясь и скрываясь за неровностями и кустами. Полумрак короткой северной ночи вскоре скрыл видимость на противоположном берегу, побежали не скрываясь.

Зоуро сообщил, что строительство плота отняло бы много времени. Преодолеть огромной ширины реку вплавь можно, опираясь на копьё, и только с передышками на островах. Впереди было такое место. До него далеко, но это даже к лучшему – плывущие окажутся недосыгаемы для обзора беглецами. Те не будут ожидать встречного нападения.

После этого напутствия вождя Ноух не стал поддерживать групповой темп преследования – вырвался вперёд. Столь же молодой Бин не отставал от друга. Они бежали, оставив свои топоры, вооружённые ножами, копьями и луками, с облегчёнными на охоте колчанами для стрел. Воры на противоположном берегу, с их темпом продвижения, отстали сначала от авангарда погони, а потом и от основной группы. В последний раз были видны, когда похитители девушки скрылись за поворотом реки. Необходимость преследовать скрытно давно исчезла.

Ноух и Бин, сменяя бег на быстрый шаг, первыми добежали до места предполагаемой переправы. По зимнему переходу парни знали, что перед ними оказалась самая широкая из протоков. Ночью она показалась ещё шире, чем днём. За ней большой остров.

Дальше была узкая протока, за которой огромный остров. За тем островом есть ещё остров, разделивший оставшуюся часть реки на два равных рукава.

Переглянувшись, чтобы убедиться в решимости друга, каждый пустился вплавь. Ночь была на исходе. На небосводе померкли последние, самые яркие звёзды, когда друзья оказались на противоположном берегу. Обоим было не до сна. Они гадали:

– Стали ли похитители продвигаться в полумраке северной летней ночи или останавливались на ночлег?

Решили, что надо спешить, соблюдая осторожность, не громыхая галечником. Ночью и на рассвете слышимость усиливается. Если враги что-то услышат или заметят впереди силуэты, настожатся. Тогда они могут потребовать пропустить всех. В случае отказа – пригрозят, что лишат девушку жизни. Этого допустить было нельзя.

Чтобы быть более незаметными для противников, трусцой побежали по полосе берегового плато, то снижающегося почти до уровня воды, то взбегающего вверх на десяток метров. Светало. Теперь враги могли бы увидеть не силуэты, а приближающихся людей. Они не ожидали встречи с противоположного от них направления. Ночью, продвигаясь без остановки на отдых, беглецы заметили костёр. Гадать не пришлось. Это был костёр тех, кто устроил погоню.

Успокаивали два обстоятельства. Во-первых, ночующие теряют время на сон. Во-вторых, потеряют не меньше драгоценного времени на строительство плота. Но, в любом случае, на подходе к родной стоянке придётся послать гонца за подкреплением.

Похитители обсуждали детали дальнейшего побега, ничего не скрывая от пленницы. Она-то никуда от них не денется и в планы никого не посвятит. Убеждённые в том, что не будут настигнуты до подхода к большому острову, шли не скрываясь. Солнце отовалось от далёких сопок. В местах без островов, где противоположный берег просматривался, боковым взглядом пытались заметить обгоняющих их противников.

Зоуро решил проблему с костром по-своему. Он оставил двоих для разведения костра и поддержания его горения. Это должно

было частично усыпить бдительность противников. Небольшая надежда у него была и на то, что вырвавшиеся вперёд юноши не рискнут преодолеть вплавь самую широкую протоку, будут строить плот. Держась за него, широкую водную преграду преодолеют все. К тому же, прохлада воды снимет усталость, накопившуюся за день охоты и время преследования.

Ошибся. К восходу солнца Ноух и Бин уже вышли на не скрытую островом часть своего пути. Они могли бы гадать, разминуться с соплеменниками невидимыми из-за острова или ещё увидят их на другом берегу. Могли, но не гадали. Знали, что придётся принимать бой только им, двоим. Не беда, что врагов трое. Должны помочь скрытность и неожиданность. Вдруг Ноух, заметив противника, присел, дёрнув вниз Бина, идущего в полный рост.

Их, сливающихся с окружающей растительностью, не заметил никто, даже понуро плетущаяся Зия. Времени на ожидание врагов и подготовку к бою было немного. Быстро выбрали куст, из-за которого будет хорошо просматриваться место обстрела. Вынули из колчанов и взяли в руку с луком по три стрелы, чтобы не терять времени на их вытаскивание.

Договорились, что Ноух стреляет в вора, идущего позади Зии, чтобы тот не спрятался за неё при перезарядке. Бину достался здоровяк, идущий ближе к воде, но дальше от них самих. У него тоже мог найтись миг, чтобы спрятаться за пленницу. Третьего, ближнего к ним, взял на себя Ноух.

На первый выстрел возлагались большие надежды – он должен быть более прицельным, чем остальные, которые будут совершаться в спешке. Зная, что разовым ранением крепких мужчин сражение не кончится, договорились действовать по обстоятельствам. Главное – не упустить момент, когда кто-то из врагов решит убить Зию ножом. Оба, неожиданно для врагов, встали в полный рост и одновременно выпустили по первой стреле. Соплеменницу будто парализовало – она не надеялась, что её будут освобождать, а так скоро, тем более.

Необыкновенно удачным оказался первый выстрел Ноуха. Стреляя в шею, он случайно попал в сонную артерию. Враг вы-

рвал застрявшую стрелу в сторону наконечника, взмахнул руками над головой и, не сгибаясь, всем телом грохнулся на галечник. Это выглядело так, будто крепкого мужчину сбило попавшей в него стрелой так, как если бы в него с силой бросили увесистый мешок с мясом. Удар затылком о галечник стал для него значимой добавкой. Любоваться успехом не позволяла спешность ситуации. Через мгновение юноша выпустил стрелу во вторую, заранее намеченную, жертву. Тот мужчина не видел падение соплеменника, идущего позади всех, но заметил полёт стрелы, прожужжавшей перед ним и вонзившейся в друга рядом. Вместо того чтобы мгновенно упасть, он посмотрел, откуда пролетала стрела. Каменный наконечник пробил лоб и остановился в черепе, не пробив затылочную кость.

Бин немного не рассчитал скорость хода – его стрела отсекла нос противника. Тот схватился ладонью за рану, а другой – за нож, но следующая стрела, выпущенная из того же лука, впилась в руку с оружием выше локтя. Конвоир Зи пригнулся от боли. Стрела, выпущенная Ноухом третьей, впилась в спину дважды раненого, пробив лёгкое. Враг со стрелой во лбу успел рухнуть на первого поверженного. Тот, дважды дёрнувшись при падении, неожиданно замер. Справиться с трижды раненым врагом труда не составило. Бин счёл своим долгом добить его ножом.

Юноши, подбежав к соплеменнице, развязали её. Освободившись от напряжения и боли, девушка молча плакала, а соль слёз щипала ссадины на её лице и руках. Попытка юношей как-то успокоить Зию была безуспешной: девушка, отступая, не давала приблизиться к себе никому из своих освободителей.

Сквозь слёзы она увидела на другом берегу вереницу мужчин. Ноух сообщил, что люди племени идут, чтобы освободить её, свою прекрасную соплеменницу. Идут немного медленнее его и Бина, но идут, чтобы не оставить пленницу в беде.

Тишину утра прорезали два громких мужских крика. К ним присоединились звонкие, насыщенные радостью девичьи возгласы. А на противоположном берегу трое молодых людей, размахивая руками, прыгали и кричали что-то, пытаясь объяснить знаками, что опасность уже позади. Разобрав среди летающих

звуков нотки голоса Зии, поняли, что пленница спасена, можно возвращаться домой.

Из рассказа Зии соплеменники поняли, что её доставили на другой берег на плоту, который специально подготовили для этой цели.

Ноух угрюмо произнёс:

– Мы видели, где они причалили. Их плотом мы и воспользуемся. А вот воровать ещё кого-нибудь они вряд ли рискнут, когда обнаружат тела своих горе-воинов. Не нести же нам их на вражескую стоянку. Хорошо бы предать всех земле, но мы, чтобы было легче бежать, оставили топоры. Не будем терять времени на поиски крупной кости, чтобы ею вырыть яму.

– Их найдут и предадут земле свои. Давай уложим их и прикроем кустарником. Его-то мы и ножами нарежем, без наших топоров, – сказал Бин.

Свершив обряд упокоения воинов, поспешили в обратный путь. Если похитителей заждались в их племени, то, беспокоясь, соплеменники могут пойти навстречу им. Сражение с большим числом воинственно настроенных врагов в планы освободителей не входило.

В животах у всех троих громко урчало, будто кто-то внутри них жаловался на своих хозяев. Огнива ни у кого не было – о костре с приготовлением чего-нибудь съестного можно было только мечтать. Но и при наличии огнива костёр разводить не стали бы. Надо было поскорее пройти остаток пути на этом берегу и отплыть на расстояние, недостижимое стрелами.

Ноух на ходу подстрелил двух диких голубей. Ощипав птиц, парни предложили трофеи девушке.

– Немного утолить голод можно, но и вы не менее голодны, перекусите, подкрепите силы сами, – устало проговорила Зия.

Переправившись, повстречали Зоуро с тремя соплеменниками. Они успели позаботиться о более существенном перекусе для всех переправившихся с того берега. Остальных спасителей Зии вождь отправил на стоянку для отдыха. Сам остался убедиться в том, что спасители девушки и она сама безопасно отплывут от дальнего берега.

XXV. РАЗОРВАННОЕ СЕРДЦЕ НЕ МОЖЕТ ОЧАРОВАТЬ

Охотники, отправленные вождём на отдых, застали женщин на стоянке. Те в ожидании результата погони почти не спали. От них же узнали, что соплеменницы, получившие ножевые ранения, после остановки кровотечения остались живы. Своих раненых подерживали все сородичи племени. О нападавших отозвалась Сонх:

– Тех извергов, которые пришли украсть Зию и ранили трёх защитниц пленницы, оставили там, где они были. Даже раненому Болу, как назвал его Зоуро, не оказали помощь. Его оставили там же.

Огуп задумчиво произнёс:

– Я бы не хотел остаться валяющимся где-нибудь не упокоенным. И если мы не хотим, чтобы подобное происходило с людьми нашего племени, то не должны допустить подобное и с другими. Надо захоронить их, несмотря на то, что они наши враги.

Вместо отдыха все пошли на место похищения Зиы. Бол уже успел расстаться с жизнью. Без воинских почестей, но всех четверых предали земле на проклятом месте – около остатков остова чума, недостроенного убийцей Вафом. Успели вернуться на стоянку до прихода спасателей и спасённой девушки-соплеменницы. Только тогда обрадовали женщин, волнующихся о судьбе спасаемой.

Сборщицы съестного, увидев приближающихся соплеменников с вождём во главе, оставили стоянку и побежали навстречу идущим. Они, отталкивая друг друга, обнимали Зию. Кто-то из них спросил, не надругались ли над ней воры. Улыбаясь, девушка произнесла:

– Им было не до того. Они боялись погони и спешили так, что постоянно подталкивали меня вперёд, пытаясь ускорить мой шаг. Даже били, чтобы я шла быстрее. Как рада я, что парни расправились с ворами! Ноух – очень меткий стрелок.

– Наконец-то ты заметила его. Заметь ещё и чувства этого парня к тебе, – подсказала одна из женщин.

– Разорванное сердце не может очаровать, – задумчиво произнесла спасённая девушка.

Никто не понял смысла сказанного, никто не заострил внимания на вскользь брошенной реплике. Парни-спасатели не могли слышать сказанного Зией – у них мужчины выпытывали подробности освобождения пленницы. Ноуху не хотелось вспоминать моменты освобождения любимой. Кто-то мог счесть правду за хвастовство. Из слов Бина было понятно, что его друг – настоящий воин.

Сам герой не выказывал особой радости. Он замкнулся, а вскоре уединился. Вспомнил, как обрадовалась Зия, когда увидела соплеменников на противоположном берегу.

– Может быть, среди них был тот, кто приятен Зие, но по каким-то причинам пока недостижим для неё? Даже спасение не было для неё таким радостным, как тогда, увидев кого-то недостижимого.

Юноша не считал, что девушка обязана ему за спасение, но предполагал, что этот факт чуточку сблизит их. Его и раньше тревожила неразделённость чувств.

– Как же мне быть? Наверное, хорошо тому, кто идёт на поводу у своих чувств. Если тому самому пришла пора – он женится; наскучила женщина – оставляет её без сожалений и увлекается той, которая не прочь связать с ним свою судьбу. Зия до сих пор без мужа. Выходит, что она не менее несчастна, чем я, – размышлял обладатель необычных для того времени чувств.

Не выяснив смысла непонятной фразы, о ней не забыли. На следующий день, собирая съестные коренья, женщины пристали к Зие так, что не ответить было невозможно. Вот только как им ответить, надо было подумать.

– Поймут ли меня те, кто считает свою жизнь сложившейся вполне удачно? Бьёт кого-то муж – не беда. Так у всех полагается для порядка, для остротки на будущее. Да, у всех без исключения. Мужья бьют жён не столько за провинности, а просто – по праву сильного. Но то, что случилось с мамой, в любой миг могло бы произойти с каждой из избиваемых жён. Выходит, что все мужчины лишь пока не убийцы, но это только дело случая? Ока-

залась бы на галечнике другая женщина и сиротами остались бы её дети.

Зия ещё размышляла бы на волнующую её тему, но женщины наседали. Пришлось поведать о своих убеждениях относительно мужчин:

– Те слова объяснимы. Они означают, что я не смогла бы сделать счастливым любого, а не только Ноуха. Моё сердце было разбито ещё в детстве, когда отец убил маму. Оно не может принадлежать будущему убийце. Каждый мужик – убийца. Все они бьют своих женщин. Счастье каждой лишь в том, что беда случилась не с ней, а только с нашей матерью.

– Какие мрачные мысли у тебя, девочка. Не всё так трагично, как кажется. Все замужние женщины живы, как видишь. Но и это не главное. Оно в том, что у этого парня к тебе особые чувства, не такие, как у наших мужей, – поведала Лута.

– Есть от чего быть мыслям такими. До обладания жёнами все парни хороши. Дерутся только между собой, как мальчишки. Избивать своих женщин они начинают позже. Вряд ли Ноух станет исключением. Именно поэтому я не смогу питать к нему таких же чувств, как он ко мне. Выходит, что я не в состоянии очаровать его, сделать счастливым. Не смогу быть счастливой в замужестве и сама, – с горечью в голосе поведала девушка.

Так и не сумев убедить разуверившуюся в мужчинах девушку, вечером вернулись на стоянку.

Лоу, возраст которой преодолел рубеж тринадцати зим, считала себя взрослой, созревшей для семейной жизни. Вечером она под села к Ноуху. Он, задумавшись, палочкой ворошил угли догорающего костра, не сразу заметил присутствие рядом юной особы. Она, говорливая от природы, не смогла сдержаться. Считала своим долгом открыть глаза на правду этому парню, заблудившемуся в несбыточных надеждах.

– Ты зря грустишь и мечтаешь о Зие. Сегодня она призналась, что никогда не станет чьей-либо женой. Всех мужчин она считает убийцами своих жён, как Вафа, сделавшего сиротами своих детей. Перестань думать о ней. Вокруг есть другие девушки. Есть я, которая рядом с тобой. Ты добрый, хороший, достоин той, для которой будешь значим и необходим, которая будет предана тебе. Взгляни на меня, я уже взрослая.

Юноша встал. Девушка не замедлила сделать то же самое. На лице Ноуха, только что скрывающем переживания, задумчивость на мгновение исчезла, мелькнула гримаса улыбки. Он воспринял услышанное без особого удовольствия. Особенная для него девушка Зия ощущалась всё необходимое и притягательнее, становясь смыслом всей жизни.

Несколькими днями позже обладатель необычных чувств узнал от Луты правду о Зие и наконец-то понял причину её странного поведения. Луте, замужней женщине, не было необходимости лгать юноше, обращая на себя внимание. Словам женщины, желающей помочь страдающему холостяку, Ноух поверил искренне. Нужно было как-то переубедить Зию в том, что у них всё будет не так, как во всех других семьях. Не будет оскорблений и унижений... Не будет так, как было у её родителей.

Прошло ещё несколько дней, пока влюблённый окончательно убедился в том, что без желанной женщины жизнь теряет смысл. Сегодня кого-то, хоть немного напоминающего юношу той поры, люди назвали бы однолюбом. Тогда такое прозвище никому не суждено было носить. Название щемящего сердце чувства возникло много позже. Может быть, это и к лучшему. Часто признание в любви – это лишь красивая ширма, скрывающая низменные чувства личности – корысть, стремление выстроить карьеру, показать себя преданным...

Тогда Ноух сказал, что жизнь без неё, Зи, теряет смысл. Но он не знает, как убедить очаровательную соплеменницу в том, что он не такой, как другие мужчины и что на их жизненном пути всё будет по-другому. На всём, как бы продолжительна или коротка ни оказалась жизнь.

– Если бы тебя решили похитить ещё раз, то я пошёл бы спасать тебя в одиночку. Если бы погиб в том бою, то принял бы это за счастье: так невыносима жизнь без тебя, моя желанная. Но теперь уже никто не рискнёт выкрасть тебя. Не возникнет и необходимости в твоём спасении. Применять силу, унижая женщину – удел слабых: всегда есть возможность показать свою мощь, сражаясь один на один хоть с зубром, хоть с носорогом, мамонтом, и я готов сделать это хоть сейчас. Может быть эта схватка станет для меня последней в моей жизни, и никто не узнает, где закончится она... Не узнают люди и место моей гибели. Такую кончину все сочли бы просто – безумием, не разбираясь и не вдаваясь в её причину.

– Идти никуда не надо. Я давно вижу твоё особое отношение ко мне. И тогда именно ты внёс главный вклад в моё освобождение. Не сомневаюсь в твоей храбрости, граничащей с безумием. Смелость и меткость, которые ты проявил, освобождая меня, и потом, добывая пищу, – дорогого стоят. То было давно. А сейчас родилась вера не только в присущую тебе доброту, но и в правдивость твоих слов. Я почти убедила себя в том, что ты не будешь обижать меня, хоть другие мужчины делают это. И такое отношение к себе я буду считать достоинством мужчины, а не недостатком, буду ценить его.

– Дорогая! Означает ли это, Зия, что ты согласна стать моей самой бесценной, самой несравненной и самой желанной женщиной на всю оставшуюся жизнь? – задыхаясь от волнения, спросил влюблённый юноша.

– Означает, мой дорогой Ноух. Почти уверена, что буду счастлива только с тобой. Я сделаю всё, чтобы и ты мог чувствовать себя счастливым. И мы не станем откладывать наше совместное счастье. Жизнь бывает так коротка, что оставшейся, как ты сказал, может оказаться слишком мало, ничтожно мало, – прозвучало в ответ.

Ошибалась девушка, когда думала, что в её «холодном» сердце нет места высокому чувству. Ставшего дорогим для неё Ноуха, оно очаровало вопреки убеждениям хозяйки. Нашлось в её сердце место собственному очарованию юношей. Он подкупил её постоянством необычных чувств, преданностью избранной девушке. Поверило замкнутое девичье сердечко, что Ноух не такой, как все. Почувствовав собственную значимость, Зия стала единственной и для него.

XXVI. ЗИМНИЕ БУДНИ

Только зимой охотники соседних племён встретились на подходе к озёрам. Вспомнилось прошлое трагическое событие, как из племени непонятно куда отлучились семеро охотников, отсутствие которых заметили только поздним летним вечером. Когда обнаружилось отсутствие семёрки сильных охотников, один из мужчин сообщил своим соотечественникам то, на что сразу не обратил особого внимания. Оказалось, что Бол просил, чтобы кто-нибудь помог ему выкрасть девушку из соседнего племени.

Возвратиться похитители могли после следующего полудня, поэтому пошли навстречу им только утром, после завтрака. В пути их внимание привлекла куча свежих срезанных веток. Под ветвями нашли только три тела, что указывало на то, что судьба остальных тоже предreshена. Не сомневались, что при похищении.

Идти войной на многочисленное племя не рискнули. Вождь сказал, что похитители сами действовали без ума. Троих найден-

ных принесли на стоянку для захоронения. Как их оставили те, кто расправился с похитителями за похищение девушки, так же, с оружием, предали погибших земле. Зимой при встрече узнали и о судьбе остальных похитителей. Представители обоих племён отметили, что недоразумение с похищением не привело к межплеменной войне ни сразу, ни после выяснения подробностей, а это самое главное.

Зимой жили во вместительных чумах по несколько больших семей в каждом. Студёный ветер, особенно в морозные дни, не удерживал в чумах только охотников и сборщиков заготовленного летом топлива. Короткий зимний день препятствовал изобилию свежей пищи. Женщинам, не занятым охотой, приходилось добывать смёрзшиеся куски мяса, хранящиеся в морозильнике с летней поры.

Коптящие жировые светильники зимой обеспечивали светом и днём, и поздними вечерами. После трудового дня на свежем воздухе, отогревшись, мужчины занимались приготовлениями к летней рыбалке. Из конского волоса вязали сети. До сетей-двух-стенок тогда ещё не додумались – вязали снасти на разную рыбу, с разной по величине ячеей. Одни предназначались для использования в качестве бредней, другие – для установки в заводах и на озёрах. Поставленные снасти проверяли на следующий день.

Кто-то работал с камнем, пополняя запас наконечников для стрел. Много стрел летом терялось при неточных выстрелах. Часть, застрявшая в подранке, навсегда бесследно терялась. Аккуратно скалывая от заготовки крупницу за крупницей, получали желаемый результат кропотливого многодневного труда. Нельзя утверждать того, что каждая стрела даже одного умельца была точной копией предыдущих творений. Тем более, отличались наконечники разных мастеров.

И всё-таки, внимательно посмотрев на наконечник стрелы, соплеменники могли безошибочно назвать её хозяина. По наконечникам стрел и копий, топорам и орудиям быта можно и теперь установить родство племён, живших на разных стоянках в разные периоды тех древнейших времён. У каждого племени были свои особенности в чём-то конкретном.

Эти отличительные черты изготавливаемых предметов непреднамеренно передавались из поколения в поколение. Кажущиеся незначительными мелочами в технологии творческого процесса, они шли по свету вместе с их носителями, кочующими со стадами куда-то в сторону восхода солнца. При этом следует отметить, что через каждые несколько тысячелетий стоянки племени оказывались ещё и севернее предыдущих.

Археологические находки убеждают нас, что и в те времена затянувшегося на тысячелетия каменного века люди ценили прекрасное, приумножали и разнообразили образцы изящества. Самым легкообрабатываемым материалом для изготовления поделок было дерево. Вырезать из него фигурки, нанести на них орнамент, подсказанный фантазией, было непросто, но легче, чем при работе с другими материалами: известняком, костью, бивнем.

Изделия из глины не покрывали эмалью, но они, обожжённые в пламени, оказались более долговечными, чем деревянные, дошли до нас в больших количествах. Сравнительно в меньшем количестве, чем керамические, дошли до нас изделия из бивня. От слоистого материала бивня откалывали пластины. Для строительства жилищ материал из бивней мамонтов оказался вполне применимым, его можно было разгибать. Непросто представить вместительный сосуд, в котором распаривали бивень, но после распаривания его выпрямляли, сохраняя целым.

Наверное, резали по заготовке из бивня тоже после распаривания. Самыми известными шедеврами усть-ковинцев стали статуэтки мамонта и нерпы, вырезанные из пластин бивня. Используя примитивные каменные инструменты: нож, наборы резцов и свёрл – создавали кропотливым трудом настоящие произведения искусства.

Скульптуры, наибольший размер которых не превышал десяти сантиметров, не могли использоваться в качестве амулетов. Для ношения на нити в этом качестве нет отверстия. Скорее всего, фигурка мамонта была культовым предметом. На мысль об использовании в этом качестве наводит двусторонняя раскраска скульптуры.

Раскраска полученных шедевров не менее поразительна, чем резьба контуров животных. Получение красок – это тоже творчес-

кий процесс. Из солей, содержащихся в местных минералах, как-то выделялись одни красители, из совокупностей трав – другие.

Скульптурка мамонта сохранила красно-бурый цвет окраски на одной стороне и чёрный – на другой. Красный цвет – это цвет крови и жизни под солнцем, а чёрный – тьмы и продолжения жизни в мире тьмы. Когда и как использовался ритуальный мамонт – можно только догадываться. Даже устных свидетельств об использовании предмета до нас не дошло.

Установленная на видном месте и обращённая к людям красной стороной, статуэтка могла предшествовать рождению нового члена большого племени. Но она могла предвещать и удачную охоту на крупного животного. Тёмной стороной мамонт мог быть обращён к людям во время прощания с соотечественником, лишившимся жизни, во время скорби о нём.

Скульптура нерпы подтверждает мысль о том, что это животное было большой редкостью. Древний мастер мог вырезать её по памяти, не сохранившей отличительных черт этого животного. Потому-то она не стала столь выразительной, как мамонт. Но и этот предмет, являвшийся украшением или ритуальным предметом, – это произведение искусства, созданное мастером, неравнодушным к живому созданию дикой природы, редкостному для усть-ковинцев.

Некоторые из археологов современности в фигурке усматривают не нерпу, а птицу, сидящую в гнезде. Нельзя исключать и того, что мастер ваял фигурку в преклонном возрасте, а закончить создание шедевра у него не хватило остатка жизни. Вот и получилось что-то неопределённое – не то нерпа, не то птица.

Люди не просто умели ценить прекрасное, но и сами создавали произведения искусства. В местах захоронений древних усть-ковинцев того периода находят бусины. Одни из них округлой формы, другим приданы ровные грани. Среди речного галечника находили ярко расцветённые плитки небольших размеров.

Плиткам придавали желаемую форму, стачивали поверхности, делая их плоскими и лёгкими, просверливали отверстия, чтобы каждую бусинку можно было подвешивать на нить. Мужчины дарили украшения женщинам-собирательницам для ношения их

в праздничные дни или добытчицам бегающего съестного, для ношения во время охоты и рыбалки. Для одних бусы были украшением, для других – амулетами.

Мужчины преклонялись перед красотой женщины. Преподнося что-то в подарок, каждый стремился сделать носительницу красоты ещё прекраснее. Может быть, как и жители других древних стоянок, усть-ковинцы тоже создавали женские фигурки. Они могли не сохраниться в слое земной толщи времени, если Венеры вырезались из дерева или делались из глины без обжига. Возможно, что на стоянке Усть-Кова до обожествления женщины не доходило.

В любом случае, не подлежит сомнению, что продолжительными зимними вечерами люди создавали не только оружие, орудия рыбной ловли или предметы быта, но и дополняли своё окружение произведениями искусства. На речных глыбах и прибрежных скалах, в наше время ушедших под воду водохранилища Богучанской ГЭС, известны рисунки тех древних жителей Усть-Ковы. Они сделаны твёрдым заострённым камнем на сравнительно мягком известняке или на других каменных породах.

XXVII. СНОВА В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Пик ледникового периода настиг племя на Усть-Кове. Откуда он взялся, это не риторический вопрос. Лишь упрощённая схема процесса могла бы выглядеть просто. Не единственными, но главными причинами глобального похолодания стали продолжительное уменьшение солнечной активности и понижение прозрачности атмосферы. Процесс длился многие тысячелетия. Испаряющаяся из океанов вода конденсировалась и выпадала на поверхность суши.

В тропических и умеренных широтах она вновь испарялась и разносилась ветрами по всему земному шару. В высоких широтах, а это вблизи полюсов, осадки выпадали в виде снега. В Антарктиде, Скандинавии, Гренландии, на Шпицбергене и на Новой Земле, сдвливаемые снежной массой, слой за слоем, образовывались толщи льда. Дальнейшее испарение влаги привело к росту толщи ледниковых панцирей, их расширению.

Антарктический ледник по шельфам ширился в Южный океан и надвигался на Южную Америку. Над Гренландией родился ледниковый щит. Его продвижение по североамериканскому континенту принято называть Лаврентийским ледником. На Скандинавском полуострове сформировался ледниковый щит, который продвигался к югу Европы. С архипелага Шпицберген и с островов Новой Земли льды шли по Сибири. Они дошли до Подкаменной Тунгуски. На равнинных территориях современной Якутии ледника могло не быть.

Ледник впитал в себя влаги столько, что уровень мирового океана понизился на сто двадцать-сто тридцать метров. На Сахалин, острова современных Филиппин и Японии, в Австралию и на острова Индонезии можно было пройти по суше. Обнажилась суша и там, где ныне отмели Берингова моря. Далеко от тех мест, куда дошёл ледник, образовалась вечная мерзлота, которую покрывала тундростепь. Она распространилась и на Берингию. Там образовался сухопутный мост между Азией и Северной Америкой.

Всё когда-то начинается, всему приходит время заканчиваться. Солнечная активность и прозрачность атмосферы повысились, ледник стал отступать, предоставляя место для тундростепи. На южные окраины тундры стала наступать тайга с её обитателями. Растительность и животные когда-то были потеснены изменением условий из-за надвигавшегося ледника.

Кроме антарктического и арктического ледников землю покрывали горнодолинные ледники. Образовываясь у горных вершин, они сползали в долины, покрывая собой горные массивы – хребты и нагорья. Такой ледник покрывал Становое и Потомское нагорья на северо-востоке от озера Байкал. На юго-востоке ледник приблизился к реке Лене.

На Дальнем Востоке ледник покрыв хребты Становой и Джугд-жур. Севернее от него простирался огромный ледник, покрывающий Колымское, Яно-Оймяконское, Анадырьское и Чукотское нагорья. Камчатку с её Срединным хребтом и материковое тихоокеанское побережье Азии, где расположено Корякское нагорье, покрывал ещё один горный ледник.

Между Джугджуром и Колымским нагорьем ледники оставили проход с растительностью тундростепи. Похожий проход был между Анадырьским и Корякским нагорьями. По первому проходу животные могли мигрировать с долины реки Мая к реке Улья, а по ней – на тихоокеанское побережье. Второй проход открывал путь из Пенжинской губы к реке Анадырь, а по ней – в Берингию. С азиатского материка через просторы Берингии открывался путь в Северную Америку.

На американском континенте Лаврентийский ледник придвинулся вплотную к горному Кордильерскому леднику. Свободной от ледника оставалась лишь обширная долина реки Юкон, находящаяся на территории современного штата Аляска.

Проход между этими ледниками открылся двенадцать тысяч шестьсот лет назад. От тридцати до девяти тысячелетий до нашей эры Берингия была открыта для прохода животных в обоих направлениях. Проще попасть на Аляску было бы, пройдя Чукотское нагорье по открытому тогда шельфу Ледовитого океана, севернее горного ледника.

Однако пора вернуться к повествованию о наших усть-ковинцах. Двадцать пять тысячелетий до нашей эры пик оледенения миновал. Ледники стали отступать. Миграционные стада животных стали более многочисленными. За ними двинулись и племена людей каменного века. Места временных стоянок сменялись и у людей большого разномастного племени.

Девятнадцать тысячелетий тому назад потомки наших знакомых оказались на Алдане, притоке Лены. Они могли продвигаться только по пути миграции стад. Животные шли по тундростепи, изобилующей сочными травами. Они избегали заходов в горные массивы. Вслед за стадами путешествовали и первобытные охотники. Усть-ковинцы, покинув обжитую поколениями стоянку, двигались на северо-восток. Они прошли верховья Подкаменной Тунгуски зимой, по прочному льду, преодолели Нижнюю Тунгуску, потом вышли на реку Чона, а по ней – на Вилюй.

На многочисленных стоянках древних людей, расположенных по берегам реки Вилюй, фактов присутствия необычного для того времени племени, которое можно было бы трактовать однознач-

но, обнаружить не удалось. Необычность наших переселенцев оставалась в сущности ДНК денисовцев. Частично звенья цепочки их родословной ДНК замещались звеньями, характерными для людей черс, но ещё оставалось преобладание денисовской составляющей.

Проходя по Вилюю и останавливаясь на определённый период времени, люди не могли не охотиться. Стада северных оленей были наиболее привлекательны для охоты. Многочисленность животных в стаде и их размеры позволяли достаточно быстро добыть столько животных, сколько хватало не только для насыщения в день сегодняшний, но и сделать запас на дни грядущие.

Если на охотничьи угодья выходило стадо мамонтов, то и на них находилась управа. Способ добычи с помощью кольев, выставленных в узких для прохода местах, передавался из поколения в поколение. Не всегда удавалось обойтись без увечий и потерь соплеменников, но охота стоила того. Огромной туши хватало надолго, размер добычи позволял сделать определённый запас в мерзлотный холодильник впрок. Менее многочисленные, чем олени, стада маралов, зубров, табуны лошадей, небольшие семейные стада шерстистых носорогов, особи сохатых, рыскающие повсюду семейки диких кабанов – все они пополняли пищевые запасы.

И все стада, независимо от их численности, выслеживались стаями волков, которые сами были существенной добавкой в мясном рационе взрослых и маленьких жителей стоянки большого племени. В охоте на все разновидности промысловых животных нужен был особый подход, требовалась своеобразная сноровка. В любой охоте нужно быть победителем и, главное, не потерять сородича.

Сопровождая стада промысловых животных, следующих по путям миграции, большое племя дошло до крупной реки. Чтобы появиться на Алдане, людям пришлось переправляться на противоположный берег Лены. На многих участках обоих берегов отвесные скалы поднимались от воды. Животные находили места, где берега пологие, удобные для выхода на прибрежные пастбища. Там же совершили переход через реку и люди.

Продвигаясь по Алдану, облюбовали место для стоянки. Ровная площадка, уходящая от берега к подножию гор, сегодня возвышается над июльской водой Алдана на шестнадцать-восемнадцать метров. За минувшие девятнадцать тысячелетий над стоянкой наслоилось два метра грунта. Раскопки стоянки Эжанцы, где поселились потомки бывших усть-ковинцев, показали, что она освоена людьми каменного века тридцать пять тысячелетий назад. За время от освоения до заселения наших знакомых на стоянке побывало немало проходящих и оседлых племён.

Все жители оставили после пребывания в тех местах следы своей деятельности. В слое, залегающем на двухметровой глубине, по орудиям охоты и повседневного быта археологи обнаружили сходство между жителями той поры, пещерниками и стоянчниками Алтая. Позднее это сходство подтвердили анализы ДНК. Доля генома, дошедшего от денисовцев Алтая к денисовцам-эжанцынцам, снижалась от тысячелетия к тысячелетию. Сказывалась ассимиляция с людьми черс, многократно контактировавшими и вступавшими в семейные отношения с коренными представителями носителей генома.

В глубине слоя сохранились следы, не указывающие на принадлежность жителей к ветви человечества, но говорящие о деятельности людей, хозяйствовавших в ту пору. Фрагменты костей мамонтов, носорогов, бизонов, северных оленей, лошадей и лосей сохранились, преодолев растление временем и почвой. Найдены кости более мелких животных, птиц и даже рыб.

Незначительное количество обнаруженных при раскопках костей рыб можно объяснить недолговечностью костных структур малых размеров, но не редкостью рыбы в рационе жителей. Люди, предки которых продвигались по Оби, Енисею, Ангаре, Вилюю, Лене и Алдану всегда питались не только мясом, но и рыбой, лишь вдвое уступающей по калорийности мясу. Тогда никто не определял калорийность продуктов, но она ощущалась при их употреблении, насыщении ими.

Рыбачили эжанцынцы между островами реки Алдан и в его притоках, называемых ныне Хамна и Аллах-Юнь. Занимались рыбной ловлей и в небольших озёрах, пополняемых скудными до-

ждями летом и тальми весенними водами. Близость воды влияла на растительность. Обилие влаги и летнее тепло давали жизнь тем растениям, которых не могло быть на других необъятных просторах тундростепи.

XXVIII. ТИГРЫ

Как и у предшествовавших эжанцынцам поколений, основой рациона было мясо. К тому разнообразию животных, которое проходило по долине Вилюя, добавился ещё один вид. Экзотическая для окрестностей стоянки Эжанцы, эта разновидность крупного хищника была известна только очень далёким предкам жителей стоянки, алтайцам. В окрестностях Эжанцов кочующее племя впервые встретило тигров.

Первой в поле зрения охотников попала тигрица с тремя тигрятами одного помёта. Они питались молоком, но уже употребляли в пищу и мясо, добываемое матерью во время непродолжительных отлучек от подрастающего потомства. Люди нашего племени были далеко не первыми на этой стоянке.

Наверное, тигрица могла знать о коварстве двуногих хищников. Мать пыталась увести своих детёнышей, но преследователям удалось окружить дикое семейство. Показывая клыки и издавая устрашающие звуки, мать остановилась. Малыши, почувствовав опасность, прижались к её ногам. Ослеплённая стрелами, мать закрыла маленьких тигрят своим телом.

Несколько копий, вонзившихся в сильное упругое тело, разозлило зверя. Тигрица метнулась к обидчикам, но, получив существенную добавку, обонянием нашла детёнышей и снова накрыла их собою. Лёгкость добычи весомой туши и отсутствие увечий позволили охотникам предположить, что эти полосатые животные не опасны.

Вытаскиваемые из-под матери малыши повели себя агрессивно. Чтобы не оказаться покусанными, попробовали взять тигрят не голыми руками, а обернутыми душегрейками. Всех троих малышей принесли на стоянку. Огородив площадку, приёмшей выпустили на расстеленную шкуру тигрицы. Почуввав родной за-

пах, малыши присосались к пустому вымени. Шкура тигрицы на какой-то миг заменила им мать.

Стало понятно, что котята проголодались. Прирученных животных, от которых можно было бы получать молоко, в те времена ещё не было, как вообще не существовало обычая приручать кого-либо. Кому-то пришла мысль приложить зверят к груди кормящей женщины-матери. Но та набросилась на «сметливого» соплеменника с кулаками и бранью. Она дала понять, что таким образом оставит голодным собственного ребёнка. К тому же, кормление зверят не безопасно для неё. Хотя и маленькие, но они – хищники. С её доводами пришлось согласиться всем.

Не зная, как и чем кормить малышей, им стали давать свежее мясо. Единственный из тигрят, самец, вскоре перестал есть и умер. Сонх, да и в этом поколении лекаршей была женщина с этим именем, установила, что у тигрёнка мясная пища не переваривается, останавливается в кишечнике. Двум оставшимся самочкам она, рискуя быть искусанной и поцарапанной, стала делать массаж животиков. Вскоре зверята привыкли к врачевательнице, привязались к ней, как к матери. Привыкли они и к мясной пище без добавления молока.

Постепенно тигрята стали подпускать к себе детей, играть с ними. Шло время, самочки не просто выросли, а достигли половой зрелости. Одна из них, придя в охоту, не найдя партнёра, стала агрессивной. Не все дети сразу заметили перемены в поведении зверей.

Одна из девочек, не ожидая агрессии, подошла к возбуждённой самке. Та, махнув лапой сверху вниз, оставила на ребёнке следы своих когтей. Одна глубокая борозда повредила лицо чуть ниже глаза. От уровня плеча прошли три полосы – две по груди и одна по руке. Несмотря на преклонный возраст, бабушка Бул, мгновенно выхватила девочку из лап зверя, прикрыв собой. Пожилая женщина рисковала собственной жизнью, но жизнь ребёнка племени в те времена была превыше всего.

Громкий плач испуганной и раненой девочки, действия ли взрослой женщины, или какая иная причина, но что-то остановило тигрицу, несмотря на запах свежей крови, продолжающей

течь из ран девочки. Дед Васку расценил ситуацию по-своему. Он схватил попавшее под руку копьё и метнул его в разъярённо урчащего зверя, готового наброситься на Бул. Бросок. И вот копьё уже в пасти готовой постоять за себя хищницы.

Бул, как могла быстро, отнесла ревущую малышку к ближайшему чуму, подобрала там топор, которым разрубали для очага крупные прутья, и бесстрашно приблизилась к раненой хищнице. Васку, не вынимая копьё из звериной пасти, пытался прижать голову зверя к земле. Топор Бул с размаху опустил на позвоночник подранка. Теперь обидчица ребёнка не могла ни убежать, ни наброситься на людей – задние ноги зверя отнялись.

Вторая самка трусливо прижалась в угол вольера. Не имея опыта охоты, она не набрасывалась на людей. Эту тигрицу сдерживало привычное понимание дружелюбности людей, ранее не причинявших ей боли. У деда на её счёт давно сложилось своё мнение. Вырвав копьё из пасти злобно урчащей, но уже безопасной тигрицы, он, развернувшись, шагнул в сторону притихшего от страха животного и вонзил смертоносное оружие в череп. Вырвав из руки Бул топор, Васку рубанул им по основанию черепа этой хищницы.

Так двое старых людей избавили племя от серьёзной опасности, которая ожидала их во всё время совместного проживания с дикими животными. А это могло стать непоправимой ошибкой для всего племени. Раны девочки Сонх быстро обработала и забинтовала, успокоив ребёнка. Других взрослых во время сражения с тигрицами, на стоянке не оказалось. Когда пришли сборщики кореньев, тигрица с парализованным задом была ещё жива, хоть и потеряла много крови. Вторая – бездыханной.

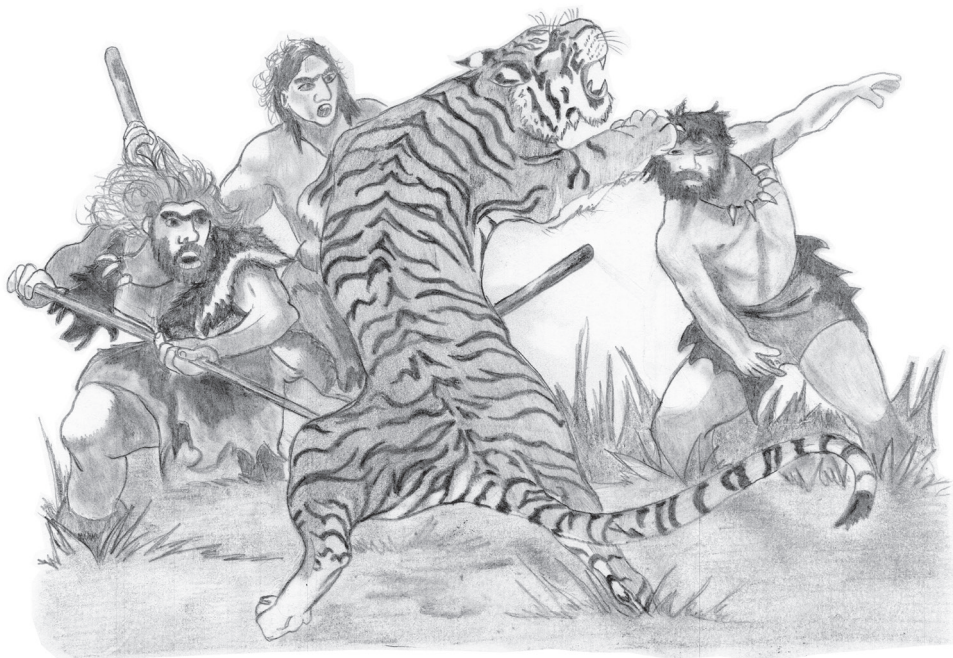
Старые люди, справившись с хищницей, не приступили к разделке туши: слишком тяжёл такой труд для людей их возраста. Даже Бул, когда была моложе и охотилась, разделяла туши животных наравне с мужчинами! Эту работу выполнили сборщики. Кто-то из вернувшихся охотников напомнил, что давно предлагал избавиться от лишних ртов, но его тогда никто не послушал. И вот, что из этого вышло...

С другим тигром смельчаки встретились на охоте осенью того же года, в который старцы избавились от стояночных тигриц.

Помня, что тигрица почти не нападала, смело пошли и на этого полосатика. Красавцем оказался самец. Сочли, что добыть зверя большего размера выгодно для племени. Никто не учёл, что в этот раз зверю защищать некого, кроме себя самого. Окружив, стрелами лишили хищника зрения.

Всё начиналось, как в прошлый раз, но почти сразу что-то пошло не так. Ориентируясь с помощью обоняния и слуха, сильный вольнолюбивый зверь набросился на двуногих врагов. Одно из копий не выдержало удара мощной лапы, сломалось. Ещё одно копьё, попавшее под удар другой лапы, отлетело в сторону. Два охотника остались только с топорами и ножами. Лук и стрелы соплеменников в столь близнем бою оказались бесполезными.

По воле случая разъярённый зверь набросился на Глизо, охотника без копья, который не успел воспользоваться топором. Что-то помешало ему быстро выхватить оружие из-за пояса. Повалив противника, полный ярости зверь, сомкнул пасть на руке ниже плеча поверженного. Рывок мощной шеей, и кусок человеческого мяса вырван из руки Глизо.

Могучей лапой зверь успел приложиться к невезучему охотнику так, что молодой и сильный мужчина потерял сознание. Его пальцы, судорожно сжатые в кулаки, продолжали удерживать шерсть зверя. Разъярённое животное хотело оставить первую жертву и переключиться на других врагов, но хватка бессознательного Глизо оказалась такой крепкой, что при прыжке тигра тело человека пушинкой пролетело расстояние более двух шагов охотника.

Пытаясь спасти молодого охотника, соплеменники безжалостно опускали топоры на спину и голову зверя. Копья пронзали могучую шею, бока хищника, нанося глубокие раны на голове. Решающим оказался удар копья Гурса, вождя племени. В суматохе сражения с сильным зверем важно уметь управлять своими чувствами, хладнокровно нанести удар в самое уязвимое место, в сердце хищника, – не каждому это дано. Гурс справился.

Поверженный зверь завалился на бок, а струя крови пульсирующим фонтаном вылетала через рану, обагрив траву и Глизо, на ногах которого хищник бился в предсмертных судорогах. Оградив себя и Глизо частоколом копий, раненого, потерявшего сознание, вытащили из-под туши, не дожидаясь, когда прекратятся конвульсии истекающего кровью хищника.

Бледному из-за большой потери крови, Глизо соорудили повязку, остановившую кровотечение. Гурс в пригоршни набрал вытекающей из тигра крови и аккуратно влил в рот соплеменника, таким образом надеясь привести в сознание Глизо. Сделав несколько глотков, раненый пришёл в себя.

Соорудив из кустарника носилки, несколько охотников понесли соплеменника на стоянку. Только там Сонх могла оказать квалифицированную помощь для скорейшего заживления крупной раны, возвращения руке подвижности, способности пользоваться оружием. Остальные охотники, быстро забыв о несчастье соплеменника, радовались крупной добыче. Вкус мяса полосатых диких кошек вполне устраивал всех жителей стоянки. А они-то были отменными знатоками мясных тонкостей.

XXIX. ЭЖАНЦЫНЦЫ

Эти мальчишки родились уже на новой стоянке – в Эжанцах. В этом нет ничего удивительного. Но они были не такими, как все, с раннего детства. Старшие из братьев были двойняшками. И в этом ничего необычного не было. Третий брат был на два года моложе их. Это тоже считалось обычным явлением. Ещё нося прозвища мон, все трое выделялись необщительностью и замкнутостью по отношению к сверстникам. Не были разговорчивыми они и со взрослыми.

Необычность была в том, что отцом всех троих был Фес, то есть «рассудительный», а мать была Лоу – «говорунья». Несмотря на их обособленность от других мальчишек, братья держались всегда вместе, рядом друг с другом. «Не разлей вода», – говорили о них уже тогда.

Жизнь расставила всё по своим местам. Имя одного из старших братьев было Тах, то есть «нелюдимый», а другого – Тук – «утрюмый». Третий из братьев звался Вынх – «молчун». Нелюди-мые мальчишки не были самыми рослыми среди сверстников, но сплочённость и слаженность их братства выводила их всегда в победители потасовок, нередко случающихся среди ребят.

Братьев устраивали молчаливые игры между собой, но настораживали окружающих, которые никак не могли привыкнуть к необычному для детей поведению. К взрослеющим подросткам соплеменники и вовсе относились с недоверием, думая о том, не замышляют ли нелюди-мые молчуны совершить что-нибудь тайное, непотребное для других членов племени. Несмотря на подозрительное поведение, к которому другие не могли привыкнуть, чего-то злобного, достойного всеобщего осуждения, не происходило.

Когда старших взяли на взрослую охоту, оказалось невозможным отделить от них младшего брата. Зная их неделимость на протяжении всех предыдущих лет, пришлось брать всех троих. Молча, они впитывали науку побеждать животных, учитывая своеобразие действий для каждого конкретного вида. Перед каждой охотой на любого крупного животного Гурс напоминал

соплеменникам действия, которые обеспечили бы успех и исключили жертвы со стороны охотников.

Вождь не любил разбрасываться похвалами в чей-либо адрес, но действия этой троицы неоднократно отмечались им за слаженность и взаимовыручку. Братья охотились в свою первую зиму, когда всех удивили действия Вынха. Такой приём во время охоты на зубра ранее ещё никто не применял.

Отбив от стада одного зубра, охотники окружили его. Сильное животное почувствовало опасность и приготовилось к защите. Известно, что лучшая защита – это нападение. Зубр опустил голову почти до земли. Испуская воинственный рёв, он стал копытить землю. Через несколько мгновений он был готов сорваться с места и помчаться по кругу, нанизывая на рога одного соперника за другим. Медлить было нельзя.

Как и другие охотники, Вынх в одной руке держал копьё, а в другой – топор. Так случилось, что окружённое животное стояло к пареньку задом, а полный злобы взгляд был обращён на охотников, стоящих впереди него. Тем соплеменникам братьев было бы трудно поразить животное – копыта могли вонзиться в загривок, в холку копытного, не причинив ему особого вреда. Бросать копьё между рогами было бесполезным занятием – каменный наконечник не пробил бы крепкую кость.

Юный охотник, воспользовавшись своим местоположением, с силой метнул копьё в заднюю часть бедра. Оно вонзилось около хвоста. Не теряя ни мгновения, Вынх в несколько прыжков оказался около могучего животного раньше, чем оно успело двинуться с места. С разбега юноша опёрся рукой на торчащий снаряд и встал на него. Во время бега юный охотник переложил топор в другую руку и, стоя одной ногой на копье, со всего маха нанёс топором удар по позвоночнику животного.

При ударе он потерял равновесие и упал. Приземлившись на полусогнутые ноги, юноша не удержался, повалился на спину. В следующий миг он сделал кувырок через голову и оказался в позе собаки – стоял на руках и согнутых ногах. Животное, парализованное болью в позвоночнике, рухнуло на землю. Взметнув-

шийся при падении хвост хлётко ударил юношу по щеке. Паренёк не удержался и упал на бок.

Удар хвостом и падение – всё было ничтожной малостью в сравнении с тем, что могло быть, если бы он не совершил кувырок с места падения, а туша весом более тонны рухнула бы на него. Копья других охотников полетели в могучее тело в момент замаха топором, а вонзились одновременно с ударом топора. Юный охотник тут же вскочил и в пылу схватки бросился на раненного зубра, но взрослые, более опытные охотники, удержали азартного юношу.

Злобный рёв подранка заполнил пространство. Зубр, пытаясь встать, падал снова и снова, мог подмять под себя любого, посмеявшегося приблизиться к нему. Кто-то из охотников в эти мгновения успевал вырвать торчащее из туши копьё, чтобы им нанести очередную рану. Слой крови обагрил траву. Движения животного становились вялыми. Могучее животное доживало последние мгновения, а к нему с негодующим рёвом мчалось стадо.

Охотники разбежались в разные стороны. Стадо окружило подранка, но помочь ему было невозможно. Запах свежей крови будоражил животных, инстинкт звал их на бой с невидимым противником. Все прибежавшие животные, от мала до стара, прекратили рёв лишь тогда, когда подранок испустил дух. Покружившись около неподвижной туши, стадо отошло и продолжило свой путь. Только тогда охотники приступили к разделке туши.

Вождь похвалил Вынха за находчивость, смелость и ловкость, но предупредил всех, что этот способ охоты очень опасен – паренёк мог оказаться под кучей ещё живого мяса. Предложил каждому представить, что осталось бы от него и его костей, если бы зубр упал на смельчака. Но, как говорят, хорошо то, что хорошо кончается. Местной знаменитостью Вынх стал в свои одиннадцать зим.

Незаметно подошла пора поздней осени. День укоротился, а ночи стали темнее. С кустарника облетела пожелтевшая листва. Усилились пронизывающие прохладой ветры. В тот день люди племени охотились тремя группами в разных местах. Участниками неординарного события вечером того дня стали охотники группы Тавка, по-современному – «неугомонного».

Их добычей стала лошадь. Люди возвращались домой, неся на себе добытое пропитание. Каждый со своей ношей, частью туши. Неожиданно увидели бегущего в их сторону сохатого. Уже издали было видно, что сильное животное устало от продолжительного бега. Если бы сохатый убежал от волков, они преследовали бы его тут же, не отставая, а забегая вперёд. Других преследователей, кроме людей, к тому же тоже уставших, быть не могло.

Тавк приказал затаиться. Луки и стрелы приготовили, чтобы первым делом повредить зрение и обоняние животного. Рядом лежали копыта и топоры. Животное бежало по ветру и не ощущало поджидающей его опасности. Подпустив сохатого на расстояние броска копыта, охотники стали пускать острые стрелы в его глаза и ноздри. В потерявшее ориентиры животное полетели копыта. Одно из них пробило его грудь, повредив лёгкое.

Убегающий сохатый стал задыхаться, а вскоре упал, обессиленный потерей крови, болью и нехваткой кислорода. Лишь приступив к разделке туши, Тах и Тук увидели толпу бегущих охотников чужого племени. Ещё издали они кричали, что это их мясо, что его должны отдать хозяевам, то есть бегущим.

Устный, но с незапамятных времён исполняемый всеми закон совместной охоты никто не отменял. По нему полагалось делить трофей поровну, если охотники одного племени были загонщиками, а другого – добытчиками. Тавк так и крикнул:

– Мы видим, что вы подогнали к нам зверя. Подходите. Поделите поровну.

– Не бывать дележу. Сохатый наш, – отозвался один из бегущих.

Отвлёкшиеся от разделки, заметили, что в них выпущены стрелы. Отскочив, Тавк дал команду ложиться и отстреливаться лёжа. Приготовились к сражению на топорах, если нападающие не образумятся. По стрелам, вырываемым бегущими из своих тел, было件нятно, что несколько человек ранены. Но прекращать обстрел ни одна из враждующих сторон не собиралась. Тавк отметил, что ранения противников выравнивают силы.

Трое из оборонявшихся откатились за тушу сохатого и продолжили стрельбу оттуда. Стрелы бегущих охотников, теперь уже

на людей, пятьюкратно попав в мёртвое животное, спасли кого-то из отстреливающихся. Одна из стрел попала в плечо Тавка, но он продолжал стрелять и командовать обороной. Успев получить по три-четыре ранения, наступавшая толпа тоже припала к земле. Атака и грабёж сорвались.

Посовещавшись, нападавшие чужаки решили отползть, а затем спешно удалились. Для рукопашного боя сил уже не хватало. Нельзя было и лежать в ожидании неизвестно чего. Надо было поскорее перевязывать раны. Обошлось без преследования. Разделав тушу, с ношами пришли на стоянку. Все уже были дома.

XXX. ОЧЕРЕДНОЙ КОНФЛИКТ

Не вдаваясь в особые тонкости, Тавк сообщил вождю о поведении чужих охотников. Зимних стоянок вблизи не было. Получалось, что напало кочующее племя. И поведение перед сражением, и настрой уносящих ноги не на шутку обеспокоили вождя. Потому-то Гурс послал трёх молодых пареньков выведать намерения врагов. Строго-настрога предупредил разведчиков не обнаруживать своё присутствие.

Стоянка оказалась за пятью изгибами реки. Наш современник сказал бы об удалённости в десять километров. Парни подползли так близко, что стали слышны злобные выкрики толпящихся людей. И это в такой поздний час, когда племя, поужинав, должно было разойтись по чумам. Стало ясно, что полным ходом идёт подготовка к предстоящему сражению, отмщению победителей. Выяснить, в какое время совершится воинственный поход, лазутчики не стали, поспешили сообщить об увиденных приготовлениях.

Гурс срочно созвал своих приближённых. При обсуждении тактики встречи неприятелей Тавк предложил позвать Таха, Тука и Вынха, объяснив старшим мужчинам приглашение юношей их умением слаженно держать оборону в момент различных мальчишеских потасовок. Умение слаженно действовать – это и есть особая тактика, применять которую могут далеко не все. Братьям знакомо это понятие.

Паренькам, узнавшим о цели сбора приближённых вождя, было лестно, что они оказались членами ответственного совещания – поделились своей детской тактикой защиты, если окажешься в меньшинстве.

– Мы встаём друг к другу так, чтобы нападающих было видно со всех сторон. Каждый встречает противника со своей стороны и должен видеть ситуацию у обоих братьев. При необходимости, помогаем друг другу, – сообщил Тук.

На случай рукопашной схватки с применением топоров было решено разделить воинов племени на группы по четыре-пять человек. Каждая группа должна была, не отдаляясь от соседей, врезаться в строй противника так, чтобы часть из них оказалась между группами, не успевала отбиваться на обе стороны. Каждая из групп обязалась помогать соседям, если там окажется перевес в численности противников.

Договорились о том, что сражение начнут из засады, на полпути к ближайшему изгибу реки. Не исключалось, что враги попытаются расправиться с теми, кто останется на стоянке, когда сильные соплеменники уходят на охоту.

– Для этого надо сделать видимость ухода охотников. Под видом охотников со стоянки должны уйти женщины и дети. Если женщина несёт ребёнка на руках, удаляясь от наблюдателей, издали её можно принять за охотника. Подростки могут нести малышей на плечах, от этого казаться высокими. В одеждах они тоже могут быть приняты за охотников. На стоянке останется десяток мужчин. Они, будто женщины, должны суетиться по домашним делам. Если кому-то из врагов удастся прорваться, их встретят наши воины с Тавком во главе. Со свежими силами они без особых усилий расправятся с налётчиками.

– Это в случае, если они начнут действовать с утра. Надо бы послать кого-то из молодых для наблюдения за противником. Чтобы предупредили о приближении, – посоветовал Фес.

– Пусть Байс, Бин и Ноух выйдут за изгиб реки. Оттуда большой обзор. Они должны оставаться незамеченными и в случае опасности быстро скрыться за речным поворотом. Мы успеем занять позиции, – согласился с Фесом вождь.

– Не надо показывать всю нашу силу сразу. Обстреляем их, а когда враги ринутся в рукопашную, то окажутся спинами к тем, кого вождь оставит в засаде. Раны стрелами в спину так же болезненны, как в грудь. Раненым, им будет труднее противостоять нашим топорам, – озвучил свою мысль Выих.

– А что? Пожалуй, молчун прав. Но нам придётся поработать топориками очень напряжённо. Если, кроме оставленных у чумов, ещё десять воинов отправить в засаду, то долго ли мы сможем противостоять всем воинам вражьего племени, – усомнился Гурс.

После короткого раздумья вождь добавил:

– Но попытаться стоит. Не зря наше племя проходящие люди называют большим. Может быть, противники не знают о нашей численности? Они могут считать, что вечером повстречались со всеми охотниками, а не с группой. При встрече нас окажется вдвое больше, чем было в группе Тавка. Не заподозрят ни засаду, ни воинов, оставленных в чумах.

Ноух, Бин и Байс уже спали. Их разбудили перед рассветом. Тепло одевшись, но так, чтобы можно было быстро бежать, парни быстрым шагом ушли на свой наблюдательный пост. Все инструкции они получили во время одевания. Услышав шорохи и тихий шёпот, проснулись все обитатели чумов, в которых жили гонцы.

Вождь распорядился разбудить и детей. Они должны были разыграться, чтобы не поднять рёв, когда матери понесут их полусонными. Детский плач могли услышать враги и в чём-то поменять тактику, устроить погоню за женщинами, детьми и стариками, уходящими под видом воинов, когда они окажутся видимыми для врагов.

Местом для сражения был выбран участок между рекой и озером. При ширине в два полёта стрелы, оно в пять раз длиннее. Озерцо преграждало бы путь спасающимся бегством. О том, что бежать, может быть, придётся самим защитникам стоянки, никто не подумал. Это поколение эжанцынцев ни с кем не воевало, но рассказы о войнах предков давали представление о жестокости и беспощадности завоевателей, о необходимости махать топорами со знанием дела.

Разведчики выскочили из-за речного поворота, размахивая руками. Их увидели и воины на позициях, и люди на стоянке. Редкий кустарник надёжно скрыл и основную группу встречающих, и тех, кого оставили в засаде. Женщины начали поспешно одевать малышей. После скорых сборов беззащитная часть племени под видом охотников толпой покинула стоянку.

Разведчики сообщили, что врагов не на много больше, чем здесь в основной группе. Четверо из них шли впереди на три-четыре полёта стрелы. Наверное, они должны подойти к месту, откуда видно чумы и подать знак остальным для выдвижения к стоянке.

Действительность подтвердила предположение. Как только местные «охотники» скрылись за поворотом, воины-завоеватели трусцой направились к стоянке. Их подпустили на расстояние двух-трёх полётов копья. Неожиданный град стрел остановил движение. За время подготовки к стрельбе в них прилетело ещё по паре стрел. Защитники стоянки присели, чтобы уменьшить вероятность попадания в них стрел завоевателей.

Стреляя в кусты, за которыми только что стояли эжанцынцы, враги толпой ринулись к ненадёжным укрытиям. По команде вождя защитники метнули в нападающих копья. Но и более ошутимая добавка, чем от стрел, не охладила воинственного пыла захватчиков. Заранее разбившиеся на группы, воины Гурса с топорами врезались в толпу, придерживаясь намеченной тактики.

Расчленив нападающих на части, крушили противников на лево и направо, не прорываясь далеко вперёд, чтобы не мешать обстрелу врагов из засады. На стрелы сзади сначала не обращали особого внимания. Всем мстителям за вчерашние ранения соплеменников хотелось сблизиться со строптивыми охотниками, дать разгуляться силушке. Но уже вторая порция стрел, прилетающих непонятно откуда, заставила подсуетиться.

Вождь Корс, что означает «непрощающий обид», послал часть своих соплеменников вершить расправу в чумах и около них. Семеро легко раненных воинов отделились от сражающихся и ринулись исполнять приказ. Их видели все защитники, но не препятствовали продвижению к чумам, где «женщина» усердно скоблила

котёл. Знали, что группа Тавка сгорает от нетерпения свершить расправу над подранками, бегущими к ним. Выстрелив вдогонку, воины из засады с копьями ринулись на оставшееся вражеское воинство. Метнув копья, набросились на врагов с топорами.

Силы сражающихся были неравными. Вначале сражения численный перевес участников был на стороне пришедших. Воинам Гурса было непросто сдерживать напор. С уходом группы к чумам силовое превосходство перешло к защитникам стоянки. Когда со свежими силами приступили к расправе засадники, преимущество защитников стало неоспоримым. Даже видя неизбежность поражения, Корс не собирался сдаваться. Исход этого сражения настал тогда, когда голова вождя оказалась рассечённой топором надвое.

Здесь уже приступили к поискам раненых, а около чумов сражение ещё продолжалось. Лишь увидев исход главного боя, четверым из семи, оставшимся в живых кочевникам-завоевателям пришлось сдать на милость победителей. Старики и женщины с детьми наблюдали за сражением издали, не выдавая себя. Когда тяжело раненый Тавк послал Феса, чтобы тот сообщил о возможности возвращения на стоянку, люди поспешили навстречу своим защитникам. Каждый бежал в максимально доступном ему темпе. Спешили оказать помощь тем, кому ещё можно было помочь.

На месте главного сражения племя защитников лишилось восьми охотников. Одному из сражавшихся около чумов оказывать помощь было уже поздно. По закону войны тех времён, оставшиеся на стоянке соплеменники и соплеменницы побеждённых должны были безропотно переходить в племя победителей.

Не удалось спасти Тавка, но он дождался прихода новичков, соплеменников поверженных воинов. После сражения в мир тьмы ушли ещё двое. Среди боевых потерь оказались и Глизо с Ноухом и Туком. После лечения племя пополнилось мужчинами в количестве пальцев на трёх руках. Это превысило людские потери главного сражения. Женщинами и детьми племя пополнилось ещё большим количеством.

Утверждения стариков и предков о преимуществах большого племени подтвердились. Эта победа доказала неспособность ма-

ленького племени противостоять большому. Не беда, что многочисленному племени нужно больше пищи. Но при этом и добычи пищи стало тоже больше. А стада, из которых выбиваются отдельные животные, почти неиссякаемы. Одни проходят куда-то дальше, их место занимают другие. Они могут прокормить любое племя, была бы только трава для тех стад.

XXXI. ТИХИЙ БУНТ

Как когда-то прежний вождь племени готовил для своей замены Гурса, так и он сам готовил Феса стать вождём, если с ним самим что-то случится. В этом сражении удар топора пришёлся по руке около плеча. Пожилая врачевательница Таки и юная Сонх решили, что разрубленная кость и наполовину рассечённые мышечные ткани уже не удастся срастить. Чтобы не пошло заражение организма, руку отняли. Трое суток после операции раненый неоднократно терял сознание.

Юный Фес принял на себя руководство племенем. Этот факт воспринимался, как должное. Но не всеми. Потеря Тука озлобила нелюдимого и молчуна. Вынх и Тах обвиняли Гурса в бездарности, если он не смог сбересть жизни соплеменников и сам оказался на грани между мирами света и тьмы.

– Бездарный вождь мог подготовить не менее бездарную замену, – утверждали братья.

Они не просто отказывались выполнять распоряжения Феса, но требовали неподчинения новоявленному вождю. Тем более что сам Гурс не передавал полномочия. Даже в бессознательном состоянии он оставался вождём. Фес стал бы официальным вождём только в случае его смерти. Только тогда он мог поменять имя – зваться Ресом. Фес считал, что поставить на место взбунтовавшихся соплеменников – это не просто его обязанность как временного вождя, но и личное дело. Потому не стал искать помощи остальных соплеменников.

Вынх и Тах пошли иным путём. Им удалось подговорить нескольких парней выйти из повиновения Феса, поддержать, как им казалось, правое дело. Приближённые Гурса присматривались

к событиям, готовые в любой момент встать на защиту парня, подготовленного вождём руководить большим племенем.

Видели неладное, творящееся в племени, и другие рядовые жители стоянки. Женщины обступили братьев-бунтовщиков с требованием прекратить смуту. К братьям тут же примкнули их сторонники, чтобы показать, что не повинуются Фесу и они тоже, что Тах и Вынх не одиноки. Женщины хотели силой разделить юнцов, оттеснить примкнувших от главных смутьянов. Те, для остротки, вооружились ножами. Благо, что разборки вершились вечером, когда на стоянке собрались все охотники, завершившие обряд похорон своих и чужих воинов.

Отец смутьянов, который звался тоже Фесом, решительно пробился сквозь окружение женщин с полной негодования фразой:

– Ну что, сынки? Кого-то из женщин вы раните только после того, как отправите в мир тьмы меня. В любом племени, большом или малом, должен быть порядок. Без подчинения вождю, даже если он ещё молод, порядка быть не может.

Мать главных смутьянов выкрикивала из-за плеча мужа:

– Если вы не хотите подчиняться Фесу, то кто, по-вашему, должен стать вождём? Не ты ли, Тах? Или, может быть, ты, Вынх? А вы подумали о том, станут ли подчиняться кому-то из вас или вам обоим другие жители стоянки?

– Фес такой же бездарный, как и Гурс. Даже ещё бездарнее. Он не внёс при обсуждении ничего дельного, что способствовало бы беспроигрышному сражению. Это мы втроём указали на проверенный нами способ сражения, исключающий потери. Вынх внёс и другое существенное предложение в тактику сражения. Но и при всём этом Гурс не уберёт людей от гибели.

Раздвинув толпу женщин копьями, Огуп, Ваф и Рогуп встали перед юношами.

– А ну-ка, парни, отойдите в сторонку. Уберите оружие, – уверенным тоном произнёс Ваф, принимавший участие в планировании сражения.

Он копьём подтолкнул группу примкнувших ребят. Те послушно отошли на пару шагов и убрали ножи.

– Нам всем жаль погибших и тех немногих, кто останется ка- леками, если выживут. Скорбим мы и по вашему брату, Туку. Вы же должны понять, что войны без жертв не бывает. Племя, кото- рое пошло на нас войной, потеряло больше половины воинов. Все они были чьими-то братьями, мужьями, отцами. По ним мы тоже скорбим.

– Но то были не наши братья, – пылко возразил Вынх.

– Не ваши, но они могли жить, если бы Корс был предусматри- тельным вождём, не повёл соплеменников на убой. Часть из них могла пополнить наше племя, если бы тот же Корс вовремя сдал- ся. Вот он – точно бездарный вождь. Наш Гурс не пошёл на них войной. Он грамотно организовал оборону стоянки. Пусть и не один, а с нашей общей помощью. В том, что выслушал все мнения и принял решение, проявилась мудрость вождя, а не бездарность. И не только вы участвовали в разработке тактики боя. Фес тоже вносил свои предложения.

– Мы внесли большой вклад, – возразил Тах.

– Каждый из нас внёс посильный вклад и в разработку плана, и в сражении. Любой вклад умалять нельзя, – вмешался в убежде- ние братьев их отец. – Знайте, сынки, что без соблюдения дис- циплины племя погибнет не только в первом же сражении, но и за несколько дней охоты на крупных животных. В любом кон- кретном случае для каждого из нас отводится своё место в строю. А что станет, если все перестанут повиноваться главному из нас? Этим главным стал мой тёзка, Фес. Извольте выполнять его рас- поряжения.

– Молод ещё, пусть наберётся опыта, чтобы быть главным, – снова не сдержался Вынх на поучения отца.

Рогуп продолжил убеждение смутьянов:

– И вы оба ещё не старики. Но беда в том, что вашего жизнен- ного опыта хватило только на создание смуты в нашем племени. Посмотрите, как внимательно смотрят на нас те люди, которые только что влились в наше племя. Для них, как и для всех нас, ваше поведение не просто ненормальное, а какое-то дикое. Хотя у диких животных тоже есть своя иерархия, свои стайные законы. Люди – тоже стая, но, в отличие от звериной, стая разумных существ.

– И любой из нас, каким бы умным и сильным не считал себя, оказавшись изгнанным из стаи, непременно погибнет, если не прибьётся к другой стае, – дополнил слова соплеменника могучий Огуп.

Смутьяны молчали. Они стояли, понуро опустив головы. Не приемлющие смерть брата, парни понимали неопровержимость всего, что говорили соплеменники. Тах незаметно дёрнул Вынха за руку, их взгляды встретились. Они поняли друг друга без слов, а Вынх попросил позвать сюда Феса. Тот прохладными ладонями пытался охладить пышущего жаром вождя. Когда он оказался перед бунтовавшими парнями, Тах твёрдо сказал:

– Забудь, Фес, все наши распри. Соплеменники убедили нас, что мы были неправы. Ни мы и никто другой не будут мешать тебе. Только не забывай прислушиваться к мнению других. Сам-то ты ещё недостаточно опытен.

– Я не сомневался, что вы нормальные парни и преданные племени люди. Уверен, что вас заботит слаженность действий каждого из нас и нормальная жизнь всего племени. Теперь оно пополнилось, а все мы должны стать ещё сплочённее. Вы не дёржите зла на меня, а я не хочу держать его на вас. По рукам, парни?!

– По рукам! – был ответ на слова Феса.

Лишь тогда, когда отношения с соплеменниками нормализовались, дело дошло до общения с людьми, пополнившими племя. Тогда и выяснилось, что новички едва понимают старожилы, а те – новичков. Где-то задержавшееся племя потом при миграции шло быстрее других. Их язык претерпел бóльшие изменения, чем язык людей, осевших на этой стоянке раньше, чем пришлые кочевники.

Это обстоятельство особо не смутило и тех, и других. Новички вскоре освоили язык победителей, и общение стало обыденным. Многие старожилы вскоре стали понимать сказанное кем-то из новичков. Несколько вечеров потребовалось, чтобы понять причину войны. Оказалось, что требование охотников, бегущих за сохатым, не было таким категоричным, как его поняли коренные жители стоянки Эжанцы.

Преследователи сохатого не могли понять слова Тавка. Вернувшись на свою стоянку, они сказали вождю, что повстречались

с недоразвитыми людьми, не умеющими даже говорить по-человечески. Что вместо слов они произносили какие-то рывкающие звуки, которые невозможно понять. Кочевники поспешили утром наказать недочеловеков, не пытаясь выяснить даже их численность.

Той же осенью ещё одно запоздалое кочевое племя вышло на обжитую стоянку. Пожилые женщины-новички, заметив перешёптывания, сказали на языке, хорошо понятном для прибывших кочевников:

– Вам не стоит ввязываться в войну с этим племенем. Оно большое, а люди умеют воевать. Наш бывший вождь потерял почти половину воинов и сам оказался с головой, разрубленной надвое. Будет лучше, если вы пройдёте с миром.

Кочевники, насчитав восемь чумов, сравнив количество с пятью своими, к тому же меньших размеров, чем у этого оседлого племени, согласились с предостережениями. Они решили на пару дней примкнуть к давним жителям стоянки, дожидаясь сбора на ней всего населения, познакомиться ближе. Вместо двух они задержались на пять дней. Люди племён стали друзьями. Выздоровливающий Гурс поведал, что ранней весной и его племя отправится в путешествие за кочующим стадом.

XXXII. НА МОРСКОМ ДНЕ

Даже имея артефакты, свидетельствующие о пребывании племени на стоянке, никто б не смог дать однозначного ответа на вопрос, как долго прожили наши эжанцынцы на приютившем их берегу Алдана. Весной, как намечалось, их оседлая жизнь вновь сменилась кочевой. Более тысячи километров они прошагали по речным долинам. Вслед за стадами, избегающими высокогорий, преодолели отроги Юдомо-Майского нагорья между реками Мая и Улья. Ощутили они и холод близкого ледника на Джугджурском хребте.

Всюду их сопровождало обилие животных, которые, не задерживаясь на одном месте, будто спешили быстрее покинуть холодный участок пути. При дальнейшем продвижении им встре-

чались бурые медведи и тигры. Они приспособлялись к новой, изменившейся местности, следовали за травоядными, не обращая внимания на опасных двуногих противников и конкурентов в добычании пищи. Иногда сильные хищники умерщвляли крупное животное, но и сами становились добычей двуногих.

Возвышенность с её сопками осталась позади, когда эжанцы вышли на равнину. Докуда хватало взгляда, простиралась тундростепь. Лишь редкие и пологие холмики, по высоте превышающие рост человека в десять-двадцать раз, нарушали идиллию абсолютно ровной местности. Вершины этих холмов оказались плавно закруглёнными, не имели острых пиков. Поражало отсутствие гор и сопок во всех направлениях, кроме того, откуда пришли.

Река прорезала себе русло в протаявшей под ней вечной мерзлоте. В месте выхода племени к воде береговая линия Охотского моря во времена ледникового периода отступала от современной примерно на семьдесят километров. Море отступало постепенно, по мере понижения уровня мирового океана.

На стадии похолодания, в ледниковый период, Охотское море покрылось ледяным панцирем, не успевающим растаять даже летом. Тысячелетиями температура становилась всё ниже. Слой льда увеличивался с каждым столетием. В наше время толщина намерзающего за зиму льда немного превышает полтора метра. Летом лёд успевает растаять. Многолетние льды около северного полюса Земли и сегодня достигают двадцати двух метров.

В ледниковый период температура в акватории Охотского моря была не выше, чем ныне на земном полюсе. Льды намерзали на не меньшую толщину, чем ныне полярные. С отступлением моря лёд оставался на берегах, но постепенно вымораживался, оголяя дно. Здесь ситуация сходна с сушкой белья, вывешенного на мороз. Вода быстро превращается в лёд, а он постепенно испаряется, минуя жидкое состояние.

Лёд покрывал поверхность моря огромным по размерам, непроницаемым панцирем, но животным и людям не было дела до этого льда и его толщины. При отсутствии корма, каждому своего, на ледяную твердь не ступала нога животного и человека. Но

в протаивающих летом прибрежных водах водились нерпы, каланы, тюлени, разного рода и размеров рыбы. Не обошлось и без хищника, любителя поохотиться на морских обитателей – белого медведя.

Миллионы или даже миллиарды лет существования морей их дно покрывалось органическими остатками отмирающих организмов. Верхний слой заиливался. Оказавшись сушей, этот плодородный слой заселила тундровая растительность. Благодаря теплу летнего солнца, даже в ту суровую пору, оттаивал верхний слой почвы, а влага поступала в него из оттаивающих слоёв, лежащих ниже. Травы вырастали высокими и сочными, а это привлекало травоядных.

Стада животных, выходящие на побережье при миграции из континентальных районов, либо оттесняли уже обжившихся здесь травоядных, либо сами проходили дальше по прибрежным просторам, продолжая мигрировать. Обилие трав дополнялось кустарником, семена которого птицы занесли с не затапливаемых ранее земель. Кое-где травяную поверхность разнообразили стланики, семена которых тоже занесли птицы.

За рекой, в некотором отдалении от места выхода людей и животных, на почти плоской вершине самого высокого холма виднелась стоянка. Насчитали пять чумов. Сразу вспомнили о друзьях, которые спешили пройти дальше и заселиться куда-нибудь ещё осенью. Количество чумов совпадало с тем, какое было у дружественного племени.

Новые пришельцы с Алдана поселились на побережье весной. Через несколько дней побывали у открытой воды, оценив возможность охоты и рыбалки на новом месте. Фес превратился в Реса и стал вождём племени во время перехода сюда, длиной более тысячи километров. Там однорукий вождь Гурс был убит носорогом во время охоты. Тах и Вынх стали опытными охотниками.

Большинство жителей стоянки на холме ещё помнили предыдущее столкновение с проходящим племенем и то, как оно переросло в межплеменную войну. Уже после полудня со стоянки на высоком холме пришёл пожилой житель, узнать, кто намерен поселиться за рекой от них. Встретив знакомых, успокоился и по-

шёл на свою стоянку. Вечером вождь-старожил сам посетил новосёлов. Он посоветовал не задерживаться на этом берегу, переселиться на один берег с их стоянкой.

Обстановка прояснилась после нескольких фраз. Выяснилось, что ещё осенью, вслед за стадами, прибывающими сюда по берегу, со стороны полуденного солнца, пришло племя каких-то других людей. Меньшие ростом, те люди оказались очень воинственными. Не договорившись во время охоты, племя в ту же ночь пошло войной на «несговорчивых» селян. Вождь Тарк, то же, что Тавк, посетивший сооружаемую стоянку, рассказывал:

– Только отметив, что не умеющие говорить, как они, отлично стреляют и ловко орудуют топорами, вождь прибывших людей властно остановил сражение. Прекратили размахивать топорами и мы, настолько повелительным был тон военачальника. Подозвав одного из нас, он сам вышел вперёд. Из-за разницы языков, с трудом удалось понять, что они могли бы убить всех нас, но и сами потеряли бы почти всех воинов. «Мои люди нужны мне живыми. Живите и вы, а мы пройдем дальше», – сказал он.

– Очень мудрый вождь, – задумчиво произнёс Рес. – Не то что тот, который напал на нас незадолго до вашего прихода на ту стоянку, где мы познакомились.

– Его мудрость была запоздалой. Нас стало на чум меньше. Столько же потеряли и напавшие, – с горечью поведал Тарк.

Но почему-то у вас и теперь пять чумов? – удивляясь спросил Рес.

– Под одним чумом вход в холодильник, который мы едва успели соорудить осенью, разводя костры для копки ямы, – услышал он ответ Тарка.

После того сражения, собирая своих для захоронения, нашли троих тяжело раненных, оставленных врагами. Двое из них выжили. От них мы научились говорить на их тарабарском языке. Это может помочь при встрече.

Рес не обратил внимания на эту фразу. Иначе и люди его племени могли бы научиться тарабарскому языку, как выразился Тарк, ведь очередное кочевое племя других людей могло появиться уже этим летом. Надежды на благоразумие того вождя были ничтож-

но малыми. Заселение на другом берегу было бы безопаснее. Время, затрачиваемое наступающими кочевниками на форсирование реки, можно было использовать для приготовления к сражению. Самим переправиться на тот берег для охоты, не составляло особых хлопот.

– Теперь и нам будет легче, и вы не будете одиноки в случае нападения противника. С нашей стоянки на холме врагов будет видно дальше, они не смогут подойти незамеченными, – уверенно добавил Тарк, прощаясь.

Оборудовав стоянку в стороне от выхода животных на донную тундростепь, люди могли бы снабжать себя пищей до возвращения моря в эти места. Но они не задержались на длительный срок. Что же заставило покинуть привольное для проживания место их и других переселенцев, дошедших до этих просторов?

Места всех древних стоянок теперь находятся на дне Охотского моря. Археологические изыскания следов деятельности людей той поры под слоем воды – просто нереальны. Но отсутствие вещественных доказательств не исключает факт проживания людей каменного века на изобилующей живностью территории.

Не подлежит сомнению обилие и разнообразие животного мира на богатых травами илистых почвах. Жизнь всегда вершилась по законам времени. Это справедливо и для животного, и для растительного мира. Не стали исключением и людские сообщества, живущие по законам, сформированным многими сотнями предшествовавших поколений суровой поры.

Да, в ту пору была и другая волна миграции животных и следующих с ними людей. Шли они с территорий современных Китая и Японии через Приморский край и Сахалин современности. Это были потомки тех денисовцев и кроманьонцев, которые достигли Юго-Восточной Азии южным путём. Пройдя Аравийский полуостров, предки тех людей прошли по побережью Персидского залива, морей и заливов Индийского океана. Дойдя до Тихого океана, одни из них по суше перекочевали в Австралию и нынешнюю Индонезию, другие двинулись на север.

ДНК переселенцев с южного направления присутствует в их потомках, живущих ныне в Бразилии, Уругвае, Панаме. Выдвига-

лась гипотеза, что жители трёх племён Бразилии – это потомки нынешних полинезийцев. Появление тех палеоюжан на американском континенте авторы выдвигаемой гипотезы объяснили преодолением Тихого океана.

Легко сказать: «преодолели». Но реально ли это? Даже в эпохи ледниковых периодов, когда уровень мирового океана был существенно ниже, древние люди как-то могли преодолеть проливы между островами, видимые с их суши. Так они, в лучшем случае, могли заселить Океанию и Гавайские острова. Но от Гаваев до мыса Мендосино, ближайшей материковой точки Северной Америки, три тысячи километров. Как можно плыть в неизведанное за три тысячи километров? Этот вопрос не из разряда риторических.

Даже имея надёжные плоты, надо было знать попутные течения, если они были в нужном направлении. Необходимо было заметить закономерность ветров, дующих в направлении североамериканского материка. Под парусом при постоянном направлении умеренного ветра плыть пришлось бы более месяца. Даже имея твёрдую убеждённость, куда плыть, отважиться в небезопасное путешествие непросто и в наше время. Люди каменного века не страдали безрассудством, чтобы пуститься в дальнейшее плавание неведь куда.

Переселяться должно было не одно племя. Нужно было иметь не один, а много плотов, чтобы на них погрузить людей, запасы воды и пищи. В пути мореплавателей мог застигнуть шторм. Тогда вряд ли кто-то мог бы спастись. Наиболее вероятно переселение южан через берингийский сухопутный мост. Нет, туда пришли не жители Австралии и Океании. Они сами были потомками тех, кто пошёл на юг, предоставив возможность продвижения на север другим сородичам.

Тур Хейердал в 1947 году показал обратную возможность – заселение островов Океании со стороны Южной Америки. На плоту «Кон-Тики» он с группой норвежцев приплыл из Перу на остров Раройя. Это на полпути между Америкой и Австралией. Эти путешественники воспользовались попутным морским течением, с востока на запад. Сомнительно, что в эпоху каменно-

го века тихоокеанские течения были противоположными, чтобы быть попутными для освоения тогда ещё единой Америки, не разделённой Панамским каналом.

Ассимиляция денисовцев южной ветви с кроманьонцами началась позднее, чем у денисовцев Алтая, а доля их ДНК оказалась выше, чем у алтайских. Ни о какой разнице ДНК людей, идущих разными путями, никто не подозревал. Люди просто видели отличия одних от других, а это уже было поводом для взаимного неприятия.

Поиски путей мирного сосуществования осложнялись полным непониманием языка друг друга. Единый праязык выходцев из Африки трансформировался. Каждая ветвь человечества, идущая своим путём, обогащала и по-своему изменяла древнейшую основу языка. Случилось так, что, встретившись на побережье Охотского моря, люди не могли понять друг друга. Непонимание языка – главный повод для восприятия соперников недоразвитыми, обязанными уступить либо исчезнуть с пути и из самого Мира Света.

XXXIII. ПОКОЙ ИМ И НЕ СНИЛСЯ

Как и прошлой осенью, первыми встретились группы охотников сблизившихся племён. Это произошло за рекой от стоянок. Наверное, у путешественников с юга был какой-то другой закон дележа совместного трофея. Или они делились только с себе подобными. Людей, непохожих на них, считали недостойными дележа, недочеловеками. Всё совместно добытое должно было принадлежать только им.

Жителями стоянки на холме, повстречавшими чужаков, были новички местности, прожившие здесь одно лето – люди большого племени. Именно им пришлось вступить в распри с прибывшими. Воины-кочевники что-то выкрикивали, на бегу размахивая луками. Как когда-то при защите стоянки на Алдане, охотники приняли положение лёжа.

Наступающие восприняли это как проявление трусости. Их переполняло отвращение к людям, покорно ожидавшим своей

судьбы. Таких, по мнению бегущих, следовало уничтожать. В занявших оборону полетели стрелы. На свои выстрелы они получили ответный рой стрел. Неудобство стрельбы из положения лёжа компенсировалось неудобством противников попадать в фигуры людей, распластавшихся на земле.

В руках нападавших луки сменялись на копья, когда защищавшиеся сделали по последнему выстрелу и резко встали во весь рост. Бегущие кучей не догадались растянуться в цепочку, а противники, поднявшиеся на ноги, мгновенно окружили их. Теснота мешала орудовать копьями из центра кучи. Окружившие были недосягаемы и для их топоров. Вскоре перешли на топоры все сражающиеся. Замахиваться и крушить было удобнее высоким воинам с местной стоянки, чем их низкорослым противникам.

Оценив обстановку, старший группы пришельцев дал команду на прорыв окружения. Тут же дал команду на бегство с поля боя. Только так можно было уберечь оставшихся воинов от полного истребления. Выпустив в убегающих по несколько стрел, преследовать их не стали. Беглецы оставили не только тех, кто успел уйти в мир тьмы, но и раненых тоже.

Двум защитникам стоянки пришельцы нанесли очень глубокие раны. Опасались, что живыми их не успеют донести до стоянки. Остальные соплеменники отделались более лёгкими ранениями. В мир тьмы ушли семеро из нападавшего племени. Ещё двое не могли идти, но их не оставили умирать, тоже несли на стоянку для оказания лекарской помощи. Переправа на берег со стоянками прошла без приключений.

Вечером Рес встретился с Тарком и заручился его поддержкой в случае нападения. Он сразу выставил три поста на разных участках реки. С единственного поста ночью могли не заметить тайное форсирование реки. Ночное нападение не исключали. Приготовив оружие, кто-то успел уснуть. Вождь ждал сообщение с постов о близком нападении. Не выдержав тягот ожидания, разбудил воинов, чтобы выдвинуться к реке.

Перед выходом заметили гонца, бегущего сообщить срочную весть. Тут же отправили воина на соседнюю стоянку и ринулись навстречу бегущему юноше. Лунная ночь помогла заметить при-

ближающееся войско с расстояния трёх километров. К берегам реки противоборствующие племена прибыли одновременно.

Несмотря на готовящуюся, явно воинственную встречу, штурмующее племя бросилось в холодную воду и пустилось вплавь. Заняв оборону, люди Реса ждали плывущих с луками наизготовку. Нападающих оказалось больше, чем обороняющихся на суше. Как потом выяснилось, два племени кочевали вместе. Сообщая они решили расправиться с недочеловеками, непохожими на них самих.

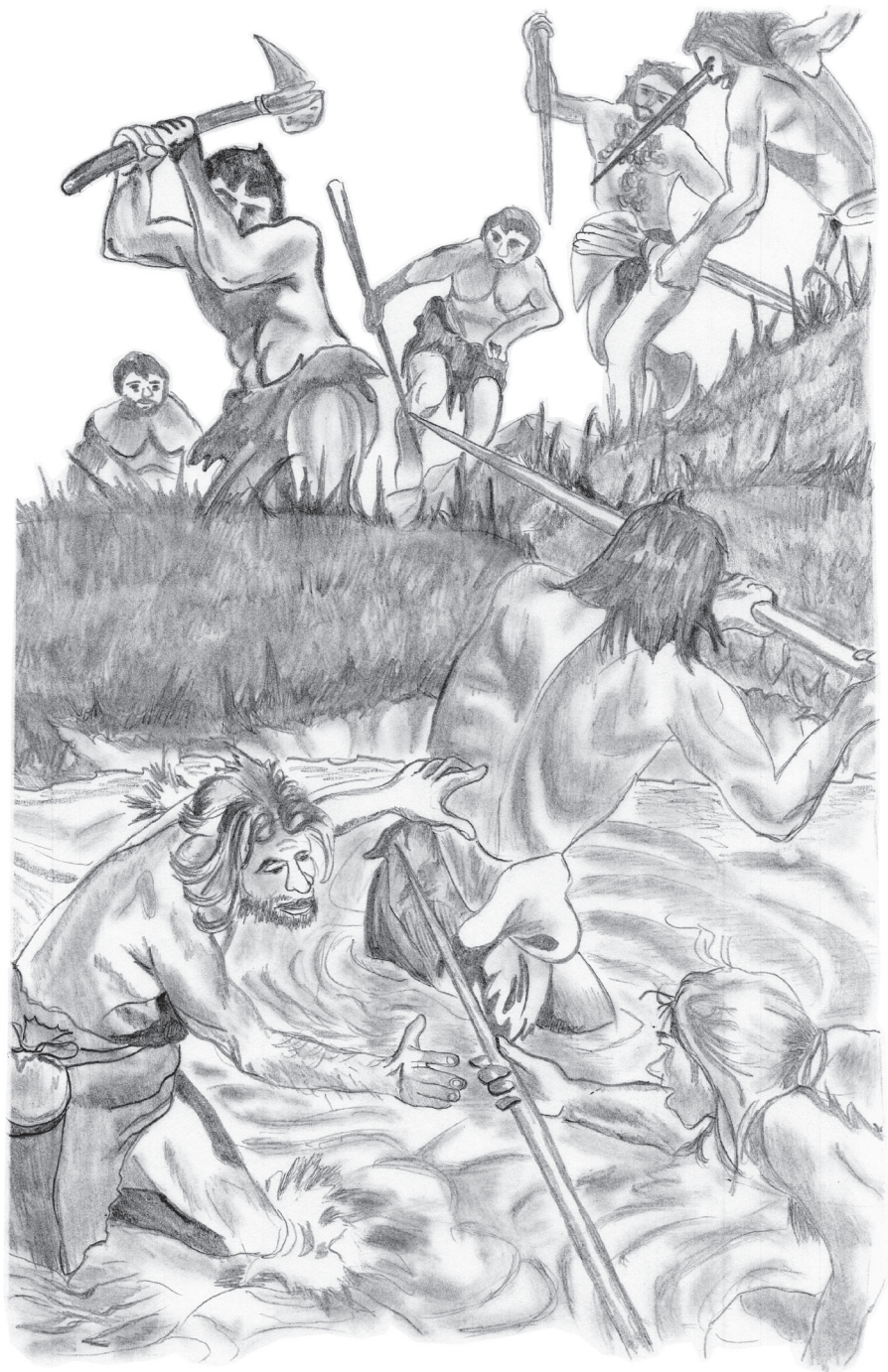
Во время форсирования реки и выхода из неё все плывущие получили разного рода ранения, никому не удалось избежать их. Получившие ранение в голову, быстро шли на дно. Их было немного. Оставшиеся в живых были готовы отомстить за погибших воинов, сражаться за жизнь соплеменников оставленных на стоянке. Огромная толпа, вооружённая копьями и топорами, набросилась на большое племя.

Рес тут же скомандовал встать полукругом в два ряда. В первый встали воины с топорами, а во второй – с копьями. Из второго ряда, через промежутки в первом, без особых усилий поражали тех, кто оказывался рядом с защитниками. И снова рослые стояночники имели преимущество над более низкими противниками.

Копья кололи, топоры со всей силой опускались на головы, плечи и руки противников, нанося глубокие кровоточащие раны. Героически сражались все защитники стоянки, но исключительно эффективно это получалось у братьев Таха и Вынха. Их топоры опускались без промаха даже тогда, когда оба получили по серьёзному ранению.

В пылу сражения никто не заметил, что под прикрытием темноты на поле боя появилось соседнее племя. Тарк настраивался на помощь друзьям только выстрелами из луков. Такая тактика позволяла избежать жертв среди воинов его стана. Но в реальном сражении не всегда всё идёт так, как планировалось. Получив ранения от летящих в спину стрел, часть преодолевших реку воинов развернулась, с топорами напала на прибывших лучников.

Тарку пришлось срочно менять намеченную ранее тактику сражения. Он скомандовал:

– Бей, не жалея злобное отродье! Все бейте! Топорами и копьями, как наши соседи.

Люди Реса стали теснить к реке вражеское войско, заметно поубавившееся около них. Часть людей он отправил на помощь Тарку. Напавшие сзади воины Реса внесли суматоху в ряды кочевников. Кто-то из них стал сражаться ещё отчаяннее, а кто-то стал падать вниз лицом даже без прикосновений к ним. Тарк крикнул на языке понятном пришельцам:

– Бросайте оружие! Мы можем уничтожить всех вас, но вам и нам все будут полезнее живыми.

Один из вождей напавших племён выкрикнул:

– Не верьте ему! Разве вы не знаете, что победители оставляют в живых только женщин и детей! Враги всё равно отправят в мир тьмы всех, кто есть здесь. Но будет лучше, если в мире тьмы окажутся они сами, а не мы. Будьте стойкими!

Успевшие упасть продолжали лежать, а остатки групп кочевников старались сблизиться в единый кулак, чтобы общими усилиями дать достойный отпор. Этого не случилось. Каждая часть разъединившегося войска могла защищаться по отдельности. Только оказавшись оттеснёнными в воду, кто-то из воинов убил своего слишком воинственного и несговорчивого вождя. Второй, оставшийся в живых, вождь нападавших отдал приказ сдаться на милость победителей.

Рес и Тарк отдали приказ освободить место сражения, подобрать своих раненых и ушедших в мир тьмы. Скорбеть пришлось по шести воинам Реса и трём соседям из племени Тарка. Ещё по несколько соплеменников дружественных племён имели очень тяжёлые ранения, кто-то мог выжить, но остаться инвалидом. Победа стоила немалых потерь, но не было мысли мстить и возобновлять кровопролитие, способное принести дополнительные людские жертвы.

После сбора с поля боя соплеменников Тарк сообщил, что побеждённые могут собрать тела своих мёртвых и забрать раненых. Ещё им предлагалось вернуться к оставленным кочевьям и обосноваться там или забрать всех соплеменников и пройти дальше. Что произошло в следующее мгновение, поразило воображение стояночников обоих племён.

Помилованные воины, сами раненые, с копьями прошли среди тел, лежащих на холодной земле. Тех, кто не мог подняться, прокалывали копьями насквозь. По их законам – воин, который не мог послужить родному племени, не должен достаться врагу. Тех, кто оставался без движения, оставляли без смертельной добавки. Живых, воспользовавшихся хитростью, оказалось немного. Они пополнили собой племена победителей.

Уйти на свои кочевья и жить рядом с сильным противником, побеждённым племенам не хотелось. Переправившись, сделали друг другу перевязку. Потом одни воины приступили к постройке плотов из кустарника, другие – отправились забирать с кочевий своих соплеменников и походные вещи. Торопились пройти дальше по пути следования. Боялись, что победители передумают, а противостоять им объединившееся племя уже не сможет.

Пятеро воинов из притворившихся мертвецами лежали не вставая, пока их воинственные соплеменники оставались на этом берегу. Как потом выяснилось, среди них был шаман. Он схитрил первым, хлопнувшись на землю без особой на то причины. Он не умел сражаться, а в завоевательный поход его взяли для воодушевления сражающихся воинов.

– Вот так-то ты воодушевил своих и родственных тебе соплеменников? – зло бросил реплику Тарк. – Такой трус и предатель в моём племени не нужен. Ты, Рес, забереешь его или отправим предателя догонять его соплеменников?

Шаман взмолился, прося не отправлять его к своим, восхваляя и преувеличивая свою значимость для всего племени. Рес оборвал самохвальство шамана словами:

– Это ты там был значимым. Здесь ты бездельник, не умеющий ни воевать, ни охотиться. Можешь, сгодиться только для пополнения потомства, – язвительно произнёс он. Только вот кому нужны такие слабаки и трусы, как ты? И сам же ответил: «Никому, от труса может родиться только трус». И в моём племени ты не нужен. Пльви, догоняй своих.

Упав на колени, шаман обхватил ноги Реса, умоляя не отправлять его на погибель, которая непременно последовала бы за предательством от прежних соплеменников.

– Вот ты и доказал свою значимость там, если боишься смерти от соплеменников, – вступил в диалог Тарк.

Вняв слёзным просьбам, Рес всё-таки взял шамана в своё племя, пообещав научить тонкостям охоты. Но уже на следующий день, когда прежнее племя бывшего шамана перекочевало дальше, в направлении от полуденного солнца, он принялся мастерить бубен. И смастерил. Гордясь собой, вечером устроил «представление» перед новыми соплеменниками.

Подпрыгивая и двигаясь вокруг костра на полусогнутых ногах, он непрерывно бил по бубну, извлекая из него мелодии, монотонные и утомляющие слух. Звуками бубна «чародей» сопровождал свои заунывные гортанные бормотания. Два воина-чужака, попавшие в племя вместе с шаманом, хотели присоединиться к его действиям, но, заметив осуждающий, даже брезгливый взгляд вождя, не решились на совершение ритуального танца.

А шаман продолжал воздавать славу победе и победителям, пока это окончательно не надоело людям, привыкшим смотреть на мир без бубнящих звуков. Всем пора было спать после напряжённого дня. Вождь резким словом оборвал «представление». К ночи были выставлены наблюдательные посты на случай предотвращения нападения врагов. Попытку расквитаться за поражение в этой схватке никто не исключал.

Получив отпор, едва не приведший к истреблению нападавших племён, они торопились унести ноги подальше от губительного для них места и не вернулись. Шаман не мог смириться с утратой властного положения, которое имел в прежнем племени. Там он был не просто главным советчиком вождя, но мог навязывать ему своё мнение, якобы пришедшее свыше при озарении во время вхождения в транс.

Пытаясь изменить мнение о себе в лучшую сторону, он поведал и о способности предвидеть будущее, и о том, что прежний вождь слушал советы провидца. Рес, подумав, спросил:

– Если ты можешь видеть будущее, то почему не сказал своему вождю о вашем поражении? Если ты говорил о безнадежности сражения против нас, то почему он, прислушивающийся к тебе,

не внял твоим предостережениям и пошёл войной? Наверное, он на что-то надеялся, ведя воинов на верную смерть?

– Он был таким же, как ты. Верил только в то, во что хотел верить, – оправдывался шаман.

– Ты заврался, противоречишь себе. То твой вождь слушал тебя и действовал по твоим советам, то не прислушивался и поступал так, как считал нужным, – резко прервал оправдательную воркотню Рес, не желающий верить в байки приспособленца-шамана.

Лишившийся власти и высокого положения шаман пытался войти в доверие вождя ещё и ещё, но и тогда услышал вердикт, неутешительный для себя.

– Быть тебе, как все у нас. Учись охотиться, приноси пользу племени, которое приняло тебя и излечило твои раны. Иначе люди изгонят тебя вместе с твоей побрякушкой, которую ты зовёшь словом йян». Не надейся, Йян, что наши друзья и соседи примут тебя. Бездельники не нужны и им.

Так название инструмента стало прозвищем, заменившим имя. При этом пришлось шаману принять «веру» приютившего племени. Той верой было поклонение человеку труда, готового пожертвовать собой для общего блага. Если потребуется, то отдать жизнь хоть в бою, хоть на охоте. Но и становясь охотником, шаман продолжал вечерами устраивать «представления». Монотонное звучание инструмента и заунывные несвязные бормотания ещё долго продолжали заглушать привычные звуки вечерней стоянки.

XXXIV. НЕБЕСНЫЕ ДЕТИ

Год нападения южных кочевников оказался не таким, как множество предыдущих. Давние предки напомнили о себе передавшимися неандертальскими генами. О самих алтайских неандертальцах стояночники не знали. В их бытность не рождались коротконогие соплеменники. И в этот раз дети появились на свет с ногами и туловищами привычных размеров.

Сначала родилась необычная девочка. Вместо привычно смуглой, кожа на её тельце оказалась необыкновенно светлой. В мо-

мент рождения ночь была лунная, было с чем сравнить новорожденную. Уже при рождении она получила имя Бул, то есть «луна», «светлоликая». На светлом лице девочки, как ягоды чёрной смородины, выделялись темные глазки. Даже при рождении, головку малышки покрывали привычные тёмно-каштановые волосы.

Рождением в племени маленькой луны странности не закончились. Когда землю припорошил первый снег, родился необычный мальчик. Кожа его маленького тельца была так же светла, как у Бул. Однако это не было единственной странностью. Глаза ребёнка излучали цвет ясного весеннего неба, удивляя голубизной каждого.

Но даже это оказалось не главным. Невероятным был цвет волос. Казалось, что в них поселился солнечный свет, отражённый спелыми злаками. Златовласым назвали бы малыша наши современники. Малыш уже при рождении получил имя Ынс, что означало название солнца на языке людей большого племени.

Луна и солнце – Бул и Ынс, рождённые в один год, воспринимались людьми как талисманы, данные племени свыше. Понимание того, что хорошее и плохое даётся людям свыше, своими постоянными напоминаниями новым соплеменникам внушал Йян. Никто особо не доверял домыслам шамана. Однако что-то, из повторяемого им часто, находило место в подсознании поклонников традиций, выработанных поколениями их предков. Рождение необычных детей было воспринято хорошим знаком не только людьми большого племени, но и их соседями, племенем Тарка. Говоря об этих детях, их называли «небесными» мин и мон.

Чтобы не омрачать небеса, Тарк посоветовал Ресу ранней весной сняться со стоянок, продолжить следование за проходящими стадами. Оба вождя теплили надежду, что обжитое ими, к тому же богатое животными, место понравится кочевникам, идущим от полуденного солнца. Следы недавних стоянок непременно будут замечены.

Остановившись, чужие люди отстанут от них. Этим уходом вожди надеялись избежать новой войны, способной вырвать в мир тьмы ещё кого-то из родных им людей. Незначительное пополнение племён кем-то из противников не могло бы восполнить те

потери. Главное, решили вожди, надо сниматься именно ранней весной, пока не придёт в движение вся миграционная цепочка людей и животных.

Не хотелось оставлять место, которое едва успели обжить. Множество озёр, богатых рыбой, позволяло разнообразить питание. Все уже знали, что обилие рыб зависит от глубины водоёмов. Те, глубина которых летом не скрывала взрослого человека, всегда были безрыбными. Догадались и о причине отсутствия рыбы в мелких водоёмах – они за зиму успевали промёрзнуть до дна. Мальки рыбы, если они появлялись за лето, погибали, вмёрзая в лёд.

Однако безопасность людей превыше теряемого комфорта. К тому же, оба племени надеялись на то, что необходимые для жизни условия смогут создавать и по пути следования. Собрав пожитки, необходимые в кочевой жизни, все отправились в дальнейшее путешествие к неизведанному – туда, куда кочуют стада.

В пути, как и около стоянки, встречались окружённые сушией рыбные водоёмы. Стада бизонов, носорогов, мамонтов и оленей чередовались с табунами лошадей, семейными группами сохатых и кабарог. При выходах на побережье моря, прибрежная полоса которого летом освобождалась ото льда, появилась возможность пополнить рацион мясом морских и сопутствующих им животных – тюленей, каланов, белых медведей.

Не составляло большого труда вылавливать в море горбушу, кету. Реже в сетях оказывался осётр. Реки, как и ставшая им родной Улья, прорезали в мерзлоте углубления, образовали дельты с многочисленными островами и протоками между ними. В этих впадающих в море реках вылавливали кету, сёмгу, нельму, омуля, хариуса, ленка и тайменя. Кроме людей, на одних реках «рыбачили» белые медведи, на других – бурые. Случалось и такое, что белый медведь был добытчиком на одном рукаве реки, а его бурый собрат – на другом, противоположном – за островом.

В своей стихии хищные рыбы поедали рыб других пород, меньших, чем они сами. Водные обитатели становились едой для сухопутных хищников, а на них находились другие хищники, уже двуногие. Сильные поедали слабых, разумные – неразумных. Пи-

щевая цепочка не всегда замыкалась на человеке. Случалось, что он сам становился не только жертвой, но и пищей для сильного хищника.

Зоуло, мальчишку в восемь зим, заинтересовал вопрос, почему люди разные. Обратившись к престарелому Тавку, другу погибшего Гурса, он не получил вразумительного ответа. Любознательный подросток подошёл с вопросом к вождю племени. Он полагал, что Рес знает причину различий между людьми.

– Ты подошёл ко мне, чтобы получить ответ? Признаюсь тебе, что даже вождь не может знать ответы на все вопросы. Я не задумывался и не искал ответ на вопрос: «Почему Ынс родился не таким, как Бул, а она сама, хоть и меньше, чем небесный мальчик, тоже отличается от нас». Не знаю я ответ и на другой твой вопрос: «Что заставило чужих кочевников стать такими, как Йян, непохожими на нас». Давай вместе спросим у Сонх. Она встречает малышей, пополняющих Мир Света. Замечу, что твоя любознательность ставит всё более сложные вопросы, на которые очень непросто найти правильный ответ. Может быть, ей известна тайна, скрытая от всех других? Мне это интересно не меньше, чем тебе, Зоуло. Спросим у Сонх, – предложил Рес.

– Если вождь не смог найти ответ, то не знаю его и я. Давайте размышлять вместе. Все мы имеем какие-то внешние отличия, которые делают нас непохожими, разными. Каждая травница, передавая свои знания, говорила об этой непохожести. Врачевательницы говорили не только о нас, снипс. Были ещё люди черс и пливс.

– А какие они? – сорвалось с языка Зоуло.

– Люди черс имели очень тёмную кожу и чёрные вьющиеся волосы. Ростом не отличались от снипс, но их плечи были уже, чем у наших мужчин. Некоторые соплеменники и люди из чужих племён обладают более тёмной кожей и вьющимися волосами. Их предками были люди черс. Про людей пливс могу сказать, что все они были коротконогими. Такие же крепкие, как мы, но за счёт своей «коротконогости» были ниже ростом. Говорят, что их кожа и волосы были светлее наших. И те, и другие люди вливались в наше племя после очередных войн. Племена людей черс часто

встречаются нам. Кто-то из них берёт в жёны наших девушек, отдавая нам своих.

– А где сейчас люди пливс? – снова не удержался от вопроса Зоуло.

– Говорили, что все пливс, кроме влившихся в наше племя, остались где-то далеко-далеко там, где жили наши далёкие предки. Время меняет людей. Среди нас нет похожих на тех коротышек, – поведала Сонх о давней старине.

– А на главный вопрос ты можешь ответить, внести какую-то ясность? – спросил вождь.

– Все новорожденные как-то связаны с матерью и отцом ребёнка, их родителями. Наверное, есть связь и с более далёкими предками. Но, может быть, время делает своё дело, а мы из поколения в поколение становимся немного другими. Нельзя исключать, что наши далёкие потомки будут похожи на малышей, которых мы называем детьми неба, – неуверенно ответила Сонх.

Подумав, добавила:

– Про Йяна и похожих на него ничего не знаю. Может быть, это какие-то другие люди – не снисп, не пливс и не черс. Что-то помешало им стать такими же рослыми, как мы. Что-то изменило и их глаза, сделав узкими и поставленными раскосо. Почему-то их волосы прямые, как у нас, а не вьющиеся, как у черс, хоть и чёрные. Нет у меня объяснения и их необычной форме головы – вытянутой к затылку и немного зауженной, отличающейся от нашей.

Сегодня, имея научные данные, мы знаем, что Йян и люди, идущие тем путём, – это смесь двух южных ветвей переселения: денисовцев и кроманьонцев. Иные, более мягкие и солнечные, чем в Сибири, условия могли оставить след большей смуглости на тех переселенцах. Суровые условия Сибири приводили к смерти слабых от рождения малышей; выживали только выносливые, которые впоследствии становились более рослыми и крепкими, чем южане. Сонх не могла этого знать. Оттого и чувствовалась неопределённость в её ответе на главный вопрос.

Племена-соседи продвигались по широкой равнине. Люди переправлялись через реки, минуя множество неглубоких равнинных озёр, образованных в углублениях таянием снега и стекающими

дождевыми потоками. Они старались не уходить далеко от прибрежной полосы моря, где летом лёд уступал место открытой воде.

За время перехода небесные дети научились ходить, а усвоить язык взрослых успела только Бул. Ещё раньше, при переходе, произошло невероятное событие. Никто, даже престарелые представители обоих племён, никогда в жизни не встречались с подобным явлением. Только поэтому у людей не нашлось объяснения постигшей их невидали.

Был ясный летний безветренный день. Люди пообедали и двинулись дальше. Вдруг со стороны захода солнца налетел несущий прохладу ветерок. Зайчишка, попавший в поле зрения путешественников, с писком метнулся к ближайшему кусту и спрятался под ним. Почуял ли он опасность, надвигающуюся со стороны природы или угрозу со стороны охотников, – сказать трудно.

Необъяснимое чувство тревоги и скованности ощутили все идущие. Не понимая причины беспокойства, племена вдруг остановились и стали озираться по сторонам. Небо без единого облачка быстро потемнело, а небесный купол осветили самые яркие звёзды. Уже немолодой Ыян быстро достал бубен и стал с усердием колотить в него.

Его монотонное гортанное «подвывание» под рвущие душу звуки инструмента не вносило успокоения. Шаман пением общал соплеменникам, что большой небесный змей проглотил солнце. Солнечный мальчик Ынс присел на корточки. Исчезновение солнца им воспринялось как-то угнетающе, хоть и не могло предвещать близость собственной смерти – её смысл и значение малышу было ещё неизвестно. Тревога и неопределённость будущего сковали и обезволили всех рядовых участников перехода.

Бул, словно спасая дорогого друга от угрозы, идущей от какого-то небесного змея, наклонилась над Ынсом. Она, как могла, по-детски страстно, убеждала его, что солнце справится со змеем, что победит оно и нависший сумрак, а ему, Ынсу, не надо бояться. Всё будет так, как бывает каждое утро: тьма уступит место свету. Вождь и рядовые соплеменники не остались безучастными к небесным детям. А солнечный мальчик, как показалось всем, в те мгновения расставался с жизнью.

Шаман неожиданно прекратил свою неистовую пляску и выхватил из-за спины лук. Со словами: «Отдай наше солнце, злое чудовище», – выпустил стрелу в то место, где только что было солнце, а теперь мог быть змей. Никто не заметил, куда именно полетела стрела, но в тот же миг началось возвращение дня. Погасли звёзды, а небо вновь озарило лучистое солнце, даря тепло и ласку всему, что под ним. Маленькая Бул оказалась права во всём, что сказала другу, временно потерявшему самообладание.

Радость тёплым ветерком накрыла всех, только что кажущихся обречёнными. Переполненные восторгом от возвращения солнца дети, взрослые и даже старики, выкрикивая что-то, беспорядочно прыгали, обнимали друг друга. Кто-то поднял Бул и Ынса с корточек. И вот уже солнечный мальчик, как все, радующийся возвращению солнца, тоже прыгает, кричит и обнимает колени каждого попавшегося на пути.

Шаман прыгал и кричал неистовее, чем во время ритуального танца. Но теперь он не просто радовался, а пытался обратить к его персоне хоть чьё-то внимание. Он дёргал возбуждённого соседа за руку или за одежду, повторяя каждому, что это он, Ыян, убил небесного змея и освободил солнце. С той же уверенностью в спасении племён от тьмы шаман дёргал за руку вождя, отходящего от всеобщей эйфории.

– Это я, я убил небесного змея и спас людей от его злых чар. Это моя стрела ранила его, а он не смог удержать во рту солнце, которое не успел проглотить, – гордо сообщил шаман вождю.

Рес хорошо знал, что меткости Ыяну надо ещё учиться и учиться. Потому и не принял всерьёз восторженные заверения, счёл их за обычное хвастовство. Спросив о направлении выстрела и убедившись, что оно должно совпадать с направлением на солнце, вождь послал мальчишек отыскать стрелу шамана. Он сказал детворе, что хочет наградить стрелка его замечательной стрелой.

Услышав о награде, шаман не обратил внимания на тон, которым было сказано об этом. Мальчуганы убежали слишком далеко. Так решил Рес. Он хорошо знал, на какое максимальное расстояние может улететь стрела. Потребовал, чтобы поисковики возвра-

щались, но не так быстро, а искать потребовал более тщательно. И стрелу нашли.

– Узнаёшь свою стрелу? – спросил вождь шамана.

Тот, обрадованный предстоящей наградой, радостно признал стрелу своей.

– Лгун! Ты только что уверял всех, что твоя стрела ранила небесного змея. Значит, она должна быть в его теле, где-то на небе. Но мы, и ты в том числе, все видим её здесь. Эх, бубен ты бубен, в конец заврался, – вот смысл разочарованного обращения вождя к шаману.

При шутивно-торжественном возвращении стрелы хозяину соплеменники превратили «награждаемого» во всеобщее посмешище. Если до этого кто-то ещё прислушивался к доводам бубнящего плясуна, то после разоблачения во лжи он потерял доверие и последних соплеменников. Люди Тарка со дня знакомства не принимали всерьёз ни рассказы, ни «песнопения» под бубен, ни его самого.

Это случилось, когда дружественные племена покинули побережье Охотского моря и шли по долине реки Пенжина.

XXXV. БЕРИНГИЯ

Продвигаясь вдоль берега реки, дружественные племена дошли до владений чужих людей. Надо было быстро определить, как действовать, чтобы пройти с минимальными потерями. Учитывая воинственность невысоких представителей тех племён, о проходе без потерь мечтать не приходилось.

Тарк предлагал попробовать обойти стоянку, приблизившись к леднику. Мощные ледяные панцири покрывали горы с обеих сторон от речной долины. Переправиться на другой берег не было бы проблемой. Но это не гарантировало того, что столкновения при переходе удастся избежать. Если они уже увидели охотников с раскосым разрезом глаз, то и иноплеменники не могли не заметить приближение чужаков.

Оставаться здесь на длительное время, обустроивая стоянку, было небезопасно. За ними могли следовать как земляки, вышед-

шие с Алдана, так и племена чужих людей. Тогда остановившиеся племена могли оказаться между двух огней. Выйти из такого положения победителями, даже с огромными потерями, было бы почти невозможно. На время принятия решения Тарк и Рес отправили за три поворота реки по пять воинов. Их целью было наблюдение за происходящим и оценка сложившейся ситуации.

– Узнать бы о планах врагов. Но этого нам никто не скажет, – сокрушался Рес, отправляя соотечественников в разведку.

В стане южных людей, то есть среди пришедших на берег Охотского моря с южного направления, шли приготовления к встрече вражеского для них племени – там не предполагали о подходе двух племён. Стояночники решили не ждать, когда враги подойдут к их селению, а пойти навстречу переселенцам, напасть неожиданно. Вождём племени чужих людей оказался одноглазый Рсиу. Он лишился глаза в поединке на морском побережье два года назад. Рсиу послал в разведку трёх воинов, чтобы те предупредили его в случае приближения врагов.

Группа Тарка и Реса прибыла на место наблюдения раньше. Увидев вражеских разведчиков, старались предугадать место прохода мимо наблюдательного пункта. Байс напомнил друзьям о желании вождя знать планы врагов. Предложил воспользоваться численным преимуществом, оставив одного вражеского разведчика в живых и доставив его вождю.

Из засады успели выпустить по две стрелы, пока вражеские разведчики сообразили обратиться в бегство. Путь домой им был отрезан. Пришлось бежать в направлении стоянки путешественников. Выпустив вдогонку, в спины убегающих, по несколько стрел, заметили, что двое, один за другим, упали. С ними бесцеремонно и безжалостно расправились. Двое продолжили преследование убегающего, а остальные вернулись на наблюдательный пункт.

Предусмотрев неожиданный исход намеченной встречи, Рсиу направил вдогонку ещё четверых разведчиков. Участники погони лишь успели возвратиться к месту засады, когда заметили приближение подкрепления врагам. Многократно раненный, вражеский беглец упал. Байс, оседлав его, приставил нож к горлу со словами:

– Не вздумай кричать. Иначе тут же пополнишь собой мир тьмы. Говори, когда и где ваши губители собираются напасть на нас.

Услышав, что нападут ночью на спящих, оставил пленника, связав ноги и руки пучками высокой и гибкой травы. Сам побежал на помощь друзьям. Келт прекратил преследование сразу после падения убегающего, пополнил ряды соплеменников, окруживших вражескую четвёрку. Байс крикнул, что тайна о нападении известна и можно не жалеть врагов. Так с ними и поступили.

Друзья отправили неутомимого Бина на стоянку, сообщить о времени и месте нападения. Двое других разведчиков, получивших незначительные ранения, развязали пленного, повели его к вождям. Пленённый противник мог сказать ещё что-то важное. Солнце подходило к горизонту. До ночи оставалось совсем немного. Оставшаяся семёрка воинов продолжила наблюдение.

Уже стемнело, когда к наблюдательному пункту подошли воины дружественных племён. Оказалось, что Тарк и Рес узнали от пленника не только имя вражеского вождя, но и о том, что он одноглазый. Им не стоило труда выяснить, как давно тот получил увечье. Тарк пояснил Ресу, что вождём там стал воин, которого ранил Тарк в том осеннем сражении на побережье моря.

Вражеское войско не смогло дожидаться вестей от разведчиков. Соблюдая осторожность, воины перебежками крались от куста к кусту. Кусты скрывали и воинов, затаившихся в засаде. Не давая враждующим племенам сблизиться на расстояние полёта стрелы, Тарк громно крикнул на языке, понятном чужакам:

– Рсиу, пожалей своих воинов. Я тот Тарк, который не только лишил тебя глаза, но и предоставил возможность пройти вашему племени без потерь, ненужных ни вам, ни нам! Сейчас со мной не одно, а два племени. Мы сильнее и, несомненно, сможем уничтожить всех вас! Но ты можешь поступить разумно, сохранив жизни своим людям.

– Как я узнаю, что ты говоришь правду? – спросил одноглазый.

– Отправь в наше племя двоих или троих воинов, чтобы они могли убедиться в нашей большей численности. Мы не тронем их, и твои люди убедятся в правоте моих слов!

Вернувшиеся в своё племя воины-чужаки заверили одноглазого вождя в правдивости слов Тарка. Рсиу, не приближаясь к врагам, сообщил, что не может считать пришельцев своими друзьями, но желает сохранить своих людей. Чужаки должны пройти без военных действий, не причинив никому зла. После короткой паузы добавил, что противники могут продолжать свой путь. Его воины будут пристально следить за передвижением, не доверяя действиям противника. Предупредил о том, что его воины всегда готовы вершить возмездие за причинённое зло.

Тарк заверил, что люди обоих племён пройдут мимо стоянки мирно. Потребовал, чтобы Рсиу начал передвижение первым или отправил кого-то из своих вперёд. Надо было предупредить стоянщиков, чтобы не испугались, увидев чужаков, проходящих мимо. Благоразумия Рсиу хватило, чтобы выполнить это требование во избежание возможного сопротивления и обоюдных людских потерь.

Когда проходили мимо стоянки, людей никто не заметил. Они будто вымерли. Одни покинули обжитые чумы и спрятались за кустами, другие притворились спящими на пике опустившейся ночи. Ни звука, ни шороха, ни заметного движения в самих чумах и около них. Даже не хотелось нарушать такую тишину, будто в чумах были свои люди, а пришли запоздалые охотники, их родственники.

Только утром, отойдя за несколько речных поворотов, кочевники решили сделать передышку и порадовались бескровному для своих племён проходу мимо враждебного племени. Враги потеряли семерых молодых воинов, но сохранили остальных людей: охотников, детей, старцев и детородных женщин.

Люс, поведавший тайны своего племени, попросил не отдавать его обратно. Он сообщил о готовности быть частью большого племени, узнав, что там есть шаман, хоть и не соплеменник, но свой человек. Возвращению в своё племя паренёк предпочёл бы смерть. Пожелал остаться в этом племени и Иян. Пришедшего из чужого, недружественного племени, его могли счесть предателем, несмотря даже на способность общаться с духами.

Стада животных шли так, будто чувствовали дорогу, натоптанную кем-то, проходившим до них. Шли уверенно, словно к наме-

ченной цели. Избегая перехода через высокие горы, прошли по возвышенности между ледниками Алданского и Корякского нагорий, вышли в долину реки Майн, а по ней – на Анадырь.

И стада, и люди старались не задерживаться между ледниками, днём испускающими в летнюю долину прохладу, а ночью – холод. В проходе между ледниками животных подстерегали новые опасные хищники – снежные барсы. Они приспособились жить вблизи ледников, несмотря даже на летнюю прохладу. Самых крупных животных хитрые охотники избегали. Нападали на кабаргу, северного оленя, самку марала, но чаще молниеносно расправлялись с чьим-то детёнышем, если тот отходил от матери на расстояние в несколько шагов.

Прохлада, узость межледникового прохода, многочисленность стад и табунов, ранее прошедших по нему, лишали животных кормового изобилия. Именно сочетание этих обстоятельств заставило всех особо не задерживаться в межледниковом проходе. Так же быстро, выбирая удобное и безопасное место для ночёвок, шли и люди.

Более двух тысяч километров от устья Ульи до устья Анадыря племени прошли за один тёплый сезон – с ранней весны до поздней осени. Их подгоняло ещё и нежелание оказаться настигнутыми воинственными племенами, стремление избежать людских потерь в военном столкновении. Но удача сопутствовала воинам – с одним враждебным племенем удалось разойтись мирно, а с другим не повстречаться.

Как и предыдущие реки, здесь водный поток тысячелетиями прорезал русла в мерзлоте, возникшей при отступлении моря. Там, где теперь Анадырский лиман, и под водами части одноимённого залива в те времена была обширная и протяжённая дельта.

Сначала немногочисленные протоки на дне современного лимана несли воды реки на восток. Выйдя с территории лимана и оказавшись в современном заливе, дельта сменила восточное на южное направление. Водные потоки обходили невысокие пологие холмы, образуя острова. При движении вод к югу число проток и островов между ними увеличивалось. Речные рукава то сходи-

лись, то снова делились каждый на несколько протоков. Такой ландшафт растянулся далеко на юг, достигая в длину более трёхсот километров, а в ширину – около пятидесяти.

Зимой и летом стада без труда преодолевали протоки, паслись на островах. Обилие корма и влаги позволяло животным замедлить миграцию. Теперь отпала нужда спешить куда-то. Стада паслись и между многочисленными небольшими озёрами. Огромная территория Берингии изобиловала травоядными. Казалось, что все мигрирующие ранее животные спешили обжить именно эту огромную, богатую травами территорию, и не торопились покидать её.

Да, люди двух дружественных племён стали жителями Берингии. Здесь племена могли чувствовать себя в большей безопасности, чем при продвижении по узкому проходу речных долин. Друзья из племён Реса и Тарка сначала продолжали селиться по соседству, но вскоре разошлись – пошли своими путями-дорогами. Люди большого племени старались не уходить далеко от кромки моря, теперь уже не Охотского, а Берингова.

Как и прежде, здесь мясной рацион можно было разнообразить и пополнять рыбой и мясом морских хищников. Высокие сочные травы, растущие на плодородной почве бывшего морского дна, были не только кормом для травоядных. Многие их разновидности оказались съедобными и полезными для людей. У одних растений в пищу шли корни, у других – стебли, а у третьих – соцветия и семена.

Здесь племя Реса впервые повстречалось со стадами овцебыков. Эти животные покинули Таймыр при зарождении ледника тридцать шесть тысяч лет назад. По суше, оставленной отступающими тогда морями, они прошли по северу евразийского материка, оказались сначала в северной части Берингии. На просторы охотничьих угодий наших знакомых стада овцебыков прошли по узкой части равнинной Берингии, между Азией и Америкой. Летом в тех местах их становилось меньше – уходили в более северные широты. Зимой, когда за полярным кругом наступала продолжительная ночь, животные перекочёвывали в южные районы равнинной Берингии.

Люди видели, как организованно эти животные защищаются от хищников. Их острое обоняние предупреждало о близости опасности, давало возможность принять меры для надёжной защиты потомства. Встав в круг, внутри которого скучивалась неспособная защищаться молодь, овцебыки умело противостояли нападающим. Своим оружием, рогами внушительных размеров, одинаково умело пользовались и самцы, и самки. Если волчья осада затягивалась, несколько самцов стремительно выдвигались вперёд, разгоняя стаю. Поднять хищника на рога удавалось редко, но это ещё и потому, что волки знали остроту оружия неторопливых мохнатых его обладателей.

Наверное, люди для овцебыков не представляли столь явной опасности, как волки. Врождённый инстинкт самосохранения при встрече с человеком к тому времени у этих животных ещё не выработался. Поэтому к появлению людей вблизи стада овцебыки относились миролюбиво. Лишь когда кого-то из мирно пасущихся особей настигали копыта и стрелы, стадо извергало рёв и обращалось в бегство. Более трёхсот килограммов мяса шло в пищу или пополняло запасы морозильника в тот же день.

Время шло. Ни у кого не было нужды пытаться остановить или замедлить его ход. Большое племя жило относительно спокойной безбедной жизнью. Небесные дети стали мужем и женой. Рес успел подготовить себе замену – любознательного Зоуло, превратившегося в Зоуро. Везде, где селилось большое племя, жители стоянки по-прежнему считали Бул и Ынса своими общими, приносящими удачу талисманами. Нечастая сменяемость пастбищных территорий стадных животных позволила племени жить оседло, не перенося стоянку длительное время. На одном месте могли жить два-три поколения.

Успевший состариться Йян давно хотел вознести необычную парочку небесных детей до положения божеств, которых людям послало небо. Но ещё Рес, еле терпящий шаманские выходки Йяна, запретил ему и его духам даже приближаться к небесным детям. Особо не веря в это, прежний вождь всё-таки опасался, что от шамана может идти зло, которое способно настичь любого из соплеменников. Нарушить запрет вождя шаман не мог, опасаясь изгнания из племени. Ситуация не изменилась и при Зоуро, новом вожде.

Кто-то по-прежнему полагал, что, благодаря только им, талисманам удачи, племени посчастливилось пройти мимо воинственных чужаков без жертв. Другие не сомневались в том, что талисманы своим присутствием в племени обеспечивают изобилие и разнообразие пищи. Третьи были убеждены, что рождению здоровых малышей все соплеменники обязаны тоже их живым талисманам.

К сожалению, жизнь берёт своё. Время от времени она не просто тихо берёт, а забирает кого-то неожиданно. Во время охоты

на зубра племя лишилось опытного и знающего, но изрядно состарившегося бывшего вождя. В ту пору былая изворотливость покинула охотника. Рассвирепевшее раненое создание дикой природы в мгновение ока насадило Реса на рог, пропоров тело человека насквозь. Пройдя между рёбер, повредив внутренние органы, оружие животного тут же избавилось от ненужной ноши. Всего лишь, мотнув головой, зубр отбросил Реса в сторону, чтобы продолжить собственную защиту от неотступных двуногих существ, продолжающих причинять ему боль. Это случилось накануне рождения продолжателя или продолжательницы рода Ынса и Бул.

Пришёл тот час, когда племя пополнилось дочкой небесных детей. Девочка унаследовала от матери и отца цвет кожи. От отца ей достались небесной голубизны глаза, а от матери – тёмно-каштановые волосы. Вот так поиграла природа, создавая свой очередной шедевр – необычного маленького человечка. Малышку при рождении нарекли именем Поур, что означало «необычная». Так же давным-давно звался мальчик, первый сын Зоуро и Куку, живших ещё на Алтае. Но берингийцы, конечно же, не могли знать об этом.

И эту малышку стали выделять среди других детей, пока ещё мон и мин. На особом положении отношения взрослых малыша Поур оказалась именно по причине своей необычности. Девочка стала ещё одним живым талисманом. Ожидали, что и она будет приносить племени удачу в повседневной жизни. Время показало, что люди не ошиблись. Племя без проблем добывало пищу, дети рождались здоровыми, а вырастали крепкими даже тогда, когда не стало ни Бул, ни Ынса.

Пик ледникового периода миновал шесть тысячелетий до прихода на равнинные земли Берингии племени Реса, а позже – Зоуро. Климат постепенно менялся в сторону потепления. Медленно отступали ледники, не только покрывающие северные территории Евразии, Северной Америки и Гренландии, но и те, которые толстым панцирем покрывали горы. От таяния горных ледников реки становились полноводнее. Уменьшение ледников севера и Антарктиды вносило основной вклад в медленное повышение уровня мирового океана.

Никуда не спеша, наступало на берега и Берингово море. Если бы люди жили на одном месте, не меняли места стоянок, то через три-пять поколений они заметили бы, как наступает море, забирая у них сушу. Но неторопливые перемещения животных заставляли следовать за удаляющейся пищей, вести кочевой образ жизни.

Оказалось, что кроме незначительных сезонных миграций в направлении север-юг и обратно, существует медленное продвижение стад к восходу солнца. При этом часть животных уходила в долину реки Юкон, на территорию современного штата Аляски. Другая часть копытных, хищников, а вместе с ними и людей уходила за современный полуостров Аляска, к побережью североамериканского материка.

XXXVI. ГДЕ ЖЕ ВЫ В АМЕРИКЕ

За два тысячелетия большое племя достигло тихоокеанского побережья Северной Америки. Случилось это семнадцать тысяч лет назад. На стороне восхода солнца, за неширокой полосой богатой травами суши, не успевшей исчезнуть под водами надвигающегося океана, отдавал прохладу горный ледник Кордильеры. Его языки по долинам сползали почти до подножия гор.

Ещё на возвышенности между Пенжиной и Майном, уходя к любому из двух ледников, охотники встречали стада диких баранов. В Берингии их не видели, но у подножия Кордильер бараны вновь объявились. Наверное, они появились и расселились в этих местах очень давно, облюбовав узкий промежуток между горами Евразии и Северной Америки. Обилие корма, какие-то особые природные условия привели к заметному изменению вида – они стали крупнее тех, которые встречались на евразийском материке. Но эта правда была неизвестна всем потомкам евразийцев, людям большого племени в том числе.

Некоторые из добытых охотниками самцов оказались почти вдвое тяжелее крупного мужчины племени. Но и при таких размерах животные не стали менее проворными, изворотливыми и быстрыми, чем их сородичи за Берингией. Они так же успешно передвигались по скалам, не скрытым панцирем ледника.

Создавалось впечатление, что эти животные не участвуют в миграции, как травоядные других видов. Они давно облюбовали эти склоны подножий гор, непривлекательных для равнинных животных. При проходе людей по побережью стали заметны изменения в видовом разнообразии мигрирующих животных. Где-то там, в Берингии, остались шерстистые носороги, мамонты, зубры и овцебыки. Всё реже стали встречаться белые медведи, а бурые – чаще.

Часть крупных травоядных уходила в долину Юкона. Другая часть продолжала кочевать по Берингии. Море наступало, сокращая равнинные просторы. Перешеек между Азией и Америкой сужался. Десять-одиннадцать тысяч лет назад он и вовсе исчез. Часть животных, оказавшись изолированной от материковой суши, осталась на островах. Останки последних мамонтов найдены на острове Врангеля, омываемого Чукотским морем и на Алеутских островах, замыкающих собой Берингово море. В пору оледенения суши эти острова были частью Берингии.

Остальные животные, потеряв возможность мигрировать по равнинным просторам с одного материка на другой, отступали от моря: одни на Чукотку, другие – в долину Юкона. Там, на северо-западной оконечности американской суши, они оказались изолированы от остального мира.

Около тридцати тысячелетий назад Лаврентийский ледник, надвигающийся с Гренландии, дошёл до горного Кордильерского, ледника. Тогда-то прервалась возможность миграции животных и людей с северных широт в более умеренные, средние широты. Люди, успевшие пройти до той поры, обустроивали свой быт южнее ледника, захватившего территорию Великих озёр Северной Америки, называемых так же Лаврентийскими озёрами.

Проход между ледниками, называемый коридором Маккензи, открылся лишь четырнадцать с половиной тысячелетий назад. За пятнадцать тысячелетий изоляции природа превратила степных зубров в североамериканских бизонов. Наверное, какие-то изменения не миновали и травоядных других видов. С открытием прохода часть травоядных и хищников, а с ними и часть людей устремилась на юг.

Трудно сказать, встретили ли они потомков тех племён, которые обосновались южнее ледника до закрытия коридора. Часть «доледниковых» людей расселилась в более южные районы. Изменение климата привело к вымиранию некоторых видов ледниковых растений, являющихся кормом для травоядных. Вымерли гиганты ледниковой фауны, покинувшие тундростепи севера. Там, на засушливых просторах умеренных широт, прибрежные жители переквалифицировались из охотников в рыболовов, а люди континентальных племён превратились в собирателей и охотников на небольших животных.

Не зная о существовании континентальных племён, другие люди уже тогда, тридцать тысячелетий назад, до закрытия коридора Маккензи, шли по берегу Тихого океана, по другой стороне от непреодолимой тогда преграды – ледника Кордильер. Шли они не какой-нибудь волной, а с промежутками. Одних мигрирующие животные выводили на материковое побережье раньше, других – спустя десятилетия, столетия и даже тысячелетия.

На пути следования к полуденному солнцу как-то незаметно исчезли из поля зрения северные олени и маралы. Продолжали встречаться табуны лошадей, семейки лосей и кабарог. Мигрирующие травоядные животные, сопровождаемые хищниками, морские обитатели, рыбы морей и рек, а к ним и растительная добавка обеспечивали полноценный рацион питания племени в любое время года.

Доходя до полноводных рек и некоторых малых речек, племена обнаруживали стоянки тех, кто прошёл раньше их. Проследить моменты пребывания людей в конкретных местностях, обнаружить их стоянки ныне невозможно уже потому, что миграция животных и людей проходила по узкой равнинной полосе, позднее, при потеплении, затопленной океаном.

Постепенно все потомки азиатов осваивали всё более южные территории прибрежной полосы. Солнце более южных широт растапливало лёд быстрее, чем в северных. Дойдя при максимуме до гор Сьерра-Невада, Кордильерский ледник медленно уступал свои позиции. Семнадцать тысяч лет назад южнее реки Колумбия подо льдом оставались только некоторые из горных вершин. Часть из них можно было увидеть с прибрежной полосы.

Лишь кое-где, недалеко от материкового побережья, ныне видны небольшие клочки суши – острова. На острове Санта-Роса, северо-западнее полуострова Калифорния, есть следы непродолжительной стоянки. Но это не означает, что на ней побывали не какие-то древние кочевники, а именно знакомые нам переселенцы родом с Алтая.

После прохода узкой полосы калифорнийского залива смена времён года становилась всё менее ощутимой. Люди пересекли северный тропик. Нет, им не пришлось прорубаться сквозь тропические джунгли, как кому-то из современных путешественников. Но и тогда растительность тех мест значительно отличалась от берингийской. Впрочем, потомки тех жителей прибрежной равнины, прошедшие тропик, не имели представления ни о самой Берингии, ни о растительном и животном мире в отдалённую от них пору.

Гораздо реже, чем на территории Азии и в Берингии, происходили встречи племён. На просторах межматериковой равнины

изобилие промысловых животных способствовало мирному существованию даже непохожих людей. Этот мирный, а не воинственный настрой несли с собой все потомки берингийцев. Как и их мирные предки, встречаясь, люди разных племён обменивались невестами.

Древняя составляющая ДНК денисовцев Алтая продолжала претерпевать изменения от добавления ДНК не только кроманьонцев южной и сибирской ветвей расселения, но и денисовской ДНК южан. Жаль, что те мигранты продвигались по прибрежным землям, которые давно скрыты толщей океанских вод. Узнать долю ДНК людей каждой ветви в переселенцах той поры вряд ли удастся когда-нибудь.

Дойдя до Панамского перешейка, стада мигрирующих животных и люди могли перейти на атлантическое побережье Южной Америки. Вероятно, этого не случилось. Миграции продолжились по западному побережью. Шестнадцать тысяч километров, отделяющие берингийскую Аляску от Перу, людьми преодолены.

На севере Перу найдено курганное поселение Уака Приета. Люди заселили его пятнадцать тысяч лет назад. К этому времени описываемое племя вполне могло дойти до этих мест. Двигаясь равномерно, было бы достаточно смещаться вдоль побережья на семь-восемь километров в год. Но культурные остатки жизнедеятельности той поры говорят о том, что стоянка была заселена другими людьми. Кроме рыболовства едва ли что могло бы связывать наших переселенцев со стояночниками Уака Приеты.

Другая стоянка, освоенная людьми на тысячу лет раньше, чем в Перу, находится в средней части южного Чили. Это Монте-Верде. Хоть она в пятидесяти восьми километрах от Тихого океана, люди той стоянки занимались рыбной ловлей и сбором съедобных растений. Почти полное отсутствие каменного инвентаря указывает на то, что охота не была основным занятием жителей Монте-Верди. А это не вписывается в привычный быт потомков берингийских переселенцев.

Непонятна причина, которая заставила племя покинуть побережье. Проходя по нему, оставляя следы, которые позже ушли под воду, племя будто растворилось. Не исключено, что что-то застави-

ло людей перейти через Анды. Учитывая, что Патагонский ледниковый щит в эпоху максимума оледенения доходил лишь до центрального Чили, пятнадцать тысяч лет назад он мог оставаться только на юге Анд. Свободные ото льда горы можно было преодолеть.

Люди с большой долей денисовской ДНК в давние времена жили на побережье Атлантического океана. Их захоронения обнаружены в Уругвае и Панаме. Не являлись ли хозяева тех ископаемых останков потомками тех, чья кровь сохранила гены алтайских и южных денисовцев, алтайских неандертальцев и кроманьонцев, разбавивших её своей ДНК?

Ничего определённого и однозначного нет даже в том, что у жителей Океании, вероятнее всего потомков южноамериканцев, доля денисовской ДНК тоже велика. До сей поры нет единого мнения и в вопросе о первых американцах. Большинство учёных, признавая факт заселения Америк через Берингию, расходятся во времени прихода на континент.

До недавних пор первыми переселенцами с Берингии считали людей культуры Кловис. Стоянки племён этой культуры обнаружены южнее южной границы ледникового щита, а заселение на них датируется в тринадцать с половиной тысяч лет назад. Но в это время пройти по леднику люди не могли. Отсутствие корма исключает миграцию по льду животных, а это обрекло бы людей на голодную смерть при длительном переходе.

Обосновавшись на этих землях, люди не оставили следов на пути следования. Как оказались там? Прошли до закрытия коридора Маккензи, тридцать тысяч лет назад? Но тогда почему не обнаружено их стоянок более ранней поры немного севернее? И это не единственные вопросы по дате заселения Америк.

В мексиканской пещере Чикиуите люди обосновались тридцать три тысячи лет назад, а на территории штата Техас жили люди, которые питались мамонтом тридцать семь тысячелетий назад. Оба этих факта говорят о более раннем появлении азиатов на территории Северной Америки. Последняя дата с трудом увязывается с появлением сухопутного прохода по Берингии. Тридцать семь тысяч лет назад его ещё не могло быть. К тому же необходимо время для перехода от Берингии до Техаса.

Учитывая то, что на месте обнаружения побывавших в огне костей мамонта не найдено каменных наконечников, а повреждения на костях имеют следы орудий из кости, хочется отыскать ответы на вновь и вновь возникающие вопросы. Что представляли собой эти люди? В чём проявлялась степень особенности, учитывая их принадлежность к ветвям человека разумного? Когда они пришли в Америку?

Эти же вопросы возникают при знакомстве с ещё более древней стоянкой Сан-Диего в Калифорнии. Применяемые методы датировки дают стоянке возраст сто двадцать-сто сорок тысяч лет. Эти люди могли попасть в Америку во времена предшествующего Лаврентийскому ледникового периода. Тогда, сто сорок-сто пятьдесят тысячелетий назад, существовала Берингия той, ещё более отдалённой от нас, поры. Только по суше люди могли заселиться на стоянку Сан-Диего. Но кто они?

Кроманьонцы первой волны известны только в Европе, а появились там лишь сто двадцать-сто тридцать тысяч лет назад. Если не они, то кто? Эректусы? Денисовцы? Отсутствие каменных орудий наводит на мысль в пользу эректусов. На костях мастодонта остались следы человеческой деятельности – их дробили камнями для доступа к костному мозгу.

Камни есть, но они не обработаны. Нет и отщепов от них для обработки шкур, резания мяса на куски и для другой деятельности. Денисовцы Алтая изготавливали каменные орудиями и пользовались ими уже двести тысяч лет назад. Преодолеть расстояние за десятки тысячелетий потомки тех алтайцев могли бы, но растерять все наработанные поколениями навыки потомки денисовцев точно не могли.

Относительная ясность по некоторым вопросам предыстории людей оставляет без ответа главный вопрос: «Где же, где вы, мои американские денисовцы?»

Словарь имён и терминов

Байс – закалённый.

Бахро – вождь племени, которого Зоуло знал первым.

Бин – неустоящий.

Бирк – беркут.

Бол – завистливый.

Бон – огонь, горячий, горячо.

Бул – светлоликая, луна.

Булут – крепыш.

Валто – убедительный и убеждённый, на всё имеющий своё мнение.

Васку – проситель.

Ваф – степной зубр.

Вито – очаровательная.

Вынх – молчун.

Гевол – воин.

Гизо – осмотрительный.

Гурс – бдительный.

Дуто – сильный.

Зикс – тихий.

Зия – заботливая.

Зоуло – любознательный, почемучка.

Иах – кричащий «иа» – осёл.

Йян – бубен, прозвище шамана, ставшее именем.

Кайк – летающий, птица.

Келт – вечно несогласный с любым и каждым.

Клус – быстроногий.

Колс – зоркий; на тридцать две зимы старше Зоуло.

Корс – не прощающий обид.

Кочей – сохатый, лось.

Кунз – горечь, желчь.

Кукто – жестокий, тигр.

Куно – женщина, возрастом на двадцать три зимы старше Зоуло.

Куро – вождь пливс-отшельников; прежде он Куво – организатор.

Ласи – счастливая.

Ласх – лошадь.

Леко – толстяк.

Липо – преданный.

Лоу – говорунья.

Лута – правдивая.

Лух – лук.

Мин – девочка.

Молх – вредный, вредина.

Мон – мальчик.

Моти – простак.

Мяу – снежный барс.

Нан – враг.

Ноух – добрый.

Огуп – большой шерстистый носорог.

Пвус – здоровяк.

Пиу – заяц.

Пливс – название неандертальцев ими самими и денисовцами.

Пнихо – страшный, страшило.

Поур – необычный.

Пун – холод.

Пунх – мерзлявый.

Рела – стрела.

Рес (Фес) – рассудительный.

Рехло – вспыльчивый.

Рогуп – большой и сильный – мамонт.

Рыр – медведь.

Саво – хитрец, лис.

Саот – рыба.

Свуно – ловкий; **Свуро** – второй в жизни Зоуло вождь и его отец.

Сирт – решительный.

Ситих – снег, лёд.

Ситх – вода, река, водоём.

Сия – красавица.

Слос – малыш, слабак.

Слуф – пырей, высокая трава.

Снипс – самоназвание денисовцев.

Сонх – травница.

Сот – чрезмерно говорливый, болтун.

Стиф – снегоступы.

Сулух – злой, злыдень, волк.

Суот – сачок, бредень.

Сыфт – засоня.

Тавк – неугомонный.

Таки – повитуха, помогающая роженицам.

Тах – нелюдимый.

Тук – угрюмый.

Туно – бесшабашный, безбашенный.

Хлут – игривая.

Чакт – весёлый.

Черс – грязный, чёрный; название кроманьонцев людьми пливс и снипс.

Чонх – хмурый.

Чуф – хромой, шатающийся, шатун.

Ынс – солнце, солнечный ребёнок.

Содержание

Том первый. Зоуро – homo denisovensis

Предисловие	3
I. Отчий дом	5
II. Пещерный учитель	9
III. Приключения начинаются	15
IV. Жизнь за жизнь	19
V. Подопытные	26
VI. Важные открытия	30
VII. Там, за горой	36
VIII. Схватка «титанов»	39
IX. И снова осада	44
X. Первые люди	50
XI. Бурная встреча	56
XII. Мечта, зовущая всё дальше	66
XIII. Побег	74
XIV. Продолжение монолога бабушки Хлут	80
XV. «Выродок гиены»	87
XVI. В обратный путь	92
XVII. Маленькие удачи	100
XVIII. Переправы, переправы	110
XIX. Детские игры	118
XX. Неспешные будни	123
XXI. Знакомство с черс	132
XXII. Дрессировщики	140
XXIII. В шестнадцать зим	144
XXIV. Оборона с отступлением	148
XXV. Перевал	155
XXVI. Пополнение	163
XXVII. Достойный отпор	168
XXVIII. О разном и о разных	174
XXIX. Любовь по-неандертальски	187

XXX. Цена предательства	195
XXXI. Сражения с черс	199
XXXII. Разномастное племя	205
XXXIII. Всё было бы замечательно	208
XXXIV. Война до истребления	212
XXXV. Обычный год	222
XXXVI. Новое пополнение	229

Том второй. Берингийский поход

I. С оглядкой на возвращение	237
II. Новое жилище	242
III. Вьюга	247
IV. Отпор в чистом поле	254
V. Побоище	258
VI. Новый переход	267
VII. Носороги против мамонтов	272
VIII. Охота на гиганта	282
IX. В пылу охоты	288
X. Бдительность	292
XI. У переправы	301
XII. Массовый мор	311
XIII. Тридцать тысячелетий до нашей эры	315
XIV. Три плюс два	321
XV. Охота на зубров	324
XVI. Просторы и их обитатели	329
XVII. Каменные великаны	334
XVIII. Эпидемия	340
XIX. Стоянка на Усть-Кове	344
XX. О мишках и не только	348
XXI. Одни, совсем одни	353
XXII. Много-много мяса	360
XXIII. Похищение	367
XXIV. Погоня	374

XXV. Разорванное сердце не может очаровать	379
XXVI. Зимние будни	384
XXVII. Снова в неизвестность	388
XXVIII. Тигры	393
XXIX. Эжанцынцы	398
XXX. Очередной конфликт	402
XXXI. Тихий бунт	407
XXXII. На морском дне	411
XXXIII. Покой им и не снился	417
XXXIV. Небесные дети	424
XXXV. Берингия	432
XXXVI. Где же вы в Америке	441
Словарь имён и терминов	448

Об авторе

Николай Николаевич Тимченко родился в 1950 году в Курагинском районе Красноярского края. Первая рабочая специальность – киномеханик. Службу в Советской Армии проходил в Приморском крае кинорадиомехаником.

Окончил Красноярский педагогический институт, работал учителем физики и астрономии в школах Кежемского района

Красноярского края, включая школу рабочей молодёжи и школу для осуждённых. Женат с 1977 года, имеет трёх детей и семь внучат. Неработающий пенсионер, житель г. Сосновоборск Красноярского края.

С 2012 года стихи и проза печатались в литературных изданиях Кемеровской области и в альманахах: «Чувства без границ» (Москва), «Истоки» (Москва), «Российский колокол» (Москва). С 2013 года – в изданиях Красноярского края: «Енисей», «Новый Енисейский литератор», «Енисейка» – альманах для детей, в литературном журнале для семейного чтения «День и ночь», в коллективных сборниках.

Николай Николаевич является автором трёх поэтических сборников (изд. «Союз писателей», г. Новокузнецк, 2015, 2016, 2018 гг.). В 2020 году вышел первый том, а в 2021-м – второй том повестей и рассказов «Жизнь глубинки без прикрас». В 2022 году изданы «Путешествия в далёкие лета» в жанре фантастическая реальность и «Легенды и были» для детей школьного возраста. В 2023 году вышла в свет книга «Сотворённый мир» в жанре фантастическая реальность. Все книги прозы выпущены издательством «Литера-принт», Красноярск.

В 2014 году Н. Н. Тимченко стал лауреатом межрегионального конкурса им. Игнатия Рождественского в поэтической номинации «Я себя не мыслю без Сибири». Член Союза российских писателей с 2021 года.

Литературно-художественное издание

Николай Тимченко

**Загадочное
давным давно**

доисторический роман

Редактор: Ольга Гуляева

Художник: Виталий Забара

Вёрстка: Виталий Овчаренко